Составитель
М. М. Мурдалов

Кавказ и Чечня — обозрение европейских ученых

Kaukasus und Tschetschenien. Ein Überblick der europäischen Wissenschaftler

Кавказ и Чечня – обозрение европейских ученых
Kaukasus und Tschetschenien. Ein Überblick der europäischen Wissenschaftler

Компьютерная обработка, набор текста Джабраил Муслимович Мурдалов
Иллюстратор Рахима Мурдалова
Набор текста Микаил Муслимович Мурдалов
Составитель М. М. Мурдалов

© Рахима Мурдалова, иллюстрации, 2022

ISBN 978-5-4496-2269-3
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Посвящается: Министру Культуры Чеченской Республики Дааеву Хож-Бауди Буаровичу

Введение

Очень часто историки Кавказа и Чечни в своих научных трудах и статьях упоминалось имя Бруно Плечке, но найти эту книгу мне удалось не сразу, ее выявить мне помог библиограф РНБ Наталья Пушкарева. Но самой книги о чеченцах найти не удалось, и я позвонил в Германию своей сестре Малике, и попросил ее найти в библиотеке эту книгу и прислать фотографию, но Малика и Мовсар нашли, купили и прислали мне оригинал книги, за что я им очень благодарен.

«Die Tschetschenen» изобиловал чересчур красочными литературными описаниями гор, рек, ущелий, дорог. Очень много непонятных в переводе на русский язык специфических чеченских терминов, усложняли перевод, помогало мое хорошее знание географии Кавказа, этнографии, этнологии, топографиии, топонимики, гидронимики, рек, название племен, гор, долин, ущелий и много других знаний способствующих к познанию тайн прошлого, родного Кавказа. Но в конечном результате я остался очень удовлетворен проделанной работой, потому что некоторые детали быта чеченцев вы сможете прочитать только из-за большой работы, которую проделал Бруно Плечке. Этот человек, проделавший громадную научную работу, автор многих трудов, был до сих пор, почти неизвестен. Детали его биографии, которые описаны ниже, буквально выцарапаны по строчкам из разных статей и трудов. Благодарю за помощь весь корпус библиографов РНБ в выявлении материалов библиографического и биографического характера. Особая благодарность сотрудникам отдела иностранной литературы РНБ. Очень часто в своей книге Плечке обращался к исследованиям ученого Артура Бихана, он часто ссылается и поэтому на его труд «Caucasienne civilisation» на французском языке. Эту книгу также не удалось найти в российских библиотеках. Я позвонил своему

хорошему человеку в Страсбург Дудаеву Али, и он нашел в интернете, купил оригинал этой книги, а затем прислал мне ее, за что ему огромное спасибо. Часть этой книги, также набрана Джабраилом и мы ее перевели с французского языка – также было непросто. Эта книга также изобилует деталями быта не только чеченского народа, но и других народов, которые ныне забыты и не упоминаются в научных работах. «Der Kaukasus und seine völker» в этом издании я посчитал что будет не лишним включить хотя бы небольшую часть книги ученого лингвиста Родерих фон Эркерта.

Настоящее издание дополненное и исправленное. Хвала Господину миров, что есть добрые люди, которые безвозмездно и беззаветно любят свою родину, это: Заур Ганаев Шамханович – несколько лет жил и учился в Европе, человек, который в совершенстве знает немецкий язык, очень талантливый и творческий человек, скоро должен выйти сборник его стихов. Аза Яхъяева Абдулвахидовна – кандидат филологических наук, она принадлежит к научной интеллигенции, автор многих статей и трудов, большая благодарность отцу, воспитавшую такую дочь. Также хочу выразить огромную благодарность Министерству Чеченской Республики за всестороннюю помощь, оказанную мне в архивных экспедициях за пределами ЧР и за помощь в публикации данного издания: министру культуры ЧР – Хож-Бауди Буаровичу Дааеву, и его первому заместителю – Милькиеву Рустаму Вахаевичу.

Мне думается, что у этого сборника будет много читателей и в Европе, так как эти источники до сих пор не являлись, широко в научном и общественном читательском обороте. Надеюсь, данное издание будет полезным для людей желающих знать свою историю, описанную и даже зарисованную очевидцами из Европы.

Мурдалов Муслим Махмедгириевич *Научный сотрудник КНИИ (РАН) им. Х. И. Ибрагимова.*

Этнограф, этнолог, библиограф

О авторах

Родерих фон Эркерт (1821—1900) – российский этнограф и офицер, действительный член Русского географического общества. Автор очерков по истории и этнографии западных губерний России и Кавказа, составитель этнографических карт и краниологических таблиц, участник составления монументального труда **«Этнографическое описание народов России»**, вышедшего в 1862 году под редакцией Густав-Теодора Паули. В книге **«Языки кавказской расы»** опубликованы первые в европейском языкознании материалы по некоторым дагестанским языкам, в том числе по цахурскому и каратинскому.

Бруно Плечке (1897—1942) – доктор наук, профессор географии Кенигсбергского университета, исследователь Маньчжурии, Туркестана, Кавказа, России, автор более 20 научных статей, монографий и картографических изданий. Участник Первой и Второй мировых войн, автор трудов **«Die Kaukasusländer»** (1935), **«Die Tschetschenen: Forschungen zur Völkerkunde des nordöstlichen Kaukasus auf Grund von Reisen in den Jahren 1918—20 und 1927/28»** (1929), **«Vom kulturellen Leben in den kleinen autonomen Gebieten des Nordkaukasus: Besprechung»** (1928).

Артур Бихан (Беом?) (1872—1942) учился у Густава **Вейганда** (Romance Languages), а позднее стал первым куратором Евразии в Гамбургском музее этнологии. он был специалистом по Северной, Центральной Азии, Кавказу, Северной и Восточной России и Финляндии. Он собрал экспонаты для музея в Венгрии, Румынии, Болгарии, России, Сербии, Хорватии, Македонии и Сардинии. Вышел на пенсию в 1938 году. На втором собрании ГАА (1936 год, Лейпциг) Бихан был избран заместителем председателя Общества. Среди его публикаций были **«Полярные народы»** (1909), **«Иллюстрированная этнология: в двух томах». «Европа и ее периферия»**, том 2 (1926),

«Вклад в фольклор гагаузов» (1933), **«Кавказская цивилизация»** (1936).

Über Autoren

Roderich von Erkert (1821—1900) – Russischer Ethnograph und Offizier, Vollmitglied der Russian Geographical Society. Verfasser von Essays über die Geschichte und Ethnographie der westlichen Provinzen Russlands und des Kaukasus, Zusammenstellung ethnographischer Karten und kraniologischer Tabellen, Teilnehmer an der Vorbereitung der monumentalen Arbeit «Ethnographische Beschreibung der Völker Russlands», veröffentlicht im Jahre 1862 und herausgegeben von Gustav-Theodore Pauli.

Bruno Plechke (1897—1942) – Doktor der Geographie an der Universität Königsberg, Forscher der Mandschurei, Turkestan, des Kaukasus, Russland, Autor von mehr als 20 wissenschaftlichen Artikeln, Monografien und kartographischen Publikationen. Er nahm am Ersten und Zweiten Weltkrieg teil, dem Autor der Werke «Die Kaukasusländer» (1935), «Die Tschetschenen: Forschungen zur Völkerkunde des nordöstlichen Kaukasus auf» in den kleinen autonomen bereich des Nordkaukasus: Besprechung (1928).

ARTHUR BYHAN (1872—1942) étudie avec Gustav Weigand (Langues romanes) et devient plus tard le premier conservateur de l'Eurasie au Musée d'ethnologie de Hambourg. Il était spécialiste en Asie du Nord et en Asie centrale, dans le Caucase, en Russie du Nord et de l'Est et en Finlande. Il a rassemblé des expositions pour le musée en Hongrie, en Roumanie, en Bulgarie, en Russie, en Serbie, en Croatie, en Macédoine et en Sardaigne. Il a pris sa retraite en 1938. À la deuxième réunion de la GAA (1936, Leipzig), Behan a été élu vice-président de la société. Parmi ses publications, «Polar Peoples» (1909), «Illustrated Ethnology: in two volume». «L'Europe et ses périphéries», volume 2 (1926), «Contribution au folklore gagaouze» (1933), «Civilisation du Caucase» (1936).

«Кавказ и его народы»

По собственному опыту от Родерих фон Эркерт. С текстовыми изображениями и световыми печатями, краткими табличными результатами лингвистических и антропологических исследований и этнографической картой Кавказа. Лейпциг. 1887 год.

XI. Чеченцы

Если до сих пор описанные народы относятся к северу и к северо-западу Кавказа, то чеченцы, лезгины и кумыки (татары) являются жителями востока и севера-востока горного хребта и прилегающей равнины.

Чеченцы обитают в количестве около 180.000 на северном склоне горного хребта, который ответвляется в Северо-восточную сторону от главного хребта и резко вычерчивает географическую и национальную границы между Дагестаном и Чечней, лезгинами и чеченцами, и лежащую там равнину до Терека. Но не в закрытой группе, а в середине треугольника, образованного русскими колонизаторами, так что северо-западная граница Чечни, откуда образуются реки Фортанга и Сунжа и северная граница северного деления чеченцев Тереке, преграждая между ним и Сунжой параллельную возвышенность от населённой ими южной полосы.

Правые притоки Сунжи, спускающиеся параллельно от хребта на север, прорезают территорию глубокими и узкими долинами или, скорее, оврагами; следы от чрезвычайно могучих и густых лесов в настоящее время сохранились только на отдельных участках, которые пробиваются сквозь поля и часто покрывают их группами деревьев, в то время как, ещё есть места, где они лежат в том же месте, где они стояли. Тяжелые лесные войны русских против чеченцев, которые совершали набеги с тыла, обеспечили прокладываемый ими по успешной системе путь, вырубка лесов и отстраивание базовых укреплений, и так все дальше и дальше, и таким образом враг загонялся все дальше в тесные леса, что в итоге привело к падению власти Шамиля в Ведено, и который бежал в Дагестан, позже сдался в плен русским.

Аргун делит Чечню на восточную или большую, которая простирается до Ичкерии и западную, маленькую; однако обе

охватывают лишь прихребтовые равнины, в то время как Ичкерия – это горная Чечня.

Чеченцы на короткое время были политически и религиозно связаны с лезгинами, под энергичным и жестоким правлением Шамиля в проповедуемой им борьбе против русских. Но они национально-отдельный, самостоятельный народ и о возможном родстве с лезгинами или другими народами до сих пор ничего не известно, и, вероятно, более детальное изучение их языка – это единственный путь выяснить это.

Поскольку они не владеют письменным языком, как и все так называемые горные народы Кавказа, то их национальные сказания крайне ненадёжные и колеблются. Но кажется, что первые племена жили в центральной области, то есть там, где по-прежнему живут тушинцы, говорящие на родственном грузинскому языке.

Чем дальше на восток и запад, тем моложе выглядит поселение, как, например, самое молодое на южном берегу Терека, которое возникло лишь в результате войн с русскими, которых они хотели узнать лучше и иметь перед глазами и на доступном расстоянии.

Возможно, они являются относительно поздними иммигрантами и так же как и другие иммигранты на северном Кавказе – перемещенные или вытесненные в походах, или они являются остатками национально разведённых скоплений монголов и татар 13-го века, или более ранними, правившими Южной Россией азиатскими народами.

В арабских записях, говорится о живущих в этих местах хазарах, осетинах, и самих Гурджи (грузинах), но не упоминаются чеченцы под конкретным именем, что, возможно, говорит о только что высказанном предположении, что они прибыли относительно поздно в свои нынешние места жительства, как они сами считают – из узко ограниченных поселений в горах.

Название чеченцы, которым они сами себя не называют, происходит от одного аула в их регионе – Чечен, который был известен со времён кампании Петра Первого в Персию, и лежит

в низовьях Аргуна, они сами называют себя Нахчой, где «нах» значит народ, и «чой» медведи; в соседней Аварии (лезгины) это означает масляный человек, что вероятно лишь случайно, так как это слово у них находится в пользовании. Различные наименования раньше использовались русскими, были местными и переносными, но исчезли, когда весь народ стал подчинённым и известным.

В настоящее время русские проводит различие между Галгай и ингушами, но чеченцы называют их общим названием Галгай. Другие племена – Назрановцы, Галашевцы, Карабулаки, которые раньше жили в Датыхском ущелье и по большей части уехали в Турцию, те, кто остался позади, затем отправились в Сагопчи, на реке Пседах, в аул Чечен, но все собирательным именем называются Нахчой.

Те, которые живут у слияния Митчик и Гумс (притоки справа от Белой, которая впадает в Сунжу), то есть уже совсем на равнине, где преобладают многие татарские наименования, называют себя Мичик, от которого возникло общее название Мисджеги. Ичкерийцев даргинцы называют Митчи-хидш, то есть «жители районов, где растёт много проса». Кумыки также называют чеченцев Митчи-гишами; андийцы – чеченцев аргунской области – Тад-Буртиял (на или у Буртияла). Остальные территории вокруг Ведено называются Нахчи-мохк. У реки Асса (западнее Аргуна) и вверху Аргуна, то есть в центральной части Чечни, есть племена помимо Галгай: Цоринцы, Митхо, Майсту и тд.

Восточные чеченцы (ичкерийцы и ауховцы), называют себя Акинцами, кумыки и аварцы – ауховцами, Галгай и Акка на западе – Арар-аккинцами и Лом-аккинцами.

Чингисхан, правитель и предводитель монголов, завоевавших всю среднюю Азию, достиг прежде всего племён Ногайцев, при переходе из западной Азии на Кавказ, сначала в Дагестан, который ещё несколько веков назад не включал нынешний гористый Дагестан, Лезгистан, а лишь соседний прибрежный район Каспийского моря. Отсюда Чингисхан, вероятно, проник естественным путём

на соседнюю кумыкскую равнину к северу от него, затем в Ичкерию (горная земля на реке Аксай, которая переходит на северо-востоке в степь), на территорию западного Аргуна и собственно в более северную Чечню (имя, которое возникло у них гораздо позднее время). Далее он укрепил свою власть здесь путём установки башен, которые в основном находились при входе и выходе из долины и имели стратегическую и политическую цели.

Народные и воинские передвижения Чингисхана и его преемников (как и во времена Аттилы, и всегда со стороны азиатских племён и орд), в одной и той же области, вытесняли жителей, освобождая места, или они смешивались с ними. Так было и здесь в подобных условиях. Различные взгляды и влияние разных языков – последствия таких перемещений и взаимовлияний.

Примерно через полтора столетия после Чингисхана появился подобный лидер и правитель, который, руководствуюсь ненасытными амбициями и завоеваниями, вёл на Волгу свои, в основном, кочевые народы для как можно большего привлечения других, чтобы укрепить свои силы, пока он не потерпел поражение в 1380-м году в большой битве с русскими на Куликовском поле на Дону, в честь, которого победоносного Дмитрия прозвали Донским.

Мамай долгое время находился в своей резиденции к востоку от Ставрополя на реке Кума, недалеко от Бургон-Маджари, где гордо принимал князей покоренных народов, дань и подарки. Здесь Михаила, князя Тверского, замучили до смерти, потому что он не желал склонить колено перед Мамаем, в память об этом позже здесь был построен монастырь. От старого Кирпичного фундамента и даже от монетного двора Мамая ещё видны кое-где остатки.

Вопрос о том, имеет ли название деревни Маджари историческое значение или является татарским словом, остается открытым. Добавление Бургона происходит от того что во времена Екатерины второй здесь жил богатый помещик польской национальности,

который выращивал отличный Бургундский виноград и поставлял в Петербург вино императрице.

Воюющие в отряде Мамая народы из Половцев, Турков, Черкесов, яссов (осы, осетины, асы), евреев (проживавших на Кубани, возможно Хазаров, которые были еврейской религии), армян и крымских генуэзцев, которые при его правлении представляли внешнее целое, но лишенное национального и нравственного единства, так как ими двигали эгоистические или навязанные им интересы. После поражения Мамая они распались и разошлись, уставшие от борьбы, ослабленные и оттесненные по разным направлениям в более крупных или мелких общинах и кучах в безопасные или отдалённые районы.

В Ичкерии остатки ранее побеждённых Чингисханом жителей, чьи могильники находятся в Герзель-ауле (Хасавюрт, Яхсай-юрт) и Майр-тупе (к западу от него и основные лагеря) и часть которых жили у Аргуна и в Дагестане, в плохо устроенных районах, были легко покорены Мамаем, так что правящее племя Ногайцев предпочло переехать из старой привычной местности в степь и на равнину, которых сегодня называют кумыками. Для этих кумыков покинутое ими земля называлась теперь Ичи-Гери (Ичкерия), то есть «середина равнины, окружённая холмами» или «старый центр ранее могущественных, ставших бедными и слабыми людей», отсюда и название.

Мамай, будучи правителем, оставил здесь Бек Яхсая, которые дал народу национальные обычаи и учреждения, в результате этого они в благодарность назвали главную реку области Яхсайская река, из которой возник Аксай. Другие орды Мамая, уставшие от войны, переехали в ещё более отдалённые и заповедные районы в горах, так андийцы (лезгины) как еврейский отряд, акушинцы (лезгины) как армянский, Цудахары (лезгины) как грузинский и тд.

В относительно позднее время все эти и другие племена были обращены в ислам, которые постоянно укоренялся здесь, тем более

что христианская религия действовала исключительно внешне и, следовательно, никогда не действовала глубоко.

Согласно многим преданиям, следует отметить, что область на Аргуне, центр Чечни (теперь довольно переместился на запад) была их первым поселением, на что указывает аулы Чечен и Нашахе (в верхнем Чанти-Аргуне), последними пришли Ичкерийцы, которые занимали лучшие безлесные места, в которых они позже были из-за увеличения числа и притока стеснены.

Это должно было привести к трением и враждебности: привычки, религиозные взгляды, которые порождали в союзе с дикой природой и со своими полезно и вредно действующими явлениями всевозможные суеверия, так что каждый человек или семья, реже большая общность верили в особые природные силы и создавали себе собственных богов или идолов.

Без письменности, без обучения и порядка, жители Ичкерии, которые были, вероятно, в значительной степени различных национальностей, дичали и приходили в упадок. Таким образом, браки с християнинами, иудеями и другими заключались из-за нехватки женщин, их крали у соседей или врагов, последствия чего заметно и по сей день. Рождённые в таких смешанных браках невольно принимали различные воззрения и обычаи разных родителей. И на язык такое должно было воздействовать. Поэтому мы находим в чеченском грузинские, кумыкские, русские слова и наименование мест. Такие состояния могли продолжаться несколько столетий, так что в результате этого здесь сложился народ, который Ичкерийцы называют так «который не имеет никаких законов»: «Цаа-дин-боцунах». И хотя район и условия жизни имели некоторые совпадения, но эгоизм, беззаконие, грабёж, воровство и месть приводили к упадку и, наконец, к убеждению в том, что нужно создать нечто твёрдое, общее, с какой целью различные большие семьи или родовые круги решили собраться на горе Кетеш-Корт вместе, чтобы совместно обсудить и установить нравственный

закон Адат, которому подчинялся весь народ, допуская лишь незначительные исключения в некоторых местах.

Название горы Кетеш-корт, недалёко от аула Цонтари, между Аксаем и средним ходом верхней Белая, к востоку от Ведено, Буквально означает на чеченском языке («кеттеш» – он пришёл, он понял, он встретил, «корт» – голова, возвышенное место) «гора встречи»; она считается священным местом у чеченцев из-за своего исторического возраста и высокой цели, которой она служит. Курган на высоком возвышении был собран руками человека, как гласит предание.

Это место, как центр Ичкерии, всегда служило местом сбора старейшин Ичкерии, которые все больше и больше требовали принятия общих правил, основанных на обычаях и культуре общения, названных адатом. На горе Кетеш-Корт разрешались не только споры и разногласия, решения которых принималось старейшинами, но здесь также рассматривались, если оказывалось необходимым, особенно в результате прогрессирующего развития, изменения Адата. Как только оказывалось, что возникли спорные вопросы, которых раньше не было, старейшины отправлялись в «первобытное гнездо» или прародину Нашахе, чтобы там принять решение, так как по мнению ичкерийцев и чеченцев, в узком смысле, там царят самые чистые и правильные привычки и обычаи, так что ещё недавно недовольный решением ичкериец соглашался с решением, принятым здесь.

Без сомнения, молодые, поздние выходцы из Нашахе были главными зачинателями Адата, так как они пришли из более образованных, прочных и старейших поселений в дикие и пустынные. Должно быть, в Нашахе существовало поразительное сообщество жителей, которые питались из общего котла (вероятно, из нескольких, но общих), который считался символом дружбы и братства жителей, которые были призваны делить одну судьбу.

Чеченский язык имеет свое самое компактное распространение на правом берегу реки Сунжи, вдоль её притоков, только на верхнем

Чанти-Аргуне говорят по-грузински. Вторая большая языковая группа расположена к северу от Терека. К востоку составляют границу Ярыксу и Акташ до их выхода в кумыкскую равнину, на западе – Камбилеевка (приток Терека) и Терек сам в ущелье Джерахов. Наиболее распространённым среди диалектов является равнинный.

Особенностью чеченского языка, как и аварского, является наличие средних или острых страдающих временных слов. Чтобы показать действия перемещения объекты речи используется инструментально, но сам объект, на который направлено действие, остается в именительном падеже.

Диалект Ичкерийцев, хотя и относительно старый, образовался в результате вышеперечисленных обстоятельств, в основном, в Нашахе, «родовом гнезде», в котором он скорее спокойно собирался из различных элементов. То, что это произошло, подтверждается тем, что по преданию первые жители Аргунских и Ичкерийских гор говорили на одном языке (и жили по тем же нравам и обычаям, что и в современном районе Аргуна, в северной части Ичкерии, в Чечне и других районах, которые густонаселены чеченцами), который распространился там как следствие увеличения численности народа.

При точном исследовании выясняется, что диалект Нашахе такой же как у Галгай, в то время, как последний отличается от Шатойцев, Чеберлоевцев, и других, которые имеют небольшие различия с диалектами Чечни и Ичкерии, однако это не исключает различия последних между собой. Диалекты Нашахе и Галгай ближе к нынешнему району Аргуна, чем к Ичкерийцам и жителям Чечни.

Рядом с аулом Нашахе расположен, по заявлению чеченцев, аул Керстан или Керстан-Акки, то есть место христианина Акка. Это обстоятельство указывает на то, что христианство пришло сюда из соседней Грузии, которая в начале четвёртого века стала христианской благодаря святой Нине, и где оно непрерывно и твёрдо противостояло религиозным, политическим и национально

враждебным могущественным соседям: туркам, персам, татарам и горным племенам.

В Ичкерию христианство принесли некоторые личности, которыми больше двигало чувство независимости, чем святость, но, так как в ущельях закрепились разные языческие взгляды, христианство здесь не уживалось, к тому же не было влиятельного и учёного проповедника. Такое положение сохранилось до 722-го года, то есть 400 лет после того, как арабы начали распространять ислам и вытеснять язычество.

Рядом с аулом Белгатой, недалёко от Дарго, к востоку от Ведено, находятся два высоких кургана, которые служили религиозным святилищем и местом паломничества. Оба кургана сохранили свои имена до наших дней: Стелла и Ерда.

Позднее христианство, кажется, проникло во многие области, и, по-разному, в разные времена, (указывают многочисленные признаки) в том числе и крестовые украшения на различных древних сооружениях, и кое-что другое. В качестве доказательства того, как и вообще грузинского влияния, также может служить то, что в самом начале 17-го века (1603), когда грузины попросили помощи у московского царя Годунова (как брата по вере), тот послал эмиссара в Грузию, чтобы сориентироваться на месте о том, что необходимо. В Чечне его встретил наследник престола Грузии, чтобы принять его на границе своей территории и своих единоверов, как это часто и особенно принято на востоке, и то что эта встреча могла состояться, если Чечня не была бы христианской и подчинённой, также трудно допустить как и объяснить. Это также согласуется с тем фактом, что многие населённые пункты чеченской области носят грузинские названия, и, согласно преданиям, горные районы, как правило, подчинялись грузинам.

Чеченцы испытывают особую симпатию к кабардинцам, которых они называют деликатными людьми и от которых они часто перенимают обычаи и моду, например, ногайка (короткий кнут),

бурка, усыпанные серебром ремни, всё то, что кабардинцы делают лучше.

Они называют лезгинов, соседей на юге, Сюли, кумыков – гумки. Их рассказы, легенды и предания носят такой характер, что все молодые люди должны быть героями. Женщины выполняют всю работу в доме и на поле, но не косят сено, они также не собирают дрова в лесу, режут колосья обычным сербом и не пашут поле. Если в доме нет мужчины, то помощь соседей предоставляется бесплатно. Гостеприимство очень развито, так что в бедственные времена соседи собирают всё необходимое, чтобы принимающий мог достойно принять гостя.

Семьи остаются как можно ближе друг другу, им кажется пренебрежительным расставаться, хотя теперь это происходит чаще; младший брат не может жениться раньше, чем старший. Процветание значительно возросло после окончания войны против русских (1859). Вы можете найти лучшие дома, одежду, обстановку и еду. Русский самовар очень распространён для приготовления чая, картофеля, огурцов и арбузов. Хлеб в основном сделан из кукурузной муки, а плоский осетинский и лезгинский хлеб – только из пшеничной.

В целом, чеченцы более красивы, чем лезгины и осетины, а также демократичнее, не знают сословий, но значительно отличаются от Черкесов, которые благороднее по своей природе и манерам.

Поразительно широко распространён еврейский тип в Ичкерии и Аухе, в то время, как специфический арабский встречается очень редко, но если встречается, то благородного типа. Из кратких исторических намёков, особенность распространённости еврейской веры среди хазар, которая вероятно была принесена многочисленными евреями и сохранилась (это явление, которые также выделяются в Дагестане и на остальном Кавказе), частично объяснима.

Образованные чеченцы и полководцы Шамиля имеют в большинстве еврейского типа, но утверждают, что они являются

выходцами из Шама (Дамаск), доказывая этим благородство своего арабского происхождения со времен начала распространения исламской веры, которая чеченцами слабо принималась до 1840 г. Внешнее сходство чеченцев и евреев притянуто за уши.

Чеченец в целом, лучше и со вкусом одет, чем лезгин, с которым он схож по характеру, умнее и хитрее, хотя такие обобщение делать трудно. Женщины красивее и менее угнетенные, чем лезгинские, так при встрече гостей по бокам мужчины бывает несколько женщин/девушек, принадлежащих к дому, в котором ожидается посещение.

Красивые и живописные горные образования покрытые густыми лесами и омываемые реками, плодородные паля, орошаемые частыми ливнями, являются двумя восточными областями чеченцев, именно Ауховцев и Ичкерийцев, самой богатой, традиционно-военной областью кавказских войн, которая тянется на восток и ограничена высоким крутым гребнем на севере, отделяющим Дагестан от земли чеченцев; этот хребет Сала-тау переводится как «красивые горы». На коротком восточном склоне этого хребта к Сулаку живут лезгины (тавлинцы), но имеют несколько смешанный тип.

По направлению рек на север, куда ведут коммерческие связи и дороги – на северную равнину, и крупные с запада на восток, от Владикавказа до порта Петровска и столицы Дагестана, Темир-хана-Шуры, проникновение в Ичкерию и Аух особенно легко и оправдано, если пройти по ее многократно извилистым долинам вверх по степи через территорию к гористому и горному ландшафту, то здесь возвышенности между реками не представляют особых трудностей, хотя, конечно, это говорится не в европейском смысле этого слова; двухколесная арба, благодаря простоте конструкции, проходит гораздо легче, чем четырехколесное транспортное средство.

С запада Ичкерия ограничена большой красивой естественной дорогой, которая ведет из западного и центрального Дагестана в долину Харачой, которая в нижней части называется Белой и течет

в Сунжу. Далее дорога ведет в Грозный, административный центр и раннее военный пост. У этой дороги лежит Ведено, в 1000 м. выше, последняя резиденция имама Шамиля, в романтической, охваченной лесами долине высоко в горах.

Те, кто ищет не особо грандиозные, но красивые, привлекательные и богатые горы, воды и леса, интересные и разнообразные пейзажи, найдут этого вдоволь здесь. Внезапный совершенно непередаваемый контраст между серой, грубой и скалистой землей Дагестана и зеленой мягкой и красочной землей Ичкерии; оба разделены только высокой острой горной стеной, на отлогости этой стены находятся Ичкерия и Аух.

Вышеупомянутая дорога ведущая с запада на восток к югу от Терека проходит по равнине непосредственно вдоль подножия этой отлогости. Терек, представляя собой ров, был одновременно первой главной линией атаки русских и параллелью, вдоль которой располагались линии казаков, которые вытеснили чеченцев с севера и запада от Сунжи. Следующая зона нападения была южнее, у подножия только что упомянутой отлогости на выходе рек из горной местности, обозначенных сегодня еще военно-полицейским значением, населенными пунктами, штаб-квартирами: Чири-юрт, Хасав-юрт, Герзель-аул и Воздвиженская западнее Аргуна.

Ведено, и раньше Дарго, к востоку от него, а также Ахульго, были временными резиденциями Шамиля и поэтому были выбраны в качестве конкретных объектов нападения русскими военными, боевые успехи оплачены дорогой ценой.

Любая передача понятий, которые происходит от размышления, может иметь место лишь в том случае, если основные условия, которые привели к ним, одинаковые и похожие.

Если в Европе завоевание и оккупация столицы противника обычно знаменует решающий поворотный момент в войне и рассматривается как основная цель, то здесь, в Чечне и Дагестане, в войне против Шамиля это не имело значения, хотя неоднократно считалось, что с падением его резиденции падет и его власть.

Русские не поняли главную вещь – что резиденции здесь не имеют ни политического, ни стратегического значения.

То, где Шамиль разбивал лагерь, временно или надолго, среди соплеменников, живших в глубочайшей бедности, где он управлял и проводил операции, было совершенно безразлично. Каждый аул был похож на другой и не имел значения, это был всего лишь временный лагерь Шамиля, который вместе со своими мюридами (выбранными им из наиболее надежных, преданных, энергичных и трудоспособных молодых людей) наблюдал и охранял, и был духовным лидером. Сами места остановок выбирались только в зависимости от сложившихся обстоятельств.

Иначе обстояло дело с последней резиденцией Шамиля – Ведено. Считалось, что падение резиденции положит конец правлению Шамиля, но его власть зависела не от места, а от его личности, неважно откуда он действовал. После того, как князь Барятинский, человек с европейским образованием и культурой, благородного происхождения и воспитания, личность с характером, благородной солдатской природы, благодаря опыту и знаниям предвидел падение Шамиля и потому все теснее загонял Шамиля в Ведено, последнюю резиденцию, хотя сам он и дагестанец и в Дагестане начал свою борьбу, но в основном нуждался в Чечне и ее военной и стратегической помощи, а так же в ее материальных средствах, которые Дагестан не мог долго поставлять. Так пала с последним оплотом в Чечне, Ведено, вдруг и полностью вся его власть и все его влияние.

Таким образом, речь шла не в резиденции Шамиля, а о самом Шамиле, а, прежде всего, о его последнем оплоте и власти у чеченцев. Так как, спустя несколько месяцев, Шамиль в Дагестане сдался князю Барятинскому, уже будучи бессильным беглецом, и его падение и конец войны на восточном Кавказе все же ознаменовались захватом Ведено.

Ведено на высоте почти 1000 м над уровнем моря, как и большинство чеченских населённых пунктов, от которых он

в настоящее время существенно отличается военными и административными сооружениями, является населённым пунктом, окруженным фруктовыми садами и другими деревьями, занятым и, как и вообще чеченские аулы, дружелюбным, особенно в сравнении со скалистыми и каменными сооружениями и замками Дагестана.

Дома больше построены из глины и дерева, только большинство из них имеют плоские восточные крыши, которые чрезвычайно безопасны при пожарах, но при продолжительным дожде оставляют желать лучшего.

В окрестностях Ведено были найдены останки доисторического животного, (которое под более пристальным вниманием в Петербурге и Берлине) оказались челюстью и хребтом рыбообразного, принадлежащего к роду Китов и длиной более 3 м.

Во время последней войны русских в Турции и малой Азии чеченцы, особенно лезгины, возмутились и подняли восстание, которое, конечно, не имело большого успеха или политического значения, но всё-таки могло нанести много местного и личного вреда. Восстание было вскоре подавлено без каких-либо особых последствий, но удержало две русские пехотные дивизии на постоянной основе и нанесло некоторые ущерб в Дагестане. Поскольку повстанцам не хватало проницательного энергичного лидера, то повстанцы начали бунт случайным образом и с полным незнанием обстоятельств, хотя многие, которые были увлечены им, занимали определённые позиции при Шамиле.

В течение нескольких лет администрация добилась значительного прогресса в Чечне, хотя институт мирового суда, введённый слишком рано, не мешал тому, чтобы в Чечне, даже на почтовой дороге, на севере, и среди ингушей, в непосредственной близости от Владикавказа, случались грабежи и набеги.

При чрезвычайной плодородности земли и, пересекающей в скором будущем всю область на севере, железной дороги из Владикавказа в Петровск, то при достаточном населении

и соответствующей администрации предвидится красивое и процветающее будущее с определённостью.

К югу от Грозного, который является настоящим лихорадочным местом, вверх по Аргуну, за Воздвиженской, а также на всей равнине от Владикавказа до Петровска, много курганов, которые встречаются здесь в более высоком месте возле Аргуна. В окрестностях Воздвиженской насчитывается более 100 различных размеров курганов высотой до многих метров, так что на них установлены часовые посты.

Раскопки некоторых Курганов ничего особенного не показали, в них было несколько кусков железа и ножей. По свидетельству чеченцев, как они говорят, курганы заложены калмыками. Далее до Шатоя, где есть башни, пролегает путь, уже использовавшийся в древние времена через горы в Грузию и эти башни здесь скорее грузинские, для защиты от нападения с севера.

«Der Kaukasus und seine Völker»

Nach eigener Anschauung von **Roderich von Erckert**. Mit Textabbildungen und Lichtdrucken, kurzen tabellarischen Resultaten linguistischer und anthropologischer Forschung und einer enthnographischen Karte des Kaukasus. Leipzig. 1887.

XI. Tschetschenzen

Wenn die bisher geschilderten Völkerschaften dem Norden und Nordwesten des kaukasischen Gebiets angehören, so sind die Tschetschenzen, Lesghier und Kumyken (Tataren) die Bewohner des Ostens und Nordostens des Gebirges und der unmittelbar daranstossenden Ebene.

Die Tschetschenzen bewohnen in der Zahl von etwa 180,000 Köpfen den Nordabhang des Gebirgszuges, der sich in ostnordöstlicher Richtung vom Hauptkamm abzweigt und die scharf gezogene natürliche und nationale Grenze zwischen dem Daghestan und der Tschetschna, den Lesghiern und Tschetschenzen bildet, – und die davor liegende Ebene bis zum Terek; aber nicht in geschlossener Gruppe, sondern in der Mitte durch ein von kolonisirten Russen gebildetes Dreieck gesprengt, so dass die Nordwestgrenze des Hauptgebiets der Tschetschenzen, von der Fortanga und Ssunsha (einem rechten Neben- und Parallel-Fluss des Terek) gebildet wird und die Nordgrenze der nördlichen Abtheilung der Tschetschenzen der Terek bildet, zwischen dem und der Ssunsha eine parallele Erhebung den von ihnen bewohnten Streifen südlich begrenzt.

Die vom Gebirgskamm parallel nach Norden herabströmenden rechten Nebenflüsse der Ssunsha durchschneiden das Gebiet durch tiefe und enge Thäler, oder vielmehr Schluchten in sehr bemerkenswerther Weise. Von den ausserordentlich mächtigen und dichten Wäldern ist jetzt meist die Spur nur in einzelnen Waldparzellen erhalten, welche die Ackerflächen durchbrechen und in einzelnen hübschen Baumgruppen häufig bedecken, während es noch grosse Stellen giebt, wo die vor Jahrzerfressen auf derselben Stelle liegen, wo sie gestanden hatten. Der so beschwerliche Waldkrieg der Russen gegen die Tschetschenzen, der in Ueberfällen aus Hinterhalten ihrerseits geführt wurde, bahnte endgültig dem siegreich durchgeführten System den Weg, breite Durchhaue zu machen und an

deren Enden kleine Befestigungen anzulegen, um vorgeschobene Operationsbasen zu gewinnen und den Feind immer mehr einzuengen, der in der Tschetschna seine Hauptkämpfer und Kampfmittel fand, so dass mit dem Falle Wedeńs Schamyĺs Macht und Herrschaft zu Ende war, da er alles Ansehen verlor und nur noch als Flüchtling mach dem Daghestan elite, um sich bald darauf den Russen zu ergeben.

Der Argun theilt die Tschtschna in die östliche oder grosse, die bis Itschkerien sich ausdehnt, und die westliche, die bis Itschkerien sich ausdehnt, und die westliche, kleine; beide begreifen aber nur die dem Gebirge vorliegende Ebene, während Itschkerien die Berg-Tschetschna bildet.

Die Tschetschenzen gehörten eine kurze Zeit lang politisch und religiös mit den Lesghiern zusammen, unter der energischen und grausamen Herrschaft von Schamyl in dem von ihm gepredigten und geführten Glaubenskampf gegen die Russen. Sie sind aber ein national getrenntes, selbständiges Volk, über dessen mögliche Urverwandtschaft mit den Lesghiern oder andern Völkern bisher nichts feststeht, und dürfte näheres Erforschen ihrer Sprache jetzt wohl den einzigen dazu führenden Weg bieten.

Da sie keine Schriftsprache besitzen, wie alle sogenannten Bergvölker des Kaukasus, so sind auch die nationalen Ueberlieferungen äusserst unzuverlässig und schwankend. Es scheint aber, als ob die ältesten Stammsitze in ihrem mittleren Gebiet gelegen haben, d. h. wo weiterhin Thuschen wohnen, die in einer Gemeinde sprachverwandt sind, aber sonst als grusinischer Stamm gelten. Je weiter nach Osten und Westen hin, desto jünger scheint die Besiedlung zu sein, wie die allerjüngste am Südufer des Terek erst in Folge der Kriege mit den Russen geschah, welche sie mehr unter Augen und in zugänglicher Gegend, getrennt von ihren Hauptsitzen, wissen wollten.

Vielleicht sind sie verhältnissmässig späte Einwanderer, und ebenfalls wie andere im nördlichen späte Einwanderer, und ebenfalls wie andere im nördlichen Kaukasus auf Wanderungen vorbeigezogen oder abgedrängt worden; oder sie sind Reste von national

geschiedenen Heerhaufen der Mongolen und Tataren des dreizehnten Jahrhundert, oder früherer, das südliche Russland beherrschender asiatischer Völker.

Arabische Aufzeichnungen, die in diesen Gegenden von Chasaren, Osseten und selbst Gurdsh (Georgier) sprechen, erwähnten nichts von den Tschetschenzen unter irgend einem Namen, was vielleicht für die eben ausgesprochene Annahme spricht, dass sie erst verhältnissmässig spät in ihre gegenwärtigen Wohnsitze kamen, was ja zum Theil von ihnen selbst insofern angegeben wird, als sie sich grösstentheils als Auszügler aus eng begrenzten Stammsitzen im Gebirge ansehen.

Der Name Tschetschenzen, den sie selbst sich nicht geben, stammt von einer grossen Ortschaft ihres Gebiets, Tschetschen, die seit dem Feldzuge Peters des Grossen nach Persien bekannt ist und am untern Argun liegt; sie selbst nennen sich Nach-tschoi, wo «Nach» Volk bedeutet, aber auch Bär; im benachbarten Awarischen (Lesghischen) würde es Buttermensch bezeichnen, was wohl nur zufällig ist, da der Name Nach-tschoi bei ihnen selbst gebräuchlich ist. – Die verschiedenen früher bei den Russen üblichen Namen waren lokale und über und übertragene Bezeichnungen, die dann verschwanden, als das ganze Volk unterworfen und bekannt wurde. Die Russen unterscheiden gegenwärtig die Galgaier und Inguschen, aber die Tschetschenzen nennen sie beide mit dem gemeinsamen Namen Galgaier. Andere Stämme sind die Nasranower, Galaschewer, Karabulaken (die früher in der Schlucht Datyrchsk wohnten und grösstentheils nach der Türkei zogen; die Zurückgeblieben zogen dann nach Ssaraptscha in der kleinen Tschetschnia am Flusse Pseduch und Tschetschen); aber alle heissen mit dem Gesammtnamen Nach-tschoi. Die, welche am Zusammenflusse des Mitchik Gums (Zuflüsse, von rechts der Bjelaja, die in die Ssunsha mündet), also schon ganz in der Ebene wohnen, wo viele tatarische Namen vorherrschen, nennen sich Mitschikóer, woraus ein verstümmelter Gesammtname Misdchégi entstanden war. Die Itschkérier werden von den Darginern (Lesghiern) Mitschi-chidsch, d. h. Bewohner von Gegenden, wo viel Hirse wächst,

genannt. Die Kumyken nennen die Tschetschenzen ebenfalls Mitschigysch; die Andier nennen die Tschetschenzen der nördlichen Ebene sind die spätesten und unfreiwilligsten Uebersiedler.

Einige Ueberlieferungen der Itschkerier mögen hier ihren Platz finden, da sie ein Streiflicht nicht allein auf die Abstammung, Verbreitung und Zusammensetzung des Volks der Tschetschenzen, sondern auch auf die Art der Besiedlung des östlichen Kaukasus überhaupt werfen, mit anderen Ueberlieferungen übereinstimmen oder ihnen nicht widersprechen und menschlich und geschichtlich verständlich sind.

Tschingis-Chan, der Herrscher und Heerführer der die ganze Mitte Asiens besiegenden Mongolen, gelangte, vornehmlich an der Spitze der Nogaier-Stämme, bei seinem Vorrücken aus Westasien nach Kaukasus zuerst nach dem Daghestan, der bis vor wenigen Jahrhunderten noch, nicht sowohl den eigentlichen heutigen gebirgigen Daghestan, Lesghistan genannt, sondern den benachbarten Küstenstrich am kaspischen Meer umfasste. Von hier drang Tschingis-Chan wohl auf naturgemässem Wege nach der angrenzenden kumykischen Ebene nördlich davon vor, dann nach Itschkerien (Bergland am Akssai-Flusse, der sich nordöstlich in der Steppe verliert), dem Gebiet des westlich benachbarten Argun und der eigentlichen mehr nördlichen Tschetschna ein (Namen, die erst in viel späterer Zeit entstanden sind). Weiter vordringend befestigte er seine Macht hier durch die Anlage von Thürmen, die meistentheils am Aus- oder Eingange von den hier allgemein und politischen Zweck hatten.

Die Völker- und Heeres-Bewegungen Tschingis-Chańs und seiner Nachfolger (wie schon zu den Zeiten Attilás und wohl mehr oder weniger ähnlich und häufig immer von Seiten asiatischer Stämme und Horden) lösten in einem und demselben Gebiete die Bewohner ab, sie verdrängend oder sich mit ihnen mischend und wiederum Anderen Platz machend. So war es auch hier und unter ähnlichen Bedingumgen. Anschauungen verschiedenster Art und Einfluss verschiedener Sprachen waren die unmittelbarsten damaligen Folgen solcher

Wandlungen und Wanderungen. Etwa Anderthalb Jahrhunderte nach Tschingis-Chan trat ein ähnlicher Führer und Herrscher auf, der, von unersättlichem Ehrgeiz und Eroberungstrieb geleitet, seine meist an der Wolga nomadisierenden Völker so viel als möglich durch Zuzüge anderer, geworbener, zu verstärken suchte, ehe er 1380 zu dem Riesenkampf mit den Russen auf dem Kulikower Felde im Quellgebiet des Don schritt, der dem siegreichen Grossfürsten Demetrius (Dimitri) den Beinamen des Donischen (Donskoi) eintrug. Mamai hatte lange Zeit seine Residenz östlich von Stawropol an der Kuma unweit des Ortes Burgon-Madjari, wo er die Fürsten der unterworfenen oder Nachsicht erflehenden Völker stolz empfing und Tribut und Geschenke entgegennahm. Hier wurde Michael, Fürst von Twer, zu Tode gemartert, weil er sich vor Mamai nicht erniedrigen wollte; in Erinnerung hieran wurde später hier ein Kloster errichtet. Von alten Fundamenten aus Ziegeln und selbst vom Münzhof von Mamai werden noch Reste gezeigt. Ob der Name der Ortschaft Madjari eine historische Bedeutung hat oder ein tatarisches Wort ist, muss dahingestellt bleiben. Der Zusatz Burgon kommt daher, dass zu Zeiten Katharinás II hier ein reicher Gutsbesitzer polnischer Nationalität sass, der ausgezeichnete Burgunder-Trauben zog und den Wein in Petersburg der Kaiserin vorsetzte.

Die in den Haufen Mamaís kämpfenden Hilfsvölker aus Polowzen, charischen Türken, Tscherkessen, Jassen (Ossen, Osseten, Asen), Juden (am Kuban wohnend, vielleicht Chasaren, die jüdischer Religion waren), Armeniern und krimschen Genuesen bestehend und unter seiner Herrschaft zu einem gemeinschaftlichen Zweck ein äusserlich Ganzes bildeten, das aber des nationalen und moralischen Bandes entbehrte, da nur egoistische oder aufgedrungene Interessen es belebte, fielen von selbst nach der Niederlage Mamaís grossentheils auseinander und zogen, des Kampfes müde, geschwächt und gedrängt nach verschiedenen Richtungen in grösseren oder geringeren Gemeinschaften und Haufen fort, in sichere oder ferne Gegenden.

In Itschkerien waren die Trümmer der von Tschingis-Chan früher besiegten Einwohner, deren Grabstätten bei Gersel-A-ul (Chassaw-Jurt, Jachssai-Jurt) und Major-tug (westlich davon und Major-Lager bedeutend) liegen und von denen ein Theil am Argun und im Daghestan in wenig wirthlichen Gebieten lebte, leicht von Mamai unterworfen und beherrscht worden, so dass der herrschende Stamm der Nogaier es vorzog, aus alter Gewohnheit nach der Steppe und Ebene zu ziehen, die gegenwärtig die kumykische genannt wird. Für diese Kumyken gewann das von ihnen verlassene, nun Itschkerien genannte Gebiet die Bedeutung von Itschi-Geri (Itschkerien), d. h. der Mitte einer von Erhebungen eingeschlossenen Ebene, oder der Mitte eines früher mächtigen und herabgekommenen, armen, schwachen Volkes; daher auch der Name. Mamai hatte als Statthalter hier den Beg Jachssai zurückgelassen, der dem Volke die nationalen Sitten und Einrichtungen liess; in Folge dessen nannte dasselbe aus Dankbarkeit den Hauptfluss des Gebietes Jachssai-Ssu (Jachssai-Fluss), woraus Akssai entstand. Andere Haufen Mamaís, des Krieges müde, zogen nach noch mehr abgelegen und von der Natur geschützten Gegenden weiter iń́s Gebirge; so die Andier (Lesghier) als armenischer die Zudacharer (Lesghier) als grusinischer u. s. w.

In verhältnissmässig später Zeit wurden alle diese und andere Stämme zum Muhamedanismus bekehrt, der hier dauernd Wurzeln fasste, zumal die christliche Religion nur ganz äusserlich und daher nie tief gehend gewirkt hatte.

Nach übereinstimmenden Ueberlieferungen scheint festzustehen, dass die Gegend am Argun, die Mitte des Gebiets der Tschetschenzen (jetzt ziemlich nach Westen verschoben), und Naschaché (am oberen Tschanty-Argun) deuten, zumal natürlicher Weise die besten, waldlosen Stellen besetzten, in denen sie erst später durch Vermehrung und Zuzüge eingeengt und bedrängt wurden.

Solches musste zu Reibungen und Feindseligkeiten führen, zu diesen kamen noch fremd gewordene Begriffe, Gewohnheiten und religiöse Anschauungen, die im Verein mit der wilden Natur und ihren nützlich

und schädlich wirkenden, vielfach unerklärlichen Erscheinungen Aberglauben und allerhand Vorstellungen erzeugten, so dass je das Individuum oder die Familie, seltener eine grössere Gemeinschaft an besondere Naturkräfte glaubte und sich eigene Götter oder richtiger Götzen schuf. Ohne Schriftsprache, ohne Lehrer und ohne Gliederung und Ordnung verwilderten und verkamen die Itschkerier, die von Hause aus wohl theilweise verschiedener Nationaltät waren. So wurden Ehen mit Christen und Juden und anderen geschlossen und aus Mangel an Weibern solche von den Nachbarn oder Feinden geraubt, wovon die Spuren sich noch bis heute erhalten haben. Die aus solchen Mischehen Gebornen nahmen unwillkürlich verschiedene Anschauungen und Gebräuche der verschiedenen Eltern an. Auch auf die Sprache musste solches einwirken; daher finden wir im Tschetschenischen grusinische, kumykische und russische Wörter und Bezeichnungen von Lokalitäten. Solche Zustände mögen einige Jahrhunderte fortgedauert haben, so dass infolge dessen hier ein Volk lebte, welches die Itschkerier als ein solches nennen, das gar keine Gesetze besass: «Zaa-din-bozuschnach». Wenn auch Gegend und Lebensverhältnisse manche Uebereinstimmung hervorriefen, so liessen doch Egoismus, Rechtlosigkeit, Raub, Diebstahl und Rache nichts gedeihen und führten schliesslich zu der Ueberzeugung, etwas Festes, Allgemeines herstellen zu müssen, zu welchem Zweck die verschiedenen grösseren Familien oder Geschlechtskreise beschlossen, auf dem Berge Kettech-Kort zusammenzukommen zu gemeinsamer Berathung und Feststellung eines Sittengesetzes, «Adat» genannt, dem sich das ganze Volk unterwarf, nur geringe Ausnahmen, auf lokale Verhältnisse begründet, zulassend.

Der Name des Berges Kettesch-Kort, nahe dem Aul Zontari, zwischen dem Akssai und dem Mittellauf der oberen Bjelaja, östlich von Wedén, bedeutet auf tschetschenisch wörtlich («Kette – er kam hin, er verstand, er begegnete», – und Kort – Kopf, erhöhter Ort; also Kettesch-Kort) Berg der Begegnung; er wird bei den Tschetschenzen heilig gehalten, sowohl seines historischen Alters, als auch des hohen Zwecks wegen,

dem er diente. Der Kurgan (Grabhügel) auf hoher Erhebung wurde durch Menschenhände zusammengetragen, wie die Ueberlieferung lautet. Der Ort, als das Centrum Itschkeriens, diente ferner stets als Sammelplatz für die Alten der Itschkerier, deren Existenz immer mehr und mehr allgemein feststehender, auf Gebräuchen und Gewohnheiten beruhender socialer und Beziehungen und Vorschriften bedurfte, Adat genannt.

Auf dem Berge Kettesch-Kort wurden nicht allein alle Streitigkeiten und Zwistigkeiten geschlichtet, deren Entscheidung durch die «Alten» man sich unbedingt unterwarf, sondern hier wurden auch Abänderungen des Adat getroffen, wenn sie sich als nothwendig erwiesen, besonders in Folge fortschreitender Entwicklung. Sobald es sich zeigte, dass Streitfragen vorkamen, die man nicht vorhergesehen hatte, begaben sich die «Alten» nach dem Ursitz oder der Urheimat Naschaché, um von dort die Entscheidung zu holen; da nach der Meinung der Itschkerier und Tschetschenzen im engern Sinn dort die reinsten und richtigsten Gewohnheiten und Gebräuche herrschen, so dass noch unlängst ein mit der Entscheidung unzufriedener Itschkerier sich dorthin für endgültige Entscheidung wandte.

Ohne Zweifel waren die jüngern, spätern Auszügler aus Naschaché die Hauptursache und Haupturheber der Feststellung des Adat, da sie aus gebildeteren und fester stehenden Verhältnissen und ältester Niederlassung in wilde und wüste neue kamen. In Naschaché soll eine auffallende Gemeinschaft der Bewohner bestanden haben (etwa an Kasakenthum und überhaupt den Russen noch heute eigenen Associations-Geist und Trieb erinnernd, der vielleicht tatarischen Ursprungs, wie so Vieles bei ihnen ist); diese Gemeinschaft gab sich unter Anderem auch darin kund, dass die Bewohner von Naschaché aus einem grossen, gemeinsamen Kessel (wohl aus mehreren, aber gemeinschaftlichen) speisten, der als Symbol der Freundschaft und Brüderlichkeit der Einwohner galt, die sich gleichem Geschick zu unterwerfen gesonnen sind.

Das Sprachgebiet des Tschetschenischen hat seine kompakteste Verbreitung auf dem rechten Ssunsha-Ufer längs deren Zuflüssen, nur wird am oberen Tschanti-Argun grusinisch gesprochen. Die zweite grosse Sprachgruppe liegt nördlich getrennt am Terek. Nach Osten hin bilden der Jarykssu und Aktasch bis zu ihrem Austritt in die kumykische Ebene die Grenze; nach Westen die Kambiléjewka (Nebenfluss des Terek) und der Terek selbst in der Schlucht von Dsherachow. Am meisten verbreitet unter den Dialekten ist der der Ebene. Eine Eigenthümlichkeit des Tschetschenischen (wie auch des Awarischen) besteht in dem Vorhandensein von mittleren oder scharf leidenden Zeitwörtern; um eine Übertragungstätigkeit anzuzeigen, wird der handelnde Gegenstand aber, auf den die Thätigkeit gerichtet ist, im Nominativ.

Der Dialekt der Itschkerier, obwohl verhältnissmässig alt, bildete sich in Folge der oben angeführten Umstände um, hauptsächlich wohl in Naschaché, dem Stammsitze, in dem sie friedlich und aus verschiedenartigen Elementen sich zusammenfanden. Dass dies der Fall war, bestätigt sich dadurch, dass nach der Ueberlieferung die ersten Bewohner der argunischen und itschkerischen Gebirge ein und dieselbe Sprache redeten und nach denselben Sitten und Gebräuchen lebten, wie die im heutigen Bezirk von Argun, im nördlichen Itschkerien, in der Tschetschena und anderen Gegenden, die weniger dicht von Tschetschenzen bewohnt sind, da diese erst in der Folge sich durch Vermehrung ergiebt sich übrigens, dass der Dialekt von Naschaché ganz derselbe mit dem der Galgaier ist, während diese letzteren sich darin etwas von den Schatoiern, Tschaberlóern und andern unterscheiden, die wiederum eine Nüance mit den Dialekten der eigentlichen Tschetschna und Itschkeriens aufweisen, was nicht ausschliesst, dass sich bei den letztern gewisse kleine Unterschiedene je nach Ortschaften, zeigen.

Die Dialekte der Naschaché und Galgaier stehen dem des gegenwärtigen Bezirks von Argun näher, als denen der Itschkerier und der Bewohner der Tschetschna.

Nahe dem Aul Naschaché liegt, nach der Aussage der Tschetschenzen, der Aul Kereten oder Keretan-Akch, d. h. der Ort des Christen Akchai. Dieser Umstand weist darauf hin, dass das Christenthum hier aus dem benachbarten Grusien eindrang, das durch die heilige Nina zu Anfang des vierten Jahrhunderts christlich geworden war, und wo sich dasselbe ununterbrochen und fest gegen religiös, politisch und national feindliche mächtige Nachbarn: Türken, Perser, Tataren und Bergvölker erhielt. Nach Itschkerien brachten das Christenthum einzelne Persönlichkeiten, die mehr wohl aus Unabhängigkeitstrieb, als Apostel kamen; da aber in den Felsschluchten sich verschiedene Glaubensanschauungen zusammenfanden, so gewann der Bestand des Christenthums nur geringe Festigkeit, zumal keine Autorität oder feste Lehre es aufrecht erhielt. Ein solcher Zustand dauerte bis zum Jahr 722, also etwa 400 Jahre, wo die Araber mit Feuer und Schwert den Muhamedanismus einführten und das rohe und vielfach verschiedene Heidenthum verdrängten.

Nahe dem Aul Belgata, unweit von Dargo, östlich von Wedén, liegen zwei hohe Kurgane, die als religiöses Heiligthum und Wallfahrtsort dienten. Beide Kurgane haben bis heute ihre Namen erhalten; Stella und Jerda.

In späterer Zeit scheint das Christenthum in viele Gegenden und auf mancherlei Arten in verschiedenen Zeiten eingedrungen zu sein, worauf mannigfache Anzeichen hinweisen, so auch der Kreuzes-Schmuck an verschiedenen alten Bauten und einiges Andere. Als ein Beweis dafür, wie überhaupt für grusinischen Einfluss, dürfte auch dienen, dass ganz zu Anfang des siebzehnten Jahrhunderts (1603), als Grusien um Beistand bei dem Zaren von Moskau Gunóff (als Glaubensbruder) bat, dieser einen Abgesandten nach Grusien schickte, um an Ort und Stelle sich über das Verlangte zu orientiren. Ihm kam in der Tschetschna der Thronerbe Grusiens entgegen, um ihn an der Grenze seines Gebiets und seiner Glaubensgenossen zu empfangen, wie dies so oft und besonders im Orient üblich ist, und es lässt sich ebenso wenig voraussetzen als

erklären, dass es geschehen wäre, wenn die Tschetschna nicht christlich und nicht unterworfen gewesen wäre.

Damit stimmt auch überein, dass viele Wohnsitze in dem Tschetschenzengebiet grusinische Namen haben, und nach der Ueberlieferung die Gebirgsgegenden überhaupt meist den Grusiern unterworfen waren.

Die Tschetschenzen haben eine besondere Sympathie für die Kabardiner, die sie «delikate» Leute nennen, und von denen sie vielfach Sitten und Moden annehmen; namentlich das Sattelzeug, die Nogaika (kurze Pferdepeitsche), die Burka, die mit Silber besetzten Riemen, was Alles bei den Kabardinern besser hergestellt wird. Sie nennen die Lesghier, ihre Nachbarn im Süden, Ssóli; die Kumyken aber Gumyken. Ihre Erzählungen, Sagen, Ueberlieferungen tragen alle den Charakter, dass alle jungen Männer Helden sein müssen. Die Weiber verrichten alle Arbeiten im Hause und auf dem Felde, ausser dem Mähen des Heues; auch holen sie kein Holz aus dem Walde Walde und ackern nicht; das Korn schneiden sie mit einer gewöhnlichen Sichel. – Wenn kein Mann im Hause ist, so bitten sie zur Feldarbeit um fremden Beistand, der ihnen ohne Entschädigung gewährt wird. Die Gastfreundschaft ist sehr entwickelt, so dass bei Armuth alles Nothwendige von den Nachbarn zusammengetragen wird, um den Gast zu bewirthen. Die Familien bleiben möglichst beisammen; es erscheint ihnen verächtlich, sich abzutheilen, obwohl es jetzt öfter vorkommt; der jüngere Bruder darf nicht früher heirathen als der ältere. Der Wohlstand hat sich seit Beendigung des Krieges gegen die Russen (1859) wesentlich gehoben; man findet bessere Wohnhäuser, Kleider, Einrichtung und Nahrung. Der russische Ssamowár (Theekessel mit Kohle geheizt) kommt häufig vor, zur Bereitung des Thees, sowle von Kartoffeln, Gurken und Wassermelonen. Das Brod wird meist aus Mais gebacken, die flachen ossetischen und lesghischen Brode aber nur aus Weizenmehl.

Die Tschetschenzen sind im Ganzen schönere Gestalten als die Lesghier und Osseten und auch ein demokratisches Volk, das keine

Stände kennt und darin wesentlich von den Tscherkessen, die überhaupt edler von Natur und Sitten sind, unterschieden. Sehr auffallend ist der so vielfach verbreitete jüdische Typus, der in Itschkerien und Auch besonders stark und fast allgemein hervortritt, während der spezifisch arabische nur selten, aber stets auffallend edel vorkommt. Aus den kurzen historischen Andeutungen und besonders aus der Verbreitung des jüdischen Glaubens unter den Chasaren, der wohl durch zahlreiche Juden eingeführt und erhalten wurde, lässt sich diese auch im Daghestan und sonst im Kaukasus auffallende Erscheinung theilweise erklären. Eigenthümlich tritt es hervor, dass besonders gebildete Tschetschenzen und höhere Befehlshaber noch aus der Zeit von Schamyl mit am meisten den jüdischen Typus zeigen, sich selbst aber als aus Scham (Damaskus) herstammend ausgeben, um ihre (vornehme) arabische Abstammung aus der Zeit der Einführung der Lehre Muhamedś zu beweisen, die bis uḿs Jahr 1840 unter den Tschetschenzen nur sehr lauen Anhang gefunden hatte.

Aber auch in der Art zu sprechen, d. h. die Worte zu ziehen, erinnern die Tschetschenzen an Juden. Der Tschetschenze ist im Ganzen besser und geschmackvoller gekleidet als der Lesghier, dem er im Charakter, da er schlauer und listiger ist, nachsteht, obwohl solche Gesammturtheile schwer zu fällen und auszusprechen sind. Die Weiber sind hübscher und weniger bedrückt, als bei den Lesghiern, dergestalt, dass bei dem Besuch im Aul und dem ostensiblen Empfang von Seiten der Bewohner an der Flanke der Männer einige zu dem Hause gehörige Weiber standen, in welchem der Besuch erwartet wurde.

Schön und malerisch durch landschaftlich ansprechende Gebirgs- und Bergbildungen, von Flüssen durchströmt und von zusammenhängenden und einzelnen Baumgruppen durchsetzt, mit fruchtbaren, häufig durch heftige Regengüsse hinabgespülten Feldern bedeckt, sind die beiden östlichen Gebiete der Tschetschenzen, die der Auch́er und Itschkerier, auch traditionell-militarisch für die kaukasischen Kriege die reichste und interessanteste Gegend; diese wird nach Osten hin deutlich durch einen Gebirgsrücken begrenzt, der

rippenartig von dem hohen und steilen Kamm nach Norden ausläuft, der den Daghestan von dem Lande der Tschetschenzen trennt; dieser Gebirgsrücken heisst Sala- (Ssala) Tau, d. h. vornehmes Gebirge. Auf dem kurzen Ostabfall dieser Gebirgsrippe zum Sulak (Ssulak) wohnen bereits Lesghier, die aber, als Tawliner oder Tawlinzen (Bergbewohner), einen etwas gemischten Typus aufweisen. Infolge der Richtung der Flussläufe nach Norden, wohin auch die kommerziellen Verbindungen nach der nördlichen Ebene und der grossen von West nach Ost, von Wladikawkas nach dem Hafen von Petrowsk und der Hauptstadt des Daghestan, Temir-Chan-Schurá, gehenden Strasse führen, ist das Eindringen nach Itschkerin und dem Lande Auch besonders leicht und belohnend, wenn man ihren vielfach gewundenen Thälern aufwärts folgend aus der Steppe durch das Gelände zu Berg- und Gebirgslandschaft aufsteigt; und hierbei machen die Erhebungen als Wasserscheiden zwischen den Flüssen meist keine besonderen Schwierigkeiten, wenn auch natürlich von Fahrwegen im europäischen Sinne des Wortes abgesehen werden muss, obwohl die zweirädrige Arba vermöge der Einfachheit ihrer Construktion viel leichter als vierrädrige Fuhrwerke durchkommt. – Wesentlich wird Itschkerien durch eine grosse und durch Naturschönheiten herrliche Strasse begrenzt, welche aus dem westlichen und Central-Daghestan über das Gebirge nahe bei Andi in das Thal des Chorotschoi führt, der im Unterlauf Bjelaja heisst und in die Ssunsha fliesst. Diese Strasse führt weiterhin nach Grozny, einem Verwaltungscentrum und früheren wichtigen Militairposten; an ihr liegt in beinahe 1000 Meter Höhe Wedén (Wedenó), die letzte Residenz Schamyĺs, in einem länglichen, von waldigen Höhen romantisch eingefassten Thale. Wer nicht grossartige Naturschönheiten, aber schöne, ansprechende und durch Berge, Gewässer und Wald interessante und wechselvolle Landschaftsbilder sucht, der wird auf Ritten durch diese Gegenden reich belohnt. Selten schroff ist in Natur und Erhebung der plötzliche, ganz unvermittelte Gegensatz zwischen dem grauen, rauhen und todten Felslande des Daghestan und dem grünen, milden und

lebensvollen Itschkerien; beide sind nur durch einen hohen Scharfen Gebirgswall getrennt, zu dem Itschkerien und Auch das davorliegende bewachsene Glacis bilden.

Die oben erwähnte, südlich vom Terek von West nach Ost führende Strasse läuft in der Ebene unmittelbar längs des Fusses dieses Glacis, und wenn der Terek den Vorgraben darstellt, so war er zugleich die erste russische Hauptangriffslinie und Parallele, längs welcher die Linienkasaken angesiedelt wurden, welche die Tschetschenzen von Norden und Westen her, von der Ssunsha, einengten. Die nächste Angriffsparallele gegen sie lag dann südlicher, am Fusse des eben erwähnten Glacis, an dem Austritt der Flüsse aus dem Berggebiet, bezeichnet durch die heute noch vorzugsweise, ja theilweise ausschliesslich eine militarisch-polizeiliche Bedeutung hebenden Ortschaften, Stabsquartiere genannt, da Regimentsstäbe hier lagen und liegen: Tschir-Jurt, Chassaw-Jurt, Gersel-Aul und westlicher am Argun Wosdwischenskaja.

Wedén und früher Dargo, nahe östlich davon, wie auch früher schon Achulgo, waren die zeitweisen Residenzen Schamyĺs, und wurden deshalb zu spezifischen Angriffsobjekten für russische Kriegsoperationen gewählt, deren Unhaltbarkeit im Prinzip und daher nicht entsprechende Ausführung, bei der die aufgewendeten Mittel und Opfer in gar keinem Verhältnisse zu dem zu theuer erkauften Erfolge standen, mehrfach deutlich zu Tage trat. Jede Uebertragung von Begriffen, die ihren Ursprung der Kombination, der Reflektion verdanken, darf nur statt haben und kann nur erfolgreich sein, wenn die Grundbedingungen, die zu ihnen führten, dieselben oder sehr ähnliche sind. Wenn in Europa die Eroberung und Besitznahme der Hauptstadt eines feindlichen Landes meist den entscheidensten Wendepunkt des Krieges bezeichnet und als Hauptziel iṅs Auge gefasst werden muss, so konnte solches, ganz abgesehen von der Kleinheit der Verhältnisse nach Lokalotät und Macht, hier im Daghestan und der Tschetschna während der Kriege gegen Schamyl durchaus keine Stelle finden, obwohl man wiederholt glaubte, dass mit dem Falle seiner Residenzen

gar keine politische oder strategische Bedeutung hatten. Ob Schamyl mit seinen in tiefster Armuth lebenden Stämmen zeitweilig oder dauernd hier oder dort seinen Wohnsitz aufschlug, von dem aus er herrschte und die Operationen leitete, war vollständig gleichgültig. Eine Ortschaft, ein Felsennest war wie das andere und hatte spezifisch gar kleine besondere Bedeutung; sie war nur der zeitweilige Lagerplatz, die Lagerstätte für Schamyl, der mit seinen Müriden (von ihm gewählten, zuverlässigsten, ergebensten, energischsten und gewandtesten jungen Männern) über Alles und wachte, denen er zugleich religiöses Oberhaupt war. – Die Orte selbst boten dazu nichts und konnten nichts dazu bieten, sie hatten gar keinen Vorzug noch Bedeutung vor andern voraus und wurden nur je nach den gerade herrschenden Umständen gewählt. Anders war es mit der letzten Residenz Schamyĺs, Wedén; hier aber lagen die früheren Residenzen glaubte man mit dem Fall derselben Schamyĺs Herrschaft zu stürzen, vergass aber, dass nicht der Ort seine Herrschaft begründete, sondern dass dies nur seine Person war und es auf diese allein ankam, ganz gleichgültig, wo sie sich aufhielt und von wo sie wirkte. Nachdem der Statthalter des Kaukasus, Fürst Barätinski, eine durch Menschenkenntniss, europäise Bildung und Kultur, durch Geburt und Erziehung, Persönlichkeit und Charakter, selten vornehme und ächte Soldatennatur, in richtiger Erkenntniss der Sachlage durch Erfahrung und Kampf Schamyĺs Fall wenige Jahre zuvor schon berechnend vorausgesehen hatte, schloss er ihn in dem ihm untergebenen Gebiete immer mehr ein und liess ihm nur Wedén als letzte Residenz, da Schamyl, obwohl selbst ein Daghestaner, und vom Daghestan ausgehend in Gewalt und Operationen, doch der Tschetschna hauptsächlich bedurfte, sowohl deren militairischer wie strategischer Hülfe, als auch ihrer materiellen Mittel wegen, die der arme Daghestan nicht dauernd liefern konnte. So fiel auch mit der letzten Veste in der Tschetschna, Weden, plötzlich und vollständig seine ganze Macht und sein ganzer Einfluss.

Es handelte sich also bei Weden nicht um Schamyĺs Residenz, sondern um Schamyl selbst und in erster Linie um sein letztes Gebiet und seine Macht bei den Tschetschenzen. Wenn einige Monate später sich Schamyl im Daghestan dem Fürsten Barätinski ergab, bereits als machtloser Flüchtling, so war sein Fall und das Ende des Krieges im östlichen Kaukasus doch mit der Einnahme von Weden besiegelt gewesen.

Weden in beinahe 1000 Meter Meereshöhe ist, wie die meisten tschetschenischen Ortschaften, von denen es sich gegenwärtig durch militairische und administrative Baulichkeiten wesentlich unterscheidet, eine von Fruchtgärten und sonstigen Bäumen umgebene und besetzte Ortschaft, wie überhaupt die tschetschenischen Dörfer etwas Freundliches, Ansprechendes haben, besonders im Gegensatz zu den Felsennestern und Steinbauten, oder richtiger Kasten, des Daghestan. Die Häuser sind mehr aus Lehm und Holz erbaut, nur haben die meisten noch die flachen ächt-orientalischen Dächer, die ausserordentlich nützlich gegen Feuersgefahr sind, sonst aber, besonders bei anhaltendem Regen, manches zu wünschen übrig lassen.

In der Umgegend von Weden wurden Knochenreste eines vorweltlichen Thieres gefunden, die sich bei näherer wissenschaftlicher Untersuchung in Petersburg und Berlin als Thiele von den Kiefern eines Fisches erwiesen, der zur Gattung der Wale gehört und etwa die Länge von mehr als drei Meter haben musste.

Währernd des letzten Krieges der Russen in der Türkei und Kleinasien hatten sich die Tschetschenzen, besonders aber die Lesghier, empört und einen Aufstand gemacht, der natürlich keinen dauernden Erfolg oder politische Bedeutung gewinnen, immerhin aber viel lokales und persönliches Unheil anrichten konnte; der Aufstand wurde ohne besondere Folgen bald erstickt, hielt aber zwei russische Infanterie-Divisionen dauernd fest und verursachte manchen Schaden im Daghestan. Da es an einem einsichtsvollen und energischen Führer den Aufständischen fehlte, so wurde er planlos und mit vollster Unkenntniss der Verhältnisse unternommen, obwohl Viele sich von ihm

hinreissen liessen, die noch unter Schamyl gewisse Stellungen eingenommen hatten. – die Civilverwaltung hat in der Tschetschna seit einigen Jahren grosse Fortschritte gemacht, wenn auch das vielleicht etwas zu früh eingeführte Institut der Friedensrichter, das den Asiaten im Kaukasus ein ganz fremder Begriff ist, nicht verhindert hat, dass in der Tschetschna, selbst an der Poststrasse im Norden und bei den Inguschen, in unmittelbarer Nähe von Wladikawkas, Raubanfälle und Ueberfälle vorkommen. Bei seiner ausserordentlichen Fruchtbarkeit und der bald das Land im Norden begleitenden Eisenbahn von Wladikawkas nach Petrowsk ist demselben bei genügender Besiedlung und entsprechender Administration eine schöne, blühende Zukunft mit Bestimmtheit vorherzusagen.

Südlich von Grosny, das ein rechter Fieberort ist, den Argun aufwärts über Wosdwischenskaja hinaus, wie überhaupt auf der ganzen Ebene von Wladikawkas nach Petrowsk, liegen viele Kurgane, die hier sich vorzugsweise auf einer höher gelegenen Stelle nahe dem Argun finden. In der Umgegend von Wosdwischenskaja giebt es deren über hundert verschiedenster Grösse bis zu vielen Metern hoch, so dass auf ihnen theilweise Wachtposten etablirt sind.

Die Ausgrabungen einiger Kurgane ergaben nichts Besonderes, sie enthielten einige Stück Eisen und Messer. Nach der Aussage der Tschetschenzen sollen sie von Kalmyken herstammen. Weiter aufwärts nach Schatoi, wo sich Thürme finden, läuft ein schon in alter Zeit benutzter Weg über das Gebirge nach Grusiern her zur Vertheidigung gegen Einfälle von Norden.

«Die Tschetschenen»

Forschungen zur Völkerkunde des nordöstlichen Kaukasus auf Grund von Reisen in den Jahren 1918—20 und 1927/28 von **Doktor Bruno Plaetschke** Assistent am Geographischen Institut der Universität Könidsberg Pr. Mit 68 Figuren und einer Karte im Text und 24 Abbildungen auf 12 Tafeln. 1929. Druck von J. J. Augustin in Glückstadt und Hamburg.

Vorwort

Von Oktober 1927 bis Februar 1928 durchwanderte ich das am Nordostabhang des Kaukasus gelegene Gebiet der **Tschetschenen** und Teile des nordwestlichen Daghestans kreuz und quer zu allgemein landes- und volkskundlichen Studien. Nicht ohne Absicht hatte ich mir gerade dieses Gebiet ausgewählt. Es kann nämlich ohne Umschweife gesagt werden, daß das Tschetschenengebiet vom gesamten Kaukasus bisher das unbekannteste geblieben ist. Die Gründe hierfür sind verschiedener Art. Zunächst einmal finden wir im kaukasischen Osten nicht die machtvolle eisgepanzerte Hochgebirgswelt wie in der Westhälfte des Gebirges, wenn auch die Berge des Daghestan z. B. des Eigenartigen genug bieten und auch der verwöhnteste Reisende dort auf seine Kosten kommen wird. Jedenfalls haben sich die europäischen und auch die russischen Touristen und Wissenschaftler in der Hauptsache meist nur durch die zentrale Gebirgskette zwischen Kasbek und Elbrus anziehen lassen, von einigen Ausnahmen abgesehen. Und diejenigen, die nach dem Osten gingen, wandten auch hier ihre Hauptaufmerksamkeit in der Regel nur dem Hochgebirge zu; das Mittelgebirge wurde viel weniger durchforscht. dieses nimmt aber gerade im Tschetschenengebiet den weitaus größten Raum ein, sofern man darunter alle Berge versteht, die die Schneegrenze nicht mehr erreichen. Das einzige Hochgebirge, die Pirikitelische Kette, bildet schon die südliche Grenze des Gebietes, gehört also nur mit seinem Nordhang noch zum Tschetschenengebiet.

Ein weiterer Grund, der vielleicht manchen abgehalten hat, einmal die tschetschenischen Berge aufzusuchen, war wohl der höchst üble Ruf, in dem die Tschetschenen im allgemeinen standen. Sie galten und gelten von allen Kaukasusvölkern wenn auch nicht als das wildeste, – in diesem Punkt dürften sie von den Chewsuren und den Swanen noch übertroffen werden – so doch als das unzuverlässigste und unruhigste.

Raubüberfälle, bei denen es auf ein Menschenleben nicht ankommt, kommen auch jetzt noch vor, ja man kann sagen, daß nach einiger Zeit der Ruhe das Bandenunwesen gerade jetzt wieder aufzuleben beginnt; selbst die streng durchgreifenden Sowjetbehörden sind dagegen machtlos. Ich selbst kann mich freilich über Unfreundlichkeiten von seiten der Bevölkerung nicht beklagen, sondern bin, von einem Sonderfall abgesehen, überall mit Freundlichkeit, ja Herzlichkeit aufgenommen worden. Das hatte freilich seinen besonderen Grund auch darin, daß ich von einem früheren Aufenthalt in den Revolutionsjahren 1918—20 viele Bekannte in den Bergen hatte, deren Unterstützung ich mich jetzt wieder erfreuen konnte.

Wenn ich auch bei diesem ersten Aufenthalt keine wissenschaftlichen Ziele verfolgte – ich war militärisch auf Seiten der Bergvölker tätig —, so erwarb ich mir doch eine gute Kenntnis von Land und Leuten, so daß ich diesmal keine Zeit zu verlieren brauchte mit allgemeiner Orientierung.

Die vorliegende Arbeit bringt nur die volkskundlichen Beobachtungen und auch von diesen nur einen Teil. Wenn die Reise auch hauptsächlich zu allgemein landeskundlichen Studien unternommen wurde, so hatte ich doch genügend Gelegenheit, volkskundliche Beobachtungen zu machen, und das wiederum dank der engen Fühlung mit den Eingeborenen, insbesondere deswegen, weil ich Abend für Abend bei ihnen zum Übernachten einkehrte. Und das ist letzten Endes Bedingung für erfolgreiches Arbeiten.

Meine volkskundlichen Beobachtungen wurde nicht systematisch gemacht und weisen daher manche Dinge erst zu achten anfing, als es schon zu spät war und mein Aufenthalt zu Ende ging. In der Hauptsache beschränkte ich mich auf Sammlung von Materialen, die die materielle Kultur betreffen. Für genaueres Studium der geistigen Kultur, insbesondere auch der sehr interessanten gesellschaftlichen Zustände, reichte die Zeit nicht aus. Auch sind derartige Untersuchungen ohne Kenntnis der Stammessprache mit großen Schwierigkeiten verbunden. Meine russischen Sprachkenntnisse

nützten mir in den entlegenen Gebirgsdörfern nicht viel, da dort Russisch nur von sehr wenigen verstanden wird, in manchen Dörfern überhaupt von niemandem. Dasselbe gilt vom Tatarischen bzw. Kumükischen, das im Daghestan vielfach als Umgangssprache dient; es ist nur den den Kumüken unmittelbar benachbarten Tschetschenen bekannt.

Bei der Unbekanntheit des Gebietes habe ich es für zweckmäßig erachtet, einen ausführlicher gehaltenen geographischen Überblick über das bereiste Gebiet voranzuschicken.[1] Insbesondere ist es mir dabei um eine kurze Charakterisierung der einzelnen tschetschenischen Landschaften bzw. Gaue zu tun, zumal ich bei den volkskundlichen Ausführungen auch auf die geographische Verbreitung einzelner Erscheinungen innerhalb des Tschetschenengebietes näher eingehe. Da ferner die tschetschenische Kultur keine Sonderkultur darstellt, sondern Ähnlichkeiten und Übereinstimmungen mit der Kultur der übrigen Kaukasusvölker überall ersichtlich werden, so erschien es mir auch nicht unangebracht, die geographische Stellung des Tschetschenengebietes im Kaukasus kurz zu kennzeichnen.

Hierzu noch einige allgemeine Bemerkungen über den Stand der völkerkundlichen Forschung in den Kaukasusländern. Wie überall in der Welt, so verschwinden auch hier die alten Volkskulturen in ihren geistigen und materiellen Bestande immer mehr und mehr und werden durch die moderne Lebensführung westeuropäischer Herkunft verdrängt, die gerade durch den Krieg und besonders den Bolschewismus aufs intensivste verbreitet und bis in die entlegensten Gebirgstäler getragen worden ist. Aber ebenso eifrig ist man dabei, das noch vorhandene aufzuzeichnen und in Museen zu sammeln, bevor es endgültig verschwindet. An dieser gegenwärtig in vollem Gange befindlichen Arbeit ist jedoch der Anteil westeuropäischer Forscher, die in früheren Jahrzehnten doch in vorderster Front standen, recht gering. Allerdings dürfte das Interesse für den Kaukasus bei uns keineswegs nachgelassen haben, eher wohl im Gegenteil. Ganz unverhältnismäßig viel stärker ist aber auf russischer Seite das Interesse für landes- und

volkskundliche Forschung und für Kaukasuskunde im besonderen gestiegen. Unterstützt wird diese Bewegung durch eine straffe Organisation, die die zahlreichen jährlich in den verschiedenen Teilen des Reisenreiches arbeitenden Expeditionen nach einheitlichem Plane leitet. Das hat freilich seinen besonderen Grund auch darin, daß als Quelle für die hierzu notwendigen Mittel ausschließlich die Staatskasse in Frage kommt, wie es ja in einem kommunistischen Staate nicht anders möglich ist. Vor allem aber muß berücksichtigt werden – ein Umstand, der viel zu wenig bekannt ist —, daß die landes- und volkskundliche Forschung nicht bloß von den Russen betrieben wird, sondern daß die zahlreichen Fremdvölker des Reiches, auf die sich die Untersuchungen doch hauptsächlich erstrecken, selbst schon tatkräftig dabei mitarbeiten, das eine mehr, das andere weniger. Größere Völker, wie das alte Kulturvolk der Georgier, haben das ja auch früher schon getan, aber bei den anderen kleinen Kaukasusvölkern, besonders den Nordkaukasiern, ist der Sinn für Heimatforschung in der letzten Zeit erwacht bzw. künstlich geweckt worden im allgemeinen Zusammenhange mit der Nationalitätenpolitik der Sowjetunion. Wesentlichen Anteil daran hat die Entwicklung des Volksbildungswesens. Während meines Aufenthaltes genossen im Tschetschenengebiet ungefähr 40% aller Kinder regelmäßigen Schulunterricht, in den Dörfern der Ebene mehr, im Hochgebirge weniger. Es waren nur einige wenige, schwer zugängliche Hochgebirgstäler, in denen noch keine Schule existierte. Die Fremdvölker haben eben durch den Bolschewismus außerordentliche Vorteile erhalten; auch als Gegner des Bolschewismus muß man dies zugeben[2]); ihre kulturelle Entwicklung ist auf Kosten der russischen Volksteile. Voll auswirken, besonders eben auch für die Heimatforschung, wird sich diese Wandlung der Dinge erst in einigen Jahren, wenn die jüngere Generation der Fremdvölker herangewachsen sein wird. Aber auch heute hat jedes der kleinen Autonomen Gebiete des Nordkaukasus – und in den anderen Teilen des Reiches ist es ebenso ß sein eigenes kleines heimatkundliches Museum. Zentren der

Forschung sind die Museen und Institute von Wladikawkas und Petrowsk (Machatschkala), in denen ständige wissenschaftliche Kräfte arbeiten, wovon periodische Veröffentlichungen zeugen. Hier wurde mir auch bereitwilligst Gastfreundschaft gewährt, wofür ich auch an dieser Stelle danken möchte.

So muß derjenige, der heute Kaukasusforschung betreibt, ganz gleich, ob in natur- oder geisteswissenschaftlicher Richtung, sich eingehend mit den Arbeiten vertraut machen, die in den letzten Jahren von russischen Forschern und eingeborenen Kaukasiern an Ort und Stelle geleistet worden sind und noch werden, wenn seine Beobachtungen und die daraus gefolgerten Schlüsse dem jeweiligen Stande der Forschung entsprechen sollen. Freilich ist diese Forderung infolge des trotz mancher Bemühungen noch mangelhaften Literaturaustausches nicht leicht zu erfüllen.

Für die Reise standen mir nur sehr geringe Mittel zur Verfügung. Ein größerer Betrag, der mir, als ich mich schon im Kaukasus befand, in großzügiger Weise vom Hamburger Museum für Völkerkunde zum Erwerb völkerkundlicher Gegenstände noch zur Verfügung gestellt wurde, kam infolge mannigfacher Schwierigkeiten leider nur zum kleinen Teile in meine Hände. Einige der mitgebrachten Gegenstände sind hier veröffentlicht; die Anfertigung der betreffenden Zeichnungen geschah in dankenswerter Weise durch das Museum. Vom allem danke ich dem Leiter der kaukasischen Abteilung des Museums, Herrn Dr. A. Byhan, für sein oft bewiesenes freundliches Entgegenkommen. Manch wertvolle Anregung erhielt ich von meinem Freunde Dr. Friedlich Baumhauer, Osterode, Ostpr., auf Grund seiner auf eigenen Forschungen beruhenden eingehenden Kenntnis der georgischen Volkskunde.

Herrn Prof. Dr. Arved Schultz, dem Direktor des Geographischen Instituts der Universität Königsberg, des deutschen Institutes, das die besten Möglichkeiten für Studien zur allgemeinen Landeskunde des russischen Ostens bietet, gilt mein besonderer Dank für das rege Interesse und die Förderung, die er meinen kaukasischen Arbeiten

zuteil werden ließ sowie dafür, daß die Veröffentlichung der vorliegenden Schrift in dieser Ausstattung ermöglicht wurde. (Naheres daruber enthalt mein Aufsatz in der Zeitschrift «Osteuropa» 1928, Heft 10 «Vom kulturellen Leben in den kleinen Autonomen Gebieten des Nordkaukasus»).

A. Geographische Grundlagen. I. Grenzlinien, Ausdehnung und Bevölkerungszahl des Tschetschenengebietes

Im folgenden sei zunächst kurz der Verlauf der Grenzen des Autonomen Gebietes der Tschetschenen angegeben.

Die Süd- und Südostgrenze verläuft längs der Wasserscheide zwischen dem Flußgebiet des Terek und des Ssulak, bzw. der Ssunscha und des Andischen Koissu. Sie zieht also vom Tebulos-mta die Pirikitelische Kette, bzw. den Basch-lam[3]) entlang bis zum Diklos-mta und folgt dann in nördlicher Richtung der Andischen Kette bis in die Gegend des Sees Esen-am, östlich an diesem vorbeiziehend. Hier greift die Grenze südostwärts ein wenig über die Wasserscheide hinüber. Vom Kerket-Paß aus verläuft sie wieder ostwärts auf der andischen Wasserscheide, die sie erst bei den Quellen des Jarykssu endgültig verläßt. Sich nach Norden wendend zieht sie etwa 20 km auf der Wasserscheide zwischen dem Aktasch im Osten und dem Jarykssu im Westen entlang, überschreitet dann in nordwestlicher Richtung den letzten sowie die Wasserläufe des Jamanssu und nördlich der Bahn Grosny-Petrowsk auch des Akssai und erreicht den Terek bei der Stanize Schelkosawodskaja ungefähr an der Stelle, an der er seinen Lauf nach Norden zu wenden beginnt. Die Nordgrenze wird nun überall durch den Terek gebildet. Etwa 20 km östlich von Mosdok verläßt sie den Terek und überschreitet in südlicher Richtung die Höhen des Terek-Ssunscha Gebirges. In der Ssunscha-Ebene bildet sie eine nach Westen offene Schleife und zieht dann, wieder in das Gebirge eindringend, auf der Wasserscheide zwischen den beiden Nebenflüssen der Ssunscha Assa und Fortanga nach Süben zum Gebirgsknoten des Muiti-ker. Von hier steigt sie in südöstlicher Richtung ins Tal des oberen Argun hinab und erreicht, sich südwärts wendend, wieder den Tebulos-mta.

Da die Tschetschenen in geschlossener Masse beisammen wohnen, so finden sich innerhalb der gezeigten, die in tschetschenischen Dörfern wohnen. Eine Ausnahme macht nur das ganz überwiegend russische Grosny mit seiner Erdölindustrie, das bisher ein Verwaltungsgebiet für sich bildete, neuerdings jedoch zum Autonomen Gebiete der Tschetschenen geschlagen worden ist. Umgekehrt gibt es außerhalb dieses autonomen Gebietes keine Tschetschenen, abgesehen von den Bewohnen einiger weniger Dörfer, die der Sowjetrepublik Daghestan zugeteilt worden sind.

Der Gesamtflächenraum des Gebietes mag nach roher Schätzung etwa 10 000 qkm betragen, würde also nur etwa ¼ der Fläche Ostpreußens ausmachen. An Einwohnern zahlte man im Jahre 1926, 311 000 ohne die 95 000 Einwohner des Bezirkes von Grosny.

Wie ein Blick auf die Karte zeigt, besteht das Tschetschenengebiet aus einem gebirgigen und einem ebenen Teil, die ungefähr gleich groß sind.

II. Lage des Tschetschenengebietes im Gebirgsbau des Kaukasus

Der Gebirgszug des Kaukasus läßt sich zwanglos in drei große Hauptteile zerlegen, eine Einteilung, die auch von den meisten Geographen bevorzugt wird, drängt sie sich doch sozusagen von selbst auf. Die lange Kette gewaltiger Schneegipfel und Firnfelder im zentralen Teil wird zunächst als Einheit empfunden. Der Grenzpunkt gegen die beiden äußeren Drittel kann verschieden gewählt werden. Der Geologe wird als Grenze nach Osten hin die Terekschlucht annehmen, da dort die kristallinen Gesteine unter die alten dunklen Schiefer des Ostkaukasus untertauchen; orographisch wird man als östlichen Grenzpunkt des zentralen Teils besser den Gebirgsknoten des großen Borbalo betrachten. Etwa 50 km westlich des Elbrus beginnt das westliche Drittel des Gebirges, das, rasch niedriger werdend, schließlich in der Halbinsel Taman sein ende findet.

Viel klarer als das westliche Drittel erscheint das östliche als eigenartiger, selbständiger Gebirgsteil abgesetzt, der Daghestan. Dies mächtige schildartige Dreieck scheint eigentlich nur eins mit dem

übrigen Gebirge gemeinsam zu haben: die gleichsinnige, geradlinig fortgesetzte Erstreckung des wasserscheidenden Kammes von WNW nach OSO. Der ganze Südhang des Kaukasus fehlt hier; er ist abgesunken. An seiner Stelle breitet sich dafür die sonnige Ebene Kachetiens. Scharf, wie abgeschnitten, liegen hier Hochgebirge und flache Niederung unvermittelt nebeneinander. Man vergleiche damit die breite Entwicklung des Südhanges im zentralen und westlichen Kaukasus. Aber auch der stehengebliebene Nordhang des Daghestans ist in seiner Gliederung und in seinem Aufbau grundverschieden von dem des zentralen Kaukasus.

Seit langem unterscheidet man am Nordhang des Kaukasus mehrere parallele Ketten, die bald mehr, bald weniger klar zu erkennen sind. Allen Teilen des Gebirges gemeinsam ist der Hauptkamm. Diesen Namen führt er nicht deswegen, weil sich in ihm das Gebirge zu seiner größten Höhe erhebt, sondern weil er die Wasserscheide überall bildet; nirgends wird er von einem Flusse durchbrochen. Die höchsten Erhebeungen finden sich vielmehr in dem ihm nördlich vorgelagerten sogenannten Seitenkamme, wie Elbrus, Koschtan-tau, Dych-tau und Kasbek. Durch viele Quertäler erscheint er in einzelne Massive aufgelöst. Mehrfach ist er durch Querjoche mit dem Hauptkamme verbunden, nach Südosten glaubt man im hohen Basch-lam und der Bogosgruppe im Daghestan zu erkennen.

Weiter unterscheidet man den Felsigen Kamm (skalistyi chrebjet der Russen), darauf folgend den Almenkamm (pastbischtschnyi chr.) und schließlich den oder die Waldigen Kämme (ljessistyi chr.). Was jedoch den Felsigen Kamm anbelangt, so muß bemerkt werden, daß dieser Name im zentralen Kaukasus gepräht wurde, wo diese Kette größere Höhen erreicht als östlich der georgischen Heerstraße; im Tschetschenengebiete zeigt er nur noch stellenweise felsigen Charakter; der Felsige Kamm ist hier größtenteils genau so mit Almen bedeckt wie der nördlich von ihm sich hinziehende sogenannte Almenkamm.

Diese langen, durch viele Quertäler in einzelne Teile aufgelösten parallelen Kettenzüge sind charakteristisch für den zentralen Kaukasus. Die äußeren Ketten werden zwar durch den Einbruchskessel von Wladikawkas teilweise unterbrochen; doch ist östlich der Georgischen Heerstraße die ganze Reihenfolge der Kämme, vom Hauptkamm bis zu den Waldigen Kämmen, wieder klar zu erkennen. Das gilt noch für die ganze westliche Tschetschnja[4]), doch nur bis zum Argun. Östlich dieses Flusses tritt mit Macht eine andere Erhebungsrichtung in Erscheinung, die von SW nach NO zieht und die bisher ausschlaggebende Richtung WNW-OSO weitgehend verdrängt. Diese Erhebungsrichtung SW-NO ist bestimmend für die Gestaltung des Daghestans. Dadurch kommt ein fremdes Element in das System des Kaukasus, das seinen bis dahin so einheitlichen Charakter ganz verwischt. Gleich einer ungefügen schweren Masse, gleich einem Fremdkörper scheint der Daghestan in dem sonst so wohlgeordneten Kettengefüge des Kaukasus zu hängen. Abgesehen von der anderen Orientierung seiner Gebirgszüge ist es vor allem die seltsame Abgeschlossenheit, die den Daghestan so aus dem Rahmen des übrigen Kaukasus herausfallen läßt. Ein mächtiger Kalkgebirgswall umschließt ihn im NW, N und O und zwingt die Wasser der vier Koissuflüsse, sich in einem tiefen Caňon von seltener Großartigkeit sich durch diese Mauer einen Ausweg zum Kaspischen Meere zu bahnen.

Eigenartiger Faltenbau und tiefgreifende Erosion haben besonders im tiefer gelegenen nordwestlichen Teile dieser riesigen natürlichen Festung ein chaotisches Durcheinander von scharfen Kämmen, breiten, rings isolierten blockartigen Plateaus und tiefen Schluchten geschaffen, in dem es selbst von erhöhtem Standpunkt aus schwierig ist, sich zu orientieren. Erst bei genauerem Studium erkennt man, daß auch dieses vermeintliche Chaos gesetzmäßig gestaltet ist.

Es ist hier nur die Rede vom inneren Daghestan mit den vier Koissu-Flüssen; außer Betracht bleibt das ganze Gebirgsland zwischen diesem Koissu-Daghestan und dem Kaspischen Meere, also das Schach-dagh-

und Dibrarsystem, da es für das hier näher zu behandelnde Gebiet keine Bedeutung besitzt.

Der Gebirgszung, bei dem diese bedeutungsvolle SW-NO Richtung am auffälligsten in Erscheinung tritt, ist gleichzeitig ein Teil jenes schon erwähnten Grenzwalls, der den Daghestan rings gegen die Außenwelt abschießt. Auf ihm verläuft die Wasserscheide zwischen dem flußgebiet des Sulak und dem des Terek; auf ihm zieht auch die politische Grenze entlang, wie schon eingangs erwähnt wurde. Sein Außenhang liegt ganz im Bereich der Tschetschnja; er ist der hervorstechendste Zug in der Orographie ihres östlichen Teils.

Die Folgerungen daraus ergeben sich nunmehr von selbst. In der Tschetschnja treffen die beiden großen Einheiten, des kaukasischen Gebirgsbaues aufeinander, das Kettengefüge des zentralen Kaukasus und der quer dazu liegende daghestanische Block. Der westliche Teil ist im zentralkaukasischen, der östliche im daghestanischen Sinne beeinflußt. Man kann somit die Tschetschnja als Übergangsgebiet zwischen dem Nordhang des zentralen und des östlichen Kaukasus bezeichnen.

Ebenso wie das Gebirge läßt sich auch Ziskaukasien oder, wie die Russen sagen, der Nordkaukasus in drei Hauptteile zerlegen. Es sind dies das Kubangebiet im W, in der Mitte die Stawropoler Höhen und im O die Niederung des Terek und der Kuma.

Das östliche Drittel Ziskaukasiens, mit dem wir es hier allein zu tun haben, zerfällt in zwei klar von einander geschiedene Teile. Der nördliche Teil, die weite, zwischen Terek und Kuma sich breitende Nogaier-Steppe, kann hier, wo es sich im wesentlichen nur um Feststellung der orographischen Beziehungen handelt, außer Betracht bleiben, da solche zum Tschetschenengebiet nicht vorhanden sind. Auch mit dem übrigen Gebirge steht sie nicht in Zusammenhang; kein Bergwasser durchrauscht sie; Kuma und Terek bilden nur die Grenzen der öden, teilweise wüstenhaften Steppen.

Anders das sich südlich anschließende Gebiet, die dem Gebirgsfuß unmittelbar vorgelagerte Niederung. Ich nenne sie die obere

Terekniederung, wobei ich jedoch auch die Niederung seines sehr selbständigen größten Nebenflusses, der Ssunscha, mit einbegreife, der den Terek erst zu Beginn seines Unterlaufes erreicht. Diese Niederung wird von zahllosen Bergwassern durchströmt; sie ist geradezu ihr Werk, insofern als sie aus z. T. mehrere hundert Meter mächtigen Schottermassen besteht, unter denen die in die Tiefe gehenden kaukasischen Falten begraben liegen. Diese Falten tauchen jedoch in einiger Entfernung vom Gebirgsfuß plötzlich wieder empor und zwar in zwei langgezogenen parallelen Bodenwällen von etwa 200 – 300 m relativer Höhe. Man bezeichnet sie als das Terek-Ssunscha-Gebirge. Doch steht es auch oberflächlich mit dem Hauptgebirge noch in Verbindung. Der nördliche Zug hängt im O mit ihm etwa da zusammen, wo der Daghestan am weitesten nach N vorstößt; im W wird er durch die Fluren der Kabarda von ihm getrennt. Der südliche wiederum hängt mit seinem Ostflügel sozusagen in der Luft; unvermittelt bricht er in der Ssunscha-Ebene ab; auf seinen letzten Hügeln ragen die Bohrtürme der neuen Grosnyer Erdölfelder in die Höhe. Im W dagegen findet er den Anschluß zur Hauptkette, kurz nachdem er vom Terek durchbrochen wird, ähnlich wie im O sich die Ssunscha durch den nördlichen ihren Weg bahnt. Die Falten des Terek-Gebirges sind nach neueren Untersuchungen nach N überkippt; auf Störungen deutet u. a. die starke Thermentätigkeit an seinem Nordrande, z. B. nördlich von Grosny.

Zwischen diesen beiden Hügelkämmen und dem Hauptgebirge breitet sich die obere Terek-Niederung. In einem weiten Bogen dringt sie in das Gebirge ein, am tiefsten bei Wladikawkas, und verleiht damit dem zentralen Kaukasus die eigentümlich enggeschnürte Gestalt, so daß die Breite des Gebirges hier auf 120 km zusammenschrumpft, während sie im Elbrusgebiet 180 km und im Daghestan nicht viel weniger beträgt. Die Ziffer von 180 km hat jedoch auch für den zentralen Kaukasus ihre Bedeutung; sie würde nämlich der Entfernung vom Südfuß des Gebirges bis zum Nordrand der beiden Hügelkämme entsprechen, was gewiß mehr als bloßer Zufall ist.

Die zum Bogen der oberen Terek-Niederung gehörende Sehne wird also ungefähr durch den nördlichen der beiden Hügelkämme gebildet oder, wenn man will, durch den Mittellauf des Terek, der hier in streng kaukasischer Richtung am Nordhang des nördlichen Hügelkammes entlangfließt, bis er, vielleicht unter dem Einfluß der daghestanischen Erhebungsrichtung SW-NO, nach NO abbiegt.

Man darf mithin die obere Terek-Niederung bei einer Betrachtung des kaukasischen Gebirgsbaues nicht außer Acht lassen. Man kann sie sowohl als innerhalb, wie als außerhalb des Gebirges liegend ansehen. Für ersteres spricht in interessanter Weise eine anthropogeographische Tatsache, insofern nämlich, als sie noch von den eigentlichen Kaukasusvölkern besiedelt wird, nämlich den Kabardinern, Inguschen und Tschetschenen, während jenseits der beiden Hügelzüge das turko-tatarische Steppenvolk der Nogaier und die zur selben Völkergruppe zählenden Kumüken sich ausbreiten. In sich besteht die obere Terek-Niederung aus drei voneinander getrennten Gebieten, nämlich der Kabarda und dem Kessel von Wladikawkas, der von jener durch den südlichen der beiden Hügelkämme getrennt wird. Durch einen Vorsprung der Schwarzen Berge wird der Wladikawkaser Kessel vom dritten Teil geschieden, der Ssunscha-Ebene, die für sich ebenfalls wieder bogenförmig ins Gebirge eindringt. Die Ssunscha-Ebene nun bildet das Gebiet, dessen Stellung es in diesem Kapitel zu kennzeichnen galt, nämlich den ebenen Teil des Tschetschenengebietes.

Diese kurze Skizzierung der Lage des Tschetschenengebietes im Kaukasus mag für den Rahmen der vorliegenden Arbeit genügen.

III. Landeskundlicher Überblick über das Tschetschenengebiet.

a) Oberflächengestalt. Die Aufzählung der verschiedenen Ketten, wie sie für den Nordhang, des zentralen Kaukasus üblich ist und auch im vorigen Kapitel gebracht wurde, könnte die Vorstellung erwecken, daß wir hier parallel dem Hauptkamme eine Reihe von Ketten antreffen, von denen eine immer niedriger wird als die andere, bis sie schließlich in der Ebene verklingen. Im Osten ist dies ganz bestimmt nicht der Fall,

vor allem nicht im Daghestan, aber auch nicht im Tschetschenengebiet. So sind hier z. B. die beiden Kämme, die zwischen dem Hochgebirge und den niedrigen Schwarzen Bergen liegen, einander an Höhe gleich, ja stellenweise überragt sogar der nördliche den südlichen. Am ehesten geeignet, einen raschen Überblick über die Orographie des Gebietes zu verschaffen, ist eine Einteilung nach den verschiedenen Höhenstufen, die sehr scharf ausgeprägt sind und das Auge des Bergwanderers zu dieser Einteilung geradezu zwingen. Es sind ihrer drei zu unterscheiden. I. Die Stufe der tertiären Vorberge oder «Schwarzen Berge» mit etwa 800—1000 m Höhe. Darauf nach S folgend 2. Die Stufe des Kalkgebirges der Kreide und des oberen Jura von 2000 m ab mit Gipfelhöhen bis zu 3000 m. Zu dieser Höhenstufe gehört noch ein Teil des Schiefer- und Sandsteingebirges des mittleren und unteren Jura. 3. Das Hochgebirge der alten dunklen Schiefer von etwa 3000 m ab bis 4500 m.

Betrachten wir zunächst die tertiären Vorberge. Aus der Ssunscha-Ebene, die am Gebirgsfuß etwa 300 m noch liegt, steigen ihre sanftwelligen Höhen empor, nach den dichten Buchenwäldern, mit denen sie einst bedeckt waren, «Schwarze Berge» genannt. Die O-W streichenden Falten sind durch die zur Ssunscha eilenden Flüsse und Bäche in einzelne Kuppen und S-N ziehende Rücken aufgelöst, von denen einige 1200 m erreichen. Bemerkenswert ist in diesem Gebiet die gewaltige eiszeitliche Schotterverhüllung, die, von den Flußterrassen abgesehen, ausgedehnte tischglatte Aufschüttungsebenen zwischen den Höhenzügen gebildet hat, die bis zu 30 qkm Flächenraum einnehmen können. Sie bestehen ausschließlich aus Kalkgeröll und werden durch die Flußterrassen wie durch schmale Bänder mit den Schottern der Ssunscha-Ebene verbunden. Die Breite der Schwarzen Berge verringert sich um so mehr, je tiefer die Ssunscha-Ebene in das Gebirge eindringt. So beträgt sie am Argunlauf und westlich von ihm nur etwa 15 km, während sie im O des Gebietes auf das doppelte anwächst.

Völlig unvermittelt erhebt sich aus den Schwarzen Bergen die zweite Höhenstufe des Kalkgebirges, bei dem selbst die Paßhöhen kaum unter 2000 m herabreichen (von den Durchbruchstälern natürlich abgesehen). Viel undeutlicher ist die südliche Begrenzung dieser Höhenstufe; der Anstieg zum Hochgebirge erfolgt allmählich. Im allgemein beginnt das Hochgebirge erst südlich der beiden Argun-Oberläufe. Der Tschanti-Argun bildet die Grenze zwischen beiden Höhenstufen jedoch nur bis zur Einmündung des Chotscharoi-Baches (von rechts), der Scharo-Argun bis zu der der Kiri-Baches (von rechts). Unterhalb dieser Punkte greift die Höhenstufe des Kalkgebirges bei beiden Flußläufen auf das rechte Ufer über.

Die Breite dieser Stufe beträgt im Tschetschenengebiet 25—30 km. Viel breiter wird sie im Daghestan.

Senkrecht zur Gebirgsachse gemessen, hält sich nämlich in der Linie von Chunsach das Gebirge in einer Tiefe von etwa 60 km ungefähr in der Höhe von 2000 m und darüber (Chunsach selbst nur 1800 m). Diese Feststellung wird hier besonders erleichtert durch die ausgedehnten, für den Daghestan charakteristischen Plateaulandschaften, z. B. der von Chunsach. Hand in Hand mit dieser Verbreiterung geht auch eine solche des Bereichs der verschiedenen geologischen Formationen. Der Nordhang des Daghestan scheint sich eben zum Ausgleich für den fehlenden Südhang um so breiter entfaltet zu haben. Er stößt ja auch, auf die Gebirgsachse bezogen, viel weiter nach N vor als im übrigen Kaukasus, wobei der Nordrand seines Kalkgebirges, nämlich die Andische Kette, wesentlich höher aufragt als dessen Mitte, ebenso, wie er auch die benachbarten tschetschenischen Kalkberge überragt. Man kann das seitlich schon von der Bahn beobachten, wenn man sich von W kommend Grosny nähert. Während das niedrigere tschetschenische Kalkgebirge die Waldgrenze stellenweise nur unwesentlich übersteigt, winken von O, besonders im Abendschein, die jähen Steilabstürze des 3040 m hohen Buzrach herüber, die mit ihren hellen Farben einen wirkungsvollen Kontrast zum Grün der Wälder am Fuße bieten. Der Abfall der Andischen Kette

macht hier geradezu den Eindruck einer Landstufe, so besonders am Zobolgo (2910 m) und von ihm aus noch etwa 15 km weiter nach O. Den Fuß dieser Landstufe, deren Schichten nach meinen Beobachtungen nach SO einfallen, benagen die weit verzweigten Quellflüsse des Akssai.

Anders die Nordseite der Andischen Kette weiter östlich im Salatau-Gebiet, das schon zur Republik Daghestan gehört. Die Schichten fallen hier leicht nach N ein, wie ich es beim Durchwandern des wahrhaft grandiosen Ssulak-Caňons gut beobachten konnte; daher erfolgt dort der Anstieg von N her allmählich. Ganz flach ist der Außenhang der Andischen Kette besonders jenseits des Ssulak in Richtung Temir-Chan-Schura.

Die für den Daghestan bezeichnenden Plateaubildungen fehlen im Tschetschenengebiet, wenn sich auch auf den Höhen des Kalkgebirges stellenweise ziemlich ausgedehnte ebene Flächen vorfinden. Das Gesichtsfeld beherrschen vielmehr zwei ausgesprochene Ketten, besonders im W. Die nördliche, deren Nordrand durchweg leicht verkarstet ist, wird in ihrer Westhälfte durch Quertäler in mehrere Massive aufgelöst. Freilich sind diese Täler infolge ihrer caňonartigen Ausbildung eher verkehrshindernd als —fördernd, z. B. das der Gechi, wenn nicht wie im Tschanti-Argun-Tal, eine künstliche Straße angelegt ist. Östlich des Scharo-Argun bildet sie einen zusammenhängenden Rücken, der in seiner weiteren Fortsetzung in der Andischen Kette bis zum Kaspischen Meere hin nur noch einmal im Ssulak-Caňon durchbrochen wird.

Etwa 15 km weiter nach S folgt, parallel ziehend, die ungefähr gleich hohe zweite Kette dieser Höhenstufe. Dazwischen liegt eine ziemlich flache Mulde, in die sich ebenfalls noch tiefe Schluchten eingegraben haben. Diese zweite Kette bildet die unmittelbare Fortsetzung des hohen Zori-lam Inguschiens[5]), erniedrigt sich etwas im westlichen Tschechenengebiet, erreicht im Rindschikort, hart am Durchbruch des Scharo-Argun, wieder 3000 m und stößt weiterhin als Indoi-lam mit der Andischen Kette zusammen. Sie bildet die Nordumrandung des

Tschanti-Argun-Oberlaufes und wird nur von den beiden Argunläufen durchbrochen. Im Gegensatz zu der nördlichen Kette ist sie in ihrer Gesteinsbeschaffenheit nicht einheitlich. Während sie im W hauptsächlich wohl aus mürben feinblättrigen Schiefern und Sandsteinen besteht, herrscht im O, besonders im Rindschi-kort, wieder Kalk vor. Dementsprechend haben auch die Berge verschiedene Formen. Dort in der nördlichen Kette die schroffen, hellen, dolomitischen Bauten z. B. des Gilla-kort und Naschacho-lam mit ihrem harten Nebeneinander von horizontalen und vertikalen Linien, hier die weicheren, offenen Formen des dunklen Schiefergebirges.

Der Anstieg zum Hochgebirge des Baschl-lam erfolgt von der eben geschilderten Höhenstufe aus allmählich, nicht mit dem plötzlichen Ruck, mit dem sich die Nordfront des Kalkgebirges aus den tertiaären Vorbergen erhebt. Den Anstieg vermitteln die zahlreichen, im rechten Winkel vom Hochgebirge ausstrahlenden, gratartig zugeschärften Querrippen, zwischen denen die Gletscherbäche zu den beiden Längstälern des Tschanti- und Scharo-Argun-Oberlaufes herabbrausen. Die Kette des Basch-lam zweigt am großen Borbalo vom wesentlich niedrigeren wasserscheidenden Hauptkamme ab, schwenkt am Tebulos ebenfalls in die allgemein-kaukasische Richtung WNW-OSO um und bildet als hohe Mauer vom etwa 45 km Länge die Südgrenze des Tschechenengebietes. Auf daghestanischem Gebiete findet sie ihre Fortsetzung in der fast ebensohohen Bogos-Gruppe, wird von ihr jedoch durch den tiefen Spalt getrennt, den der Andische Koissu eingegraben hat. Andererseits aber geht sie von ihrem Ostpfeiler, dem 4190 m hohen Diklos-mta, unmittelbar in die scharf nach NO vorstoßende Andische Kette über, die bis zum Auftreffen auf den schon erwähnten W-O ziehenden Indoi-lam über 3000 m bleibt.

Durch den ziemlich tiefen Sattel, über den aus dem Childecheroi-Tale (zum Tschanti-Argun) der zur Not auch im Winter gangbare Paß Jukerigo (3000 m) nach Tuschetien führt, wird vom Basch-lam der im allgemeinen noch zu ihm gerechnete Stock des Tebulos-mta abgetrennt, der mit 4507 m die höchste Erhebung des Kaukasus östlich

der Georgischen Heerstraße darstellt und von den Eingeborenen immer noch fürunerstiegen, überhaupt unersteigbar gehalten wird, ebenso wie die übrigen Gipfel des Basch-lam. Auch der Name Tebulos-mta ist bei den Tschetschenen, insbesondere ihrem unmittelbar nördlich davon im Maisti-Tale wohnenden Stamme der Kisten, unbekannt; mir wurde von ihnen der Name Dakko-kort angegeben. Weiter im N wird er von den dort wohnenden Russen auch als Maisti-Berg bezeichnet. Ebenso hat auch der höchste Berg des Basch-lam, Komito (4272 m), bei den Tschetschenen eine eigene Bezeichnung, nämlich Datach-kort.

Der erwähnte Paß Jukerigo ist übrigens nur für die Childecheroi-Leute benutzbar und für den südlich des Basch-lam wohnenden georgischen Stamm der Tuschen, die über ihn ihre Schafe nach den Winterweiden am Terek treiben. Der hohe und schroffe Childecheroi-Rücken, der bis hart an die Schneegrenze aufsteigt, hindert die Bevölkerung des Scharo-Argun-Tales an seiner Benutzung. Dieselben müssen, wenn sie nach Tuschetien wollen, den viel hüheren, über Gletscher führenden Katschu-Paß (3550 m) überschreiten, der aber nur wenige Monate gangbar ist. Eine georgische Truppe, der ich im Jahre 1919 angehörte, mußte ihn allerdings noch Anfang November überschreiten; freilich wäre ihr das Wagnis bald zum Verhängnis geworden. Andere überschreitbare Einschartungen weist der Basch-lam nicht auf.

Die Schneegrenze liegt etwa bei 3500 m, die Gletscherenden bei 2800 m; die eiszeitlichen reichten 1000 m tiefer herab, was an ausgeprägten Trogtälern noch erkennbar ist. Die Tröge gehen in steile Kerbtäler über, denen beim Austritt aus dem Hochgebirge im niederen Schiefergebiet sehr breitsohlige Talweitungen folgen, die beim Eintritt in das Kalkgebirge ihrerseits wieder durch typische Caňons ababgelost werden.

Der Anblick, den der Basch-lam von N bietet, besonders vom Paß Itum-Kale-Scharoi, kann ohne Übertreibung als großartig bezeichnet werden. Drei durch unübersteigliche Eismauern verbundene Gipfel, die noch weit in die nordkaukasische Ebene hinaus grüßen, sind seine

Wahrzeichen. Sie sind von einander grundverschieden und doch jeder charaktervoll gestaltet: der elegante, schlanke, blendend weiße Kegel des Datach-kort im W, die von S nach N ansteigenden und ungemein steil abfallenden Grate und Spitzen des Donos-mta in der Mitte und der massige breite Klotz des Diklos-mta im O, dessen breite Flanken ausgedehnte Firnfelder tragen, auf denen die abendlichen Sonnenstrahlen einen rechten Haltepunkt finden.

b) Gewässer. Der einzige Fluß, der das tschetschenische Hochgebirge entwässert, ist der Argeun oder vielmehr seine beiden Arme Tschanti- und Scharo-Argun. Der Tschanti-Argun entwässert vom Hochgebirge das Chotscharoi- und Childecheroi-Gebiet, den Tebulosstock und die Strecke des teilweise schon von Chewsuren bewohnten Hauptkammes bis zum Wega-lam, der Grenze gegen Inguschien, der Scharo-Argun den Basch-lam. Im Kalkgebirge nehmen beide nur noch unbedeutende Bäche auf. Es sind übrigens zwei durchaus selbständige Flußläufe gebildet sind. Der Winkel, mit dem sie aus dem Längsoberlauf im Schiefergebirge in den das Kalkgebirge quer durchbrechenden Mittellauf übergehen, ist ungefähr der gleiche; verschieden ist nur die Richtung. Der ganze Laufwinkel des Scharo-Argun ist um etwa 50 Grad nach W auf den Tschanti-Argun zu abgedreht, so daß schließlich beim Austritt auf die Ebene die Vereinigung erfolgt. Diese Abdrehung geschieht unter dem offenbaren Einfluß der Andischen Kette, deren Wichtigkeit in physiogeographischer und, wie sich noch zeigen wird, in anthropogeographischer Hinsicht nicht leicht überschätzt werden kann. Auch die Flußläufe spiegeln eben die Tatsache wieder, daß der tschetschenische Westen im zentralkaukasischen Sinne, der Osten im daghestanischen Sinne beeinßt ist.

Auch die übrigen kleineren Flüsse des Tschetschenengebietes folgen im allgemein entweder der einen oder der anderen Richtung; die westlichen der Tschanti-, die östlichen der Scharo-Richtung, wenigstens innerhalb der Berge und soweit sie der Ssunscha zuströmen. Letztere selbst kommt aus Inguschien unweit Wladikawkas und zieht als Sammler am Nordrand der Ebene zum Terek.

Der kräftigere Tschanti-Argun hat sein Bett wesentlich tiefer eingegraben als der Scharo-Argun und treibt sein Einzugsgebiet offenbar immer weiter gegen diesen vor, so daß die Wasserscheide schon viel näher am Scharo- als am Tschanti-Argun liegt. Besonders deutlich wird das auf der flachen Wasserscheide östlich Schatoi. Vielleicht wird hier einmal der stärkere den schwächeren zu sich herüber holen.

Selbständig sind die Flüsse, die östlich des Katschkalyk-Höhenzuges, der die Ssunscha-Ebene im O begrenzt und das östliche Glied der Terek-Ssunscha-Höhen darstellt, mit welchem sie sich wieder an den Kaukasus anschließen, auf die hier schon größtenteils von Kumüken bewohnte Ebene hinaustreten. Sie erreichen weder das Meer, noch Terek oder Ssulak, sondern enden in Sümpfen.

Alle tschetschenischen Flusse, mit Ausnahme der Argune, können zur Zeit des Niedrigwassers, also im Herbst und Winter, durchwatet werden, im Frühling und Sommer sind sie dagegen bei der allgemeinen Brückenlosigkeit große Verkehrshindernisse.

c) Klima. Wie in allen Gebirgen, so bestehen auch im tschetschenischen Kaukasus große klimatische Unterschiede zwischen dem Außenrand und den inneren Gebirgslandschaften, die sich vor allem in den Feuchtigkeitsverhältnissen kundtun. Der Außenrand bzw. die tertiären Vorberge und die Nordfront des Kalkgebirges erhalten starke Niederschläge, im Inneren dagegen fallen geringere Niederschläge und besonders in den tiefen Tälern herrscht gradezu Trockenheit, ja Dürre. Typisch für das erstere Gebiet sind die Niederschlagsverhältnisse der Station Wedeno in Itschkerien (730 m. ü. d. M.) An Ort und Stelle wurde mir für das Beobachtungsjahr 1926/27 ein Betrag von 955 mm angegeben. Der russische Forstmann Markowitsch (Lit. Verz. 27) gibt dagegen die mittlere Niederschlagsmenge für fünf Beobachtungsjahre (Jahreszahlen nicht angegeben, vermutlich aus den 90er Jahren) mit 845 mm an. Es darf jedoch ohne Weiteres angenommen werden, daß an dem dicht bewaldeten Anstieg zum Kalkgebirge, etwa in 1300 bis 1500 m Höhe,

die Niederschläge noch reichlicher ausfallen. Wesentlich weniger Niederschläge werden in Schatoi (560 m) gemessen, nämlich 675 mm für 1926/27. Schatoi liegt zwar schon im Kalkgebirge, doch gestattet hier augenscheinlich die Öffnung des Arguntales den Wolken den Eintritt in das Berginnere. Für die übrigen Gegenden des tschetschenischen Kalk- und niederen Schiefergebirges müssen niedrigere Ziffern in Ansatz gebracht werden. Da tschetschenische Stationen für dieses Gebiet leider nicht existieren, so muß ich zum Vergleich Stationen aus dem nordwestlichen Daghestan heranziehen. Nur muß dabei berücksichtigt werden, daß es dort noch trockener ist als im Tschetschenengebiet, aus zwei Gründen: erstens liegt es schon weiter nach O, also weiter vom feuchtigkeitspendenden Schwarzen Meere weg und zweitens erreicht hier die Nordumrandung, wie im vorangehenden gezeigt, größere Höhen und ist außerdem nicht durch Flußtäler unterbrochen. Ferner schließt die Andische Kette den Daghestan nicht bloß gegen N ab, sondern auch gegen W und im O hält sie etwaige vom Kaspischen Meere kommende Wolken fern. In Frage kommen die Stationen Tloch (582 m) und Botlich (700 m), beide tief im Tal des Andischen Koissu gelegen, mit 459 und 418 mm Regenmenge. Auf den Hochplateaus, die im Daghestan durchschnittlich 1200 m über den sie begrenzenden Schluchten liegen, fallen etwas mehr Niederschläge, so auf dem Plateau von Chunsach (1700 m) 588 mm. (Zahlen nach Dobrynin: Lit. Verz. 11). Mit der angegebenen Einschränkung wird man diese daghestanischen Daten auch als ungefähren Anhaltspunkt für die Beurteilung der Niederschlagsverhältnisse in den entsprechenden Gegenden der inneren tschetschenischen Berge betrachten dürfen, so besonders für Tschaberloi, Itum-Kale, Scharoi und Galantschotsch. Die Niederschläge fallen ganz überwiegend im Spätfrühling und Sommer, der Herbst ist wundervoll trocken und die schönste Jahreszeit dieser Gegenden, besonders auch für den Reisenden.

Der jährliche Gang der Temperatur zeigt gemäßigte Kontinentalität, die nur um ein geringes größer ist als etwa im deutschen Nordosten.

Auch die Temperaturziffern sind in 800 m Höhe nicht wesentlich von denen Nordostdeutschlands verschieden. Zu bemerken ist, daß die Sommertemperatur in den inneren Tälern höher ist als am Nordrande des Gebirges: Wedeno: Jan. – 3, 8; Aug. 19, 8 (nach Markowitsch). Botlich dagegen Jan. – 3, 8; Juli 21, 4.

Infolge der größenen Trockenheit ist der Aufenthalt im Inneren der Berge viel angenehmer als in den Vorbergen. Die dichten Buchenwälder des Nordhanges sind eigentlich immer feucht und selbst im Oktober fand ich den Boden noch derart morastig, daß das Wandern keine Freude war, obwohl seit Wochen kein Regen gefallen, die sich nur deswegen hatten dorthin versetzen lassen, um das trockene und gesunde Klima genießen zu können, und die dafür alle Unzulänglichkeiten in kultureller Beziehung gern in Kauf nahmen. Neben ihren vielen, vielen anderen Projekten plant die tschetschenische Regierung hier auch die Errichtung von Gesundheitsstationen für Schwindsüchtige. Und wenn im Winter in den Vorbergen eine hohe Schneedecke Berg und Tal überzieht und ein unangenehm kalter Nebel die Stimmung raubt, dann strahlt in den inneren Bergen die Sonne vom blauen Himmel und hält die nach S gerichteten Hänge meist schneefrei, sofern überhaupt größere Schneemassen fallen. Selbst beträchtliche Kältegrade lassen sich leicht ertragen und die Bewohner sitzen wintertags genau so im Freien auf den flachen Dächern wie in der warmen Jahreszeit.

Begreiflicherweise ist es auch in der Ssunscha-Ebene erheblich trockener als in den Vorbergen. Immerhin fallen in Grozny noch gegen 500 mm; doch nehmen die Niederschläge mit wachsender Entfernung vom Gebirge rapide ab, so daß am W-O Lauf des Terek, der die Nordgrenze des Tschetschenen-Gebietes bildet, nur noch 382 mm gemessen werden (Stanize Schelkosawodskaja), hier also schon das Klima der nordwärts endlos sich breitenden öden Nogaiersteppe herrscht. Hier ist auch die jährliche Temperaturschwankung wesentlich größer als in den Bergen, hervorgerufen vor allem durch die größere Sommerhitze: Jan. – 3; Juli 24, 5 (nach Dobrynin, Lit. Verz. Nr. 11).

Grosny: Februar – 3, 6 (?); August 24,4 (128 m ü. d. M.) (Nach Radde: Lit. Verz. 35, S. 28).

d) Pflanzendecke. Wie schon mehrfach erwähnt, tragen die Vorberge und der Nordhang des Kalkgebirges ein dichtes Waldkleid, das hauptsächlich aus Buchen besteht, daneben auch aus Ulmen, Eschen, Linden, Ahorn u. a. Auch die Haselnuß ist weit verbreitet. Nadelwald fehlt vollkommen. Freilich hat sich das Bild in den vergangenen 100 Jahren sehr ungünstig verändert. Auf weiten Gebieten sind die alten schönen Wälder verschwunden. In voller Ursprünglichkeit halten sie sich nur noch am Nordhang des Kalkgebirges und auch hier nur an schlecht erreichbaren Stellen, da allerdings in teilweise wirklich herzerhebender Pracht. Die Kuppen der Vorberge tragen nur noch einen jammervoll verhackten Buschwald oder sind schon ganz kahl und unter dem Pfluge. Den Anstoß zur allmählichen Entwaldung gaben die kaukasischen Kriege. Um die Unterwerfung der Tschetschenen durchführen zu können, insbesondere um vor Überfällen sicher zu sein, schlugen die Russen kilometerbreite Schneisen kreuz und quer durch die berüchtigten Itschkerischen Wälder, in denen sie sich öfters schwere Schlappen hatten holen müssen. Der Rest verringerte sich unter dem Eigenbedarf der Bevölkerung in entsprechend gesteigertem Maße. In den letzten Jahrzehnten wirkte sich wohl besonders unheilvoll der sich ständig steigernde Holzbedarf des emporblühenden Grosny aus. Es existiert dort ein besonderer Holzmarkt, zu dem allwöchentlich viele Hunderte tschetschenischer Arben[6]) grünes, unreifes Holz heranschleppen. Und über die Geschäftspraxis der sogenannten Waldhüter erzählt man sich allerlei nicht gerade rühmenswertes. So sterben eben die tschetschenischen Wälder, wenn nicht bald rigorose Schutzmaßnahmen ergriffen werden.

Die obere Waldgrenze liegt ungefähr bei 1800 m, die Höhen des Kalk- und Schiefergebirges sind daher waldfrei. Kahl sind aber auch die tiefen Täler. Auch hier waren früher Wälder, wie ich von alten Leuten erfahren konnte, und ihr Verschwinden ist ausschließlich der Hand des Menschen zuzuschreiben. Etwas weiter dringt der Wald im Fortanga-

Gebiet nach S vor, auch an den Oberläufen des Scharo- und Tschanti-Argun befinden sich Wälder, jedoch meist nur an den nach N exponierten Hängen. Hier findet sich auch Nadelwald und zwar ausschließlich aus Kiefern fand ich auch an wenigen Stellen im andischen Daghestan. Im höheren Gebirge tritt auch die Birke auf.

Die Höhen sind mit Almen bedeckt, die sehr frisch und kräftig werden können. Im Übergangsgebiet sieht man häufig Rhododendrengebüsch. Die obere Grenze der zusammenhängenden Grasflächen fand ich im Basch-lam ungefähr bei 3000 m. (Über die Verhältnisse in der Ssunscha-Ebene s. S. 17 f.).

e) Landschafts- und Gaugliederung. Die physiogeographische Beschreibung des Tschetschenengebietes hat bereits die Grundzüge seiner landschaftlichen Gliederung erkennen lassen. Diese einzelnen Landschaften unterscheiden sich auch recht wesentlich in anthropogeographischer Beziehung voneinander, bilden z. T. Gebiete mit kultureller Sonderstellung, so daß ich sie lieber als Gaue bezeichnen möchte. Ich gebe hier eine Übersicht über die tschetschenische Gaugliederung mit kurzer Charakteristik der einzelnen Gaue, soweit sie nicht schon gebracht wurde.

Der Name Itschkerien wurde bereits erwähnt. Man faßt darunter das Gebiet der tertiären Vorberge und des bewaldeten Nordhanges östlich des Tschanti-Argun, das besonders durch die zwischen die niedrigen Rücken eingelagerten Schotterebenen und breiten Flußterrassen gekennzeichnet ist. Ihnen verdankt es auch seinen Namen. Itschkerien ist nämlich ein Wort kumükischen d. h. türkischen Ursprungs. «Ičі Jeri» heißt wörtlich «das Land da drinnen», d. h. zwischen den Bergen, das Land, das selbst innerhalb der Berge noch bequem als Ackerland benutzt werden kann. (Laudajew, Lit. Verz. 24). So sind auch hier gerade die wohlhabendsten Dörfer entstanden, wie Itschkerien überhaupt das weitaus entwickeltste Gebiet der tschetschenischen Berge darstellt. Auf einer derartigen Ebene liegt auch der Hauptort des Gebietes, das gleichzeitig auch einen besonderen politischen Verwaltungsbezirk bildet, Wedeno. Es ist lange nicht der bedeutendste Ort des

Tschetschenengebietes, aber der bekannteste, und das dank der kaukasischen Kriege. Schamil, der daghestanische Freiheitskämpfer, dem ja auch die Tschetschenen teils freiwillig, teils unfreiwillig anhingen, hatte hier sein befestiges Lager, das von den Russen gestürmt werden mußte, die dann ihrerseits zur besseren Beherrschung des Gaues weiträumige Festungswerke und Kasernements schufen. Derartige alte Russenfestungen finden sich auch noch an anderen Stellen des Landes; sie fallen stets auf durch die Mächtigkeit ihrer Anlage. Ferner war Wedeno auch einmal die Hauptstadt der Tschetschenen während ihres kurzen Selbständigkeitstraumes, als ein in seiner Art genialer Tschetschene 1919 hier das sogenannte Nordkaukasische Emirat schuf, das freilich im nächsten Jahre unter den Schlägen des Bolschewistensturmes wieder verschwand. Wedeno wird auch als Sommerfrische von denen benutzt, die dem Staub und der Hitze Grosnys entgehen wollen; eine Anzahl von Datschen (Sommerhäusern) dient diesem Zweck.

Abgesehen von den Straßen- und Haufendörfern, die man auf diesen Ebenen antrifft, herrscht im übrigen Itschkerien vielfach Einzelsiedlung. Es sind durchweg schmucke, saubere Häuser mit weiß oder bunt getünchten Mauern und leuchtenden roten Ziegeldächern, die einen ungemein freundlichen, friedlichen Anblick bieten, wie überhaupt die ganze Landschaft Itschkeriens den Zug der Anmut und erquickenden Frische in sich trägt.

Die Ostgrenze Itschkeriens verläuft ungefähr auf der Wasserscheide zwischen dem Einzugsgebiet der Ssunscha und dem selbständigen in der Kumüken-Ebene endigenden Flusse Akssai. Das Gebiet von hier nach O bis zur daghestanischen Grenze, also das Gebiet der Flüsse Akssai, Jamanssu und Jarykssu, trägt den Namen Auch. Äußerlich gleicht es Itschkerien; seine besondere Stellung verdankt der Gau seinen Bewohnern, die bei den übrigen Tschetschenen und ihren daghestanischen Nachbarn in schlechtem Rufe stehen wegen ihrer Unzuverlässigkeit und Neigung zu Räubereien, eine Meinung, die ich nur bestätigen kann, da ich hier einmal tätlich angegriffen wurde. Es

war das einzige Mal, solange ich überhaupt unter Tschetschenen mich aufgehalten habe.

Der Itschkerien entspreche Teil der Schwarzen Berge westlich des Argun trägt keinen besonderen Namen, hat auch lange nicht die Bedeutung wie dieses, da er von dichten Wäldern bedeckt und nur spärlich besiedelt ist. Es fehlen die weiten Schotterebenen, außerdem ist der Streifen der Vorberge viel schmaler, da das hohe Kalkgebirge hier sehr dicht an die Ebene herantritt.

Folgt man der Straße, die von der Ebene aus das Tschanti-Argun-Tal aufwärts führt und hat man die z. T. sehr enge Schlucht durchmessen, in der der Argun den vorderen Kalkgebirgzug durchsägt, so öffnet sich der Ausblick auf den weiten Talkessel von Schatoi, die tiefste Stelle der Mulde, die sich zwischen dem ersten und zweiten Kamm des Kalkgebirges erstreckt. Eine Häufung von Ortschaften erfolgt hier und weiter hinauf an den Wänden des Kessels, deren Mittelpunkt der große Ort Schatoi ist. Es ist der wichtigste Ort der tschetschenischen Berge, wenn man von Itschkerien absieht, und bildet auch geographisch ihren Mittelpunkt. Abgesehen von seiner Eigenschaft als Verwaltungszentrum dient auch Schatoi, mehr noch als Wedeno, als Sommerfrische für Grosny, mit dem es im Sommer durch einen Autobus Verbindung aufrechterhält. Von hier aus dringt auch russisches oder schlechthin modernes Wesen am stärksten in die Berge ein. Alle Einwohner verstehen Russisch, was sonst eine große Seltenheit ist. Während in den inneren Bergen nur die flachdachigen Häuser oder gar die alten Turmbauten anzutreffen sind, herrscht in Schatoi und den Nachbardörfern durchaus das ziegelgedeckte Satteldachhaus. Auch den Tschetschenen gilt es als eine Art kultureller Mittelpunkt. Außerdem ist der Menschenschlag hier sehr schön und stattlich; besonders die Schönheit der Schatoier Mädchen wird viel gerühmt und nicht mit Unrecht (Abb. 1).

Der Raum zwischen der vorderen Kalkkette und der hier vorwiegend wohl aus Schiefern und Sandsteinen gebildeten zweiten Kette, der sich von Schatoi nach W erstreckt, wird durch Querrücken in mehrere

Becken ist das der oberen Gechi, das daher auch am besten besiedelt ist. Der Eindruck ist freilich ein ganz anderer als der des reichen, blühenden Kessels von Schatoi, liegt das Gechi-Becken doch etwa 1000 m höher als dieser und ist größtenteils waldlos. Die Siedlungen machen einen viel ärmlichen Eindruck und bestehen durchweg aus niedrigen flachdachigen Steinhäusern, zwischen denen viele alte Turmbauten auffallen. Zentrum ist das Dorf Galantschotsch, das im Übergangsgebiet zwischen dem melancholischen, offenen Schiefergelände und den im N prächtig aufsteigenden, bunten Wänden des Kalkgebirges liegt (Abb. 2).

Bei der völligen Ungangbarkeit der Gechi-Klamm sind die Bewohner von Galantschotsch gezwungen, an ihren schroffen Wänden in die Höhe zu steigen, wenn sie nach der Ebene wollen – ein besonders in der prallen Sommer- und Herbstsonne sehr mühsames Beginnen —, und über die von zahlreichen trichterförmigen Karstdolinen durchsetzten Almen des Kalkgebirges ihren Weg zu nehmen. Sie müssen es aber öfters tun, um die Erzeugnisse ihrer Viehwirtschaft gegen Kukuruz (Mais) umzutauschen, da das eigene Getreide bei weitem nicht ausreicht, den Bedarf für das ganze Jahr zu decken. Das gilt übrigens für die meisten Dörfer des höheren Gebirges. Der Gau wird nach dem nächst bedeutenden Dorfe auch Akki genannt.

Durch den hohen, zackigen Zug des Borsonti wird das Gechi-Becken von dem der Fortanga getrennt, das auffällig stark bewaldet ist. Zentrum ist Meredschoi. Hier wohnte früher der nach der Unterwerfung des Landes bis auf geringe Reste nach der Türkei ausgewanderte tschetschenische Stamm der Karabulaken.

Östlich des Scharo-Argun erstreckt sich – immer zwischen den beiden Ketten des Kalkgebirges ß der Gau Tschaberloi, von dem man das untere und das obere Tschaberloi unterscheidet. Getrennt werden beide durch die Andische Wasserscheide, die hier aber nicht mit der Andischen Kette zusammenfällt, sondern etwa 10—15 km westlich von deren Kamm verläuft. Der Andische Koissu hat sein Einzugsgebiet im Ansalta-Bach über die Kette hinweg nach W vorgeschoben; in enger

Schlucht wird sie von diesem Bach durchbrochen. Die Wasserscheide selbst ist eine ganz flache Schwelle.

Das untere Tschaberloi liegt ähnlich wie Galantschotsch schon beträchtlich über den Argunläufen, ist aber stärker zerschnitten als jenes. Durch ihre Waldlosigkeit und brütende Hitze erinnern seine engen Schluchten schon an den Daghestan. Verwaltungspunkt des gesamten Tschaberloi ist Tschobachkineroi, ein ganz unbedeutendes Dorf, von dem sich aber ein wundervolles Gebirgspanorama von machtvollem Aufbau bietet. Durch die Lücke, die hier der Scharo-Argun in die zweite Kette gerissen hat, grüßt von S das breite, firnbedeckte Haupt des Diklos herüber.

Stärker individualisiert als Landschaftseinheit ist das obere Tschaberloi. Es ist ein weiter, flacher Kessel, der aber infolge seiner Ausdehnung als Hochfläche empfunden wird und deshalb stark an die gleichartigen daghestanischen Bildungen erinnert, denen er auch in seiner Baumlosigkeit, Ungeschütztheit gegen Sommerhitze und Winterkälte und den Dorfanlagen gleicht. Etwa 200 m über dem Kessel liegt in dessen Ostumrandung der von hohen Bergwänden eingefaßte, schöne Forellensee Esen-am, 1868 m ü. d. M., an dem die sogenannte Zarenstraße von Wedeno nach Botlich Botlich in Daghestan entlang führt. Den übrigen Tschetschenen gelten die Tschaberloier schon mehr mit den benachbarten großen daghestanischen Orten Andi und Botlich verbunden als mit den tschetschenischen Basarplätzen.

Folgt man von Schatoi aus dem Tschanti-Argun auf dem leidlichen Fahrwege und hat man die finstere und außerordentlich eindrucksvolle Klamm hinter sich, mit der er die zweite Kette durchsägt, so erweitert sich das Tal bedeutend. Die hier völlig waldlosen Hänge werden mit Eintritt in das Schiefergebiet flacher und diese Gestalt behält der Oberlauf des Argun bis zum Beginn des Hochgebirges. Die größte Breite erreicht seine Talsohle bei Itum-Kale mit fast ½ km und da hier auch ein breitsohliges Tal von SO her einmündet, so hat sich ein Bevölkerungszentrum entwickelt; Itum-Kale bildet den Verkehrs- und Handelsmittelpunkt für die ganze Südhälfte der tschetschenischen

Berge. Zu seinem lebensvollen, bunten Wochenmarkte kommen die Leute, abgesehen vom eigentlichen Bezirk von Itum-Kale, der den Gaunamen «Tschanti» trägt, auch aus dem oberen Scharo-Argungebiet, ebenso aus Galantschotsch und dem wilden Maisti und Mälchsti. Ja sogar Chewsuren in ihrer interessanten Tracht sieht man ab und zu. Von hier strahlen auch die Wege aus, die über das Hochgebirge nach Tuschetien und Chewsuretien hinüber führen, nämlich nach ersterem entweder über Scharoi und den Katschu-Paß oder über Childecheroi, und nach letzterem über Mälchisti und Schatil. Schon vor der Russenzeit war Itum-Kale eine stark befestige Zentrale mit vielen Wehrtürmen. Nach deren Zerstörung bauten die Russen eine weiträumige Festungsanlage, die jetzt natürlich in Ruimen liegt, sie wird bald völlig verschwunden sein, da ihre Steine als Baumaterial weggeschleppt werden.

Zum näheren Einflußgebiet Itum-Kales gehören verschiedene Seitentäler des Tschanti-Argun, von denen hier nur das durch Holz- und Webearbeiten bedeutende Tal von Chotscharoi und das von kaum übersteigbaren Bergmauern eingerahmte Gebiet von Childecheroi genannt seien.

Denselben landschaftlichen Charakter wie der Oberlauf des Tschanti- hat der des Scharo-Argun; auf seinen flachen Schlieferhängen liegen die Ortschaften in den verschiedensten Höhen verteilt. Hauptort ist das hochgelegene Scharoi mit zwei weithin sichtbaren, dräuenden alten Türmen (Abb. 3). Seine wehrhaften Bewohner machten 1919 der auf S. 8 erwähnten georgischen Expedition viel zu schaffen und waren noch 1925 gegen die Sowjets aufständig. Und zwar aus religiösen Gründen: die kommunistische Verneinung Gottes empörte die frommen Mohammedaner, genau so wie 1921 im benachbarten Daghestan. Bei der räumlichen Begrenztheit des Aufstandes wurden sie jedoch von den Bolschewisten ungewöhnlich nachsichtig behandelt, während man unter den tapferen Daghestarnern blutig aufgeräumt hatte. In den letzten Jahren ist auch dieses Gebiet durch einen Straßenbau erschlossen worden; die Straße führt von Schatoi hinüber zum Scharo-

Argun und an diesem entlang bis Scharoi. Sie soll u. a. den Abtransport des beim Dorfe Chulandoi einstweilen mit primitiven Mitteln abgebauten Antimons ermöglichen. Infolge der größeren Entfernung vom Zentrum Itum-Kale sind Sitten und Lebensweise der Bewölkerung im Oberlaufgebiet des Scharo-Argun wesentlich ursprünglicher als in dem des Tschanti-Argun, wenn man von dessen Quellgebiet absieht.

Diese Quellgebiete des Tschanti-Argun dürfen nun von allen tschetschenischen Gauen das Hauptinteresse des Forschers beanspruchen eben wegen ihrer ethnologischen Ursprünglichkeit. Sie sind von Itum-Kale nur 1—2 Tagemärsche entfernt. Das enge Kerbtal, durch das der Argun nach der Einmündung des Kii-Baches, flußaufwärts gerechnet, hindurchtost, ist jedoch schwer zu passieren. Die Erosionswirkung ist an waldfreien Stellen außerordentlich; zumal bei Tauwetter sausen aus großer Höhe ständig Gesteinssplitter in das schäumende Bergwasser, ein Umstand, der für den Wanderer eine nicht geringe Gefahr bedeutet.

Zwei Gaue sind aus diesem Gebiet zu nennen, Maisti und Mälchisti. Maisti, das auf Childecheroi nach W folgende rechte Seitental des Tschanti-Argun, ist ebenso wie dieses durch meist nur für den Alpinisten übersteigbare Seitenmauern umrahmt, im S aber noch durch das Massiv des Tebulos-mta völlig abgeriegelt, von dem der größte Gletscher des Ostkaukasus bis etwa 2800 m herabkommt. Abgesehen von dem bis auf 1800 m herabreichen Trogal und einem kurzen Stück vor der Einmündung in den Argun ist das Maisti-Tal einevöllig ungangbare Klamm. Hoch oben erst; wo die Talwände weiter zurücktreten, ist Platz für Siedlungen. Die über blauschwarze, sehr harte und glatte Schieferplatten hinaufführenden Pfade sind selbst für das sichere Gebirgspferd gefährlich, so daß man fast nur Maulesel sieht. Aus demselben Grunde hält man auch mehr Ziegen als Schafe.

Nur drei Dörfer birgt dies letzte, tiefste Tal der tschetschenischen Berge mit insgesamt etwa 300 Seelen. Trotzdem verdient es besonders genannt zu werden, da sich hier die alte Hochgebirgsturmkultur, die sich einst viel weiter erstreckte, noch ziemlich unberührt erhalten hat.

Noch wohnt man ausschließlich in den finsteren, die von hohen, schalken Wehrtürmen überragt werden, (Abb. 4) und ausgedehte Kolonien von Totenhäusern deuten auf alte religiöse Vorstellungen, die auch heute unter der erst christlichen, jetzt mohammedanischen Oberfläche noch weiter bestehen.

Dasselbe gilt von dem argunaufwärts folgenden Gau Mälchisti. Das Aruntal, vor allem das seines linken Nebenflusses Meschi-achk, ist hier wieder etwas offener, und so sieht man überall von den Hängen die alten Turmbauten heruntergrüben. Über ein Dutzend Dörfer verzeichnet in diesem Gebiet die 5 Werst-Karte, in Wirkllichkeit gibt es deren nur drei: Dscharego, Teretego und Bonisti, das übrige sind burgartige Einzelhüfe, deren Beschreibung weiter unten folgt. Die Bewohner bilden zusammen mit denen von Maisti den tschetschenischen Stamm der Kisten. Mit ihren Nachbarn, den Chewsuren, die auch auf dem Nordhang einige Dörfer haben, leben sie eher in Fehde als in Frieden. Ursache hierfür ist gewöhnlich Viehdiebstahl auf den Hochweiden und damit verbundener Totschlag. Der Fehdezustand erstreckt sich jedoch meist nur auf einzelne Dörfer bzw. Sippen, nicht auf die ganzen Stämme. So lebten während meines ersten Aufenthaltes 1919 die Dscharegoer Kisten in Feindschaft mit den Schatiler Chewsuren, beim letzten Aufenthalt nicht mehr, dafür aber der direkte Weg nach Tiflis verschlossen. Die Antwort auf die Frage: «Wie steht ihr mit den Einwohnern dieses oder jenes Dorfes?» lautet jedenfalls nie schlankweg «gut» oder «schlecht», sondern «zur Zeit gut» oder «zur Zeit schlecht».

Über Lage und Gestalt der Ssunscha-Ebene wurden schon eingangs einige Ausführungen gemacht. Völlig eben ist sie nicht, sie neigt sich leicht nach NO und zeigt kaum merkliche Bodenwellen. Außerdem beleben zahllose Kurgane von I bis etwa 6 m Höhe die flachen Felder. Die Flußtäler sind so breit, daß sie für eine viel größere Wassermasse bestimmt erscheinen als für die, die heute hindurchfließt. Auch bei kleineren Bächen hat das Tal noch an 100 m Breite, das des Argun ist bis 1 km breit, das der Ssunscha stellenweise wohl gar 2 km. Der

Höhenunsterschied zwischen Talsohle und Steppe kann bis 20 m betragen. auf weite Strecken ist der Talboden mit dichtem Gestrüpp bedeckt, z. B. der der Ssunscha, in dem sich u. a. auch Wildschweine tummeln. Zu den zahlreichen Flüssen und Bächen, deren Strömung immer noch recht rasch ist, kommen Bewässerungskanäle hinzu, die aber auch im Laufe der Zeit die Form von Flußläufen angenommen haben. Künstliche Bewässerung ist in größerer Entfernung vom feuchteren Gebirgsfluß eben doch schon erforderlich, besonders für Gartenkulteren in der Nähe von Grosny.

Die Ebene ist heute größtenteils von Steppe bedeckt, die mit Annäherung an das Gebirge wesentlich frischer wird. Früher soll aber der Überlieferung zufolge auch hier der Wald weit verbreitet gewesen sein. Seine Spuren sind noch in ausgedehnten, bis zu 5 meter Höhe erreichenden Buschbeständen erkennbar. Während aber die edleren Hölzer abgeschlagen werden. läßt man das dicht wuchernde Christdorn-Gestrüpp stehen; es nimmt schon bedeutende Flächen ein, die somit natürlichvöllig nutzlos daliegen.

Die Steppe ist ihrerseits schon stark durch Ackerland eingeschränkt. Mais und wieder Mais, dieses Hauptnahrungsmittel für Mensch und Tier, soweit das Auge reicht. Andere Früchte, besonders Getreide, verschwinden demgegenüber völlig. Der fruchtbare Boden hat eine hohe Bevölkerungsdichte zur Folge. Zwar liegen die Dörfer oft meilenweit auseinander, dafür haben sie aber zuweilen erstaunlich hohe Einwohnerziffern. Das Dorf Schali z. B. hat nach der Zählung von 1926 15000 Einwohner, Urus-Martan gar über 20000! Da sie außerdem noch sehr weitläufig gebaut und die meisten Höfe noch von Maisgärten umgeben sind, so kann es Stunden dauern, bis man solch ein Dorf durchquert hat. In der Regel besteht der Dorfplan aus vielen parallelen Straßenzügen, die durch gelentliche Querstraßen mit einander verbunden werden. Die in Itschkerien so verbreiteten, aus vielen Einzelgehöften bestehenden weit zerstreuten Dorfanlagen fehlen vollkommen. Im Grün versteckt, von hohen Pappeln überragt, machen die Dörfer mit ihren sauber getünchten, ziegelgedeckten

Satteldachhäusern einen sehr freundlichen, kultivierten Eindruck. Nichtsdestoweniger sind die Bewohner aber noch reichlich unfügsam; Bandenwesen herrscht in hohem Maße, mehr als in den Bergen. Ich kannte russische Polizeibeamte, die nach längerer Tätigkeit in der Ebene zur Erholung einen Posten in den Bergen erhalten hatten.

Die Zahl der in der Ssunscha-Ebene wohnenden Tschetschenen beläuft sich nach der Zählung von 1926 auf etwa 190 000. Da nun der Flächenraum mit reichlich 2000 qkm angesetzt werden kann, so kämen auf 1 qkm ungefähr 90 Menschen, eine für diesen Erdraum gewiß sehr bemerkenswerte Dichteziffer! Dabei ist die Bevölkerung von Grosny mit 95 000 Einwohner nicht mit einbegriffen. Zwei Drittel des ganzen Volkes wohnen also in der Ssunscha-Ebene, obwohl sie nur etwa den vierten Teil des Autonomen Gebietes der Tschetschenen einnimmt.

Etwa genau soviel Flächenraum wie die Ssunscha-Ebene nimmt das Gelände der beiden die Ebene im N begrenzenden Hügelzüge des Terek-Ssunscha-Gebirges ein. Es ist aber wegen seiner Öde und Unfruchtbarkeit – letzters wegen Wassermangels – so gut wie unbewohnt und wird nur als Weidegebiet benutzt, wenigstens so weit die Tschetschenen daran interessiert sind. Seine besondere Bedeutung erhält es jedoch durch die sogenannten Alten Petroleumbohrfelder Grosnys, die sich am Nodhange des südlichen Höhenzuges befinden.

B) Sprachliche Stellung und dialektische Verschiedenheiten.

Die Bevölkerung des Kaukasus besteht aus drei großen Gruppen: I. den eigentlichen Kaukasusvölkern, 2. Arischen Völkern, 3. Turkvölkern. Die Tschetschenen gehören nun zu den eigentlichen Kaukasusvölkern, die Karthwelier im SW mit dem Hauptvolk der Georgier, 2. Die Abchasen, Ubychen und Tscherkessen im NW und 3. Die Tschetschenen und daghestanischen Völker im NO. Nach dem Urteil der Sprachforscher, besonders des Barons von Uslar, stehen die Tschetschenen sprachlich unter den Kaukasusvölkern den Daghestanern am nächsten. Auch kulturell hat man sie der daghestanischen Gruppe zugeordnet, worüber man jedoch verschiedener Ansicht sein kann; meiner Ansicht nach sind sie

ethnologisch viel eher den zentralkaukasischen Völkern zuzuzählen, wie noch näher dargetan werden soll. Man wird in diesen Dingen besonders von dem ausgezeichneten russischen Sprachforscher Jakowlew wertvolle Aufklärungen zu erwarten haben, der sich mit der tschetschenischen Sprache in den letzten Jahren befaßt hat und auch ethnologisch arbeitet.

Nächst den Georgiern sind die Tschetschenen mit über 300 000 Köpfen das zahlenmäßig stärkste der eigentlichen Kaukasusvölker. Sprachlich und kulturell gehören zu ihnen aber ohne weiteres noch die Inguschen und der kleine Stammessplitter der Batser am Südhange des Hauptkammes[7]). Die Kopfzahl der Tschetschenen im weiteren Sinne würde dann etwa 400 000 betragen. Dialektunterschiede bestehen wohl, sie sind aber ganz geringfügig, so daß Tschetschenen und Inguschen sich mühelos miteinander verständigen können. Trotzdem müssen die Inguschen als ein besonders Volk betrachtet werden, da sie politisch eine Sonderentwicklung durchgemacht haben, was ja in der Ausdruck kommt, Tatsache zum Ausdruck kommt, daß ihnen von der Sowjetregierung ein eigenes Autonomes Gebiet errichtet wurde.

Auch die Sprache der Tschetschenen im engeren Sinne, von denen in dieser Arbeit nur die Rede ist, weist anscheinend noch geringe dialektische Verschiedenheiten auf. Bemerkt habe ich das jedenfalls bei den Kisten von Maisti und Mälchisti, in deren Munde die mir bekannten tschetschenischen Worte einen etwas anderen Klang hatten. Als Beispiel erwähne ich das tschetschenische Wort für Wehrturm «bau», das bei den Kisten «vau» lautete. Ebenso wurde mir versichert, daß auch die Tschaberloier eine vom übrigen Tschetschenischen leicht abweichende Sprechweise hätten. Auch lexikalische Unterschiede zwischen dem Tschetschenish der Ebene und dem der Berge wurden mir genannt.

Da aber zu diesen sehr geringen dialektischen Unterschieden wesentlich stärkere kulturelle hinzukommen, so kann man doch von einer Gliederung der Tschetschenen in kleinere Stämme sprechen. Man

wird dabei auch an den Stamm der Karabulaken denken müssen (ein Name offensichtlich türkischer Herkunft: kara-schwarz, bei Wasser im Sinne von schlecht, trübe gebaucht; bulak-Quelle), die, wie schon erwähnt, im Fortanga-Gebiet saßen und nach der Besitzergreifung des Landes durch die Russen bis auf geringe Reste, die sich im Dorfe Atschchoi-Martan in der Ebene erhalten haben, nach der Türkei auswanderten. Rückwanderer siedelten sich in dem Aul Sagopsch in der kleinen Kabarda an. Die Karabulaken sollen sich durch ganz besondere Wildheit und Verwegenheit ausgezeichnet haben und dialektische sowohl von den Tschetschenen wie auch von den benachbarten Inguschen leicht verschiedenen gewesen sein. (Nach Iwanow, Lit. Verz. 17). Als tschetschenischen Namen des Stammes nennt Jakowlew den Namen «earštchuoj».

C) Geschichtliches. Untersuchungen über die Herkunft der Tschetschenen müssen sehr schwierig sein, da wir ja nicht wissen, unter welchem Namen die Tschetschenen früher einmal aufgetretenen sind. Denn der jetzige Name ist neueren Ursprungs. Er bedeutet zunächst nichts anderes als Bewohner des etwa 15 km südöstlich Grosny am Argun gelegenen Dorfes Tschetschenen, eines Dorfes, da einst am weitesten von allen tschetschenischen Dörfern nach N vorgeschoben war, mit dem also Russen, Kabardiner und andere zuerst in Berührung kamen. Der Russe sagt also «čečenec», Mehrzahl «čečency», der Kabardiner «šašan», der Ossete «tsatsan». In der deutschen Kaukasusliteratur hat sich bedauerlicherweize der Name «Tschetschenen» eingebürgert, obwohl es richtig «Tschetschener» heißen müßte; der Einheitlichkeit halber wird jedoch auch in dieser Arbeit «Tschetschenen» gesagt. Zum ersten Male schriftlich belegt ist der Name «Tschetschenen» in einem Vertrage der Russen mit dem Kalmükenführer Ajuki-Chan aus dem Jahre 1708. (Nach Berge, Lit. Verz. 3, S. 140). Selbst nennen sich die Tschetschenen «nachčoi» was einfach Volk bedeutet, wie so manche andere Völkernamen (Singular nachčuo). Nach Laudajew S. 3 (Lit. Verz. 24) werden sie von den Daghestanern «burtel», vn den Kumüken «mičikiš» genannt. Das Wort setzt sich nach

Laudajew zusammen aus «mičik» und «giši», «giši» soll im Kumükischen Leute bedeuten. «mičik» heißt ferner ein rechter Zufluß des Ssunscha-Nebenflusses Gudermes im östlichsten Winkel der Ssunscha-Ebene also im Grenzland gegen die Kumüken. Au einer sehr interessanten alten, von einem Gehilfen Schamils entworfenen Karte (Lit. Verz. 37), die den Herrschaftsbereich Schamils, als das nördliche Daghestan und das Tschetschenen-Gebiet, umfaßt, indet sich das Wort «mičik» auch als Gauname für besagtes Gebiet eingetragen. «mičikis» ist nach Ansicht Semenows (Lit. Verz. 46, S. 217) gleichbedeutend mit dem Namen des alten Volkes der Massageten, was noch durch andere, von ihm nicht näher bezeichnete Quellen erwisen sei. In diesem Zusammenhange erwähnt er auch die tschetschenischen Dorfnamen Machketi und Mesketi, ersteres in Itschkerien, letzteres in Auch gelegen).[8]

Ferner ist zu erwähnen der Name «Kisten», mit dem die Gebirgsgeorgier die Tschetschenen, im besonderen ihre unmittelbaren Nachbarn, also die Bewohner von Maisti und Mälchsti, belegen und der auch in der deutschsprachigen Literatur vorkommt, auch in der Form Kistiner. Die Bewohner der Kistengaue bezeichnen sich selbst und werden von ihren Stammesgenossen nur nach ihren Landschafts bzw. Sippennamen Maisti und Mälchisti bezeichnet. Anscheinend hat der Name Kisten auch für die Inguschen gegolten, nach dem Flußnamen Kistinka zu urteilen, den der 5 Werst-Karte zufolge zwei rechtsseitige Zuflüsse des Terek in der Darial-Schlucht tragen.

Wenn nun auch schriftliche Zeugnisse fehlen, so haben natürlich die Tschetschenen eine mündliche Überlieferung bezüglich der Herkunft ihres Volkes und seiner weiteren Schicksale. Es muß nur dabei im Auge gehalten werden, daß diese Überlieferungen keine eigentliche Volksgeschichte darstellen, sondern daß es lediglich Familienüberlieferungen sind. Denn ihre Geschichte als Volk beginnt streng genommen erst mit der Bildung des Autonomen Gebietes durch die Sowjets. Von jetzt ab erst treten alle Zweige des Volkes geschossen auf den Plan. Bis dahin bestand ihre Geschichte nur in einem

Nebeneinanderleben verschiedener Stämme oder besser noch von Sippen, Großfamilien, die wohl zeitweise z. T. gemeinsam handelten, ebenso oft aber einander befehdeten. Soweit wir wissen, hat es also niemals einen tschetschenischen Herrscher gegeben oder sonst etwas einer Regierung ähnliches, der das ganze Volk für längere Dauer gefolgt wäre. Selbst zur Zeit der kaukasischen Kriege galt das noch. Hauptsächlich kämpfen nur die Tschetschenen gegen die Russen, au die sich unmittelbar der Einfluß Schamils erstreckte, d. h. die an den Dagestan grenzenden Gaue, besonders die Itschkerier. Auch der Volksname «nachčoi» z. B. ist nach Laudajew erst in jüngerer Zeit für alle Tschetschenen gültig geworden; bis dahin bestanden nur die verschiedenen Gaunamen.

Es existiert nun bei den Tschetschenen eine Sage über den Ursprung ihres Volkes, die verschiedene Varianten aufweist. Se ist tatsächlich sehr verbreitet; mir wurde sie verschiedentlich erzählt. Ich gebe sie in der Form wieder, wie sie sich bei Semenow verzeichnet findet (Lit. Verz. 46, S. 209), da sie dort ausführlicher dargestellt ist, als ich sie hörte. Es handelt sich dabei um Übersetzung eines arabischen Textes, der von einem Mullah im Jahre 1828 niedergeschrieben wurde. Die Sage hat demnach folgenden Wortlaut:

Geschichte der Auswanderung des Stammes Nachtschu aus dem Dorf Nachtschuwan im 63. Jahr nach der Hedschra (also 685 n. Chr.).

Aus dem Dorf Nachtschuwan zogen drei Brüder aus: Abdul-Chan, Raschid-Chan und Hamsat-Chan, Söhne des Said-Ali-Schami, der seinerzeit den Titel Saiedul-Umarai-Sultanu-Salatini hatte, 100 Jahre lebte und in Schami starb. (Schami = Damaskus oder Syrien).

Nach dem Tode des Vaters ging ihre Fürsten- und Sultanswürde über in die Hände dazu nicht berechtigter. Infolgedessen flohen die Brüder nach Nachtschuwan. Aus Nachtschuwan gingen sie nach Kagysman, wo Verwandte des Vaters wohnten. Dort lebten sie 10 Jahre. Der jüngste Bruder starb daselbst. Von Kagysman siedelten Abdul-Chan und Raschid-Chan nach Arsuman über, wo sie 6 Jahre wohnten. Dort starb der zweite Bruder Raschid-Chan. Abdul-Chan übersiedelte nach Chalyb

mit seiner Familie, die aus drei Söhnen, vier Töchtern, seinem Weibe und einem Neffen bestand. Hier heiratete Abdul-Chan die Tochter des Fürsten der Ungläubigen Albulat. Er ließ den Neffen in Chalyb zurück und zog mit der Familie an einen Ort, wo außer Wölfen und anderen wilden Tieren niemand weiter wohnte und wo der kleine Fluß Baschan (Baschan) floß. Dort errichtete verschiedene steinerne Türme. Von seinen dort geborenen Söhnen nannte er einen Baschan. Dort starb er auch 90 Jahre alt.

Nach Abdul-Chan blieben drei Söhre übrig: Scham-Chan, Said-Ali und Fachruddin und vier Töchter: Sagidat, Habisat, Fatimat und Sainab. Scham-Chan verheiratete im 153. Jahre nach der Hedschra seine Schwestern an Fürsten von Abasakan und nahm sich selbst bei ihnen ein Weib, die Tochter Surchais. Seiner Schwestern wegen entstand zwischen ihm und den Abasaken ein Streit, weshalb er und seine Brüder vom Baschan zu einem kleinen Fluß übersiedelten und dort ein Sohn geboren, den sie Argun nannten. SaidßAli blieb dort wohnen, für Fachruddin wählten sie als Wohnplatz BaimaßSawraini (in einem anderen Bericht heißt es Syrin-kort, der östliche der beiden Hügel südlich Grosny), Scham-Chan aber zog nach Naschach und wohnte dort in einem von ihm erbauten steinernen Turme. Das war im Jahre 213 nach der Hedschra. Scham-Chan starb in Naschach. Nach ihm bildeten sich in Naschach 13 Geschlechter. Argun, der Sohn Said-Alís, überließ seinen Wohnsitz seinen Brüdern und zog nach Machketi (in Itschkerien).

Weiter ist in dem Text die Rede von Dingen, die mit der Ausbreitung der Tschetschenen direkt nichts mehr zu tun haben, von Fürsten der Kalmüken in der Ebene, von vermutlich chasarischen Fürsten und von der Ausbreitung des Islam, Dinge, über die außerdem andere Berichte vorliegen.

Die Sage hat offensichtlich unter dem Einfluß des Islam ihre ursprüngliche Gestalt verloren. Sie ist ja auch gerade zur Zeit des Aufkommens des Müridismus im Daghestan niedergeschrieben. So werden zunächst die Namen der Helden in echt arabisch-

mohammedanische umgewandelt sein, die ja auch heute als Vornamen bei den Tschetschenen so gut wie bei anderen mohammedanischen Völkern verwandt werden. Zu der Annahme ist man um so mehr berechtigt, als in einer andereb Form der Sage der Name des aus Damaskus auswandernden Stammvaters anders laulet, nämlich Turpal. Andere Namen aus den Stammessagen sind Molkcha oder Malkchu, dessen Sohn heißt Tinawin-wissu, seine Recken Tinielder, Termagalla, Guno-Karkaloi, Gardaseirik, Schirdi-Kanat u. a. (Berge, Lit. Verz. 3, S. 124).

Wenig Glauben verdienen auch die Zeitangaben. Da der Stammvater unbedingt ein Rechtgläubiger sein mußte, so konnte der ‚Schreiber der Sage die Auswanderung auch erst nach Mohammeds Wirken stattfinden lassen. Daß kleinere mohammedanische Völker ihre Vorfahren gern als echte Mohammedaner hinstellen und aus der Familie des Propheten, ist ja eine bekannte Erscheinung. Im Nibelungenliede gehen die Helden ja auch als fromme Christen zur Kirche. Bei den Tschetschenen ist es nun erwiesen, daß ihre Vorfahren erst vor rund 200 Jahren zum Islam bekehrt wurden.

Man hat die Sage aus diesen Gründen als für die Aufklärung der tschetschenischen Geschichte belanglos hingestellt, so Berge und Jakowlew[9]) (Lit. Verz. 19); ich glaube jedoch, daß man den geographischen Kern des Ganzen nicht völlig außer Acht lassen darf. Schon der Gleichklang des tschetschenischen Ethnikons «nachtschoi» (nachčoi) bzw. «nachtschuo» mit «Nachtschuwan» oder «Nachitschewan» sollte doch zu denken geben, wenn man nicht etwa umgekehrt annehmen will, daß erst auf Grund des Volksnamens «nachtschoi» die Sage den Ursprung des Volkes volksetymologisch nach Nachitschewan verlegt hat. (Außer der bekannten Stadt Nachitschewan am Araxes gibt es nach dem Ortsverzeichnis der 5 Werst-Karte noch ein Dorf Nachitschewan in der Nähe des in der Sage ebenfalls erwähnten Städtchens Kagysman in Zentralarmenien zwischen Eriwan und Kars.) Dazu kommt dann die bestimmte Nennung anderer armenischer bzw. nordostkleinasiatischer Orte, wie Arsuman (nach Semenow = Erserum=, und Chalyb. Ein Volk der Chalyber wohnte

nach dem Zeugnis antiker Schriftsteller an der Südostküste des Schwarzen Meeres.

Diese Ortsangaben verdienen um so mehr Beachtung, als es feststeht, daß ein altkaukasisches Volk, die Moscher (Mos-cher) eben aus diesen Gegenden einst nach NO zog (Leonhard, Lit. Verz. 25, S. 295= wie ja überhaupt die engen Verbindungen der kaukasischen Welt mit Armenien und Vorderasien besonders in der Sprachforschung immer mehr hervortreten.

Der Landschafts- und Volksname Abasakan ist sicher gleichbedeutend mit Abchasien bzw. Abchasen. Nach Ansicht Semenows kann jedoch auch die Kabarda damit gemeint sein. Mit dem Flußnamen Bas-chan dürfte der Baksan gemeint sein, was für Kabarda sprechen würde.

Hinweisen möchte ich bei dieser Gelegenheit darauf, welch wertvolle Aufschlüsse eine genauere Untersuchung der geographischen Namen des Tschetschenen-Gebietes für die Sprach- und Geschichtsforschung noch bringen kann. Ich habe mich damit begnügen müssen, den Gleichklang tschetschenischer Ortsnamen mit nichttschetschenischen, bzw. nichtkaukasischen festzustellen und muß es Fachleuten überlassen, zu entscheiden, ob diese Übereinstimmungen vielsagend oder nichtssagend sind. Es sind reine Zufallsfunde, von denen ich hier einige erwähnen möchte. So gibt es nördlich vom See Esenßam einen Gebirgszug Kerket mit gleichnamigem Paß, über den die Straße von Wedeno in Itschkerien nach Botlich im andischen Daghestan führt. Der Name entspricht vollkommen dem antiken Namen Choi; eine gleichnamige Stadt gibt es am Urmia-See in Nordwestpersien. Nach Persien deutet ebenso ein nur wenige Kilometer vom tschetschenischen Dorfe Choi gelegener Ort Parsenoi. Der Name des Flusses Argun kommt, wie ich dem Ortsverzeichnis der 5 WerstßKarte entnehme, in den Kaukasusländern noch mehrfach vor, teils als Flußß, teils als Ortsname. (Lit. Verz. 48) Eigenartig sind die Übereinstimmungen gerade, was die Flußnamen anbelangt, mit

Sibirien. Bekannt ist der Quellfluß des Amur, mit Namen Argun oder Ergune. Derartige Übereinstimmungen ließen sich noch viele anführen.

Bei Benutzung der russischen Karten ist freilich Vorsicht geboten, da sie die tschetschenischen Ortsnamen häufig stark verstümmelt wiedergeben. Als Beispiel führe ich die Namen einiger Ortsnamen bzw. Einzelfestungen in Mälchisti an wie sie auf der 5 Werst-Karte[10]) verzeichnet sind und wie sie in Wahrheit ausgesprochen werden.

Nach der 5 Werst-Karte Aussprache der Einw.

Džarego – Dža're
Sachano – Sa'chen
Ikišlo – Ikilče
Teretego – Te'rtje
Muzo – Me'si
Bonisti – Bänist
Kagnjacho – K'e'gnjech
Banacho – Bana'ch
Kamalago – Koma'lche
Dorze – Do'dze
Bazdeti – Ba'ste
Ami – A'me

Oder im Nachbargau Maisti:

Pogo – Pu'hu
Togo – T'u'ga

Wenn diese Abweichungen nicht auf Unachtsamkeit der russischen Kartographen beruhen, so bleibt noch die Möglichkeit, daß die

Ausprache der benachbarten Chewsuren maßgebend gewesen ist; für Džarego trifft dies jedenfalls zu, für die übrigen Orte habe ich es nicht mehr nachprüfen können. Außerdem sei noch folgende Abweichung erwähnt, die weniger auf Ungenaigkeit der Kartographen als vielmehr auf einem Mißverständnis beruhen dürfte. Die Karte verzeichnet Scharo'i, Schikaro'i, Santcho'i, Schato'i, usw., die Tschetschenen, die ich über diesen auffälligen Unterschied befragte, gaben mir folgende Erklärung, wenn ich die einfachen Leute recht verstanden habe. Das Dorf heiße an und für sich Schare, Schikare usw.; Scharoi, Schikaroi wäre indessen nicht direkt unrichtig, es bedeute nur nicht den Ort selbst, sondern die Bewohner desselben, deutsch ausgedrückt also die Schare'er usw. Die Bewohner oder der Dolmetscher der russischen Kartographen hätten eben die Frage, wie der Ort heiße, immer nach der Bewohnerschaft beantwortet. Vielleicht liegt der Grund auch darin, daß die Tschetschenen an und für sich eher sagen z. B. «Ich gehe zu den Schare'ern» als «Ich gehe nach Schare»; es würde sich das daraus erklären, daß ja die Bewohnerschaft eines Gebirgsauls viel mehr eine geschlossene Einheit darstellt, als wir es aus unseren Verhältnissen heraus uns vorstellen können; gehört doch vielfach die gesamte Einwohnerschaft ein und derselben Familie an, die mithin geschlossen, sei es feindlich, sei es freundlich, den anderen Aulen bzw. Familien gegenübersteht. Ich möchte diese Ansichten jedoch nur mit größter Vorsicht äußern, da ich keine näheren Untersuchungen darüber angestellt habe.

Im übrigen haben sich die Leute vielfach schon auf die russische Benennungsweise ihres Ortes eingestellt und nennen ihn dem Fremden gegenüber nach Art der Russen. Das gilt auch für den Volksnamen Nachtschoi. Dem Fremden gegenüber bezeichnet man sich als Tschetschene. In den abgelegenen Gebirgstälern freilich erhält man weder die eine noch die andere Antwort. Das Nationalitätsbewußtsein ist hier noch ganz unentwickelt, von einem Nationalgefühl im westeuropäischen Sinne natürlich ganz zu schweigen. Der Gebirgler bezeichnet sich eben nur als Mitglied dieses oder jenes Dorfes bzw.

Sippe oder Großfamilie und sieht auch um sich herum nur solche verschiedenen Sippen; das Verständnis für den übergeordneten Begriff des Volkes ist ihm in seinem abgeschlossenen Tal noch nicht aufgegangen.

Mit der Ankunft des Stammes auf kaukasischem Boden, über die uns die erwähnte Sage vielleicht einen Anhaltspunkt gibt, beginnt der zweite Abschnitt der Geschichte des Volkes. Hierüber liegen nun bedeutend sicherere Nachrichten vor, wenn dieselben auch ausschließlich aus mündlichen Familienüberlieferungen bestehen mit all ihren Unsicherheiten besonders bezüglich der Zeitangaben. Diese Unsicherheit scheint, aber nicht in dem Maße für den geographischen Inhalt der Überlieferungen zu gelten, der uns hier hauptsächlich interessiert; es herrscht in dieser Beziehung nämlich in den verschiedenen Überlieferungen auffällige Übereinstimmung.

Die folgenden Angaben enthalten das wesentlichste aus einigen hierüber erfolgten Veröffentlichungen, teils von gebürtigen Tschetschenen, wie Laudajew, teils von gebürtigen Tschetschenen, wie Laudajew, teils von im Tschetschenengebiet tätig gewesenen russischen Beamten wie Ippolitow und Popow. (Lit. Verz. 24, 33. 47).

In diesem zweiten Abschnitt der tschetschenischen Geschichte handelt es sich vor allem um die Ausbreitung über das von ihnen heute eingenommene Gebiet. Hierbei lassen sich drei Phasen unterscheiden.

Als Ausgangspunkt melden die Überlieferungen mit großer Übereinstimmung den Ort (vielleicht ist es auch als Gauname aufzufassen) Naschach oder Naschache, also denselben Boden bezeichnet wird. Ein Dorf Naschache existiert heute noch und zwar im östlichen Teile des Gaues Galantschotsch oder Akki. Außerdem ist das Wort noch erhalten im Namen des Kalkgebirgsmassivs Naschacho-lam, der den Gau nach N gegen das niedere Waldgebirge abschließt. Zu den ältesten Siedlungen gehört auch Maisti. Beide Orte erfreuten sich noch lange großen Ansehens unter den Tschetschenen; besonders in strittigen Fragen des Adats, des Gewohnheitsrechtes, sollen die weisen Alten dieser Orte als letzte Instanz gegolten haben. Als älteste

Gaue werden ferner genannt Childecheroi, Tschanti (Gegend von Itum-Kale). Recht früh scheinen auch die Gebiete von Scharoi, Schatoi und Tschaberloi eingenommen worden zu sein.

In größerem Abstande scheint dann erst die zweite Phase der Ausbreitung eingesetzt zu haben, die nach dem niedrigen Waldgebirge gerichtet war, vor allem ostwärts nach Itschkerien und Auch. Die Gründung der Dörfer in Itschkerien, als deren älteste Ersenoi, Agaschpatoi, Zontoroi genannt werden, soll nach den Ermittlungen Popows vor 600, 800 oder gar 1000 Jahren erfolgt sein, Zeitangaben, die naturgemäß höcht unsicher sind. Es würde das ungefähr mit der Blütezeit des georgischen Reiches unter der Königin Tamara (im 12. Jahrhundert) zusammenfallen. Vielleicht ist die Machtentfaltung der Georgier nach allen Seiten mit ein Anlaß gewesen zur Wanderung der Tschetschenen nach O. Daß der georgische Eibfluß sich damals auch auf den Nordhang des Kaukasus erstreckte, ist durch die Kirchenruine Tzchaba-Erdi unweit der tschetschenischen Grenze in Inguschen erwiesen, die im georgischen Stil des. 9. Jahrhunderts gehalten ist (Genaue Beschreibung bei Vsevolod Miller, Lit. Verz. 29), u. a. auch noch durch eine Inschrift in georgischen Buchstaben an einem alten Totenhause in einem Seitentale der Assa in Inguschien, die von Prof. Jakowlew gefunden wurde. (Lit. Verz. 19, S. 20). Der Gau Auch ist dabei ausschließlich von Leuten aus Akki (Galantschotsch) besiedelt worden; die Auch-Leute nennen sich selbst auch heute noch Akki.

Nach der Überlieferung sollen auch die Inguschen und die Karabulaken vom Zentrum Naschache aus in ihre heutigen Sitze gelangt sein.

Damit war die Besiedlung des tschetschenischen Berggebietes vollendet. Erst in weitem Abstande folgte die dritte und letzte Phase der Ausbreitung, nämlich die Besiedelung der Ebene. Sie begann etwa um den Anfang des 18. Jahrhunderts. Zur freiwilligen Besiedlung trat nach Beendigung der kaukasischen Kriege noch die unruhigen Tschetschenen hier besser beobachten konnte, als es in den Bergen möglich war. Auch heute dauert die Auswanderung nach der Ebene

noch an, auch jetzt veranlaßt und gefördert durch die Regierung. Es handelt sich um die reichen Ländereien, die den sowjetfeindlichen Kosakenstanizen längs der Ssunscha gehört hatten und nach deren Vernichtung den Gebirglern zur Verfpgung gestellt wurden. Man will damit dem empfindlichen Mangel an brauchbarem Ackerland in den höheren Bergen steuern. Ebenso verfährt man jetzt in den anderen autonomen Republilken, besonders in der daghestanischen.

Die Ausbreitung der Tschetschenen hat die Ssunscha-Ebene schon hinter sich gelassen. Eine Reihe von Aulen befindet sich schon jenseits der niedrigen Höhenzüge längs des Terek. Ebenso gibt es einige auf daghestanischem Gebiet in der Kumüken-Ebene, deren Bewohner sich 1917/18 durch Vernichtung der dortigen blühenden deutschen Kolonistendörfer einen traurigen Ruhm erworben haben.

Nun darf natürlich nicht angenommen werden, daß die Ausbreitung der Tschetschenen zu dem heutigen Volkskörper ganz aus einiger Kraft erfolgt wäre, sondern es steht fest, daß sie dabei im Laufe der Zeit viele fremde Bestandteile in sich aufgenommen haben. Es wird dies wiederum durch die Familienüberlieferungen bestätigt. Sehr stark sind dabei georgische Volkselemente beteiligt gewesen, d. h. solche der Berggeorgier und unter diesen werden besonders die Tuschen erwähnt. Deren Einfluß ist stark spürbar im Scharo-Argun-Gebiet, aber auch weiter abwärts, z. B. im Gebiet von Schatoi. Mir war dort ein Mann durch seine ausgeprägt georgische Physiognomie aufgefallen. Es erwies sich auch, daß seine Familie tatsächlich georgischen Ursprungs, aber längst tschetschenisiert war. Andere Familien wieder sind daghestanischen Ursprungs, auch kumükischen, persischen u. a. Eine Familie will sogar firengischer, d. h. westeuropäischer, eine andere wieder griechischer Abstammung sein.

Als Grund für das häufige Einströmen fremder Elemente in den tschetschenischen Volksköper wird gewöhnlich angegeben, daß dieselben bei den Tschetschenen, die stets ein demokratisches Volk ohne ständische Gliederung gewesen seien – sie unterscheiden sich noch heute, d. h. bis zur Revolution, darin von den anderen

kaukasischen Bergvölkern —, vor der Bedrückung durch eigene oder fremde Gewalthaber Zuflucht gesucht hätten. Es werden vermutlich auch solche darunter gewesen sein, die sich der Strafe für irgend welche Vergehen entziehen wollten.

Man wird vor allem auch annehmen müssen, daß die Tschetschenen bei ihrem Vordringen nach O in ein z. T. wenigstens schon besiedeltes Gebiet kamen. Vielleicht wohnten schon daghestanische Stämme dort. Laudajew erwähnt jedenfalls ausdrücklich (S. 11 u. 12), daß das Land awarischen Chanen gehört hätte, von deren Zinsherrschaft die Tschetschenen sich erst im Laufe der Zeit freigemacht hätten, zumal die Aucher. Auch heute noch wohnt der awarische Stamm der Salauter am Nordlang der Andischen Kette; jedoch nur in einem etwa 30 km breiten Streifen westlich des Ssulak; westlich des Aktasch wohnen nur Tschetschenen.

Die Volkszahl der Tschetschenen dürfte also früher viel geringer gewesen sein als heute, und damit auch ihre politische Bedeutung.

In der Ssunscha-Ebene wohnten vor den Tschetschenen auch schon Russen. Semenow schreibt ausdrücklich S. 206: «Aus vielen Anzeichen geht zweifelsfrei hervor, daß seit der Mitte des 16. Jahrhunderts auf tschetschenischem Gebiete auch orthodoxe Russen siedelten». Als dieselben, wohl aus Sicherheitsgründen, sich hinter den Terek zurückzogen, folgten die Tschetschenen nach. Eine Vermischung mit ihnen erfolgte jedenfalls nicht.

Beim Vordringen in die Ebene hatten die Tschetschenen Reibereien mit den Kalmüken, teilweise auch – im W – mit den Kabardinern. Von einer Verschmelzung mit jenen istnichts verlautet. Rein mongolische Merkmale habe ich z. B. unter den Tschetschenen nicht beobachtet.

Die Kurgane schreiben sie einem Volke Ani zu, das einst in der Ebene gewohnt haben soll. Der Name des Feldes Ani-irsau südwestlich Urus-Martan erinnert daran. (G. A. Wertepow, Lit. Verz. 41, S. 11—21).

Während bischer nur die Rede von der Aufnahme fremder Volksbestandteiledurch die Tschetschenen war, so sei hier auch ein Fall erwähnt, in dem sie ihrerseits in Nachbarvölkern aufgegangen sind. So

wurde mir die interessante Tatsache erzählt, daß ein beträchtlicher Teil der Bewohner der Stanize Tscherwljonaja am Terek von Tschetschenen des Itschkerischen Dorfes Guni abstamme, die jetzt aber vollkommen russifiziert und echte Kosaken geworden wären. Diese Tatsache beweist aufs neue, wie nachhaltig der Einfluß der Kaukasusvölker auf die Kosaken gewesen ist, nicht nur in Lebensweise, Kleidung und allgemeiner Geistesrichtung, sondern auch durch Blutmischung. Die erwähnten Tschetschenen sollen einst zu den Kosaken geflüchtet sein, um der Bekehrung zum Islam zu entgehen.

Hierzu sei noch bemerkt, daß die Einteilung der Ausbreitungsgeschichte der Tschetschennen in drei Perioden von mir stammt. In den erwähnten Veröffentlichungen ist sie aber ohne weiteres gegeben und auch in Anbetracht der vorhandenen Zeitangaben erscheint sie mir berechtigt und vor allem geeignet, einen besseren Überblick über die Entwicklung zu bieten.

Entscheidend für die Geschicke des tschetschenischen Volkes wird dann die Bekehrung zum Islam, die im 18. Jahrhundert vom Daghestan aus begann, wo er schon im 8. Jahrhundert durch die Araber hingebracht worden war, wenn auch die völlige Islamisierung, besonders des Nordwestens, sicher erst viel später abgeschlossen war. Die Tschetschenen gerieten dadurch auch unter den Einfluß des Müridismus, im besonderen Schamils, der ihre völlige Bekehrung dann durchführte. Teils freiwillig, teils gezwungen durch die Despotie Schamils, nahmen sie an den erbitterten Kämpfen gegen die Russen teil, die um die Mitte des vorigen Jahrhunderts mit ihrer Unterwerfung endeten. Eine starke mohammedanische Bewegung ging noch einmal nach dem Zusammenbruch des Zarenreiches durch das Land, als, wie schon erwähnt, der Tschetschene Dischninski das Nordkaukasische Emirat gründete, in dem ich selbst tätig war. Emir war ein Aware Usun-Hadschi, ein wie ein Heiliger verehrter Greis; Dischninski nannte sich pompös Großwesir. Man wollte die Zeit des in den Bergen unvergessen Schamil wieder erneuern und kämpfte gegen die Kosaken. Die Sowjets beseitigten dieses Emirat bald wieder, ermordeten den ihnen infolge

seiner Begabung unbequemen Dischninski und errichteten 1923 das Autonome Gebiet der Tschetschenen.

D) Anthropologische Beobachtungen. Das tschetschenische Volk ist rassisch genau so wenig einheitlich wie irgend ein anderes. Ebenso aber wie bei den meisten Völkern ein bestimmter Typ herausgebildet wird, der als die charakteristische körperliche Erscheinungsform empfunden wird, so auch bei den Tschetschenen. Und zwar zählt dieser unstreitig zur vorderasiatischen Rasse. Die Tschetschenen machen darin keine Ausnahme von den übrigen kaukasischen Völkern, deren anthropologischer Grundstock ebenfalls von dieser Rasse gebildet wird. Deren Merkmale sind bekannt. Es handelt sich also um mittel- bis großwüchsige kräftige Menschen mit kurzem, steilem Kopf, starker Adlernase und gewöhnlich dunklem Haar und Augen.

Man muß jedoch auch innerhalb der vorderasiatischen Rasse, die ja über ein riesiges Gebiet verbreitet ist, genau so mit verschiedenen Schlägen rechnen, wie man es innerhalb der hellen nordwesteuropäischen Rasse z. B. schon getan hat. Innerhalb der mir näher bekannten Völker mit vorderasiatischer Rassengrundlage – den Nordarmeniern, Ostgeorgiern mit Pschawen und Chewsuren, aserbeidschaner Tataren, einer Reihe daghestanischer Völker, Inguschen und in geringerem Maße Kumüken und Osseten – habe ich jedenfalls sehr deutlich unterschiedene Schläge dieser Rassen geglaubt feststellen zu können.

Um den tschetschenischen Vorderasiaten zu kennzeichnen, möchte ich mich zunächst negativ ausdrücken. Sein Profil hat nicht die übertriebene vorderasiatische Form, wie sie etwa bei den Armeniern so häufig beobachtet werden kann. Ein derartiges Profil, etwa wie das des von v. Luschan aufgenommenen Armeniers, um ein bekanntes, in viele rassenkundliche Bücher übergegangenes Bild zum Vergleich heranzuziehen, kommt bei den Tschetschenen überhaupt nicht vor. Freilich ist es auch nach meinen Beobachtungen unter den Armeniern durchaus eine Seltenheit. Der von mir aufgenommene Tschetschene, Abb. 5 und 6 rechts, dürfte innerhalb seines Volkes wohl das Extrem an

vorderasiatischer Gesichtsbildung darstellen. Den tschetschenischen Normaltypus zeigt etwa Abb. 7. Es ist also ein durchaus gemildertes vorderasiatisches Profil mit zwar großer, doch mäßig geschwungener und nicht fleischiger Nase und mit leidlich gebildetem Kinn, letzteres besonders im Gegensatz zu Abb. 5, auf der, wie allgemein bei ausgesprochen vorderasiatischen Profilen, das Kinn weiter zurücktritt und flacher ausgebildet ist, als es unserem Schönheitssinne entspricht. Das Profil Abb. 7 wirkt nicht auffällig, sondern ausgeglichen und gefällt durch seinen Schwung und kühnen großen Schnitt. Auch der rechts sitzende Mann auf Abb. 8 ist ein guter Vertreter hierfür. Sein Gesicht wird man ohne Einschränkung als männlich schön bezeichnen können. Die Gesichter sind durchaus häufig, die an das Raubvogelhafte des vorderasiatischen Typs kaum noch erinnern, sondern eine fast gerade und schmale Nase haben und bei denen nur der kurze, steile Schädel des vorderasiatische Erbe andeutet. Diese ebenmäßigen Gesichter sind es, die den alten Ruhm kaukasischer Schönheit begründet und seiner Zeit wohl auch Blumenbach u. a. veranlaßt haben, seinen Begriff der kaukasischen Rasse aufzustellen. Man hat früher, besonders zur Zeit der kaukasischen Kriege, als Bodenstedt im Kaukasus weilte, die Kaukasusvölker zu sehr idealisiert, insbesondere ihre körperliche Schönheit vielleicht über Gebühr gerühmt. Später ist man in den umgekehrten Fehler einer allzu nüchterne Betrachtungsweise verfallen. Irreführend wirken hierbei oft Veröffentlichungen anthropologischer Aufnahmen, bei danen naturgemäß gern extreme Typen ausgewählt werden. Das gilt z. B. von dem in Günthers Rassenkunde veröffentlichen Bilde eines Imeretiners aus Kutais, das wohl einen der häßlichsten Männer darstellt, die in dieser Stadt zu finden waren. Demgegenüber muß wieder einmal betont werden, daß die Kaukasusvölker und unter ihnen besonders die Nordkaukasier an körperlicher Schönheit ihre Nachbarvölker auf jeden Fall übertreffen. Man braucht sich nur einmal von Rostow her dem Kaukasus zu nähern und man wird beobachten können, wie sich auf den Stationen die

reinen Kaukasiergesichter mit ihren großen und geraden Zügen aus der Masse der unklareren russischen Physiognomien herausheben.

Was den Körperbau anbelangt, so fand ich bei Armeniern, Ostgeorgien, Chewsuren und Daghestanern in der Hauptsache mittelgroße, kräftige Gestalten, oft weniger schlank als untersetzt, auf keinen Fall großwüchsig; stellenweise ist der Menschenschlang ausgesprochen klein, wie in manchen Gebieten Daghestans, z. B. Kasikumuch, Gumbet. Ihnen gegenüber fallen die Tschetschenen entschieden durch höheren Wuchs auf. Man braucht nur einmal vom letzten Chewsurendorf Schatil nach dem Kistendorf Dscharego zu wandern und man staunt geradezu über den plötzlichen anthropologischen Wechsel: bei den Chewsuren robuste, breite Gestalten, bei den Kisten hochgewachsene, schlanke, ja elegante Erscheinungen. Diese Beobachtung wird mir bestätigt durch die Berichte Radde's. (Lit. Verz. 36).

Denselben Unterschied konstatierte ich zwischen Itschkerien einerseits und Andiern und Awaren, besonders Gumbetern, andererseits.

Die Schlankheit wirkt manchmal direkt übertrieben, so daß man von gertenschlank sprechen kann. In anderen Gegenden würden derartige Gestalten vielleicht als schwächlich bezeichnet werden; mit Unrecht, denn die Schultern sind gewöhnlich breit, schmal sind nur die Hüften. Der Körper erhält dadurch einen ungemein biegsamen, elastischen, manchmal etwas lässigen Zug. Sehr unterstrichen wird diese Linie noch durch die in der Ebene ziemlich allgemein getragene Tscherkesska. (Abb. 9). In den Bergen wird es weniger erkennbar, weil dort gewöhnlich der schwere Schafpelz die Glieder verhüllt, ausgenommen Mälchisti, so wieder die Tscherkesska vorherrscht.

Fettleibigkeit, die ich bei Armeniern und Ostgeorgiern sowohl bei Männern als auch bei Frauen oft beobachtete, besonders in vorgerückteren Lebensjahren, fehlt so gut wie ganz; Straffheit und Magerkeit herrschen vor.

Großgewachsen erscheinen die Tschetschenen vielleicht nur ihren Nachbarvölkern gegenüber; das Durchschnittsmaß erreicht kaum das des Norddeutschen. Größen über 1,85 m habe ich mit Sicherheit nur zweimal beobachten können. Der eine war ein Kiste aus Mälchisti, der andere, der größte Tschetschene überhaupt, war der schon erwähnte Großwesir des einstigen Emirats, Dischninski. Dieser Umstand trug übrigens nicht wenig dazu bei, sein Ansehen unter den einfachen Gebirglern zu festigen. Er war auch gleichzeitig eine durchaus aristokratische Erscheinung, die alle Vorzüge der Rasse in sich vereinigte, freilich auch die Fehler.

Im vorstehenden wurde die Rassengrundlage des tschetschenischen Volkes als vorderasiatisch bezeichnet, man könnte sie aber auch mit demselben Recht dinarisch nennen. Dinarische Menschen habe ich auf Wanderungen in Kärnten und Steiermark und unter serbischen Kriegsgefangenen in größerer Zahl beobachten können und wenn ich sie vergleiche mit dem vorherrschenden Menschenschlag bei den Tschetschenen, so finde ich keinen wesentlichen Unterschied, der dazu berechtigen würde, im Gegensatz zu ersteren hier von einer besonderen vorderasiatischen Rasse zu sprechen. Für Armenier und manche Daghestaner mag dies berechtigt sein, doch auch nur in dem Sinne, daß die kennzeichnenden Merkmale der dinarischen Rasse hier noch übertriebener ausgefallen sind; der Kopf wird leicht zum ausgesprochen Spitzkopf, die Nase unschön groß; der Wuchs stellenweise etwas kleiner. Bei den Tschetschenen ist das eben im all gemein nicht der Fall, ebenso wenig bei Inguschen und Osseten und auch nicht, nach der landläufigen Vorstellung, bei den Tscherkessen. In diesem einschränkenden Sinne spreche ich also bei den Tschetschenen von vorderasiatischer Rasse.

Die Sonderstellung des vorderasiatischen Tschetschenen wird noch erwiesen durch die Farben von Haar, Auge und Haut. Menschen mit rein schwarzen Haaren, ganz dunklen Augen, die bei Armeniern und auch stellenweise bei Georgiern vorherrschen, sind unter den Tschetschenen nicht allzu häufig, sofern sie beide Merkmale in sich vereinigen. Man

kann nur von einem Typ sprechen, der im Gesamteindruck dunkel erscheint. Am ehesten ist noch das Kopfhaar dunkel, auch schwarz, die Augen dagegen braun oder von einer Farbe, die sich schlecht genau bestimmen läßt. Man kann sie vielleicht als ein helles Braun, das einen Stich ins grünliche auffällt, das ist die starke Verbreitung von Blonden und Helläugigen, hauptsächlich der letzteren. Welcher Helligkeitsgrad nun gerade vorherrscht, läßt sich mit Sicherheit nicht sagen; man sieht sowohl graue und graugrünliche Augen als auch rein blaue, himmelblaue Augen, wie sie in Norddeutschland nicht reiner sein können.

Etwas seltener als helle Augen trifft man helles Kopfhaar an. Es liegen hier aber sehr starke Nachdunkelungserscheinungen vor. Bei Kindern sieht man es nämlich wesentlich häufiger als bei Erwachsenen und von dunkelhaarigen Erwachsenen versicherten mir verschiedene, in der Jugend blond gewesen zu sein. Aufgefallen ist mir bei Männern allgemein das frühe Ergrauern; bei Dreißigjährigen war es in der Regel schon deutlich zu erkennen. Sicher ist dafür auch das ständige Tragen der schweren Lammfellmütze verantwortlich zu machen. Auch kahlköpfige Männer sieht man nicht gar so selten. Schädelstudien werden durch diese Sitte natürlich sehr erschwert und man muß schon bei den Leuten übernachten, um bloße Köpfe sehen zu können; im Freien sieht man barhäuptige Menschen, ganz gleich ob Mann, Frau oder Kind, niemals.

Der Farbwert des Blond entspricht vielleicht weniger dem fahlen Blond der Ostrasse als vielmehr dem der Nordrasse und hat Neigung zum Goldblond, wenn ich es auch in reiner Ausprägung nicht beobachtet habe. Auch ausgesprochen rothaarige Individuen habe ich mehrfach gesehen; ihre Augenfarbe war ein ganz helles Braun.

Häufiger als blondes Kopfhaar sind blonde Bärte zu sehen, wobei mir ein braunroter Ton aufgefallen ist, auch bei Männern mit dunklem Haar und braunen Augen. Der Bartwuchs ist schön voll und grade, und es wird auch eine gewisse Sorgfalt darauf verwandt. Auch wallende Barbarossa-Bärte kann man antreffen, wobei zu bemerken ist, daß die

Verwendung von Hennah nicht üblich ist. Die Mehrzahl der Männer gestattet sich übrigens nur einen Schnurrbart.

Die Haut des blonden Tschetschenen ist zart und fein, wundervoll der Teint zuweilen bei jungen Mädchen. Bei Männern ist das Gesicht von Wind und Wetter gerötet, nicht gebräunt, ein Umstand, der besonders für die nordische Rasse kennzeichnend ist. Der Leib aber hat weiße Hautfarbe im besten Sinne. Ich konnte das einmal in Mälchisti beobachten. Eine Anzahl von Kisten war damit beschäftigt, Holz den Argun hinunter zu flößen, d. h. lose Stämme, die sie, selbst im Wasser stehend, mit langen Stangen in den nervigen Fäusten zwischen den gischtumsprüchten Felsblöken hindurchbugsierten. Obwohl sie völlig unbekleidet waren, genierten Kolonne. Die waldigen Hänge, der rauschende Bergstrom und die unverhüllten Reckengestalten der Flößer boten damals eine Szenerie von seltener Romantik, die mir ständig in Erinnerung geblieben ist, grade weil ihr ein ausgesprochen nordischer Zug nicht fehlte. Dergleichen günstige Gelegenheiten haben sich mir im übrigen mohammedanischen Kaukasus nicht wieder geboten; eine starke Prüderie hindert hier die Männer, sich unbekleidet zu zeigen. Umgekehrt ist ihnen auch der Anblick des wenn auch nur teilweise entblößten Körpers eines anderen unangenehm; ich mußte das mehrfach konstatieren, als ich im Winter 1919/20 einen Monat lang schwer krank in einem Hause in Botlich (Andisches Daghestan) lag; ich konnte damals keinen der Männer dazu bewegen, mir irgendwie behilflich zu sein und sowie ich Anstalten machte, mich einmal zu erheben, verließ alles trotz meines Gegenredens fluchtartig das Gemach. Ich glaube nicht, daß das auf irgendwelchen Aberglauben, etwa Furcht vor Ansteckung, zurückzuführen war.

Die freieren Auffassungen der Tschetschenen spiegeln sich auch in der freieren Stellung der Frau wieder, die unverschleiert geht und offen mit den Männern sprechen darf, was man im inneren Daghestan kaum jemals beobachten kann.

Um den Gesamteindruck des blonden Tschetschenen verständlicher darzustellen, möchte ich ihn vergleichen mit blonden Nordeuropäern.

S. Paudler hat in seinem Werk über die hellfarbigen Rassen scharf unterschieden zwischen der dalischen Cro-Magnon-Rasse und der gewöhnlichen langköpfigen, blonden Nordrasse. Von beiden kommt für einen Vergleich nur die letztere in Frage. Die blonden Kaukasier ähneln ihr in der größeren Weichheit und Glattheit der Linien, den volleren Lippen und im runderen Schnitt der Augenöffnung. Die herben, harten Holzschnittgesichter, wie man sie etwa bei Westfalen häufig sieht, fehlen nach meinen Beobachtungen, ganz zu schweigen von den bei Paudler veröffentlichen extrem-dalischen Typen aus Skandinavien. Sie kommen auch meines Wissens bei anderen Kaukasusvölkern kaum vor.

Ein Vergleich mit den hellen nordwesteuropäischen Langkopfrassen kann aber nur bezüglich der Farben und der Form des Gesichtes durchgeführt werden. Im Schädelbau unterscheiden sich die blonden Tschetschenen nämlich nicht von ihren dunkleren Stammesgenossen. Hier wie dort derselbe kurze steile Schädel, auch dieselbe Adlernase. Der Mann in der Mitte von Abb. 8 vereinigte alle Farbenmerkmale des hellen Schlages in sehr reiner Form in sich, war über 1,80 m groß, hatte aber dabei einen selbst für tschetschenische Verhältnisse kurzen und hohen Kopf. Längere Schädel mit geringer Hinterhauptswölbung kommen vor, sind aber genau so auch bei dunkelhaarigen und — äugigen zu finden. Sie erreichen jedoch nie das Ausmaß des normalen nordischen Langschädels. Nichtsdestoweniger machen hochgewachsene blonde Tschetschenen mit ihren langen, schmalen Gesichtern und in ihrem ganzen Auftreten tatsächlich durchaus den Eindruck von blonden Nordländern.

In Maisti und Mälchisti lassen sich Schädelbeobachtungen sehr leicht anstellen, da man in dortigen Totenhäusern Schädel in großer finden kann. Ich fand auch dort keine Langschädel; freilich habe ich keine Messungen vorgenommen, sondern nur nach dem Augenmaß geschätzt.

Dieser schlank gewachsene, kurzköpfige und großnasige Menschenschlag, der also sowohl in dunkler wie auch in heller Komplexion auftritt, überwiegt unter den Tschetschenen so stark, daß

die noch vorhandenen anderen Rassenbestandteile das Gesamtbild nicht wesentlich abändern können. Der wichtigste von diesen ist ein Typ, der dem alpinen gleichkommt. Es handelt sich also um meist dunkle, kurzgewachsene Menschen mit plumpem Körper- und Schädelbau. Abb. 5 u. 6 zeigt einen Vertreter dieser Rasse, der aber verhältnismäßig regelmäßige Gesichtszüge, insbesondere eine ziemlich feine Nase aufweist, während die Gesichter im allgemeinen eher unschön wirken. Soweit meine Beobachtungen reichen, scheint dem alpinen Tschetschenen das Rundliche, Volle zu fehlen, das den Alpinen Mittel- und Westeuropas gewöhnlich kennzeichnet. Der Körper ist eher straff und kantig, was vielleicht durch die Lebensweise mit bedingt ist. Ich kann nicht sagen, daß ich zwischen diesem und dem hochgewachsenen Typus in bedeutender Menge Mischtypen angetroffen hätte. Beide existieren vielmehr unvermittelt nebeneinander. Ich entsinne mich nicht, einen großgewachsenen Tschetschenen getroffen zu haben, der einen massigen Kopf mit kurzer Nase und flachem Profil gehabt hätte oder umgekehrt einen kurz und untersetzt gebauten, mit vorderasiatischer Schädel- und Gesichtsbildung. Die beiden Männer von Abb. 5 u. 6 sind im Sitzen aufgenommen und erscheinen daher groß. In Wirklichkeit war der Vorderasiat rechts gut einen Kopf größer als der Alpine links.

Unbedeutend erscheint mir der Anteil der das russische Volk hauptsächlich aufbauenden Ostrasse. Von ausgesprochen mongolischen Rassenmerkmalen, die ja bei der früheren Nachbarschaft der Kalmüken und der jetzigen der Nogaier immerhin möglich wären, habe ich ebenfalls nichts beobachten können. Sie finden sich weit eher im nördlichen Awarien, doch auch nur in Form von besonders stark hervortretenden Backenknochen; Mongolenaugen sind mir nicht begegnet.

Was nun die Frage der geographischen Verbreitung der einzelnen Typen anbelangt, so kann ich mit einiger Sicherheit nur Angaben über die Verbreitung der Blonden machen und da läßt sich wohl sagen, daß

in dieser Beziehung in den einzelnen Gauen doch große Verschiedenheiten obwalten.

Ganz bestimmt ist im westlichen Teil des Tschetschenengebietes der Prozentsatz der Blonden größer als im östlichen. Im W gibt es Gegenden, in denen die Bevölkerung als überwiegend hell bezeichnet werden muß. Bezüglich der Farbe der Augen steht diese Behauptung außer allem Zweifel; aber auch der Anteil von Individuen mit hellem Haar, Haut und Augen wird dort nahezu 50% ausmachen.

In erster Linie sind dies die Gebiete längs des Tschanti-Argun von Mälchisti bis Schatoi. Besonders in diesen beiden Endgebieten war ich überrascht durch die große Zahl von im Gesamteindruck nordischen Erscheinungen, zumal die Blondheit hier noch vereinigt war mit ausnahmsweise gutem Wuchs. In Maisti, dem Nachbargau von Mälchisti, habe ich das weniger empfunden[11]). Durch Reinheit der Gesichtszüge fiel mir noch die Bevölkerung der Tallandschaft Chotscharoi auf. Von den Schatoier Mädchen wurde es bereits erwähnt, Ferner ist das Oberlaufgebiet des Scharo-Argun zu nennen, wenn auch vielleicht nicht mehr in dem Maße wie das Gebiet von Schatoi. Von Tschaberloi habe ich nur die östlichen und die östlichen und die westlichsten Dörfer kennen gelernt, Tschobach-kineroi und Choi, wo mir das blonde Element nicht besonders stark vertreten zu sein schien; aber grade Tschaberloi wurde mir von einigen Tschetschenen als Gebiet mit vorwiegend blonder Bevölkerung bezeichnet. Überhaupt waren manche weit herumkommende Tschetschenen über die anthropologischen Verschiedenheiten der einzelnen Gaue recht gut orientiert, so z. B. über den guten Wuchs der Leute im entlegenen Mälchisti. Meine Beobachtungen über die Verteilung der Blonden wurde mir von ihnen durchaus bestägt. Auf meine diesbezüglichen Fragen wurde mir ohne großes Besinnen erklärt, daß in dem einen Gebiet mehr Blonde, in dem anderen mehr Schwarze wohnten.

Das Verschwinden des blonden Elements nach O hin empfand ich besonders deutlich im südlichen Auch, und mit Überschreiten der andischen Wasserscheide auf daghestanisches Gebiet hinüber

herrschte das dunkle Element schon durchaus vor, sowohl in Gumbet, wie auch in Andi. Hand in Hand ging damit eine Zunahme der groben und unschönen Gesichter. Ihr Ausdruck war im Dorfe Benoi wenig vertrauenerweckend. Bei den übrigen Tschetschenen und besonders bei den Gumbetern, die bei ihnen Kukuruz einhandeln, stehen die Leute von Benoi auch in recht schlechtem Rufe.

Die Tatsache, daß das blonde Element im W überwiegt, gewinnt an Interesse, wenn man einen Rückblick auf die Geschichte der Besiedlung wirft. Es zeigt sich dann, daß die Gebiete, in denen die Tschetschenen der Überlieferung nach zuerst ansässig waren, mehr Blonde aufweisen als die später besiedelten im O. Ich möchte mich nicht in Vermutungen darüber ergehen, wie sich das erklärt; nahe liegt es jedenfalls, die Urasche darin zu suchen, daß die östlichen Gaue erst später kolonisiert wurden, wobei, wie schon ausgeführt, mit Aufsaugung anderer Bevölkerungsteile vermutlich zu rechnen ist.

In der Ebene ist mir ein ausgesprochenes Überwiegen des blonden oder dunklen Typs nicht aufgefallen. Doch herrschen auch hier die großen und schlanken Menschen mit den Adlernasen durchaus vor.

Von den Kaukasusvölkern, die ich kennen lernte, haben die Tschetschenen entschieden den größten Anteil an blonden Elementen. In völkerkundlichen Werken und auch in der Kaukasusliteratur findet man in dieser Hinsicht meist nur die Osseten erwähnt. Verständlich ist dies ja deshalb, weil die Osseten ein indogermanisches Volk sind und im Zeitalter der Indogermanenforschung die Aufmerksamkeit ganz besonders auf sich lenkten. Tatsächlich aber dürfte der Prozentsatz Blonder bei den Osseten kaum größer sein als bei den Tschetschenen. Ich hatte jedoch den Eindruck, daß die Physionomie des Osseten, sein Gesichtsausdruck, eine weit größere Europäerähnlichkeit aufweist, als die des Tschetschenen und Inguschen. Bei meinen ossetischen Wirtsleuten in Wladikawkas, blonden Menschen, störte es mich geradezu, eine wildfremde Sprache aus ihrem Munde zu hören; ich glaubte, deutsche Menschen vor mir zu haben. Die Tatsache, daß die Osseten überwiegend Christen sind, mag dabei mitsprechen, ebenso,

daß sie über eine viel zahlreichere Intelligenz verfügen als ihre östlichen Nachbarn. Bei den Tschetschenen soll es nur 2—3 Menschen mit Universitätsbildung geben, bei den Osseten dagegen trotz geringerer Volkszahl mehrere Dutzend. Auch diesen stärkeren Bildungsdrang wird man auf den Christenglauben zurückführen dürfen.

V. Erckert, der 70 Tschetschenen anthropologisch untersuchte (Lit. Verz. 12), sagt am Schluß seiner Veröffentlichung, daß sämtliche untersuchten Leute schwarzes Haar gehabt hätten. Dieser Befund ist sehr auffällig, vorausgesetzt, daß die Angaben auf exakten Beobachtungen beruhen. Es handelt sich allerdings ausschließlich um Leute aus Auch, also aus dem tschetschenischen Osten.

Es sei hier noch ein Kapitel aus der Volksmedizin angeschlossen, dem vielleicht auch eine gewisse anthropologische Bedeutung innewohnt. Es handelt sich um die Art und Weise, wie die Tschetschenen Kopfschmerz behandeln. Das Verfahren hat folgenden Hergang.

Der Patient setzt sich auf einen Stuhl, der Behandelnde stellt sich seitwärts dicht neben ihn, legt die eine Handfläche gegen die Stirn, die andere gegen den Hinterkopf und drückt darauf kräftig Stirn und Hinterkopf gegeneinander. Häufig drückt man auch noch in der diagonalen Richtung, d. h. die linke Stirnecke gegen die rechte des Hinterkopfes und umgekehrt. Aus dem Zusammendruck heraus gleitet die Hand von der Stirn an den Schädelseiten dicht über den Ohren massierend nach hinten; niemals in der umgekehrten Richtung. Nachdem beide Bewegungen mehrfach wiederholt worden sind, faßt der Behandelnde, über den Patienten gebeugt, mit einer Hand unter das Kinn, greift wohl statt dessen auch in den Mund unter den Oberkiefer; gleichzeitig drückt er ein oder zwei Finger der anderen Hand in die Vertiefung unter dem Hinterhauptsknochen und rückt nun den Kopf aus den Schultern heraus mehrmals kräftig in die Höhe.

Als Abschluß dienen verschiedene Dehnungs- und Reckungshandlungen. Mit der geballten Faust wird zunächst die Wirbelsäule hinabgestrichen, aber so, daß es der Patient auch gewiß

spürt. Dann erhebt er sich, verschränkt die Hände im Genick und drückt die Ellenbogen vorn möglichst dicht aneinander. Der andere umfaßt ihn von hinten und ergaßt die Ellenbogen des Patienten. In dieser Haltung hebt er ihn nun leicht in die Höhe und reißt dabei die Ellenbogen zurück und nach unten. Dadurch wird der Kopf kräftig nach unten gedrückt und so eine intensive Schädel- und Nackengymnastik erzielt. Ebenso werden Arm- und Brustmuskeln gedehnt. Der Behandelnde ergreift mit der einen Hand eine des Patienten, stemmt seine andere Hand gegen den Kopf des Patienten und dehnt nun die ergriffene Hand nach seitwärts und rückwärts. Diese Dehnungs- und Massagebewegungen werden zur Belebung der Blutzirkulation ausgeführt, wovon die Leute eine sehr klare Vorstellung haben.

Begründet wurde mir diese Art der Kopfschmerzbehandlung folgendermaßen. Kopfschmerz sei durch Blutandrang nach dem Kopfe verursacht; dadurch ginge der Schädel, d. h. die Schädelnähte, etwas auseinander. Man müsse also danach trachten, die Nähte zusammenzudrücken und den Blutkreislauf durch Massage wieder zu beleben. Das Zusammendrücken wäre aber besonders wichtig.

Um sich nun von dem Erfolg des Zusammendrückens zu überzeugen, mißt der Behandelnde vor der Prozedur den Umfang des Schädels mit Hilfe eines Bindfadens, Gras- oder Strohhalms und hinterher ebenfalls. Man behauptete meist, die gewonnenen Maße wiesen eine kleine Differenz auf, wovon ich mich allerdings bei der Unvollständigkeit des Meßmaterials nie wirklich einwandfrei habe überzeugen können. Wenn man es ganz ausführlich machen will, nimmt man noch folgende vier Schädelmaße. Ausgangspunkt an beiden Kopfseiten ist dabei stets eine Stelle etwa 1 cm über dem inneren Ohrloch. Beide Punkte werden nun durch das Meßinstrument miteinander verbunden und zwar 1. über die Stirn, 2. über den Scheitel, 3. über den Hinterkopf und 4. unter dem Kinn hindurch (wird nicht immer genommen). In dieser Weise wurde es mir vorgeführt von tschetschenischen Milizionären in Schatoi. Nach ihrer Ansicht sollen diese vier Maße möglichst einander gleich sein, dann sei der Kopf in Ordnung!

Man sieht diese Art der Kopfschmerzbehandlung sehr häufig. Die Leute tun es nicht bloß bei wirklichen Kopfschmerzen, sondern auch, wenn sie sich irgendwie nicht ganz wohlfühlen, nach meinen Eindrücken häufig auch bloß aus langer Weile, wenn man nach der Landessite irgendwo beisammensitzt und grade nichts Besseres vorhat. Ich muß die Frage offen lassen, ob das oft geübte kräftige Zusammendrücken von Stirn und Hinterkopf die Kopfform irgendwie merklich beeinflussen kann. Ein seitliches Zusammendrücken habe ich kaum jemals beobachten können. Meine ausdrückliche Frage, ob die Prozedur auch schon bei kleinen Kindern vorgenommen würde, wurde verneint, weil der Schädel da noch zu weich sei. Sowie sie aber etwas größer geworden seinen, mache man es auch bei ihnen,

Dieselbe Sitte besteht auch bei den Osseten, wie ich in Wladikawkas erfuhr.

Künstliche Schädelumformung muß früher auf kaukasischem Gebiet einmal heimisch gewesen sein. Im Wladikawkaser Museum sind Schädel ausgestellt, deren Deformation darin besteht, daß Stirn und Vorderschädel flach nach hinten zurückgedrückt sind, so daß der Schädel kolbenartig schräg aufwärts weit nach hinten übersteht. Die Schädel stammten aus dem Terek-Gebiet; Fundort war nicht genau angegeben, ebenso wenig das vermutliche Alter[12]).

Nicht selten trifft man unter den Tschetschenen Pockennarbige. Im Zusammenhange damit sei eine Beobachtung aus dem Gebiete der Volksmedizin angeführt. Die Kisten von Maisti kennen seit altersher eine Art von Pockenimpfung; wenigstens betrachtet sie der tschetschenische Kommissar für Volksbildung, dem ich diese Mitteilung verdanke, als eine solche. Sie besteht darin, daß Pockenschorf getrocknet und zerrieben aufbewahrt wird und den Kindern eingeimpft wird. Die Leute von Maisti sind überhaupt bekannt durch ihre Heilkünste an Mensch und Vieh. Es erklärt sich wohl daraus, daß die Blutrache dort noch in vollem Schwange ist und daher besonders wundärztliche Hilfe oft erforderlich ist und, was das Vieh anbelangt, daß es bei dem felsigen Gelände häufig zu Schaden kommt.

Nicht minder häufig sieht man auch durch Syphilis hervorgerufene Verunstaltungen. Sie ist die Krankheit, von der die Tschetschenen gegenwärtig am meisten heimgesucht werden. Sie tritt jedoch regional verschieden stark auf. Russische Ärzte und Feldschere, die den Kreisverwaltungen beigegeben sind, versicherten mir, die syphilitisch Erkrankten machten durchschnittlich 50% der Bevölkerung aus; in einigen Gebieten steigere sich diese Zahl auf 70—80 und einige Dörfer, z. B. Naschache und Guni, wären sogar durchweg verseucht. Daher haben auch alle Krankenhäuser, die mit anerkennenswerter Fürsorge in allen größeren Orten und Kreiszentren von der Regierung geschaffen worden sind, eine besondere sogenannte venerologische Abteilung, «die allerwichtigste», wie mir die Tschetschenen lachend sagten. Die Bevölkerung ist so an die Krankheit gewöhnt, daß sie sie angeblich gar nicht einmal als besonders schlimm ansieht. Erkrankte Leute sahen auch trotzdem leidlich gesund und kräftig aus.

E) Volkskundliche Beobachtungen. I. Die Turmkultur der tschetschenischen Berge. Je weiter man in die tschetschenischen Berge eindringt, desto ursprünglicher wird die Lebensweise der Bevölkerung, sowohl in materieller wie auch in geistiger Hinsicht. Die Berge sind auch hier Bewahrer früherer Kulturzustände. Es zeigt sich nämlich bei näherem Hinsehen, daß diese Kultur der Tschetschenen bezeichnen kann. Es muß jedoch sofort hinzugefügt werden, daß sie keineswegs auf das Tschetschenengebiet beschränkt ist, sondern ebensogut, wenn auch mit Abänderungen, bei anderen Bergvölkern des zentralen Kaukasus anzutreffen ist.

Zuerst fallen dem Wanderer ihre Bauten in die Augen, ihre Wohnbauten, Wehrbauten und Kultbauten. Da auch die Wohnbauten turmartig sind und vor allem die hohen Wehrtürme ein besonders markanter Zug in der Landschaft des höheren Gebirges sind, so nenne ich diese Kultur kurz die Turmkultur.

a) Bauten. 1. Wohntürme. Es handelt sich um Bauten von meist quadratischem, seltener rechteckigem Grundriß mit etwa 8—10 m Seitenlänge und bis 12 m Höhe. Das Baumaterial wechselt je nach dem

in der Umgegend anstehenden Gestein. Im Hochgebirge sind es Schieferplatten, die mehr oder weniger regelmäßig aneinandergefügt sind. Viel regelmäßiger und glatter sind sie aus Sand- oder Kalkstein erbauten Türme etwa im Gebiet Galantschotsch oder Itum-Kale. Die Quadern sind dann gewöhnlich sauber behauen. Zuweilen haben auch große Blöke von mehreren Zentnern Gewicht Verwendung gefunden. Aus der Tatsache, daß dieselben auch in beträchtlicher Höhe zu finden sind, muß man schließen, daß den Erbauern irgendwelche maschinellen Hebemittel zur Verfügung gestanden haben, die man bei den heutigen Tschetschenen vergebens sucht. Die Dicke der Mauern beträgt unten bis zu 1 m.

Die Zahl der Stockwerke beträgt entweder zwei oder drei. Sehr interessant ist deren Konstruktion. In der Mitte des Turmes erhebt sich eine Säule, die unten etwa ¾ qm faßt und sich nach oben verjüngt (Fig. 1). Sie besteht aus rechteckigen Quadern, die im Schichtverband angeordnet sind, d. h. eine Schicht liegt immer über der anderen. Im bestimmten Abständen ist eine breite Schiefer- oder Sandsteinplatte eingefügt, die nach allen Seiten etwa 20 cm übersteht. Diese Säule ist jedoch nicht in allen Türmen zu finden. Ich sah sie in der beschriebenen Art in den Ruinen alter Wohntürme in Uschkaloi nördlich Itum-Kale, in Zazchoi östlich Itum-Kale und in Mälchisti; sie ragte dort innerhalb der zerfallenden Mauern einsam empor. In anderen Ruinen fehlte sie, ebenso in den bewohnten Wohntürmen, in denen ich übernachtet habe, und die ich mir sonst noch angesehen habe. Wieweit das auf Zufall beruht, vermag ich nicht zu sagen. Es kann auch sein, daß ich sie da und dort übersehen habe, da der innere Turmraum durch Quermauern gewöhnlich in drei Räume, einen großeren und zwei kleinere, geteilt und infolge der Fensterlosigkeit stets tiefes Dunkel herrschte. Der Zweck der Säule kann nur der gewesen sein, mit ihren erwähnten weit überstehenden Platten die Deckenbalken der Stockwerke zu tragen. Entsprechend sind in die vier Ecken des Turmes breite Steinplatten eingebaut, die ebenfalls eine Auflagerungsflache bieten, hier von Dreiecksform. Wie nun die Balken im einzelnen gelegen haben, läßt

sich mangels aller Holzreste in den Ruinen nicht mehrsagen. Eine Anordnung von vier radialen Hauptbalken, die von den Wänden zur Mittelsäule zogen und ihrerseits als Unterlage für die eigentliche Dielung dienten, erscheint nicht unmöglich. C. Schuchhardt «Alteuropa», S. 149, beschreibt eine solche Dachkonstruktion von den Talayots auf den Balearen. Freilich handelt es sich dabei um Rund- bzw. Ovalbauten, deren Dach durch Platten gebildet wird, die radial gelegt, von den Wänden auf die Mittelstütze greifen, die oben eine breite Steinplatte trägt. Eine andere Bedeutung kann die Mittelsäule auch in den tschetschenischen Wohntürmen kaum gehabt haben; auf jeden Fall wird man sie als ein sehr altertümliches Bauelement betrachten müssen. Sie dürfte auch ein Gegenstück zu der Mittelsäule des tschetschenischen Flechthauses sein, wie sie Baumhauer beschreibt (Lit. Verz. 2, S. 53), die als sogenannte Helmstange das Pyramidendach trägt. Die Treppen zu den oberen Stockwerken führen außen entlang. Die zum zweiten Stockwerk führende bildet meist einen einfachen mehr oder weniger kunstlos geschichteten Steinaufbau. Zum dritten Stockwerk hinauf wird die Steintreppe durch eine Art breiter Leiter ersetzt, die auf dicken, aus der Mauer herausragenden Balken aufruht. Die Verbindung der Leiterbäume durch Sprossen, deren Zwischenräume meist durch Flechtwerk ausgefüllt sind, ist reicht unvollkommen und ein Hinaufsteigen für den Ungeübten alles andere als bequem. Steht der Wohnturm an steilem Hange, so wird wohl auch ein Laufsteg vom Erdboden direkt nach den oberen Stockwerken gelegt (Abb. 2 die Schattenseite des Turmes links). Für den Fall aber, daß bei Blutrachefehden den Belagerten die Benutzung der äußeren Treppen nicht möglich ist, bestehen auch im Inneren Aufstiegsmöglichkeiten. Es sind die primitivsten Leitern, die man sich denken kann, nämlich entweder ein ausgehöhlter Baumstamm nach Art eines Einbaums, durch dessen Seitenwände Knüppel hindurch gesteckt sind, die dem Fuß als Halt dienen, oder ein Baumstamm, in den tief bis in die Mitte des Baumes dringende Kerben eingehauen sind. In den Ruinen fand ich im Inneren keine Spur einer Steintreppe.

Eine ganz bestimmte Form zeigen stets die Tür- und Fensteröffnungen. Die Türen (Fig. 2) sind meist nicht über 1 ½ m hoch und über ¾ m breit. Der obere Türbogen wird durch eine mächtige Sandsteinplatte gebildet, die auch die obere Hälfte der Türöffnung noch unfaßt. Die untere Hälfte wird durch zwei Platten frankiert, die ½ – 1 m breit sind. Ihre Form ist aus der Fig. ersichtlich; sie ist überall dieselbe, ebenso die des oberen Bogens. Ähnlich ist die Form der kleinen Fensteröffnungen von etwa 20 mal 30 cm Weite.

Im Gegensatz zur rundbogigen Außenseite, zeigt die Innenseite der Fenster und Türen stets Spitzbogenform, was sich bei der Dicke der Mauern leicht einrichten ließ. Und zwar ist die innere Öffnung etwas höher; der Spitzbogen setzt erst dort an, wo der Rundbogen seine größte Höhe erreicht und endet bei den Türen etwa ¾ m über diesem, bei den Fenstern entsprechend niedriger (Fig. 3). Sehr oft bilden die Fenster jedoch nur eine einfache Lücke im Mauerwerk, ohne jede Umrahmung.

Die Türen sind stets doppelflügelig und bestehen aus starken Bohlen. Sie drehen sich in Zapfen, die oben und unten in entsprechende Vertiefungen des Mauerwerkes eingelassen sind. Verschlossen werden sie durch starke Querbalken, die beim Öffnen tief ins seitliche Mauerwerk hineingeschoben werden können.

In die großen glatten Flächen der Türumrahmung und in andere größere Quadern des Mauerwerks sind oft rohe Ornamente eingeritzt, die in einem Sonderkapitel behandelt werden. Ornamentalen Charakter hat vielleicht auch eine Lage von Schieferplatten, die nach Art eines sogenannten Fischgrätenverbandes winklig gegeneinander gestellt, wenige Meter unter dem Dach in den äußeren Teil des Mauerwerkes eingefügt sind und sich wie ein breites Band um den Turm herumziehen. Irgend welche konstruktive Bedeutung habe ich dabei jedenfalls nicht herausfinden können, zumal sie nur in einer einzigen Schicht auftreten.

Erläuterung zu nebenstehender Figur. I. Durchschnitt durch einen Wehrturm

1. Steinspitze («zhogael»).
2. Schieferplatte («häqhæ, čardæg»).
3. Dachstufe.
4. Ausguck («kor»).
5. Maschikuli («čherch»).
6. In die Ecke eingebaute Steinplatte.
7. Nische mit Schließscharten.
8. Schlotartige Luke im Gewölbe zur Verbindung zwischen den beiden Stockwerken.
9. Gurtartig aus dem Gewölbe hervorragende Steinkarniese («qozaer»).
10. Balken zum Aufhängen von Lebensmitteln.
11. Fleischhaken.
12. Blinde Nische («qhorg kor»).
13. Herdkette.
14. Eingang.
15. Als Halt für den leiterartigen Aufstieg dienender Balken.
16. Horchluke.
17. Herd.
18. Gemauerter Behälter für Getreide («lægæm»).

II. Grundriß des zweiten Stockwerkes

1. Eingang.
2. Kanal zum Einziehen des balkenstarken Türriegels.
3. In die Ecke eingebaute Stein platte.
4. Horchluke.

5. Blinde Nische für Kampfmittel.
6. Verbindungsluke nach dem untersten Stockwerke.
7. Nische mit Schließscharten.
8. Herdplatten.
9. Gemauerter Behälter (des unteren Stockwerkes).

III. Zweckbestimmung der verschiedenen Stockwerke

I. Stockwerk: Gefangene.
II. Stockwerk: Gefangenenwache und Verteidiger.
III. Stockwerk: Verteidiger und Nichtkämpfer (Frauen, Kinder).
IV. Stockwerk: Verteidiger und Nichtkämpfer (Frauen, Kinder).
V. Stockwerk: Beobachtungsposten und Verteidiger.

Als Wohnräume dienen meist nur die oberen Stockwerke, in denen aber auch die großen Truhen stehen, die das wenige Getreide bergen. Im unteren, fensterlosen ist das Vieh untergebracht, das somit, sowie die Tür geschlossen ist, in vollster Dunkelheit steckt. Häufig ist hier dicht über den Köpfen des Rindviehs noch ein Zwischenstockwerk eingeschaltet, in dem Schafe und Ziegen untergebracht werden, die durch Flechtzäune eingeschlossen sind[13]). Ein einfacher Steinhaufen dient den klettergewandten Tieren als Aufstieg; durch eine Lücke im Deckengefüge erreichen sie ihren Stall.

Das Dach der Wohntürme ist bald ein flaches Erddach, das die Mauern zinnenartig etwas überragen, bald ein leicht geneigtes Schieferdach (Abb. 4). Bei vielen Türmen ist das Dach schon der Zerstörung anheimgefallen und nur noch die beiden unteren Stockwerke bewohnt.

2. Wehrtürme. Es sind hohe, schlanke Turmgestalten, die sich nach oben verjüngen und im Gegensatz zu den plumpen, massigen Wohntürmen einen sehr gefälligen Anblick bieten. Der Grundriß ist ebenfalls quadratisch, jedoch mit nur 4 m Seitenlänge. Dafür haben sie 4—5 Stockwerke, sind also mit etwa 20 m doppelt so hoch als die Wohntürme. Die Dielung der Stockwerke lagert ebenfalls auf

Steinplatten auf, die in die Ecken eingebaut sind. (Fig. 4). Das untere Stockwerk wird oft durch ein sehr fest und sauber gearbeitetes Kreuzgewölbe gebildet; nach seinem Scheitelpunkt ziehen sich vier eigenartige Gurte oder Leisten hinauf, die aus Scheitelpunkt ziehen sich vier eigenartige Gurte oder Leisten hinauf, die aus Reihen von Steinen bestehen, welche aus dem Gewölbe leicht herausragen. Die Wehrtürme sind meist solider gebaut als die Wohntürme, nicht selten unter Verwendung von Kalkmörtel.

Durch das Gewölbe führt längs der Turmmauer eine Öffnung nach dem nächsten Stockwerk, die bei der Dicke des Gewölbes als ein 1 m langer und etwa 60 cm breiter Schlot erscheint, durch den man sich ziemlich mühsam hindurch winden muß. Als Treppe dient wieder ein frei stehender Baumstamm mit Einkerbungen. Ebenso erfolgt die Verbindung zwischen den übrigen Stockwerken. Zuweilen endet der Turm mit einem flachen, oft zinnengeschmückten Dach. Typischer noch ist für diese Landschaften ein pyramidenförmiges Spitzdach oder Kuppeldach, dessen Höhe etwa gleich dem Durchmesser des Turmes oben ist (Abb. 11). Seinerseits wird es noch durch eine kegelfürmige Steinspitze von etwa ¾ m Höhe gekrönt. Im Aufbau des Daches wechseln eine Schicht gewöhnlicher flacher Bausteine und eine Schicht breiter Schieferplatten miteinander ab; letztere stehen nach außen etwa 20—30 cm über, so daß eine eigenartige Stufung entsteht, die ein sehr auffälliges architektonisches Bild abgibt.

Den Tür- und Fensteröffnungen fehlt meist die Umrahmung durch große Steinplatten. Eine Besonderheit der Wehrtürme bilden jedoch die Schießscharten des obersten Stockwerkes. Es sind sogenannte Maschikuli, d. h. Gußlöcher. Sie sehen aus wie längliche Kästen mit offener unterer Seite, die außen an der Mauer in halber Höhe der Schießscharte angebracht sind. Ihre obere Seite dient gleichzeitig als Auflagerungsfläche für den Schützen. Ornamente fehlen den Wehrtürmen, doch werden Lücken im Mauerwerk, die durch ihren Schatten weithin sichtbar werden, so angeordnet, daß sie einfache

geometrische Figuren, meist Kreuzformen, von mehreren Metern Höhe ergeben.

Allein findet man die Wehrtürme selten stehen. Sie sind in diesem Falle meist an strategisch wichtigen Punkten erbaut, z. B. an engen Stellen von Schluchten, wo Wegzoll gefordert wurde, so im Argun-tal bei Schatoi und Uschkaloi oder in der Jalcharoi-Klamm bei Galantschotsch. Meist stehen sie immer mit Wohntürmen zusammen, wobei das zahlenmäßige Verhältnis beider sehr verschieden sein kann. Manchmal befindet sich nur ein einziger dieser eleganten Türme inmitten zahlreicher Wohntürme, z. B. in Teretego (Mälchisti) oder in Zekäli (Maisti), (Abb. 4 u. 12). In anderen Dörfern kommt auf drei bis vier Wohntürme ein Wehrturm, so daß ein ungemein trutziges und romantisches Siedlungsbild entsteht, z. B. im Dorf Pogo in Maisti oder in Nikoroi südlich Galantschotsch. In Mälchisti sieht man auch viele Einzelsiedlungen; sie bestehen aus 2—4 Wohntürmen, die sich dicht um einen hohen Wehrturm drängen, so daß der Eindruck einer wirklichen Festung entsteht (Abb. 13). Hierzu gehört in der Regel auch ein kleiner Hof, der durch eine 2 m hohe, aus losen Steinen aufgeschichtete Mauer umfriedet wird. Die Einzelfestungen haben genau so wie die Dörfer ihren Ortsnamen. Einer oder mehrere der Wohntürme liegt heute fast stets schon in Ruinen; die Leute wohnen nicht selten in einem einstöckigen, flachdachigen Steinhause, das größere Bequemlichkeit gestattet und irgendwie in die Ruinen hineingebaut ist. Auch sonst finden sich innerhalb des Hofes noch kleine Vieh- oder Vorratshütten. Gewöhnlich wohnen heute nur ein bis zwei Familien in solchen Festungen, in denen ursprünglich Raum für 5—6 gewesen sein muß, so in Banach, Ikiltsche u. a. Nicht wenige sind schon völlig verlassen; die Einwohner haben sich an anderen Stellen in gewöhnlichen flachdachigen Häusern angesiedelt.

In die Wehrtürme fluchtete man sich nur im Falle eines Angriffes, dem man aber auch in den Wohntürmen schon ganz gut begegnen konnte. Daß man jene ständig bewohnt haben soll, wie in manchen Reisebeschreibungen zu lesen ist, ist natürlich unzutreffend.

Der Wohnturm gehört der ihn gerade bewohnenden Familie und kann verkauft werden, während der Wehrturm unveräßerlich ist, da er gemeinsames Eigentum des ganzen Geschlechts beziehungsweise der Sippe ist.

3. Totenhäuser und andere Grabformen. Das dritte architektonische Element der Turmkultur sind die Totenhäuser. Es sind dies kleine Häuschen, die, selten einzeln, meist in Gruppen in der Nähe der Ortschaften beieinander stehen und von weitem den Eindruck kleiner Siedlungen machen können. Diese Häuschen treten im Gebiet der Tschetschenen in zwei Formen auf.

Die häufigere hat rechteckigen Grundriß von etwa 2 mal 4 m; es kommen jedoch auch größere, langgezogenere vor (Abb. 14). Die Höhe beträgt drei bis vier Meter. Die Form des Ganzen ist die eines Kastens, dem ein meist ziemlich flaches, in gewöhnlicher Weise mit Schieferplatten gedecktes Satteldach aufgesetzt ist. Das Innere des Häuschens ist zu einem Spitzbogen gewölbt, wie ihn die orientalische Baukunst besitzt, also nicht recht erkennen konnte. Der Gewölbebau kommt durch sogenanntes Überkragen der Steinschichten zustande, doch sind die überstehenden Ecken weggehauen, so daß eine glatte Fläche entsteht (Abb. 15). Auf dem flachen First des Daches zieht sich oft noch ein kammartiger Steinaufbau entlang.

In der Mitte der vorderen Wand, d. h. einer Schmalseite des Gebäudes befindet sich eine quadratische Öffnung, groß genug, daß ein Mann sich grade noch hindurchwinden kann. Über oder unter diesem Loch ragt zuweilen kopfartig ein Stein hervor, der wohl zur Erleichterung des Einsteigens gedient haben mag, besonders, wenn die Vorderwand am Berghang in die Höhe strebte.

Nicht immer bildet die Vorderwand eine glatte Fläche. Bei vielen Totenhäusern fand ich sie um ½ – 1 m in das Gebäude zurückverlegt, so daß von den Seitenwänden und dem Dach eine Art spitzbogiger Vorkammer gebildet wurde. Ihr Fußboden war über den Erdboden etwas erhöht; an den Wänden liefen rohe Steinbänke entlang, die man wohl bei Totengedächtnisfeiern benutzte.

Im Innern der Totenhäuser ragen aus der ganzen Länge der Seiten- und Rückenwände mehrere Etagen von breiten Schieferplatten etwa ½ m heraus. Auf sie wurden die Leichen draufgelegt. Bei der Enge des Raumes bleibt in der Mitte nur ein für die Breite eines Mannes grade ausreichender Gang frei. Steht das Häuschen am Abhang, so steigt der Erdboden in seinem Innern in die Höhe, so daß in der Rückwand nur doch Platz für eine Totenpritsche bleibt, während vorn vier oder fünf Etagen bestehen können.

Auch zweistöckige Totenhäuser kommen vor (Abb. 14).

Die Häusern sind unter Verwendung von Mörtel meist recht sorgfältig gebaut, den man bei den gegenwärtigen Bauten meist vermißt. Auch sind sie außen zuweilen mit Kalk verputzt.

Der zweite Typ von Totenhäusern hat quadratischen Grundriß von reichlich 2 m Seitenlänge und ein oder zwei Stockwerke. Sein Dach hat dieselbe Form wie das des Wehrturmes, hat im Innern ein Gewölbe und oben eine Steinspitze (Abb. 16). Die Inneneinrichtung ist dieselbe wie bei der ersten Form und ebensowenig wie bei dieser ist die Eingangsöffnung nach einer bestimmten Himmelsrichtung orientiert.

Ungestörte Lagerung der Gerippe auf den Steinplatten findet man heute nicht mehr oft. Die Scheu und Ehrfurcht der Eingeborenen vor den Grabstätten ihrer Vorfahren beginnt vielfach zu weichen und die meisten Totenhäuser sind schon nach eventuellen Kostbarkeiten durchsucht und durchwühlt worden. Das Innere der Totenhäuser beitet daher einen ziemlich grausigen Anblick wirr durcheinander liegender Totengebeine und Kleiderfetzen. In unberührten Häusern liegen die Leichen in voller Kleidung frei auf den Platten; nur in einem Falle fand ich sie in schmalen, bettstattartigen Holzkästen beim Dorfe Kamalago.

Im Kistengebiet ist der Islam sicher noch keine hundert Jahre alt. Es geht dies aus dem Erhaltungszustande der Leichen und ihrer Kleidung hervor. An manchen Skeletten waren Hautspuren noch deutlich zu erkennen. Freilich wird man dabei auch die verhältnismäßig trockene Höhenluft in Rechnung setzen müssen, die eher ein mumienhaftes Eintrocken als eine Verwesung bewirkt. Ebenso wohlerhalten war das

Holz der erwähnten Leichenkästen und vor allem auch die Kleidungsstücke; Farbe und Schnitt waren teilweise so gut erhalten, daß ich mir einige Stücke mitnehmen konnte[14]). Unmöglich konnte in einigen Fällen die Bestattung weiter als 30—40 Jahre zurückliegen. Man wird daher annehmen müssen, daß auch nach der Bekehrung zum Islam die Leute noch einige Zeit lang ihre alte Bestattungsweise beibehalten haben.

Jede Familie hatte ihr besonderes Totenhaus, in dem Männer, Frauen und Kinder in gleicher Weise beigesetzt wurden. Wie mir in Dscharego erzählt wurde, wurden gelegentlich auch noch Lebende dahin gebracht, damit sie dort in Gemeinschaft der Toten ihr Ende erwarteten, besonders dann, wenn sie von einer ansteckenden Krankheit befallen waren. Da und dort in den Totenhäusern noch herumliegende Eßnäpfe bezeugen dies wohl. War eine Mutter hoffnungslos krank, so brachte man mit ihr auch gleich den Säugling in die Totenkammer. So fand ich in Z'ainpched neben einem Frauengerippe einen Holzkasten mit dem mit dem Skelett eines kleinen Kindes. Waren alle Steinplatten belegt, so wurden die Knochen auf die Erde geworden, um Platz für eine neue Leiche zu schaffen. Man findet daher in den Häuschen oft viel mehr Totenköpfe, als Leichen darin aufgebahrt werden konnten. Wenn ich den Erzählungen eines Tschetschenen Glauben schenken darf, so bergen einige Totenhäuser der Chewsuren nahe bei Schatil bis zu 50 Totenköpfe.

An zwei Stellen des Tschetschenengebietes finden sich die Totenhäuser in solchen Massen, daß man von ganzen Nekropolen sprechen kann. Es sind dies die Orte Z'ainpched in Mälchisti und Waserkel[15]) in Maisti. Beide Nekropolen zählen gegen 50 Totenhäuser, die ziemlich regellos über den Platz verstreut sind. Dicht dabei liegen bei beiden die ausgedehnten Ruinen alter Siedlungen, die ihrem Erhaltungszustand nach zu urteilen, vielleicht schon seit Jahrhunderten verlassen sind. Die heute in der Nähe liegenden Dörfer sind viel zu klein, als daß die Nekropolen von ihnen stammen könnten z. B. das Dorf Zekäli (Abb. 4), das etwa 300 m hoch darüber liegt. Besonders

eindrucksvoll, ja geradezu ergreifend ist das Bild der Ruinen und der Nekropole von Waserkel. Aus dem Maisti-Tal steigt hier steil ein etwa 200 m hoher Felsen auf, der nur durch einen schmalen Rücken, auf dem die Totenhäuser stehen (Abb. 14), mit der übrigen Talsete verbunden ist. Von oben winkt ein hoher Wehrturm herab, um den sich einige Wohntürme gruppieren. Hinauf führt ein Pfad, der so halsbrecherisch ist, daß die Bewohner von Zekäli ihre Pferde, die doch als Bergtiere sicher genug gehen, nur höchst ungern darauf entlangführen, sondern mitunter einen weiten Umweg über den das Tal im O einfassenden hohen Gebirgsrücken machen, um im Nachbartal hinabzusteigen.

Erst bei näherem Hinsehen bemerkt man die vielen Ruinen, die der Felsen trägt, nicht nur auf seinen Flanken. Überall sieht man niedere Turmruinen förmlich aus dem Fels herauswachsen und zwar an Stellen von solcher Schroffheit, daß man nur schwer verstehen kann, wie hier überhaupt Menschen bauen und ständig wohnen konnten. Meist sind freilich nur noch die letzten Reste der Mauern zu erkennen, das übrige liegt im Abgrund. Ich glaube nicht zu hoch zu greifen, wenn ich die Zahl der Türme, deren Überreste noch erkennbar waren, auf etwa 30 veranschlage. Wer den Osten des Kaukasus einigermaßen kennt, ist zwar an die unglaublichsten Siedlungslagen gewöhnt, besonders aus dem Daghestan. Dieser seinerzeit von Türmen starrende Felsen dürfte wohl alles in den Schatten gestellt haben, der war in Wahrheit unangreifbar.

Ähnlich ist Lage und Aussehen der anderen Nekropole Z'ainpched in Mälchisti und ihrer alten Siedlung. Hier wie dort ein hoher Felsen, der auf drei Seiten von reißendem Gewässer umrauscht ist und auf der vierten nur durch einen schmalen Rücken, auf dem wiederum die Totenhäuser stehen, Verbindung mit der einen Talwand hat, also ebenfalls unangreifbar genannt werden kann, obwohl er etwas niedriger und nicht so steil ist wie der in Maisti. Von der Siedlung selbst steht nur noch der Wehrturm auf der Höhe einsam da; alles andere bedeckt mit einer dicken Trümmerschicht den Abhang. Nur von der Mauer, die zusammen mit dem Turm Schutz gegen einen Angriff

von der Bergseite bot, ist noch einiges erhalten. Tief unten, unmittelbar über dem Argun, steht noch eine leidlich erhaltene Festung, welche die ohnehin kaum gangbare Schlucht vollständig sperrt. Z'ainpched hatte eine hervorragende strategische Lage, da hier der einzige Weg aus dem Tschetschenengebiet nach Chewsuretien vorbeiführt. Waserkel dagegen spielte nur die Rolle eines allerdings unvergleichlichen Schlupfwinkels; durch das Maisti-Tal führt kein Pfad hindurch, da es im S vom Tebulos-Massiv völlig abgeriegelt wird.

Irgend welche besondere archäologische Bedeutung besitzen diese beiden Ruinenstätten jedoch kaum. Die Architektur ihrer Bauten ist dieselbe wie in den anderen Dörfern dieses Gebietes und zu Grabungen ist bei dem felsigen Boden kein Anlaß. Es sind die verlassenen Siedlungen derselben Bevölkerung, die jetzt noch in den Tälern haust und deren Kulturzustand im großen und ganzen noch derselbe ist wie der ihrer Vorfahren, die in den Ruinen einst wohnten. Ein Unterschied besteht nur insofern, als die ewigen Fehden nachgelassen haben, welche die Bevölkerung veranlaßten, nur in solchen engen Festungen zu wohnen, anstatt sich bequemere Häuser auf bequemerem Gelände zu bauen, wie es jetzt mehr und mehr geschieht.

Außer den oberirdischen gibt es auch unterirdische Totenhäuser bzw. Grabkammern, die in den Grundzügen dieselbe Form haben wie der als erster beschriebene Typ der oberirdischen. Ich grub einige beim Dorfe Kakadoi unterhalb Itum-Kale aus. Ebenso gibt es welche unweit davon bei Uschkaloi. Sie sind etwas kleiner als die oberirdischen; man konnte sich nur gebückt in ihnen bewegen. Die Seitenwände sind zwar auch gewölbt, doch ist das Gewölbe nicht zu Ende geführt, sondern wird oben durch schwere Steinplatten abgeschlossen, die gleichzeitig als Decke und vermöge ihrer Last als Gewölbehalter dienen. Der Erdboden darüber war etwa ½ m mächtig. Einige hatten keinerlei Öffnung; an andere dagegen führte vom Hange aus ein Gang heran und die hatten dann dasselbe quadratische Eingangsloch wie die oberirdischen Häuschen. Der Gang führte flach unterirdisch heran und war mit Steinplatten ausgelegt und abgedeckt. Im Innern waren in den

senkrechten Wänden kleine quadratische Nischen angebracht; über der Eingangsöffnung fand sich eine solche von Dreiecksform, die durch eingebaute Steinplatten gebildet wurde. Sie sind auch an Heiligtümern zu finden (Abb. 15).

Gefunden habe ich in den drei von mir untersuchten Grabkammern außer Knochenresten nichts. Es hieß jedoch, daß in anderen Grabkammern dieser Art von Einheimischen verschiedene Wertgegenstände, darunter goldene, gefunden worden wären; ich habe sie leider nicht zu Gesicht bekommen.

Die Tschetschenen sind der Ansicht, die Grabkammern stammten von den Kalmüken, die einst von ihnen aus diesen Gegenden verdrängt worden wären. An Hand von Schädelfunden, die mir leider nicht glückten, würde sich das ja leicht nachprüfen lassen. Da sie aber in ihrer Architektur den oberirdischen Totenhäusern in Mälchisti und Maisti fast gleich sind, so werden sie wohl auch Schöpfungen desselben Kultes, derselben Religion sein, d. h. also, sie werden auch von den Tschetschenen selber stammen können. Die Bevölkerung hat es unter der Einwirkung des Islam, der in diesen Gegenden schon länger herrscht als im Kistengebiet, nur schon vergessen. Daß sie im Kistengebiet oberirdisch angelegt sind, kann seine Ursache im felsigen Untergrunde haben, während hier tiefgründigerer Verwitterungsboden und Gehängeschutt die unterirdische Anlage ermöglichte. Ferner stehen in Kakadoi und Uschkaloi dieselben Wehr- und Wohntürme wie in Mälchisti und Maisti, wenn sie auch schon unbewohnt sind; es herrschte also dieselbe Kultur, die Bestattung in Totenhäusern, hier völlig gefehlt haben sollte. Da es keine oberirdischen ihre Stelle gibt, so müssen eben die unterirdischen ihre Stelle eingenommen haben.

Es sei hier noch eine andere Grabform erwähnt, die bei den Mohammedanern noch Verwendung findet und anscheinend auf die vormohammedanischen Totenhäuser zurückgeht. Sie dient allerdings nur noch als oberirdisches Grabmal für die in die Erde versenkte Leiche. Es ist auch kein Häuschen mehr, sondern eine Art gemauerter Säule von etwa 1 ½ m Höhe mit rechteckigem oder quadratischem

Grundriß. In ihrer Vorderseite ist eine hohe Nische eingelassen, die zur Aufnahme der üblichen, mit Koransprüchen versehenen mohammedanischen Grabtafel dient. Der Oberbau geht spitz zu und zeigt ebenfalls durch überstehende Steinplatten gekennzeichneten Stufenbau. Ich fand diese Grabmäler an verschiedenen Stellen im Oberlaufgebiet des Scharo-Argun und im gumbetischen Daghestan bei Mechelta. In v. Dechy's Kaukasuswerk, Bd. II, S. 204, findet sich eine Aufnahme eines solchen Grabsteins auch aus dem Oberlaufgebiet des Andischen Koissu beim Dorfe Agwali. Es ist das um so bemerkenswerter, als uns aus dem Daghestan bisher keine Totenhäuser nach Art der tschetschenischen bekannt geworden sind. Wohl aber finden sie sich wieder in dem von Awaren bewohnten Teile Kachetiens (Nach Photographie A. Dirr's bei Byhan, Lit. Verz. 6, S. 793); man wird daher annehmen dürfen, daß sie früher auch einmal in den daghestanischen Bergen vorhanden gewesen sind.

Eine ähnliche Form haben chewsurische Grabmäler bei Schatil. Ihre Spitze ziert ein mit Bergkristallen reich besetzer Quarzblock, an denen die dortige Gegend reich ist.

Auf Abb. 16 sind vor den alten Totenhäusern in Teretego, Mälchisti, die gegenwärtigen Gräber zu erkennen, rechteckige Steinhaufen, die man über dem Toten aufbaute. Die sonst bei jedem mohammedanischen Grabe vorhandene, aufrecht am Kopfende stehende hohe Steinplatte fehlt hier noch größtenteils.

Ein altes mohammedanisches Grab öffnete ich in Itum-Kale. Es war ungewöhnlich tief, etwa 1 ½ m, in den dort sehr mürben, feinblättrigen Schiefer gehauen. Das Skelett lag unter Steinplatten, die schräg gegen die eine Grabwand gelehnt waren, so daß eine Lagerstätte mit einem Querschnitt in Form eines rechtwinkligen Dreiecks entstand. Dieselbe aus drei Platten gebildete Lagerstätte hatten auch noch andere Gräber, die aber sehr flach angelegt waren; die Platten ragten teilweise aus dem Boden leicht hervor. Ein intelligenter Tschetschene, der Postmeister der Ortes, meinte, diese Gräber stammten aus der Frühzeit des Islam im Tschetschenengebiet, als die Leute noch nicht verstanden

hätten, so zu beerdigen, wie es sich gehöre. Jetzt beerdige man folgendermaßen. Man grabe eine Grube von rechteckigem Grundriß und drei Arschin (= reichlich zwei Meter) Tiefe, dann unterhöhle man eine Seitenwand. In diese Unterhöhlung werde der Tote hineingelegt, damit beim Zuschütten des Grabes die Erde nicht auf ihn falle. Diese Untergrabung, die außerdem gegen die Grube noch durch Steinplatten abgeschlossen werde, müsse aber hoch genug sein, daß der Tote sich aufrecht setzen könne, wenn er von Allah gerufen werde. Es komme auch vor, daß man in der anderen Grabwand später auf dieselbe Weise noch den Sohn beisetze (Fig. 5). Wohlhabende ließen sich auch gemauerte unterirdische Gräber errichten und zwar einen Gewölbebau von rundem Grundriß. Eine ähnliche Form beschreibt W. Miller (Lit. Verz. 29, S. 27) aus Inguschen, dort allerdings ist er oberirdisch angelegt.

Die neueren Grabsteine tragen Koransprüche, deren Schrift meist in leuchtenden Farben gehalten ist. Auf älteren findet man an ihrer Stelle Figuren wie sie Fig. 6 veranschaulicht. Sie erinnern entfernt an menschliche Figuren. Größtenteils sind die alten Grabsteine jedoch ohne jede Inschrift oder Zeichnung.

4. Heiligrümer. Ich sah ein solches im Dorfe Teretego in Mälchisti. Daß es ein Heiligtum ist, schließe ich aus der Ähnlichkeit, die es mit denen im benachbarten Chewsuretien besitzt. Von dem einzigen russisch sprechenden Eingeborenen konnte ich über seinen einstigen Zweck nichts mehr erfahren, wie überhaupt die Erinnerung an die noch vor nicht langer Zeit geübten heidnischen Bräuche stellenweise sehr schnell verblaßt. Es hat die Form eines Totenhauses, ist jedoch bedeutend größer und spitzgiebeliger und mit größerer Sorgfalt gebaut, besonders was das Gewölbe anbelangt. (Abb. 15). Ferner fehlt die Vorderwand; es ist eine offene spitzbogige Halle. Heute dient es als Ziegenstall. Über die Dachkonstruktion und die Ornamentik s. S. 63 f.

Als ehemaliges Heiligtum wurde mir eine Ruine über dem Dorfe Kakadoi bezeichnet. Infolge der starken Zerstörung war nur noch zu erkennen, daß es rechteckigen Grundriß gehabt hatte und daß es eine Quermauer in zwei Räume teilte, die durch eine niedrige, in der rechten

Hälfte der Quermauer in zwei Räume teilte, die durch eine niedrige, in der rechten Hälfte der Quermauer (von vorn gesehen) angebrachte Tür verbunden waren. In der Vorderwand befanden sich drei der schon erwähnten Dreiecksnischen nebeneinander und darüber eine einzelne. Es steht inmitten von Ruinen alter Wohntürme. Die Siedlung soll früher große Bedeutung gehabt haben; zu ihr gehörten jedenfalls die schon erwähnten zahlreichen unterirdischen Totenkammern.

Ein anderes Heiligtum sah ich in Maisti an steilem Abhang unweit nördlich von Togo bzw. T'uga, des letzten Dorfes dieses Tales, das bischer von europäischen wissenschaftlichen Reisenden meines Wissens wohl noch nicht betreten worden ist. Es war kein Gebäude, sondern erinnerte an die S. 49 f. beschriebenen Grabmäler, war nur wesentlich größer und hatte eine größere und tiefere Nische. Daß es als Opferaltar einst diente, davon zeugten obenauf gelegte Rinds- und Ziegengehörme. Möglich ist es allerdings, daß es sich dabei nur um Votivgaben handelte. Es ähnelte dem bei Buschan (Lit. Verz. 5 Bd. II, Teil I, S. 416) veröffentlichen Heiligtum der Pamir-Tadschik (nach Photographie von A. Schultz), unterschied sich von ihm nur durch das übliche Stufendach.

Die christlichen Bergvölker, besonders Chewsuren und Osseten, haben die alten heidnischen Bräuche anscheinend viel treuer bewahrt als die mohammedanischen. Doch auch bei den Inguschen sollen gegen Ende des vorigen Jahrhunderts noch Tieropfer stattgefunden haben. In dem weltvergessenen Maisti werden sie sich mindestens genau so lange gehalten haben, wenn nicht länger.

Die einstigen religiösen Vorstellungen der Tschetschenen, von denen uns die Heiligtümer und Totenhäuser noch Zeugnis ablegen, sind z. T. noch gesammelt worden und zwar von einem gebürtigen Tschetschenen Baschir Dalgat. A. Dir hat den betreffenden Artikel übersetzt und im «Anthropos» veröffentlicht. (Lit. Verz. 10). Sehr viel Interessantes und teilweise wohl auch vollkommen Neues, besonders bezüglich der soziologischen Verhältnisse, bietet die populär gehaltene Schrift Jakowlews über die Inguschen (Lit. Verz. 18), die es wohl wert

wäre, in eine Sprache übersetzt zu werden, die den mittel-und westeuropäischen Lesern zugänglich ist.

b) Ornamentik. Wie schon erwähnt, befinden sich an den Wohntürmen und seltener auch an den anderen Bauten der Turmkultur einfache Steinritzungen, die besonders an den großen Steinplatten angebracht sind, von denen die Turöffnungen eingefaßt werden, und zuweilen auch an größeren Quadern des Mauerwerks. Sie verdienen unser Interesse vor allem deswegen, weil sie zusammen mit den auf Möbeln zu findenden Kerbschnitzereien fast die einzigen Spuren bildender Kunst sind, die wir bei den Tschetschenen antreffen. Über rein geometrische Figuren ist dieselbe mit geringen Ausnahmen noch nicht hinausgediehen; Tier- und Menschendarstellungen finden sich wohl, aber nur in äußerst primitiver, kindlicher Ausführung, während die geometrischen Figuren oft staunenswert sauber und regelmäßig gearbeitet sind.

Dem flüchtigen Beschauer werden sie als planlose Kritzeleien erscheinen; verfolgt man sie jedoch näher, so stellt sich heraus, daß sie stets in auffälliger Gleichheit wiederkehren, so daß ihnen also eine tiefere Bedeutung zu Grunde liegen muß, zumal wenn man sie auch außerhalb des Kaukasus bei anderen Völkern wiederfindet.

Abgesehen von den auf den Türbögen angebrachten finden sich die Zeichnungen sonst ziemlich regellos im Mauerwerk verteilt. Es besteht aber Grund zu der Annahme, daß sie früher in größeren Zusammenstellungen angebracht waren und erst nachträglich bei Umbauten mit den einzelnen Steinen auseinander gebracht wurden, wie es mir auch in einem Falle von den Einwohnern bestätigt wurde. Die ursprüngliche Anordnung wird so gewesen sein, wie in Maisti, wo eine ganze Schicht der Mauer durchgehend mit Symbolen bedeckt war (Fig. 7).

Das häufigste Symbol ist die einfache S-Spirale nicht nur in Maisti, sondern allgemein; sie ist bald mehr, bald weniger aufgerollt. Eine Sonderform der mehr aufgerollten Spirale entsteht dadurch, daß die eine Hälfte, gewöhnlich die rechte, kleiner gehalten ist. Ein sehr

schönes und groß ausgeführtes Beispiel dieser Art befindet sich an einem der beiden Türme in Scharoi (Fig. 8). Einmal, im Dorfe Chimoi, waren beide Hälften durch einen wagerechten Strich miteinander verbunden (Fig. 9). Ich finde hier für eine auffällige Entsprechung bei Kossinna (Lit. Verz. 22, S. 91), die eine Felsenzeichnung von Ryland in Schweden wiedergibt und dort als Darstellung von Sonne und Mond gedeutet wird. Ein Unterschied zwischen beiden besteht insofern, als die schwedische nicht im S-Sinne gedreht ist wie die kaukasische, sondern gleichmäßig, und daß die beiden Hälften der kaukasischen ein stärker verschiedenes Größenverhältnis zeigen.

Auch der sogenannte «laufende Hund» kommt zuweilen als Steinritzung vor. Wie stets bei den Spiralen, so überrascht auch hier die sehr präzise Ausführung.

Als nächste Gruppe seien die Figuren angeführt, die aus mehreren zusammengesetzten Spiralen bestehen; zunächst die Hakenkreuze. Es kommt sowohl die runde, aus zwei gekreuzten S-Spiralen bestehende Form vor, wie auch die eckige. Die eckige bekanntere Form fand ich nur in den zwei dicht beieinander liegenden Dörfern Scharoi und Chimoi. In letzterem waren sie auffällig zahlreich, teils in roher Ausführung und Anordnung (Fig. 2), in einem Falle jedoch recht geschmackvoll angebracht, wie die Zeichnung Fig. 10 zeigt. Dieselbe war über einem Türbogen angebracht; sie nahm dessen ganze Breite ein, so daß die Kreuze seitlich an die oberen Ecken der Türöffnung zu liegen kamen. Als stark stilisiertes Hakenkreuz wird man auch das seltsam verschränkte Gebilde von Fig. 11 betrachten dürfen, das ich in dieser Ausführung sonst nirgend mehr gefunden habe. Es befand sich an derselben Tür wie Fig. 10.

Das Hakenkreuz ist auch sonst im Kaukasus keine fremde Erscheinung. Es findet sich z. B. auf bronzezeitlichen Geräten des bekannten Gräberfeldes von Koban in Ossetien, nach den Abbildungen bei Chantre II, Tafel 11 (Lit. Verz. 7). Außer in den beiden erwähnten Dörfern habe ich es in seiner eckigen Form sonst im Tschetschenengebiet nicht wieder angetroffen.

Häufiger ist die gebogene, in Spiralen auslaufende Form, die ich besonders zahlreich in Itum-Kale vorfand (Fig. 12). Nicht immer drehen sich die gekreuzten Spiralen im Sinne des Hakenkreuzes, wie aus Fig. 13 ersichtlich. Das erwähnte Dorf, das nicht bloß jetzt, sondern auch früher ein Bevölkerungs- und Kulturzentrum gewesen sein muß, ist besonders reich an solchen Darstellungen; ich fand sie allerdings weniger an den Turmruinen selbst, sondern die betreffenden Steine lagen überall verstreut, z. T. sogar als Pflastersteine in Höfen und Gassen. Es sind das nur die traurigen Überreste vieler starker Wehr- und Wohnturme, die nach den Erzählungen der Einwohner das Dorf einst zusammensetzen.

Den einfachen Dreischenkel fand ich auf tschetschenischem Gebiet nur einmal an einem Turm von Tasbitschi bei Itum-Kale (Fig. 14); häufiger dagegen bemerkte ich ihn auf Filzteppichen der Nogaier und Stickereien der Inguschen, die im Wladikawkaser Museum ausgestellt waren.

Als launenhafte Zusammenstellungen möchte man vielleicht die beiden Zeichnungen betrachten, die ich an einem Totenhaus in Z'ainpched (Fig. 15) und auf mohammedanischen Grabstein fand (Fig. 6). Aber auch hierfür finden sich starke Ähnlichkeiten und zwar in etwas größerer Entfernung Entfernung vom Kaukasus auf den südrussischen Runensteinen (Kossina, Lit. Verz. 22, Taf. 37). Daß zwischen diesen Runensteinen und kaukasischen Zeichen direkte Beziehungen bestehen, ist kürzlich durch den Wladikawkaser Ethnologen Poschidajew festgestellt worden. Es handelt sich um die Eigentumsmarken, «tamga» (auch «tavro») genannt, der Kabardiner, mit denen sie besonders ihre Pferde abstempeln. Poschidajew führte seine Arbeit auf streng ethnologischer Grundlage aus, indem er die Grundformen der Tamga, die durch Vermehrung und Teilung der Familien vielfach Abwandlungen erfahren hatten, insofern sie selbst auch geteilt bzw. durch neue Elemente bereichert wurden, wieder heraus suchte. Das war natürlich nur möglich bei eingehender persönlicher Kenntnis der kabardinischen Geschlechter und ihrer

Geschichte. Fig. 16 zeigt einen Teil dieser kabardinischen Tamga (Posch., Lit. Verz. 34, S. 78), Fig. 17 einige der bei den benachbarten Karatschaiern gebräuchlichen[16]). Es sind im Grunde dieselben Zeichen, wie sie auf den südrussischen Runensteinen erscheinen. Im weiteren Verfolg seiner Untersuchungen, glaubt Poschidajew feststellen zu können, daß das altslavische Alphabet der Glagoliza auf diese Runen und Eigentumsmarken, die ja letzten Endes, wie alle Zeichen ähnlicher Art, religiöse Symbole sind, zurückzuführen sei, nicht auf das griechische Alphabet, wie gewöhnlich angenommen wird.

Bei den Tschetschenen herrscht nach meinen Beobachtungen der Gebrauch nicht, Gegenstände oder Vieh mit Eigentumsmarken zu versehen.

Fig. 18 zeigt eine in Tschaberloi stehende große Steinplatte, deren Zeichen ebenfalls runenhaften Charakter tragen.

Eine große Rolle spielt in den Steinritzungen das Kreisornament, das alte Sonnenzeichen. Es erscheinen einfache und konzentrische Kreize (Fig. 7), ferner solche mit Radien, vom einfachen Radienkreuz bis zum Strahlenbündel. Dabei sind häufig je zwei Radien zu einem breiten Strahlenstreifen zusammengefaßt dadurch, daß der Zwischenraum zwischen beiden ausgemeißelt ist, sowohl auf Stein als auch auf Holz. Es darf das als naturgetreue Nachbildung der Sonnenstrahlen betrachtet werden; besonders entspricht der Darstellung das Bild, welches die abendlichen oder morgendlichen Sonnenstrahlen bieten, wenn sie durch dunkles Gewölk voneinander getrennt werden.

Auch das bekannte Fauerrad mit spiralig gekrümmten Radien erscheint, wenn auch seltener. In sehr sauberer Ausführung findet es sich an einem Turm in Oschni westlich Itum-Kale (Fig. 19), in etwas abgewandelter Form auf einem mohammedanischen Grabstein in Itum-Kale (Fig. 20). Zur selben Gruppe gehören wohl auch die Kreisbilder, bei denen die Strahlen nur auf der Peripherie aufsitzen (Fig. 21). Bei der engen genetischen Verbindung von konzentrischem Kreis und Spirale (G. Wilke, Lit. Verz. 43) wird auch die mit einem Strahlenkranz versehene Spirale (Fig. 22) hierherzustellen sein. Beide Bilder traf ich nur einmal

an, die Spirale wiederum in dem am symbolischen Steinritzungen so reichen Dorfe Chimoi. Mit einem Strahlenkranz versehene Kreise kommen nach Kossinna (Lit. Verz. 22, S. 76) schon in der mitteleuropäischen steinzeitlichen indogermanischen Keramik vor.

Eine sehr häufig auftretende Zierform ist die vier- und sechsstrahlige Rosette (Fig. 23), die gewöhnlich in einen Kreis, seltener in ein Viereck eingeschlossen ist. Durch Tangentenbänder sind sie auf dem großen Wandschrank mit dem Sonnenzeichen verbunden (Fig. 62). Dasselbe gilt von einem anderen Zeichen, einem Kreise, in den durch vier von außen hereinschneidende Kreise ein Viereck eingezeichnet ist; es ist ein beliebtes Ornament für Ohrringe und Armbänder, Hierzu wird auch ein Zeichen am Scharoier Turme zu stellen sein (Fig. 24). Alle drei Zeichen bilden nur eine Entwicklungsreihe, je nachdem, wie weit die vier Außenkreise in den inneren Kreis vordringen. Schneiden sie sich im Mittelpunkt, so entsteht die Rosette, berühren sie sich an der Peripherie, so das Viereck mit den geschweiften Seiten; eine Zwischenstellung nimmt Fig. 25 ein. Zieht man die Außenkreise noch weiter zurück, so daß sie sich innerhalb des Kreises und auf der Periepherie nicht mehr treffen, so entsteht ein weiteres Glied dieser Reihe, das ich auf Holzkästen bemerkte. Ebenso erscheint es auf Bronzeplatten, die bei Kamunta in Ossetien gefunden wurden (Chantre Nr. 7 Bd. III, 93).

Quadratische und rechteckige Muster sind häufig auf Holz, seltener auf Stein.

Gewöhnliche Kreuze finden sich in großer Zahl überall auf den Mauern. Die Sonderform mit der Gabelung an den Enden (Fig. 7) fand ich mehrfach auf einer Art der transkaukasischen Schirwan-Teppiche. Mit dem früheren Christenglauben der Tschetschenen haben diese Kreuze sicherlich nichts zu tun, da sie meist in enger Verbindung mit den übrigen ebenfalls aus der Vorgeschichte bekannten Zeichen auftreten.

Sehr verbreitet ist ein hufeisenartiges Zeichen das sich meist an Türeingängen findet, ebenso aber auch an Grabsteinen, teils

in gerundeter, teils in eckiger Form. Mit einem Hufeisen hat dieses Zeichen wohl nur die äußere Form gemein; doch sei bei dieser Gelegenheit mitgeteilt, daß ich auch den Brauch, Hufeisen an die Schwelle zu nageln, in einem Falle beobachtet habe, allerdings nicht im Gebiete der Türme, sondern an einem der modernen Satteldachhäuser russischer Herkunft in Schatoi. Es waren im ganzen drei Hufeisen angebracht, zwei an der Außenseite der Schwelle mit der offenen Seite nach außen und eins an der Innenseite in entgegengesetzter Lage. Der tschetschenische Besitzer des Hauses gab mir als Erklärung an, der Gegensatz in der Lage und der Verteilung der drei Hufeisen solle bedeuten, daß mehr in das Haus hinein als aus ihm herauskommen möge.

Während die bisher genannten Symbole geometrischer Form meist mit großer Sorgfalt und mathematischer Genauigkeit ausgeführt sind, tragen die Mensch- und Tierdarstellungen stets außerordentlich primitive Züge und erinnern an die ersten Kritzelversuche von Kindern. Sie erscheinen sowohl in einfachen Linienumrissen, als auch in eingetiefter flächenhafter Wiedergabe der ganzen Figur.

Bei den Tierdarstellungen ist oft nicht mit Scherheit zu sagen, ob es sich um Pferde oder Böcke handelt. Stellenweise soll auch der Hirsch in den mythischen Vorstellungen der Tschetschenen eine große Rolle spielen, der auch früher in den dortigen Wäldern heimisch gewesen sein roll. Mir wurde in Chimoi ein sehr sauber gearbeiteter kupferner kleiner Hirschkopf gezeigt (oder war er aus Bronze?) den man dort im Erdboden gefunden haben wollte. Der Hals war durchbohrt; es ist daher möglich, daß er auch als Amulett getragen wurde.

Die Form der Menschendarstellungen ist aus den beigefügten Figuren 12, 23 und 26 ersichtlich. Sie schwanken von rein schematischer Wiedergabe bis zum Versuch, durch flächenhafte Darstellung der Natur gerechter zu werden. Stets sind sie phallisch dargestellt, ausgenommen die eine Menschenfigur auf Fig. 12 in Itum-Kale, wo man vielleicht an eine Gegenüberstellung von Mann und Weib denken kann. Auch die häufig vorkommende Zeichnung von Fig.

27 bedeutet möglicherweise nur die untere Hälfte einer männlichen Figur. In neuerer Zeit sind die Phallen vielfach weggekratzt worden; nun die Tschetschenen Mohammedaner geworden sind, betrachten sie derartige Figuren als unzüchtig. Direkte Spuren eines Phalluskultes sollen uns noch bei den Inguschen erhalten sein, wie ich in Wladikawkas erfuhr. Beim Dorfe Lemi in einem Seitental der Assa-Schlucht steht ein der inguschischen Fruchtbarkeitsgöttin Tuschuol geweichtes Heiligtum, unweit davon eine über mannshole Steinsäule von Phallusform. Diese soll von unfruchtbaren Inguschenweibern auch jetzt noch heimlich aufgesucht und angebetet werden, wobei dieselben auch mitunter sich einen kleinen Splitter von der Säule abschlagen sollen, um ihn als Amulett bei sich zu tragen.

Eine primitive szenische Darstellung habe ich nur einmal gefunden (Fig. 14). Es soll wohl einen Bogenschützen darstellen, der nach einem Bocke zielt. (Die Platte war leider teilweise zerstört).

Sehr verbreitet sind Handabbildungen, die ebenfalls meist an den Türeinfassungen angebracht sind. Und zwar sind es stets rechte Hände, d. h. wenn man annimmt, daß die Handfläche dem Beschauer zugekehrt ist. Einige Zeichnungen sind allerdings so primitiv, daß es nicht zu erkennen ist, ob es rechte oder linke Hände sein sollen (Fig. 23). Andere dagegen sind mit großer Naturtreue wiedergegeben. Als Erklärung für diese Handdarstellungen geben die Tschetschenen an, nach Fertigstellung des Turmes hätte der Meister seine eigene Hand abgebildet, gewissermaßen als Firmenstempel. Auffällig ist nur, daß sich Hände auch auf Grabsteinen (nach einer Zeichnung bei Miller, Lit. Verz. 29, wo sogar mehrere Hände nebeneinander auftreten) abgebildet finden, wo doch kaum irgendwelche Baukunst zu beweisen war. Die ursprüngliche Bedeutung trifft diese Erklärung sicher nicht, wenn es auch richtig sein mag, daß der Meister seine eigene Hand als Maßstab benutzte, da die Hände nie größer dargestellt sind als eine normale Hand. Dabei dürfte er vielleicht so vorgegangen sein, daß er seine linke Hand als Modell an den Stein anlegte und mit der rechten Hand die

Umrißlinien nachfuhr, um das Handbild nachher in den Stein einzutiefen.

Derartige Handabbildungen sind uns noch aus vielen anderen Gegenden bekannt. Sie erscheinen schon an den Wänden der spätpaläolithischen Höhlen Westeuropas. Ebenso kennt man sie aus dem Mittelmeergebiet und Nordafrika. Wir finden sie ferner nach G. Wilke (Lit. Verz. 42, S. 229) im alten Ägypten, in Persien, in Indien, nach A. Schultz auch im West-Pamir (Lit. Verz. 38). Baron Nopcsa (Lit. Verz. 31, S. 65) beschreibt Handabdrücke im Inneren albanischer Häuser. Man taucht dort die Hand im Kalkmilch und drückt sie auf den Lehmbewurf der Zimmerwand oder auf die angeräucherten Balken. Es heißt, es diene nur als Zimmerschmuck. Ebenso zeigen auch alte albanische Fahnen zuweilen gespreizte Menschenhände.

Das Urbild aller Darstellungen der Menschenhand ist aber sicher nicht die Zeichnung auf Stein, sondern ihr Abdruck in Lehm oder Ton. Es darf dies wohl als Anfang aller menschlichen Bildnerei überhaupt betrachtet werden, besonders da der Abdruck sowohl der Hand wie auch des Fußes völlig unabsichtlich entstehen und dadurch zum absichtlichen Nachbilden anreizen konnte. Eine lebendige Vorstellung bekam ich davon in einem Hause, dessen Inneres durch eine mit Lehm bekleidete Flechtwand geteilt war. Man hatte sich nicht die Mühe gemacht, die Wand zu glätten, und so war sie seltsam gemustert durch zahllose Abdrücke von Männerfäusten, Frauenhänden und Kinderpatschen. Es ist sehr leicht möglich, daß man früher bei Lehmbauten auch mit Absicht einzelne Abdrücke stehen ließ, ohne damit unbedingt einen symbolischen Zweck zu verbinden.

Außer den überall anzutreffenden Einzelhänden fand ich noch zwei höchst interessante Darstellungen von eigenartigen Doppelhänden. Die eine befindet sich an einer Hausmauer in Itum-Kale, doch ist der betreffende Quaderstein dort allem Anschein nach schon in sekundärer Lagerung. Es sind zwei aus einem Handgelenk entspringende rechte Hände, die mit großer Vollkommenheit gearbeitet sind, (Fig. 28). Die an ihrer Wurzel angebrachte Spirale bildet anscheinend einen Teil des

Gesamtbildes. Es war allerdings nicht mit Sicherheit zu bestimmen, ob sie direkt mit dem Handbild verbunden oder von ihm durch einen geringen Zwischenraum getrennt war.

Noch interessanter erscheinen mir die Kerbschnitzereien an dem schon erwähnten einzigartigen mächtigen Wandsschrank, dessen Fund mir in Mälchisti im Dorfe Teretego in einem Wohnturme glückte (Fig. 62). Man wird auch hier Doppelhände erkennen müssen. Zwar ist die linke Doppelhand auffällig stilisiert, die einzelnen Finger verschieden, z. T. in vegetativer Form gemustert, doch läßt wohl dafür die Darstellung im Mittelfelde des Schrankes den Doppelhandcharakter um so besser erkennen. Ich wüßte jedenfalls keine andere Deutung dafür zu geben. Sowohl bei der rechten als auch bei der linken Zeichnung handelt es sich um eine linke Hand, deren Daumen in einander übergehen. Zu diesen Doppelhänden gibt es im Kaukasus noch andere Parallelen. Allerdings sind bei diesen die Hände nicht für sich allein dargestellt, sondern in Verbindung mit einem menschlichen Körper, jedoch in so unverhältnismäßiger Größe, daß sie durchaus den beherrschenden Zug in den Figuren bilden. So wurde bei Kammunta in Ossetien ein Bronzefigürchen gefunden (Fig. 29), dessen übermäßig groß entwickelte Hände in Kopfhöhe gehalten sind (Chantre, Lit. Verz. 7, Bd. III, Tafel XV). Bei einer anderen Figur aus Timoi, ebenfalls im Kaukasus (der Ort ist mir unbekannt), befinden sich die Hände in derselben Lage, nur sind die Daumen hier mit dem Kopf in der Gegend der Ohren verwachsen (Fig. 30, nach Chantre, Bd. II, S. 202). Wie ich durch Zufall in der Zeitschrift für Bauwesen entdeckte, findet sich eine ähnliche Figur an einem Kapitell in der Schloßkirche zu Quedlinburg (Lit. Verz. 45, S. 54). G. Wilke (Lit. Verz. 42, S. 208) glaubt in den beiden kaukasischen Figuren eine Tänzeroder Beterstellung zu erkennen. Für diese Deutung würde nach meiner Ansicht eine Stellung sprechen, die man beim betenden Mohammedaner beobachten kann. Vor Beginn der Verneigungen legt er die Hände über den Leib, wobei die rechte Hand die linke bedeckt, um sie dann ausgebreitet in Kopfhöhe so zu erheben, daß etwa die Daumen an die Ohren zu

liegen kommen. Die Gebärde würde also ziemlich genau der der Figürchen entsprechen. Es laßt sich auch sehr wohl denken, daß Daumen und Ohren mit voller Absicht miteinander verbunden sind und daß dies nicht bloß aus technischen Gründen um des besseren Haltes wegen geschehen ist; denn auch bei der Quedlinburger Figur berühren die Daumen den Kopf, obwohl dort keine technische Notwendigkeit dafür vorliegt, da sie als Relief gearbeitet ist.

Dieselbe Menschenfigur mit riesengroßen Händen ist aber auch aus Skandinavien bekannt und zwar aus den Bohusläner Felsenzeichnungen (Fig. 31). Just Bing (Lit. Verz. 4, S. 156) bringt die Hände in Zusammenhang mit dem Sonnenkult, dessen bedeutungsvollster Augenblick der Sonnenaufgang war; er ist der Ansicht, daß sie nichts anderes bedeuten als die bekannte «rosenfingrige Morgenröte» Homers. Über seine Untersuchungen sagt Kossinna (Lit. Verz. 22, S. 85 f.) zusammenfassend das folgende:

«Unter den Göttergestalten fällt besonders auf der große Sonnengott mit seinem Radkreuz oder seiner Spirale, zuweilen auch mit dem Blitzhammer ausgestattet, und neben ihm sein kleiner, meist einarmig dargestellter Begleiter der Mondgott. Zu beiden gesellt sich ein Gott, der teils durch ein bloßes Pferd oder eine Menschengestalt mit Pferd und oft auch mit Ring, teils durch eine Menschengestalt mit hochgehobenen Händen, deren Finger weit gespreizt sind, teils als Speergott, teils als Axtgott wiedergegeben wird. Dieser dritte Gott ist sowohl Windgott (Pferd), als Feuergott (Handgott), in beiden Eigenschaften Gott der Morgenröte. Es ist eine dem Altertum geläufige Vorstellung, die Windeseile durch das schnelle Pferd und ebenso das in Garben und Strahlen emporflammende Feuer durch die fünf oder auch nur drei gespreizten, oft flammend geschlängelten Finger der Hand des Himmels-, Blitz- oder Feuergottes darzustellen. Sonne, Mond und Morgenröte sind innigst gesellt beim Sonnenaufgang: sobald die Sonne aufgehen will, verblaßt der Mond (kleinerer Begleitgott), die rosenfingrige Morgenröte schickt ihre rote Lohe empor (Handgott) und

wenn dann die Strahlen der Sonne über dem Horizont in die Höhe schießen, erhebt sich der Morgenwind (Pferdegott).

Ob nun freilich diese aus dem nordischen Vorstellungskreise gewonnenen Erklärungen für die Symbole der Hand, des Radkreuses, Pferdes und der Spirale auch auf kaukasische Erscheinungen angewendet werden können, ist eine Frage, die erst entschieden werden kann, wenn wir genaueres über die Mythologie der Kaukasier wissen werden. Daß aber einst auch in diesen Gebieten der Sonnenkult heimisch war, dafür gibt es noch einige linguistische Anhaltspunkte. Das tschetschenische Wort für Sonne heißt «mälch». Dieses Wort liegt jedenfalls einmal dem Namen des Gaues Mälchisti zu Grunde, wo sich die Turmkultur heute noch am besten erhalten hat und wo ich auch diesen seltsamen Schrank fand, zum andern dem tschetschenischen Wort für Totenhaus «mälch kesch», was wörtlich etwa «Sonnengrab» bedeuten würde. Ebenso bedeutet der Name der Nekropole Z'ainpched in Mälchisti «Ort bzw. Dorf des Feuers». nach Ansicht von Herrn Aschajew, Grosny, einem gebürtigen Tschetschenen.

Die Erklärung der Doppelhand als Symbol des Sonnenkultes erscheint somit näher liegend als die, die eine Betgeste darin erkennen will. Wenn letztere vielleicht auch für die Gestalten mit erhobenen Händen zugelassen werden könnte, so doch kaum für die Hände ohne zugehörigen Körper. Von Interesse dürfte in diesem Zusammenhange auch noch folgende Erklärung sein, die Hewitt gibt (Primitive Traditional History. London 1907. Vol. I, S. 194—195):

«Die geöffnete Handfläche mit fünf Fingern diente ursprünglich als Symbol des indischen Gott-Affen Dakscha, welcher mit ihr die 72 fünftägigen Wochen des Jahres der ägyptischen und syrischen Söhne Osiris-Ssach, des Gottes des Zypressenbaumes Biblos, ausmaß. Dieses göttliche Symbol der geöffneten Handfläche mit fünf Fingern ist häufig auf alten Denkmälern Südwestasiens und der Sonne, in Borssipa wird „der Tempel der rechten Hand" genannt und eine der Benennungen Babylons war „Stadt Anu", die „göttliche Hand". Auf dem Basrelief in Barchut in Indien sind drei geöffnete Handflächen an der

Wurzel des „Baumes der Mutter“ abgebildet. Auf einer der Münzen von Aradus, einer von sidonischen Auswanderern bewohnten Insel an den Ufern Phönikiens, ist eine geöffnete Hand auf dem Rücken eines Stieres, der rechts von einer Zypresse steht, dargestellt. Dieser Gott mit der geöffneten Handfläche war in Griechenland Zeus Kappotas, dessen Abbildungen in Gythium und Laconia ein Stier war». (Zitiert nach A. v. Schultz: «Die Pamirtadschik», Gießen 1914. S. 53—54).

Von weiteren Ornamenten möchte ich noch erwähnen die auf Fig. 32 und 33 wiedergegebenen, die auf einem großen Getreidekasten in Teretego angebracht sind. Derartige Zeichen nennt Kossinna (Lit. Verz. 22, S. 193, Tafel 36) «südeuropäisches Blitzzeichen». Ersteres findet sich wieder auf einer Runenlanze, die bei Jankowo, Kreis Mogilno, Prov. Posen gefunden wurde, letzteres auf den südrussischen Runensteinen, in ähnlicher Form auch auf einer in Wolhynien gefundenen Runenlanze (Kossina, Tafel 36). Ebenso kann man aber z. B. Fig. 33 auch in den Tamga der Kabardiner und Karatschaier wiedererkennen. Denselben Charakter hat Fig. 34, die die Verzierung des oberen Randes der Schmalseite eines Bettkastens wiedergibt.

Rein vegetative Muster habe ich auf Stein nur bei den modernen mohammedanischen Grabsteinen beobachtet, wo sie mit dichtem, endlos sich verzweigendem Geranke die Koransprüche umgeben. Man beschränkt sich jedoch auf die Führung der Zweiglinie, Blattdarstellungen fehlen noch. Herrschend ist dagegen das vegetative Ornament durchaus auf den metallenen, meist silbernen Schmuckgegenständen, desgleichen auf dem Beschlage von Waffen und Pferdegeschirr. Diese Kunstübung ist indessen bei den Tschetschenen nicht bodenständig; einige Meister sitzen zwar da und dort in den Dörfern, sie sind aber gewöhnlich bei Daghestanern in die Lehre gegangen, die ja in der Metallbearbeitungskunst bei primitivsten Mitteln einen hohen Grad von Kunstfertigkeit erreicht haben. Nach N. Baklanow, der das Kunsthandwerk des bekannten daghestanischen Dorfes Kubatschi eingehend untersucht hat, ist es in Technik und Ornament überwiegend persischen Ursprungs (Lit. Verz. I).

Ausgesprochen pflanzlichen Charakter wird man von den auf Holz erscheinenden Mustern nur dem in Fig. 35 wiedergegebenen zusprechen können, einer Mäanderlinie, in deren Winkeln blütenartige Gebilde stehen. Charakteristisch ist dieses Prinzip aber vor allem für die Ornamentierung der eigenartigen Filzteppiche, von denen weiter unten noch ausführlicher die Rede sein wird.

Von primitiver Malerei habe ich nur eine Spur finden können und zwar in bestimmten Mustern, die man mit blauer oder roter Farbe auf die weißgetünchten Wände der Zimmer aufmalt (Fig. 36—40). Sie ziehen sich meist in einem etwa ½ m hohen Streifen dicht über dem Fußboden hin, umranken manchmal auch die Türöffnungen (Fig. 41) und erscheinen auch auf den Kaminen. Man trifft sie nur im höheren Gebirge in den Turmwohnungen, deren Inneres mit Lehm- und Kalkanstrich verputzt ist, was durchaus nicht immer der Fall ist, und in niedrigen flachdachigen Häusern. Es dürfte sich dabei um Baumgestalten, vielleicht auch um Tannenzweige handeln, die teils aus ebenem, teils aus gewelltem Untergrunde herauswachsen.

Auch dieses Ornament scheint außerhalb des Kaukasus weite Verbreitung zu haben. Heberdey und Wilhelm fanden es auf Felstreppen in Kilikien (Lit. Verz. 15, S. 35). Nach ihrer Angabe findet es sich auch in Perge und Pisidien. Ebenso erwähnt es Schweinfurth in einer Arbeit über die Bega-Gräber in Oberägypten, wo es auf Sargtruhen ebenfalls in Farbe aufgetragen erscheint (Lit. Verz. 39). In Buschans Illustr. Völkerkunde Bd. II, 2. Teil (Lit. Verz. 5, S. 67) wird ferner die Abbildung eines polnischen Bauernhauses gebracht, dessen Außenseite in ähnlicher Weise bemalt ist; die Muster sind hier nur höher und mehr ausgeführt als im Tschetschenengebiet.

Damit sind die Ornamente, mit denen wir es bei den Tschetschenen zu tun haben, in der Hauptsache erwähnt. Einiges nicht besprochene ist noch aus den beigefügten Zeichnungen zu ersehen, so das seltsame, aus vier Fischen bestehende Gebilde von Fig. 42. Die Einzelheiten konnte ich hierbei nicht deutlich erkennen, da der betreffende Stein sich in großer Höhe (am östlichen der beiden Scharoier Wehrtürme)

befand. Da ich fast in allen Gebieten des Tschetschenenlandes gewesen bin, so glaube ich annehmen zu können, daß mir keine Motive entgangen sind, die den Gesamtcharakter dieses Zweiges der volkstümlichen Kultur wesentlich beeinflussen könnten.

Zum Schluß sei in diesem der Ornamentik gewidmeten Kapitel auch noch ein architektonisches Element betrachtet. Schon auf meiner ersten Reise fiel mir die eigenartige Dachkonstruktion der tschetschenischen Wehrtürme und mancher Totenhäuser und Heiligtümer auf, d. h. die Stufung, die durch eingebaute und überstehende Schieferplatten erreicht wird. Damals so wenig wie auf der letzten Reise habe ich hierfür einen praktischen Grund erkennen können. Das Bedürfnis eines Schutzes nach Art unserer Dachsteine liegt nicht vor, da ja das Dach selbst aus einem kompakten Steinbau besteht; andererseits gibt es auch im Bereichder Türme Dächer, die durch die gewöhnliche, schuppenartige flache Übereinanderlagerung von durch Mörtel befestigen Schieferplatten gebildet werden, z. B. auf manchen Wohntürmen oder Totenhäusern. Da also ein praktischer Zweck meines Erachtens nicht vorhanden ist, so kann nur eine ornamentale oder symbolische Bedeutung – beides hat ja letzten Endes gemeinsame Wurzel – in Frage kommen.

Nur sind Stufenbauten in der Architektur besonderssakraler Bauten sehr häufig anzutreffen. Es sei erinnert an die Stufentempel Babyloniens und Hinterindiens, an ostasiatische Tempelformen, an die großen terassenförmigen Unterbauten, auf denen sich die Tempel und Paläste der alten Mayastädte Mittelamerikas erheben; ferner gehören hier die riesigen Felstreppen, die Leonhard aus Paphlagonien beschreibt (Lit. Verz. 25, S. 232 f.), bei denen ein praktischer Zweck infolge des riesegen Ausmaßes der Stufen ganz ausgeschlossen erscheint. Ebenso entsprechen die Dachkränze chinesischer und japanischer Pagoden keinen Räumen mehr und sind reines Ziermotiv[17]). Stufenbau zeigt auch der Oberbau der von Schweinfurt beschriebenen Bega-Gräber (Lit. Verz. 39), auch die merkwürdigen Truddhu und Nuraghen Sardiniens dürfen vielleicht in diesem

Zusammenhang erwähnt werden. Was mich noch veranlaßt, den Stufenbau der tschetschenischen Bauwerke mit den erwähnten Tempelformen und im besonderen mit den ihnen zugrunde liegenden mythischen Vorstellungen in Verbindung zu bringen, das ist das Bild auf einem Vasenscherben, der in Mussian Tepe in Nordpersien gefunden wurde (Fig. 43). Die dort sichtbare Zeichnung eines Stufenberges entspricht genau der Silhouette z. B. des tschetschenischen Heiligtums Abb. 15. W. Gaerte, der die Abb. des Vasensherben in seiner Arbeit «Die symbolische Bedeutung des Schachbrettmusters im Altertum», Mannus VI, S. 366, bringt, glaubt in ihr die Darstellung eines Weltbildes zu erkennen; die Felder des Schachbrettes bedeuten die einzelnen Länder und der Stufenberg könne etwa dem Erdberg des babylonischen Weltbildes entsprechen. Die Zusammenstellung von Schachbrettmuster und Stufenbergen bringt auch noch ein Vasenbruchstuck aus Bismaya in Mesopotamien, ebenfalls in der Gaerteschen Arbeit veröffentlicht. Es wird wohl kein Zufall sein, daß auch an dem tschetschenischen Heiligtum Stufenbau und Schachbrettmuster vereinigt auftreten und auch die ausschließlich an Heiligtümern und Totenhäusern zu beobachtende Dreicksnische dürfte ihre Bedeutung haben. So wird man auch hier vielleicht an die Wiedergabe eines Weltbildes denken können, vom dem die späteren Erbauer natürlich kaum noch eine Vorstellung gehabt haben werden. Welche Deutung nun zutrifft, ist schon eine Frage zweiter Ordnung. Mir kommt es hier nur darauf an, auf den möglichen symbolischen Charakter der fraglichen architektonischen Erscheinung hinzuweisen.

Hierzu sei noch erwähnt, daß bei den Inguschen, das Dach des Wehrturmes «sigil tchou» genannt wird, was Jakowlew (Lit. Verz. 18, S. 90) wörtlich mit Himmelsdach, Himmelsstufe übersetzt.

Daß der Stufenbau stellenweise nicht durch die überstehenden Schieferplatten bewirkt wird, sondern durch die Mauer selbst, scheint aus der Beschreibung eines chewsurischen Heiligtums durch Radde hervorzugehen (Lit. Verz. 36, S. 220): «Beim Dorfe Blo stand neben der Brauerei eine Kirche, deren Seitenwände, wiederum aus massiven

Schieferplatten gefügt, von der mittleren Höhe an sich nach oben treppenförmig mit sieben Absätzen gegeneinander näherten und oben im breiten Steinkarniese ihren Abschluß fanden».

c. Geographische Verbreitung der Turmkultur. 1. Im Tschetschenengebiet. Wer die tschetschenische Turmkultur in ihrem ursprünglichen Zustande studieren will, kann das nur noch in den beiden oft erwähnten Gauen Maisti und Mälchisti (s. die Kartenskizze). Hier kennt man noch keine andere Hausform als die alten finsteren Wohntürme, die von einer mehr oder minder großen Zahl von Wehrtürmen begleitet werden; hier allein gibt es auch noch oberirdische Totenhäuser und Heiligtümer zu sehen. In gleicher Weise haben sich auch die entsprechenden gesellschaftlichen Zustände am besten erhalten, z. B. die Blutrache. Eines der interessanten Turmdörfer in Teretego, in dem alle Bauformen der Turmkultur zu finden sind. Das Dorf Dscharego fällt allerdings aus dem Rahmen der übrigen Dörfer heraus, da es ganz aus niedrigen, flachdachigen Häusern besteht. Es kommt das daher, daß es erst im Anfange des vorigen Jahrhunderts gegründet wurde, als man den Bau von Türmen schon eingestellt hatte. Maisti hat nur Turmdörfer; das ursprünglichste, besonders auch in geistiger Beziehung ist das Dorf Togo bzw. T'uga, das am schwersten erreichbare des Tschetschenen- Gebietes überhaupt.

Außer diesen reinen Turmgegenden lassen sich noch zwei andere Verbreitungsgebiete unterscheiden, nämlich solche, in denen man sowohl in Türmen als auch in anderen Häusern wohnt, und ferner solche, in denen Turmbauten nur noch als Raumen anzutreffen sind. Zu ersterem gehören die Oberlaufgebiete beider Argune und der ganze Raum westlich des Mittellaufs des Tschanti-Argun, soweit er zum höheren Gebirge gehört, also vor allem der Gau Galantschotsch oder Akki und das Tal des Kii-Baches. Im allgemeinen verringert sich die Anzahl der Türme in nordöstlicher Richtung. Sehr viele und schöne Wehrtürme gestanden zu haben wie weiter im W; außerdem haben sie auch eine andere Form. Sie sind wesentlich plumper gebaut und es fehlt ihnen gewöhnlich auch das schöne Pyramidendach der kistischen

Wehntürme; ihr Dach ist flach (Abb. 3). Scharoi ist, was die Hausformen anbelangt, ein typisches Mischdorf; man sieht zwischen den grauen Wohntürmen die weiß getünchten Wände der niedrigen flachdachigen Häuser herausleuchten. Ähnlich liegen die Verhältnisse in der Gegend von Itum-Kale (die auch den Gaunamen Tschanti trägt), nur daß hier die Türme hinter anderen Hausformen schon durchaus zurückreten. Typisch ist besonders Dorf Tasbitschi. Wie ein altersgrauer Recke steht in dortigen Gehöften der mächtige Wohnturm unter den neueren flachdachigen Hütten, die sich wie hilfesuchend an ihn anschmiegen und die selbst sämtlich auf Turmmauern aufgebaut sind. Schöne Turmbauten gibt es auch noch im Gau Galantschotsch, so in den Dörfern Oschni, Nikoroi und Akki. Auch die Karabulaken im benachbarten Fortangagebiet wohnten in Türmen; Totenhäuser derselben fand Iwanow noch auf dem Felde Duku-emerischki im Gebiet der vorderen Kalkkette (Lit. Verz. 17, S. 46). Es wären das die am weitesten nach N vorgeschobenen heute noch existierenden oberirdischen Totenhäuser.

Das Arguntal überragen an der Einmündung des Oschni-Baches die weithin sichtbaren Ruinen von drei dicht hintereinander stehenden Wehrtürmen. Jch erwähne sie nicht bloß wegen ihrer romantischen Schönheit, sondern auch deswegen, weil im Volke die kuriose Sage geht, es wären einst die Stammsitze der Chinesen oder Japaner gewesen.

Die Gegenden, in denen Turmbauten nur noch als Ruinen da und dort anzutreffen sind, sind die Gebiete von Schatoi und Tschaberloi.

Diese Ruinen geben uns nun die Grenzen an, innerhalb deren die Turmkultur einst verbreitet war. Sie lassen sich physiogeographisch sehr deutlich festlegen, insofern als sie nach N nirgends über das Kalkgebirge hinaus vordringen. Im Gau Galantschotsch steht in nördlicher Richtung der letzte Turm im Dorfe Jalcharoi, ebenso bildet das Dorf Schatoi die Grenze für das Argungebiet. In östlicher Richtung dagegen steht der letzte Turm im Dorfe Choi am schönen Bergsee Esen-am. Das niedere Waldgebirge der Schwarzen Berge ist also völlig

frei von den Bauten der Turmkultur bzw. deren Resten. Es sind dies also vor allem die großen Gaue Itschkerien und Auch. Desselbe gilt natürlich auch von der Ssunscha-Ebene. Diese Grenzlinien der Verbreitung der Turmkultur erscheinen nicht zufällig, wenn wir die Geschichte der Besiedlung des Tschetschenengebietes berücksichtigen. Es zeigt sich dann, daß das einstige Verbreitungsgebiet der Türme zusammenfällt mit den Gebieten, die die Tschetschenen ursprünglich innehatten; frei sind dagegen die Gaue, die erst nachträglich besiedelt wurden, Itschkerien, Auch und die Ebene. Der Schluß erscheint daher berechtigt, daß die Tschetschenen zur Zeit der Auswanderung dorthin das Bauen von Türmen schon aufgegeben hatten. In der Nähe des itschkerischen Dorfes Chorotschoi soll allerdings früher auch einmal ein Turm gestanden haben; da es aber dicht an der Tschaberloier Grenze liegt, so wäre das weiter nicht verwunderlich. Wieweit in den Schwarzen Bergen mit ihren weichen tertiären Gesteinen vielleicht das Fehlen geeigneten Baumaterials eine Rolle gespielt hat, dafür fehlen mir Anhaltspunkte. Daß diesem Umstande größere Bedeutung zukommt, glaube ich jedoch nicht, da ich auch am Nordhang der Andischen Kette, wo harter, bankiger Kalkstein in genügender Menge ansteht, keine Spuren von Türmen finden konnte.

Während also die nach O in das niedere, offenere und fruchtbarere Waldgebirge Itschkeriens ziehenden Tschetschenen sich andere Wohnhäuser bauten – in Frage kommen höchstwahrscheinlich flachdachige Lehmhäuser mit Flechtwänden, vielleicht auch Blockhäuser —, baute man in den Stammgebieten wohl noch weiter die alten Türme. Die letzten derartigen Bauten werden, ihrem Erhaltungszustand nach zu urteilen, vor etwa 100—200 Jahren entstanden sein, im Hochgebirge jedenfalls noch etwas später. Den Totenhäusern hat man dagegen noch bis um die Mitte des vorigen Jahrhunderts seine Aufmerksamkeit zugewandt und wohl auch noch neue errichtet, wie der gut erhaltene Kalkverputz an einigen noch deutlich zeigt.

2. Im übrigen Kaukasus. Wie bei der Kleinheit des Tschetschenengebietes nicht anders zu erwarten, greift die Turmkultur weit über seine Grenzen hinaus. Wir finden sie mit gewissen regionalen Abänderungen im gesamten zentralen Kaukasus, von der daghestanischen Westgrenze bis etwa zum Elbrusgebiet einschließlich. Es haben also folgende Völker an ihr teil: am Nordhang des Gebirges die Tschetschenen, Inguschen, Osseten, Bergtataren und Karatschaier; am Südhang die Tuschen, Chewsuren, Mthiulen (Berggeorgier), Osseten, die georgischen Ratschiner und Swanen.

Betrachten wir zunächst, inwiefern die Form der Wehrtürme regionale Abänderungen erfährt.

Der bei den Tschetschenen am häufigen auftretende schöne, nach oben sich verjüngende Wehrturm mit der eigenartigen Dachkonstruktion findet sich in genau derselben Form bei den Inguschen (Abb. 11) und Chewsuren. Ebenso erwähnt Merzbacher aus Tuschetien die «nach oben sich mäßig verjüngenden schlanken, 25—35 m[18]) hohen Türme mit den pyramidal gestuften Schieferdächern» (Lit. Verz. 28, Bd. II, S. 226). Dieselbe Form fand seinerzeit Dubois de Montpereux bei den Mthiulen beiderseits der Georgischen Heerstraße südlich des Hauptkammes (zitiert bei Baumhauer, Lit. Verz. 2, S. 77).

Die zweite Form der bei den Tschetschenen vorkommenden Türme d. h. die von plumperer, kürzerer Bauart mit flachem Dach, hat geringere Verbreitung. Merzbacher erwähnt sie auch von den Tuschen (Bd. II, S. 224). Sie scheint auch in Ossetien vorzuherrschen. Herr Prof. Arved Schultz fand auf seinen ossetischen Wanderungen nur diese Form. Das Buch Nioradze's: «Die Bergossen und ihr Land», ist unzuverlässig; das dort abgebildete Dorf Arsi, das mit seinen zahlreichen schlanken Wehrtürmen als typisches ossetisches Gebirgsdorf bezeichnet wird, liegt nicht in Ossetien, sondern im Herzen des Inguschenlandes. Von da ist dieses Bild auch in Buschans Völkerkunde übernommen worden.

Vielleicht kann man noch eine dritte Art von Wehrtürmen unterscheiden. Diese gleicht bezüglich der Höhe und der äußeren Form

ungefähr den ersten Art, hat jedoch ein flaches Dach, an dessen vier Ecken die Mauern einen die Dachplattform etwa 1 m überragenden Aufbau tragen, so daß ein zinnenartiges Bild entsteht. Türme dieser Art stehen u. a. gegenüber von Uschkaloi am Mittellaufe des Tschanti-Argun und bei Kakadoi.

Eine Form für sich bilden die swanischen Türme, die aber auch im oberen Ratscha (Baumhauer I, 366) auftreten. Sie unterscheiden sich von den tschetschenischen vor allem dadurch, daß sie sich nicht verjüngen, sondern dicht unter dem Dach eine vorsprungartige Verbreitung erfahren, die durch von oben verdeckte Schließscharten unterbrochen wird (Abbildungen bei Merzbacher und Dechy).

Ebenso bestehen Unterschiede in der Wohntürme.

Wiederum sind sie tschetschenischen und inguschischen einander völlig gleichartig, nach Jakowlew's populärer Schrift «Die Inguschen» (Lit. Verz. 18) zu urteilen. Im Chewsurendorf Schatil brachte ich im Jahre 1919 über eine Woche zu, leider ohne mir genaue Aufzeichnungen zu machen. Soweit ich es in Erinnerung habe, glichen seine mehrstöckigen Häuser in ihrer verräucherten, fensterlosen Finsternis den tschetschenischen Wohntürmen, ebenso in der Art der Verbindung zwischen den einzelnen Stockwerken, die durch Luken und Leitern oder Baumstämme hergestellt wurde; hier wie dort konnte man durch Laufstege vom Berghang direkt in die oberen Stockwerke gelangen. Ein Unterschied besteht insofern, als ich bei den chewsurischen im obersten Stockwerk vielfach verandenartig offene Räume fand, die bei den tschetschenischen Wohntürmen ganz fehlen. Was die Siedlungsform anbelangt, so ist zu bemerken, daß die chewsurischen Häuser nicht wie die Wohntürme des tschetschenischen Dorfes isoliert stehen, sondern daß sie einen geschlossenen Komplex bilden, der in seiner raubvogelhorstartigen Anlage an die Felsennester Daghestans erinnert.

Im Gegensatz zu den Schatilern wohnen die Chewsuren des Südhanges in schindelgedeckten, besser erhellten Satteldachhäusern, z.

B. im Dorfe Borisacho, dessen Gehöfte weit über den Berghang zerstreut sind.

Auch bei den Tuschen wird man von Wohntürmen sprechen können, wie aus den Abbildungen und Beschreibungen bei Merzbacher hervorgeht. Es sind hohe, zwei- bis dreistöckige Gebäude, jedoch mit Satteldach, dessen Giebelseiten offen sein können. Sie sind ebenso dunkel wie die tschetschenischen und chewsurischen.

Auch die ossetischen Häuser haben stellenweise klaren Wohnturmcharakter z. B. im Dorfe Narakau[19]). In übrigen finde ich in der mir zugänglich gewesenen Literatur keine genügend genauen Beschreibungen oder Abbildungen, die es gestatteten, ihr Verhältnis zu den tschetschenischen Wohntürmen näher zu bestimmen.

Echte Wohntürme finden sich wieder bei den Swanen und Ratschinern. Von den meist quadratischen tschetschenischen unterscheiden sie sich durch den rechteckigen Grundriß und das flache Satteldach; sie stimmen überein in der Mehrstöckigkeit, Fensterlosigkeit und der Außenanlage der Treppen, um nur einiges zu nennen. Im übrigen darf auf die überaus wertvolle Arbeit von Baumhauer verwiesen werden, der das bis dahin veröffentlichte Material über die swanishen Häuser und Türme zusammengefaßt hat.

Was die Bauweise von Wehr- und Wohntürmen anbetrifft, so lassen sich mithin drei größere Gruppen unterscheiden. Die erste liegt östlich der Georgischen Heerstraße und umfaßt das Gebiet der Tschetschenen, Inguschen, Chewsuren, Tuschen und Berggeorgier. Innerhalb dieser Gruppe bilden die Tschetschenen und Inguschen wieder eine geschlossene Einheit. Außer in der Architektur der Wohn-, Wehrbauten, Totenhäuser und Heiligtümer ähnelt sich die materielle Kultur beider Völker auch in der geographischen Verbreitung der Haustypen. Hier wie dort fehlt die alte Turmkultur in den niederen waldigen Vorbergen und in der Ebene, in denen das ziegelgedeckte Satteldachhaus russischer Form schon durchaus vorherrscht und immer tiefer in das Gebirge vordringt.

Als zweite von mir einstweilen nicht genau zu bestimmende Gruppe wird man die ossetischen Wohn- und Wehrbauten betrachten können und als dritte die swanischen einschließlich der von Ratscha und der bergtatarischen.

Wie in allen Dingen, so nimmt auch in der Frage der Turmkultur der Daghestan eine Sonderstellung ein. Ich habe ihn 1920 in seiner ganzen Ausdehnung von NW nach SO durchwandert, von Andi bis zum Ssamur, und auf meiner letzten Reise den nordawarischen Gau Gumbet besucht, habe jedoch nirgends die Spur eines Wehrturmes gesehen; ebensowenig sind mir in der Literatur diesbezügliche Angaben begegnet. Trotzdem scheint es doch einige wenige Wehrtürme zu geben; ich finde in der französischen Zeitschrift «L'Illustration» ein Gemälde von Lanceray des daghestanischen Dorfes Hinta, in dem ein viereckiger Wehrturm mit flachem Dach sich erhebt. Auf jeden Fall aber muß ihre Zahl verschwindend gering sein; sie können kaum als Bestandteil der materiellen Kultur Daghestans betrachtet werden, ebenso wie sie im Landschaftsbild völlig verschwinden, weshalb sie auch in keinem Reisebericht erwähnt werden. Vielleicht aber war es früher einmal anders. Wohl wird auch das durch seine Goldschmiede berühmte ostdaghestanische Dorf Kubatschi von einem Turme überragt, aber es ist ein breiter, niedriger und, was sehr wichtig ist, ein runder Turm, der also nichts mit den durchweg viereckigen, schlanken zentralkaukasischen zu tun hat; er dürfte wohl ein Zeugnis südöstlicher Einflüsse sein. Herr Prof. Arved Schultz fand solche Türme z. B. im Kopet-dagh im persisch-turkestanischen Grenzgebiete, desgleichen Herr Markowski allenthalben in Afghanistan (Nach mündlicher Mitteilung). G. Güldenstedt (Lit. Verz. 13, S. 38 u. 367 f) erwähnt auch von den kachetischen Dörfern einen oder mehrere 6—8 m hohe und im Durchmesser bis 6 m breite, aus zwei Stockwerken bestehende runde Türme, in die man sich den häufigen Überfällen der Lesghier flüchtete. Einen ähnlichen Turmbemerkte ich auch im Dorfe Schinwani am Zusammenfluß der pschawischen und der von der Georgischen Heerstraße kommenden Aragwa westlich Tionethi.

Schwieriger ist es, die Frage zu entscheiden, ob man auch im Daghestan von Wohntürmen sprechen kann. In Gumbet sah ich ganz überwiegend nur die niedrigen flachdachigen Häuser mit Veranda und hellen großen Fenstern, wie sie auf der Abb. 17 (Dorf Zilitl) zu erkennen sind; dasselbe gilt auch von den von Gärten umgebenen Taldörfern des unteren Andischen und Awarischen Koissu. Ich erinnere mich jedoch in Andi, Botlich und in den abgelegenen Dörfern der Agulen und Küriner im südöstlichen Daghestan hohe mehrstöckige Häuser mit flachen Dächern gesehen und in solchen übernachtet zu haben, die aber nicht die ausgesprochen turmartige Form der tschetschenischen oder swanischen Wohnbauten hatten, sondern eben schlechthin als mehrstöckige Häuser erschienen. Der Eindruck entsteht vor allem durch den Unterschied in der Siedlungsanlage. Nie stehen die einzelnen Häuser innerhalb des Dorfes so isoliert, wie die tschetschenischen oder swanischen Wohntürme und es fehlen ganz die aus dem Kisten- und Tuschengebiet bekannten festungsartigen Einzelhöfe, sondern die daghestanischen hohen Häuser bilden, ohne Zwischenraum an einander gebaut, ganze Straßenzüge; nicht das einzelne Haus, sondern das ganze Dorf stellt eine in sich geschlossene Festung dar. Dieses Bild bietet z. B. Andi, wenn man sich ihm von S nähert; eine düstere ununterbrochene Mauer hoher Stockwerkhäuser starrt dem Wanderer entgegen, an deren Fuß sich Abfallhaufen türmen, und die von zahlreichen dunklen Luken kleiner schießschartenartiger Fenster schwarz punktiert erscheint. Zur Festung wird das daghestanische Dorf in diesem Felsenlande, das ja selbst als ganzes eine riesige Festung genannt werden kann, meist schon durch seine sorgsam ausgewählte Verteidigungslage. Die Siedlungsbilder ähneln im allgemeinen dem des chewsurischen Schatil, jedoch nur in der Fernansicht. Sie Häuser sind viel sorgfältiger gebaut und haben bequemere Inneneinrichtung, wie überhaupt die Daghestaner das weitaus kultivierteste aller kaukasischen Bergvölker sind. Angesichts des allgemeinen kulturellen Reichtums werden sich bei genaueren Forschungen auch innerhalb der mehrstöckigen, flachdachigen Häuser der entlegeneren

daghestanischen Gebirgsdörfer – von den reichen Dörfern der zu gänglicheren Teile Daghestans mit ihren meist einstöckigen lichteren flachdachigen Häusern wird hier abgesehen – sicher noch verschiedene Typen feststellen lassen.

Mit Rücksicht auf das Fehlen von Wehrtürmen und die von der zentralkaukasischen so grundverschiedene Siedlungsanlage – Schatil macht eine Ausnahme – beschränke ich den Begriff der Turmkultur auf den zentralen Kaukasus; der Daghestan bildet ein Kulturgebiet für sich.

Ebenso scheidet auch das westliche Drittel des Kaukasus aus; von Turmbauten ist mir aus dem Gebiete der Abchasen und dem einstigen der Tscherkessen nichts bekannt geworden.

Damit stimmt auch die geographische Verbreitung der Totenhäuser ungefähr überein. Sie sind am Nordhang von den Tschetschenen bis zu den Karatschaiern (Abb. Karatschaiischer Totenhäuser bei Zichy, Lit. Verz. 44, Tafel 47) bei allen Völkern anzutreffen; geringer ist ihre Verbreitung am Südhang, insofern als sie bei den Swanen anscheinend fehlen, und ebenso wenig werden sie von den Tuschen erwähnt. Im Daghestan fehlen sie ganz, wenn sie auch vielleicht einmal vorhanden gewesen sein mögen (vergl. Hierzu S. 50). Desgleichen fehlen sie im westlichen Kaukasus; zwar werden von den Abchasen aus Holz errichtete Grabhäuschen erwähnt (Byhan, Lit. Verz. 6, S. 766); sie enthalten jedoch nicht die Leiche, sondern stehen nur über dem in der Erde befindlichen Grabe.

d. Zur Frage der Herkunft der Turmkultur. Außerhalb des Gebirges finden wir Turmbauten dieser Art – wohlverstanden als allgemeine, von ganzen Volke benutzte Wohn- und Wehrbauten, alte ritterliche oder klösterliche Bauten scheiden natürlich aus – in den Kaukasusländern nirgends mehr. Es besteht aber Grund zu der Annahme, daß sie früher auch dort einmal stellenweise wenigstens existiert haben.

Das wir im alten Kolchis mit Turmbauten zu rechnen haben, wird uns durch das Werk des zur Zeit des Augustus lebenden Römers Vitruv über Architektur bezeugt. Dort heißt es im ersten Kapitel des zweiten

Buches (nach der Übersetzung von F. Reber: «Des Vitruvius zehn Bücher über Architektur», Stuttgart 1865) S. 36:

«Bei dem Volke der Kolcher in Pontus werden wegen des Überflusses an Waldungen ganze Baumstämme zur rechten und linken flach auf die Erde gelegt, indem man einen Zwischenraum zwischen ihnen läßt, der so groß ist, als es die Länge der Baumstämme zur rechten und linken flach auf die Erde gelegt, indem man einen Zwischenraum zwischen ihnen läßt, der so groß ist, als es die Länge der Baumstämme zuläßt; dann werden an den Enden dieser andere quer darüber gelegt, wodurch der Innenraum der Wohnung umschlossen wird, indem sie dann auf je zwei Seiten abwechselnd die Balken auf den vier Seiten weiter auflegen. Die Enden verbindend und so mit den senkrecht auf den untersten aufgeschichteten Baumstämmen Wände errichtend, führen sie Türme in die Höhe und füllen die Zwischenräume, welche wegen der Dicke des Bauholzes offen bleiben, mit Holzspänen und Lehm aus. Das Dach ferner legen sie darüber, indem sie die Querbalken an den Enden immer mehr abschneiden, es stufenweise zusammenziehend; und so führen sie von vier Seiten her in der Mitte eine pyramidale Spitze in die Höhe, welche sie mit Laub und Lehm bedecken und so auf rohe Art ein vierseitiges Dach ihrer Türme zu Stande bringen».

Man wird wohl nicht fehlgehen, wenn man diese antiken pontischen Türme, die, wie Vitruv ausdrücklich angibt, Wohnbauten waren, zu den gegenwärtig noch im Gebirge anzutreffenden in Beziehung setzt. Sie unterscheiden sich von ihnen zwar durch das Baumaterial; die Tatsache aber, daß die jetzigen Türme einen viereckigen Grundriß haben, läßt gerade darauf schließen, daß der Bauplan der alten Holztürme, der notwendig viereckig war, als Muster gedient hat, als man zum Steinbau überging. Ebenso wird man vielleicht auch das Pyramidendach z. B. der tschetschenisch inguschischen Form der Wehrtürme, das neben der runden Form auch eine viereckige zeigt, letztere auch besonders bei den Totenhäusern des zweite Typs, mit der pontischen Holzkonstruktion in Verbindung bringen dürfen. Bestimmtes läßt sich darüber

einstweilen natürlich nicht aussagen. Daß das aus Holz hergestellte Pyramidendach in der Form, wie es Vitruv darstellt, auch heute noch im Kaukasus vorkommt, geht aus der eingehenden Untersuchung hervor, die Baumhauer der georgischen Darbasi gewidmet hat, jenem interessanten, in Karthlien vorkommenden Erdhaus mit Pyramidendach und Lichtschacht. Baumhauer erwähnt diesen Zusammenhang allerdings nicht, führt auch die Vitruvstelle nicht an.

Aber auch die Holztürme selbst haben sich in Westgeorgien noch bis in neuere Zeit erhalten. Herrn Dr. Baumhauer verdanke ich eine Zeichnung, die eine Ansiedlung italienischer Mönche im Imeretien ums Jahr 1646 zeigt (Fig. 43a), die zum Teil aus hohen Holztürmen besteht[20]). Das diese Holztürme keine Ausnahmeerscheinung sind, sondern daß sie damals landesüblich waren, geht auch aus dem Bericht Chardin's hervor, der von hölzernen Türmen in dieser Gegend spricht (Lit. Verz. 8, I, S. 133). Von den alten kolchischen unterscheiden sich diese Türme insofern, als sie ein Satteldach tragen; es würde dies der Dachform der heutigen swanischen Turmbauten entsprechen.

Außer Vitruvs Bericht gibt es noch einen anderen literarischen Beleg aus dem Altertum für die Existenz von Völkern, die in Türmen wohnten, wenn auch nicht in den Kaukasusländern, so doch in ihrer unmittelbaren Nachbardschaft. So berichtet Xenophon in der Anabasis V, Kap. IV, 26 von dem Volke der Mossynoliken, das in Holztürmen wohne. Mossynoikoi bedeutet auf griechisch wörtlich Holzturmbewohner. Herr Oberstudienrat Bork, Königsberg, spricht mir nun brieflich die Ansicht aus, die Griechen hätten sich einen fremden Namen nur mundgerecht gemacht. Zur Klärung der Frage, wie der wirkliche Name des Volkes gelautet hätte, könne eine Bemerkung Leonhard's (Lit. Verz. 25, S. 295) dienen:

«Als früheren Namen der Kappadoker nennt Josephus I, VI, Μοσχηνοι, also die Moscher in derselben Namensform wie Plinius VI, IX, 10 „Moscheni". Daß die Moscher etwa vom 9. bis 7. Jahrhundert in dieser Gegend saßen und dann nach dem nördlichen Armenien abgedrängt wurden, ist bekannt».

Die Mossynoiken dürften also (nach Bork) die «Moschoi» oder, wie die Assyrer sie nennen «Muski» gewesen sein und in Kappadokien gesessen haben. Von «Muski» werde ein Landschaftsname «Musk-ene» gebildet und von diesem die Bezeichnung der Bevölkerung als «Moscheni (Moschenoi)».

Daß die Moscher tatsächlich im Kaukasus auftraten, geht wohl auch aus dem Namen des Meschischen Scheidegebirges bei Suram hervor. Ebenso findet sich der Name «Meschi» für die mohammedanischen Georgier des Kreises Achalziche, der den Gaunamen «Mescheti» trägt.

Wie in Westgeorgien, so haben sich auch im nordöstlichen Kleinasien die alten Holztürme bis in die Neuzeit erhalten oder vielmehr die Sitte, solche Türme zu errichten. Kiepert's Bemerkung läßt das erkennen (Lit. Verz. 21, S. 322):

«Auf die ethnographischen Eigentümlichkeiten dieser von verschiedenartigen Volksstämmen seit alter Zeit bewohnten Gegend – die Rede geht vom pontischen Küstengebirge, Gegend von Trapezunt – haben die neueren Berichterstatter und unter ihnen auch die griechischen nur ausnahmsweise ihr Augenmerk gerichtet, wir erfahren von ihnen, daß die nach Xenophons Schilderung aus hohen Holztürmen bestehenden Wohnungen der Mosynöken in der Bergen oderhalb Kerasus[21]) unter dem türkischen Namen tschebni (τζεπνίδες) unverändert im Gebrauch sind». Bewohnt werden diese Türme, wie Kiepert weiter ausführt, von der in Persien und Kleinasien verbreiteten Sekte der Kisilbasch (Rotköpfe), die durch ihren Geheimkult verrufen sind.

Noch in anderer Weise sind zwischen der zentralkaukasischen Turmkultur und dem alten Kleinasien Zusammenhänge erkennbar. Es treten dort im Altertum nämlich ebenso oberirdische Totenhäuser oder Grabtürme auf, die z. T. noch erhalten sind. Besonders bekannt geworden sind hiervon die lykischen Grabtürme, von denen E. Kalinka (Lit. Verz. 20) zahlreiche Abbildungen bringt. Wenn auch ihre Architektur Abweichungen zeigt, so sind es doch im Prinzip dieselben Bauten, und zwar kommen sie der den Tschetschenen auftretenden rechteckigen

Form der Totenhäuser (Abb. 16) am nächsten. Freilich treten oberirdische Totenhäuser auch östlich des Kaukasus auf, z. B. bei den Kirgisen.

Auch hier sei wieder ein Gleichklang geographischer Namen erwähnt, der den Linguisten zur Kritik überlassen werden muß. Es gibt ein tschetschenisches Dorf Mesketi (in Auch). Es stimmt dies überein mit dem oben erwähnten Namen der Landschaft Mescheti (Mes-cheti), im Gebiet Achalziche, in dem die Meschi wohnen, deren Name Ebenso wie der des meschischen oder moschischen Gebirges mit dem Volke der Moscher in Verbindung gebracht wird.

Es fehlt mir einstweilen die Möglichkeit, die Frage der Herkunft und Entstehung der Turmkultur weiter zu verfolgen. Aus dem bisher gebrachten geht zunächst das eine hervor, daß im Altertum sowohl auf kaukasischem wie auch auf kleinasiatischem Boden Turmbauten als allgemeine Wohnform existierten, Die Frage, wo sie zuerst entstanden sind, wird man gefühlsmäßig wohl eher zu Gunsten Kleinasiens als des älteren Kulturgebietes entscheiden. Abgesehen davon, daß die Moscher von dort aus nach NO zogen, berichtet auch die georgische Volkssage von einer Ausbreitung von S (etwa Armenien) nach N. Und in diesem Zusammenhange wird man wohl auch auf die tschetschenische Stammessage zurückgreifen dürfen, die doch gerade vom kleinasiatischen NO, von Nachtschuwan, Erserum und Chalyb als Ursprungsgebiet spricht. Wohl ist die Ablehnung dieser Sage berechtigt, wenn man annimmt, daß sie allein unter dem Einfluß des Islams entstanden sei. Es läßt sich doch aber sehr wohl denken, daß alte Erinnerungen im Volke noch lebendig waren, die dann eine sehr willkommene Grundlage boten, als mit erfolgter Islamisierung das Bestreben erwachte, die eigene Abstammung in möglichst nahe Verbindung mit dem Stamm und der Heimat des Propheten zu bringen.

Aus der angeführten Bemerkung Xenophon's über die Mossynoiken verdient noch erwähnt zu werden, daß er sie als ein weißes (λευκοι) Volk bezeichnet Man wird annehmen dürfen, daß weiß hier nicht bloß hellhäutig, sondern auch hellhaarig und —äugig bedeutet. Ob diese

Tatsache irgendwie mit dem starken Prozentsatz Blonder unter den Tschetschenen und den anderen zentralkaukasischen Bergvölkern in Verbindung gebracht werden kann, muß ich dahin gestellt sein lassen.

e. Ähnliche Erscheinungen in Albanien und anderen Ländern. Wohl mit keinem anderen Lande weisen die kulturellen Verhältnisse des Kaukasus so starke Ähnlichkeiten auf wie mit dem Balkan, wenn wir von Armenien und Kleinasien absehen. Ganz besonders darf man das von Albanien sagen, worauf auch A. Byhan in seiner überaus gründlichen Darstellung der kaukasischen Ethnologie in Buschan's Völkerkunde mehrfach hinweist[22]). In einem schönen Werke hat baron F. Nopcsa kürzlich die materielle Kultur Albaniens eingehend behandelt (Lit. Verz. 31). Es zeigt sich, daß in manchen Teilen Albaniens die Bevölkerung ebenso in ausgesprochenen Wehrbauten wohnt, wie im Kaukasus, was bei den gleichartigen Sicherheitsverhältnissen gar kein Wunder ist. Was nun die Form des albanischen Wehrhauses anbelangt, so finde ich eine weitgehende Übereinstimmung mit den entsprechen kaukasischen von mir als Wohntürme bezeichneten Häusern[23]). Sie gleichen den kaukasischen, um nur einiges zu nennen, in den Breiten- und Höhenverhältnissen, in den zwei oder drei Stockwerken, in dem Fehlen der Fenster, an deren Stelle kleine als Lichtöffnungen und Schießscharten dienende Luken treten, in den rundbogigen Eingangstüren, in einigen Fällen auch in der Außenanlage der zu den oberen Stockwerken führenden Treppen, in vielen Zügen der Inneneinrichtung und anscheinend auch in der zerstreuten Siedlungsanlage. Den kaukasischen ähnliche Wehrtürme scheinen zu fehlen, doch scheinen dafür die albanischen Wehrhäuser mehr Verteidigungseinrichtungen zu haben als die kaukasischen, z. B. kleine Erker, ferner sind ihnen häufig noch keine viereckige Türmchen aufgesetzt, deren oft pyramidalenförmiges Dach wie das der kaukasischen eine Steinspitze als Zier trägt. Die Albanesen nennen ihren Wohnturm «Kula». Das Verbreitungsgebiet der Kula beschränkt sich jedoch nicht auf Albanien, wenn sie auch dort am häufigsten

vorkommt. Nopcsa gibt darüber S. 54 folgende Angaben. «Kulen finden sich (nach Cvijitsch) in ganz Bosnien, dann im ehemaligen Rascien; in Albanien reicht ihr Gebiet bis an eine Ipek, Usküb, Dibra, Ochrida und Elbassan verbindende Linie. Im Osten dieser Linie, so wie in Griechenland und im Epirus scheinen Kulenbauten im allgemeinen jetzt zu fehlen; isoliert und daher wichtig ist das Vorkommen in der Maina[24]). Diese Verbreitungsgebiete der Kulen kann man das adriatische und das peloponnesische nennen; als drittes Verbreitungsgebiet tritt dazu, wie wir durch de Martonne's und Jaenekes Arbeiten wissen, das Gebiet von Oltenia in Rumänien. Isoliert und außer Gebrauch finden sich Kulen als fremde Einführung auch in Nordwestbulgarien (Vraca). Wie die Kulen der Oltenia sich geographisch an die Burgen des Burzenlandes schließen, so scheinen sich die adriatischen Bauten an die lombardisch-oberitalienischen Wehrtürme zu lehnen».

Nopcsa richtet seine Blicke auch nach dem Kaukasus:

«Auf den ersten Blick kann es verlocken, auch die Kulen der Osseten mit den europäischen zu verbinden, aber bei besserem Zusehen sieht man, daß die Kulen dieser Gebiete offenbar anderen Ursprungs sind. Im Gegensatz zu den von oben bis unten gleich dicken, aber massigen und oben nicht krennelierten Kulen Albaniens oder Rumäniens sind die kaukasischen bis 20 m hohen Kulen oben krenneliert, stets sehr schlank und verjüngen sich meist gegen oben recht bedeutend. Eine Ausnahme machen nur die gleichbleibenden Kulen der Swanen, die ein Dach und unter diesem einen söllerartigen, etwas vorspringenden Bau zeigen. Kleine Erker lassen sich im Kaukasus nur an den Kulen der Tschetschenen nachweisen, im übrigen Gebiet scheinen sie zu fehlen. Schon wegen der Verjüngung nach oben lassen sich Kulen des Kaukasus nur schwer mit den balkanischen vergleichen, und es muß daher Netzhammers Ansicht des asiatischen Ursprungs der Kulen zurückgewiesen werden».

Es ist klar, daß Nopcsa hier nicht die kaukasischen Wohntürme im Auge hat, sondern die Wehrtürme. Der Irrtum ist jedoch leicht

entschuldbar, da man in den Reisewerken häufig die Behauptung finden kann, daß die Wehrtürme ständig bewohnt seien und weil man über den hohen, auffälligen Wehrtürmen übersehen hatte, daß auch die Wohnhäuser Wehrbauten darstellen. Zudem fehlt es an geeigneten Abbildungen der letzten; gerade ihr bester Vertreter, der tschetschenisch-inguschische, der mit seinem flachen Dach den Turmcharakter klarer zeigt, als die swanischen oder tuschinischen Wohntürme mit ihrem Satteldach, ist bisher völlig unbekannt geblieben.

Das Wort Kula ist nach Nopcsa (S. 52) arabischen Ursprungs. «Die arabische Bezeichnung Kula findet sich schon bei den byzantinischen Schriftstellern des 11. Jahrhunderts bei den Serben war diese Bezeichnung für Wehrhäuser schon in 1350 bekannt».

Es kann sich dabei nur um das arabische Wort für Festung «qala», handeln – Nopcsa erwähnt es nicht – das dem bekannten türkischen Wort «qale» (kale, kaleh) zu Grunde liegt. Sehr interessant ist es nun, daß das tschetschenische Wort für Wohnturm «g'ala» (der Apostroph soll einen eigenartigen Kehllaut wiedergeben) lautet. Die Vermutung liegt doch sehr nahe, daß wir es hier mit einem und demselben Worte zu tun haben. Es bliebe zunächst zu untersuchen, wie der Wohnturm in den übrigen kaukasischen Sprachen genannt wird. Sollte das Wort wirklich arabischen oder türkischen Ursprungs sein, so würde es wohl auch in anderen kaukasischen Sprachen für den gleichen Gegenstand gebraucht werden. Es wären dann weitere Schlüsse über Alter und Entstehung der Wohntürme möglich.

Als Bezeichnung für Wehrturm hörte ich bei den Tschetschenen «bau», bei den Kisten von Maisti und Mälchisti «vau», bei den Inguschen heißt er nach Jakowlew «vou».

Da Wehrhäuser als volkstümliche Hausform – ständische Burgen scheiden natürlich aus – auch aus Italien, den Alpen, der Schweiz und Süddeutschland teils für die Gegenwart, teils für die Vergangenheit erwähnt werden und nach Viollet le Duc, wie Haberland in Buschans Völkerkunde Bd. II, 2. Teil, S. 432 angibt, Wehr- und Wohntürme auch bei

den Basken vorkommen, so kann erst eine genaue vergleichende Untersuchung darüber Aufschluß geben, ob die Wehrhäuser der verschiedenen Gebiete unter dem Zwang unsicherer politischer und vor allem sozialer Zustände (Sippenverfassung! Blutrache!) unabhängig von einander entstanden sind oder ob ihnen ein gemeinsames Ursprungsgebiet eigen ist. Was die albanischen und kaukasischen Wohntürme anbetrifft, so ist mir ihre Ähnlichkeit im Prinzip doch so groß, daß ich an dem Gedanken einer gemeinsamen Wurzel festhalten möchte. Sie könnte doch wohl nur in Kleinasien gesucht werden, und bei genauerem Hinsehen werden sich sicher auch dort gleichartige Wohntürme feststellen lassen; die Türme der Kisilbasch südl. Kerasund deuten ja schon darauf hin.

Dem Geographen muß es ferner auffallen, daß all die Gebiete, aus denen volkstümliche erwähnt werden, also vom Kaukasus angefangen über den Balkan und die Alpenländer bis zu den Pyrenäen, Gebirgsländer sind, während sie in den weiten Ebenen wohl fehlen.

Ein Land volkstümlicher Wehrbauten scheint auch das Kabylengebiet im Atlas-Gebirge zu sein, ebenso scheinen sie dem großen eurasiatischen Hochgebirgsgürtel über Afghanistan und Tibet weiter nach Osten zu folgen. Einen beherrschenden Zug des Landschaftsbildes bilden sie dort vor allem im wilden Goldstromland (kintschuan) im tibetanisch-chinesischen Grenzgebiete, wo die verstreut liegenden Gehöfte kleine Festungen mit Wohn- und Wehrtürmen darstellen, genau so wie im zentralen Kaukasus. (Nach Abbildungen bei Albert Tafel: Meine Tibetreise, Bd. II, 1914). Eine eingehende Betrachtung dieser anscheinend rein geographischen Umwelteinflüsse würde indessen den Rahmen dieser Arbeit weit überschreiten.

II. Andere Hausformen. a. Die niedrigen flachdachigen Häuser («Ssakli»). Die in den kaukasischen Bergen vorkommenden niedrigen, d. h. einstöckigen flachdachigen Häuser werden von den Russen allgemein «ssakli» (Sing.: ssaklja) genannt. Das Wort ist nach Baumhauer georgischen Ursprungs und schon im 5. Jahrhundert belegt (Lit. Verz. 2, S. 26 Anm.). Ein genau fixierter Begriff liegt nach meinen

Beobachtungen dem Worte «ssaklja» nicht zu Grunde; man bezeichnet sowohl Stein- als auch Lehmbauten damit, wenn auch wohl eher die ersteren als die letzteren; es gilt für Häuser mit und ohne Vorbau und von verschiedener Raumeinteilung. Das tschetschenische Wort für das flachdachige niedrige Haus lautet «ts'a». Ein anderes tschetschenisches Wort für Haus lautet «husum»; ob beide in gleichem Sinne gebraucht werden, kann ich nicht angeben.

Die Form des flachdachigen Hauses, die ich im Schiefergebirge in den Dörfern beobachtet habe, die den Chewsuren und Tuschen benachbart waren, scheint im wesentlichen der Form des flachdachigen Steinhauses zu entsprechen, das Baumhauer aus der georgischen Landschaft Karthlien beschreibt. Baumhauer berichtet vorwiegend von einräumigen Häusern dieser Art; ich habe jedoch einräumige Häuser nur noch als Nebenhäuser, als Wirtschafträume und als Sennhütten beobachtet. Die Wohnhäuser dagegen waren stets in mehrere Räume geteilt, sowohl nach der Breite, wie auch nach der Tiefe hin.

Fig. 44 stellt den Grundriß eines Hauses des Dorfes Ssantchoi dar, des letzten Tschetschenendorfes im Quellgebiet des Scharo-Argun, wenn man über den Katschu-Paß nach Tuschetien geht. Ssantchoi ist eine Neugründung; die Ruinen des alten Turmdorfes liegen etwa 2—3 km talabwärts in guter Verteidigungslage, worauf man im neuen Dorf, das bequem am Hange ausgebreitet liegt, garnicht mehr geachtet hat.

Mehrere Tage brachte ich in einem Hause des Dorfes Dscharego zu, dessen Beschreibung hier folgen soll. Wie schon früher erwähnt, besteht Dscharego im Gegensatz zu den Turmdörfern Mälchisti's durchweg aus Ssakli. Der Plan des Anwesens ist aus Fig. 45 ersichtlich. Die Wohnräume bestanden aus zwei Hauptteilen, die im rechten Winkel zueinander gebaut waren. Der dadurch gebildete Hofraum war durch eine Mauerruine abgeschlossen, die gut 2 m Höhe hatte und ursprünglich wohl noch höher war. Inmitten des Hofes war ein Baumstamm errichtet, an dessen Aststümpfen Pferde angebunden werden konnten. Der Raum c stand völlig leer; als Wohnraum diente

der im innersten Winkel gelegene. Bei weitem der größte Raum war das Gastzimmer, dessen Dachgebälk durch einen Querbalken mit untergestellter Säule gestützt wurde. Der Kälte wegen – es war um die Weihnachtszeit – wohnte und schlief ich jedoch im gemeinsamen Familienraume. Ein Fenster hatte dieser überhaupt nicht, sondern das Licht fiel einzig durch ein etwa 30 cm im Geviert haltendes Loch in der Decke herein, das gleichzeitig auch als Rauchabzug diente. Unter ihm stand der unvermeidliche kleine eiserne Ofen, der auch in die letzten Bergdörfer schon vorgedrungen ist und auf den Basaren, den in den größeren Dörfern stattfindenden Wochenmärken, überall einen Handelsartikel bildet. Diese Lichtöffnung in der Mitte der Zimmerdecke erinnere ich mich auch in daghestanischen Dorfe Balchar südöstlich des reichen Ortes Zudachar beobachtet zu haben. Bei den Tschetschenen ist sie mir nicht weiter begegnet. Die Herdform dieser Häuser besteht sonst aus einem großen Kamin (Fig. 46), der in der Regel in die Wand eingebaut ist, in der sich die Türoffnung befindet; ich habe ihn aber auch in den Seiten- und Rückenwänden angetroffen. Er kann über einen Meter Breite erreichen und tritt etwa 30 cm aus der Wand hervor. In ihm hängt an einem Querstock, der in etwa 1 ½ m Höhe im Inneren eingemauert ist, die Herdkette herab (Berschreibung s. S. 97). Aber auch in diesen Kaminen habe ich offenes Herdfeuer nur noch selten lodern sehen; auch hier war meist schon der eiserne Ofen europäischer Herkunft eingeschoben, der die Form eines rechteckigen Kastens von reichlich ½ m Länge und etwa 25 cm Höhe und Breite hat.

Das große Gastzimmer des Dscharegoer Hauses hatte überhaupt keine Lichtöffnung, weder in den Wänden noch in der Decke. Wollte man etwas sehen, so mußte die Tür nach der Veranda geöffnet werden. Das Wohnzimmer hatte keinen eigenen Eingang, sondern war nur durch das Gastzimmer zu erreichen. Auf der Hofseite wurde das Haus von einer breiten Veranda begleitet, die noch durch eine Brüstung eingefaßt war.

Unter den Wohnungen befanden sich die Stallungen. Von Zweistöckigkeit des Gebäudes kann jedoch nicht gesprochen werden, weil das Untergeschoß wenigstens in seinem hinteren Teil kellerartig in den Berghang eingebaut war. Man konnte daher von außen kommend die Veranda, die natürlich in Höhe der Wohnräume entlangführte, direkt ohne Zuhilfenahme einer Treppe betreten, während sie vom bergabwärts gelegenen Hofe aus erforderlich war. Unnötig zu sagen, daß auch diese Viehställe ohne jede Lichtöffnung waren. Die Türen bestanden aus schweren Bohlen, waren zweiflügelig und drehten sich in Zapfen, genau so, wie es schon von den Wohntürmen beschrieben wurde

An das Haus, schon außerhalb des Hofes, schloß sich unmittelbar der Heuschuppen an.

Das Mauerwerk bestand überall aus rohen, unregelmäßigen dunklen Schieferstücken ohne Mörtelverband, die außen unverputzt waren wie bei den Turmbauten, weshalb Häuser dieser Art einen äußerst düsteren, unfreundlichen Eindruck machen, der aber durch die stets freundliche, gastfreie Aufnahme seitens der Bewohner wieder wett gemacht wird.

Man findet bei diesen Häusern starke Verschiedenheiten in der Raumverteilung und der Hofanlage. Sie erklären sich dadurch, daß diese Häuser vielfach zwischen und auf den alten Turmruinen aufgebaut sind. Man benutzte die zerbröckelnden Mauern der alten Bauten, wie man sie gerade vorfand, und errichtete irgendwie die niedrige Hütte. Die Wirtschaftsräume können neben und unter den Wohnräumen angebracht sein; bald umschließt das ganze eine Mauer, bald keine. Von diesem Gesichtspunkte aus ist auch die eigenartige Säulenhütte bzw. Pfeilerhütte von Abb. 18 aus dem Dorfe Keseloi (unweit Scharoi) zu betrachten, eine durchaus einmalige Erscheinung. Ihre Wände bestehen aus lehmverschmiertem Flechtwerk; die Mauern gehören durchweg zu alten Wohntürmen, ebenso auch die im Hintergrunde aufragende Säule.

Die einräumige Urform dieses Hauses bemerkte ich bei Sennhütten oberhalb Togo unweit der vom Tebulos-mta kommenden Gletscher,

in denen Hirt und Herde gleicherweise unterkamen. Sie hatten quadratischen Grundriß von 5 m und mehr Seitenlänge, doch nur etwa 1 ½ m Höhe. Die Türöffnung war kaum 1 m hoch; Fensteröffnungen fehlten natürlich. Die Feuerstelle befand sich an der Seite der Tür. Ihre einzige Ausrüstung bestand in einem knorrigen, ins Mauerwerk gesteckten Wurzelstück, an dem der Kessel hing; das Feuer lag auf der Erde, und der Rauch entwich ohne Rauchfang durch eine kaum kopfbreite Öffnung im Dache. Erleuchtet wurde die Hütte durch Kienspäne – der vorherrschende Baum dieses Tales ist die Kiefer – die einfach ins rohe Mauerwerk gesteckt wurden und ein helleres Licht verbreiteten als die ärmlichen Petroleumlampen, die man sonst in den Bergen trifft. Durch hohe Schieferplatten, die durch ein einfaches Gestände gehalten wurden, hatte der Hirt seine Schlafstelle gegen den Stallraum abgegrenzt.

Von der eingangs beschriebenen Form der Ssaklja, die also nach meinen Beobachtungen meist auch nach der Tiefe mehrräumig ist, glaube ich die Ssaklja unterscheiden zu können, die weiter nördlich hauptsächlich im Kalkgebirge anzutreffen ist. Diese hält eine strenge Raumverteilung insofern inne, als sie stets nur einen Raum tief, dafür aber bis drei und mehr Räume breit werden kann. Jeder Raum besitzt seinen besonderen Eingang, während sie untereinander meist keine Verbindung haben, so daß der Eindruck von aneinander gebauten Wohnraumzellen entsteht. Die Türen sind schon aus Brettern gezimmert und drehen sich in Angeln nach russischer Art. Sie Wände sind aus Steinen errichtet; man trifft aber auch mit Lehm verschmierte Flechtwände, besonders in den die Zimmer trennenden Zwischenwänden. Der Herd wird auch hier häufig noch durch den Kamin der schon beschriebenen Form gebildet; oft fehlt er aber, und an seiner Stelle steht dann der eiserne Ofen mit dem hohen Blechrohr.

Die Vorderwand des Hauses ist stets sauber mit Lehm verschmiert und weiß getüncht, wie überhaupt dieses Haus einen viel helleren, kultivierteren Eindruck macht als das vorbeschriebene. Das Innere wird viel wohnlicher gestaltet durch richtige Glasfenster, etwa von der

Größe, wie sie in unseren alten Bauernhäusern anzutreffen sind. Nur selten findet man noch die kleinen Fensteröffnungen, die einfach durch eingefettete Leinwand verschlossen werden. Auch die Innenwände sind stets geweißt; die Wandmalerei der Baumfiguren, wie sie von den Wohntürmen erwähnt wurde und auch in den finsteren Sakli des Schiefergebirges üblich ist, fehlt meistens schon.

Immer ist ein verandenartiger Vorbau vorhanden, der nach meinen Beobachtungen in der Regel nach der Sonnenseite orientiert ist, wohin dann natürlich auch die Fenster und Türen zeigen. Er wird dadurch gebildet, daß die quer zur Breitenerstreckung des Hauses aufgelegten, dicht nebeneinander liegenden Dachbalken über die vordere Hauswand einen reichlichen Meter überstehen. Ihre Enden ruhen auf einem kräftigen Balken, der durch mehrere Stützen von etwa zwei Meter Abstand getragen wird, wobei zwischen Balken und Stützen meist ein mehr oder weniger kunstvoll geschweiftes Sattelsotz eingelagert ist (Abb. 19).

Über den Dachbalken liegt eine Schicht von Reisig und Stroh oder Häcksel, die ihrerseits oft wieder durch Baumrindenstücke bedeckt wird. Darüber lagert dann eine festgestampfte, von Graswuchs sorgfältig freigehaltene Erdschicht von etwa 30 cm Dicke, die an den Seiten durch Bretter vor dem Herabgespültwerden geschützt wird. Gestampft und geglättet wird der Boden, abgesehen von einer einfachen aus einem Stammstück bestehenden Walze, durch ein «pischtik» genanntes Instrument, ein mit einem Stiel versehenes, halbmeterlanges Bohlenstück, das flach aufgeschlagen wird. Genau dasselbe Stück kenne ich aus meiner Heimat Schlesien, wo es früher bei der Bereitung von Scheunentennen verwendet wurde.

Unter dem niemals fehlenden Vorbau steht gewöhnlich einer der großen Getreidekästen oder Körbe. Auch die Hühner finden dort zuweilen Unterkunft in kastenförmigen, aus Lehm gebauten niedrigen Schlupflöchern, die ich in einigen Fällen z. B. im Dorfe Betschik westlich Itum-Kale auch im Wohnraum antraf. Ferner steht an einem Ende des Vorbaues manchmal ein Sommerkamin, der die Form einer

hohlen, viereckigen, oben pyramidalenförmig zugespitzten Säule hat (Fig. 47), wobei das Rauchloch etwas unterhalb der Spitze bleibt. Auch hier hängt die Kette mit dem Kessel an einem oben quer durchgesteckten Stabe.

Die Tür soll früher nicht aus Holz, sondern aus einem Ledervorhang bestanden haben, worin man vielleicht einen Anklang an das alte Nomadenzelt erblicken kann. Es ist das noch daran zu erkennen, daß Tür und Leder die gleiche Benennung haben[25]). Leider versäumte ich, mir die betreffende Vokabel aufzunotieren. Im Zusammenhang damit wurde mir ein tschetschenisches Sprichwort mitgeteilt, das etwa folgendermaßen lautet: «Bei ihm ist der Balken schon bis zur Hälfte heruntergebrannt!» Es wird in übertragenem Sinne gebraucht und bedeutet: Bei ihm ist es gut sein, laßt uns zu ihm gehen! Früher hatte der ans Feuer gelegte trockene Stamm oft nicht Platz in der Hütte und ragte daher mit seinem hinteren Ende durch die Tür ins Freie. War er nun genügend heruntergebrannt, dann konnte die Tür geschlossen werden, dann erst war es warm und gemütlich.

Zu einer Hofbildung kommt es bei diesem Hause nicht. Entweder stehen die Wirtschaftsräume neben den Wohnräumen, mit ihnen eine Flucht bildend, oder das Vieh wird in einem teilweise in die Erde gebauten Untergeschoß untergebracht. In den meisten Fällen aber liegen die Stalldach dann den eigentlichen Hofplatz darstellt (Abb. 19). Vor diesem liegt dann wiederum das Dach des nächsten Hauses usw. Es entstehen dadurch die bekannten Terrassendörfer mit dem Treppenprofil, wie sie besonders im Daghestan so unvergleichlich ausgeprägt sind, sind sie wo bei dem höheren Kulturniveau auch die rationelle Raumausnutzung viel intensiver durchgeführt ist. Die Dörfer sind so geschlossen, so kompakt angelegt, daß innerhalb des Dorfplanes tatsächlich jedes Fleckchen bebaut ist und nur wenig Raum für die engen krummen Gäßchen übrig bleibt. Kein grüner Garten unterbricht die Terrassenzüge, deren Gesamtkolorit besonders im Herbst oft so völlig mit der öden, gelbbraunen Landschaft des Daghestaner Kalkgebirges übereinstimmt, daß man die Siedlungen aus

der Ferne nur schwer erkennen kann, wenn nicht die weit sich hinziehenden Gärten- und Felderterrassen sie schon vorher ankündigen. Man ist überrascht über die Unmasse von Volk, die aus diesen räumlich oft so kleinen Dörfern hervorquellen kann, wenn es etwas Interessantes zu sehen gibt. Alle Dächer sind dann dicht besetzt, riesige Lammfellmützen mit daran hängenden adlernasigen Gesichtern – so e—scheint es wenigstens infolge des ungleichen Größenverhältnisses – neigen sich über den Dachrand, ein dichter Menschenknäuel wälzt sich hinter dem Reisenden her, und die zahllosen Hunde machen die Musik dazu.

Im menschenärmeren, unkultivierteren tschetschenischen Kalkgebirge sind die Dörfer auch dieses Haustyps viel regelloser und aufgelöster angelegt; Einzelhöfe, die ich im Daghestan nicht beobachten konnte, sind häufig.

Auf den flachen Dächern sind gewöhnlich stumpfkegelförmige Getreide- und Heuschober aufgebaut, wodurch die Ortschaften ein originelles Aussehen erhalten (Abb. 17). Wegen des Holzmangels ist man vielerorts auf getrockneten Mist als Brennmaterial angewiesen. Man formt ihn im Tschetschenengebiet meist zu breiten Fladen, die zum Trocknen an die Mauern angeklatscht werden; im Daghestan sah ich mehr ziegelförmige Stücke, die auf den Dächern so aufgestapelt werden, daß die Luft zwischen ihnen hindurchstreichen kann. Dieselbe Form des Mistziegels («kisjak») sah ich auch bei den Armeniern und Tataren der nördlichen armenischen Randgebirge. Auch bei den zwischen ihnen wohnenden Molokanern und Duchoboren, wirtschaftlich sehr tüchtigen russischen Sektierern, konnte man häufig die ganze Familie beobachten, wie sie einträchtig im Düngerhaufen mit den Händen das Feuermaterial für den Winter bereitete. Da bei der landesüblichen Dreschweise das Stroh kurz und klein gerissen und es in dieser Gestalt eingestreut wird, was an und für sich selten genug geschieht, so bildet auch der Dünger im Gegensatz zu unserem Langstrohdünger eine leicht formbare Masse.

Dörfer, die nur aus solchen Häusern bestehen, finden sich innerhalb des Tschetschenengebietes vor allem in dem an den Daghestan grenzenden Gau Tschaberloi (Dörfer Tschobachkineroi, Rigachoi und andere) und den entsprechenden Teilen des Gebietes von Scharoi (Dörfer Buti, Kiri). In den Gauen Tschanti und Galantschotsch stehen sie als neuere Erscheinung neben den alten Turmbauten. (Abb. 2). Während die Ssaklja selbst gegen die Turmgebiete vordringt, verliert sie andererseits an Boden gegen das von N her rasch vordringende Satteldachhaus, das in der Umgegend von Schatoi bereits überwiegt und auch Itum-Kale schon erreicht hat. (s. die Kartenskizze).

Das flachdachige Haus ist heute nur im Kalk- und Schiefergebirge zu finden. Noch vor wenigen Jahrzehnten herrschte es aber auch in Itschkerien und der Ssunscha-Ebene, wo man heute ausschließlich Satteldachhäuser sieht. Noch zu der Zeit, als die Russen schon lange in der (jetzt zerstörten) Festung Wosdwischenskaja (am Austritt des Argun in die Ebene) saßen, deren Gründung um die Mitte des vorigen Jahrhunderts erfolgte, wurden im benachbarten Dorfe Ataga Erddächer sogar noch neu angelegt, wie mir alte Leute dort versicherten, und der russische Forstmann Markowitsch, der in seiner dem itschkerischen Walde gewidmeten Arbeit auch das tschetschenische Wohnwesen kurz schildert, berichtet selbst noch in einer 1897 erschienenen Arbeit nur von flachdachigen Häusern, wenn auch seine Beobachtungen einige Jahre vor diesem Termin gemacht worden sein mögen. Dagegen fand ich jetzt nur in den entlegensten, dem Daghestan schon unmittelbar benachbarten itschkerischen Dörfern. Ein itschkerisches Dorf allerding, Siwerchi, besteht auch heute noch nur aus flachdachigen Häusern; aber es gehört nur rein verwaltungspolitisch zu Itschkerien (Kreis Wedeno), liegt schon hoch im Kalkgebirge, grenzt direkt an Tschaberloi und ist auch von Neusiedlern aus Tschaberloi besiedelt.

Aus dem Gesagten geht zur Genüge hervor, mit welcher geradezu beispielossen Schnelligkeit hier eine Hausform durch die andere verdrängt worden ist, als sinnfälligstes Zeichen dafür, daß eine neue Kulturströmung in das Land hineinflutete. Denn das Auftreten des

ziegelgedeckten Satteldaches ist untrennbar verbunden mit dem Erscheinen der Russen am Terek und der Ssunscha, d. h. mit der Anlage Kosakenstanizen. Übernommen und weiterverbreitet wurde es von den Tschetschenen jedoch ganz ohne Zutun der Russen; denn beide Völker leben unvermischt nebeneinander, die Russen zudem nur längs des Terek und der Ssunscha, nirgends in der inneren Ssunscha-Ebene oder in den Bergen, von wenigen Beamten abgesehen. Abgesehen von dieser selbsttätigen Weiterverbreitung durch die Tschetschenen ist die Verbreitung des ziegelgedeckten Satteldaches für mich ein gutes Schulbeispiel dafür, daß Kulturübertragungen ohne entsprechende Völkerbewegungen nicht gut denkbar sind, wenigstens nicht in unentwickelten verkehrsarmen Gegenden, d. h. also in Verhältnissen, mit denen vor allem die Vorgeschichte zu rechnen hat. Und im Nordkaukasus ist die russische Eroberung von einer starken Wanderbewegung russischer Volksteile begleitet gewesen. So ist die erst 1821 gegründete Kosakenstanize Grosny heute eine Stadt von nahezu 100 000 ganz überwiegend russischen Einwohnern; nicht viel kleiner ist das nur wenig ältere Wladikawkas, Armavir u. a. Nach der letzten Volkszählung sind von den 5,6 Mill. Menschen, die zwischen der Scheitellinie des Gebirges und der Manytschlinie wohnen, nur etwa 13% Nichtrussen (Eigene Berechnung; Daghestan ist dabei nicht einbegriffen). Auch in politischer Beziehung wirkt sich das natürlich aus; ob die Bergvölker sowjetfreundlich eingestellt sind oder nicht, ist für die Sowjetpolitiker durchaus eine Sorge zweiter Ordnung. Übrigens sind sie zum großen Teil sowjetfreundlich.

Die Ablösung des Erddachhauses, der Ssaklja, durch das Satteldachhaus wäre aber kaum mit solch reißender Schneligkeit erfolgt, wenn da nicht rein praktische Gründe stark nachgeholfen hätten. Ganz gewiß ist das flache Erddach für den regenreichen Nordfuß des gebirges eine sehr ungeeignete Dachform, vor allem für Itschkerien. Man muß sich nur wundern, daß es hier überhaupt heimisch werden konnte.

Aber auch in Gegenden, die nicht das hohe Maß von Niederschlägen erhalten, wie die niederen tschetschenischen Berge, scheint das flachdachige Haus allgemein gegenüber dem Satteldachhaus zurückzuweichen. In den Tataren- und Armenierdörfern der nördlichen Randgebirge des armenischen Hochlandes (auch «Kleiner Kaukasus» genannt) sah ich zwischen den Ssakli und unterstandartigen Erdhäusern viele rote Ziegeldächer leuchten, während Reisende aus der zweiten Hälfte des vorigen Jahrhunderts, wie Radde und v. Thielmann, noch nichts davon erwähnen. Der Anstoß hierzu ging sicher zum nicht geringen Teil von den dortigen schwäbischen Kolonisten und russischen Sektierern aus.

Dieselbe Vorgang wird von Baumhauer auch aus Georgien und von Kuftin (Lit. Verz. 23) aus der südlichen Krim berichtet. Nach Baumhauer «ist es neben der geringen Haltbarkeit des Daches vor allem die Malariagefahr, die die Erddachhäuser unerwünscht macht, da sich in den dunklen, schlecht gelüfteten Räumen gern die Anophelesmücke aufhält» (S. 23).

Nur ganz vereinzelt habe ich Satteldachhäuser im inneren Daghestan gesehen, z. B. im andischen Botlich. Es liegt das wohl kaum daran, daß die Daghestaner keine Gelegenheit hätten, solche zu sehen und dann nachzumachen, denn besonders die Gumbeter und Andier steigen recht häufig über die Andische Kette nach Itschkerien hinab, um dort ihr Obst und ihre Schafzuchtprodukte gegen Kukuruz einzutauschen. Sondern im trockenen Daghestan ist das flachdachige Haus naturgegebener als am feuchten Außenrand des Gebirges. Dann wird man bei dieser Frage auch die konservative Geschlossenheit des daghestanischen Volkstum nicht außer Acht lassen dürfen, das Neuerungen nicht so leicht zugänglich ist wie die wetterwendischen Tschetschenen. Vor allem aber dürfte der Einführung des Satteldaches die schon beschriebene daghestanische Siedlungsanlage hinderlich sein. Hier muß einer Rücksicht nehmen auf den anderen; es geht nicht an, daß sich ein Dorfbewohner plötzlich ein Satteldach errichtet und dadurch den eine Terrasse höher wohnenden Nachbarn seines Hofplatzes beraubt, den

doch das flache Dach seines unteren Nachbarn bildete. Der ganze Siedlungsplan ist nun einmal in diesen Terrassendörfern auf das flachdachige Haus basiert und kann nicht von heute auf morgen geändert werden. Für den zerstreuter wohnenden Tschetschenen, der besonders in Itschkerien Einzelhöfe bevorzugt, bestand diese Schwierigkeit nicht.

Für das Eindringen des flachdachigen Hauses in das Tschetschenengebiet scheinen mir zwei Richtungen in Frage zu kommen. Die wichtigere von beiden dürfte die daghestanische sein, da es nach dorthin vorherrscht und gegen die Turmgebiete des tschetschenischen Westens seltener wird. Georgischer Einfluß macht sich an der Südgrenze der Turmgebiete bemerkbar und zwar in der Form der Ssaklja, die von Dscharego beschrieben wurde. Es würde also darauf hinauskommen, daß die Turmgebiete von zwei Seiten aus von flachdachigen Häusern eingeengt werden.

Für Georgien nimmt Baumhauer kleinasiatische Herkunft des flachdachigen Hauses an, Kuftin desgleichen für die Südküste der Krim. Von wo aus und zu welcher Zeit das flachdachige Haus im Daghestan erscheint, diese Frage wird erst zu lösen sein, wenn genauere Untersuchungen der Häuser besonders des südöstlichen Daghestans vorliegen werden. Man wird dabei nicht zuletzt an persische Einflusse denken müssen, wie sie durch die Geschichte des Landes bezeugt werden (Bau der Mauer von Derbent durch die Sassaniden!) und wie sie von der Metallbearbeitungskunst schon erwähnt wurden. Zu untersuchen bliebe ferner noch, inwieweit einheimische nordkaukasische Einflüsse maßgebend gewesen sind. Ich denke dabei z. B. an die auch am flachdachigen Hause der Tschetschenen auftretenden Flechtwände, deren hohes Alter und noch jetziges Vorherrschen für den Nordkaukasus, besonders für dessen Nordwesten, bezeugt ist. Tacitus erwähnt (nach Kuftin) diese Hausbautechnik z. B. bei Beschreibung der befestigten Stadt Uspu der Sarmaten. (Tacitus: Annalen, Buch 12, Kap. 16) Güldenstedt (Lit. Verz. 13, Bd. I, S. 179) erwähnt Häuser, deren Wände aus geflochtenen, mit Lehm beworfenen

Stäben bestehen, aus Kisljar und anderen Orten der unteren Terekniederung.

b. Das tschetschenische Satteldachhaus. Wenn auch das tschetschenische Satteldachhaus mit seinem leuchtenden roten Ziegeldach im Landschaftsbilde vom flachdachigen Hause, der Ssaklja, grell absticht, so haben beide im Aufbau und in der Raumverteilung doch sehr viel Gemeinsames. Beide sind nur einstöckig, haben beide im Aufbau und in der Raumverteilung doch sehr viel Gemeinsames. Beide sind nur einstöckig, haben allenfalls unter sich noch ein kellerartiges Untergeschoß, das man nicht als Stockwerk bezeichnen kann. Beide sind ferner Schmalhäuser, wenn man so sagen darf, d. h. sie sind immer nur einen Raum tief, die Räume liegen nie hintereinander, sondern stets nebeneinander. Beim Satteldachhause erreicht diese Anordnung oft die Grenze des Praktischen und Nützlichen; ich habe Häuser gesehen, die aus fünf nebeneinander liegenden Wohnräumen bestanden, die zum großen Teil untereinander unverbunden waren, sondern jeder ihren besonderen Eingang vom Vorbau aus hatten. Vermehrt sich die Hausbewohnerschaft, etwa dadurch, daß erwachsene Söhne heiraten, so wird einfach ein Wohnraum in der Flucht der übrigen Räume angefügt. Abb. 21 zeigt solch ein in der Erweitung, genauer gesagt, in der Verlängerung begriffenes Haus, dessen Anbau seinen besonderen Eingang besitzt und im Inneren mit dem übrigen Hause keine Türverbindung aufwies. Man wird diesen Haustyp noch als recht primitiv betrachten dürften, da die Erweiterung, mathematisch ausgedrückt, nur eine Addition in fortlaufender Linie darstellt, noch keine nach zwei Richtungen sich auswirkende Multiplikation. Freilich habe ich auch zahlreiche Häuser beobachtet, die aus drei Räumen bestanden, jedoch nur eine in den Mittelraum führende Eingangstür hatten, von dem aus dann die beiden äußeren Räume erreichbar waren. Der Mittelraum stellt in diesem Falle eine Art Flur dar, der im allgemeinen nicht als Aufenthaltsraum dient. In der den Flur vom Wohnraume trennenden Wand bemerkte ich häufig etwa 1 ½ m über dem Fußboden ein ungefähr 40x40 cm großes Loch; eine dort

aufgestellte Lampe konnte dann beide Räume erhellen. Bei wohlhabenderen und allgemein bei neueren Häusern, besonders in der Ebene, fand ich gewöchnlich im Mittelraume durch eine dünne Wand noch ein kleines Zimmer abgetrennt (Fig. 48), in dem ich dann stets untergebracht wurde, ebenso andere Gäste. Da dieses Zimmer gewöhnlich zwei Drittel des Mittelraumes einnimmt, so bildet das übrigbleibende Drittel eine Art Korridor oder Entree, von dem aus alle drei Räume zu erreichen sind. Bei Häusern, deren Mittelraum nicht auf die angegebene Weise zweigeteilt ist, dient der rechts gelegene Raum gewöhnlich als Wohnzimmer für die Familie, der links gelegene als Gastzimmer. Ich habe aber auch die entgegengesetzte Anordnung beobachtet.

Die Wände des Satteldachhauses bestehen aus mit Lehm bekleidetem Flechtwerk von starken Ruten, das sich wagerecht um etwa ½ m auseinander stehende Pfosten schlingt. Ein im Rohbau befindliches Haus zeigt Abb. 22; die Aufnahme läßt das Balken- und Flechtgerüst des Ganzen gut erkennen und erübrigt eine nähere Beschreibung. Auch hier ist nur eine Eingangstür geplant. Es scheint dieser Hausplan eben mehr und mehr Platz zu greifen, d. h., man entschließt sich von vornherein zur Anlage eines dreiräumigen Hauses, dessen drei Zellen dann schon ein organisches Ganzes bilden.

Bei den Dächern herrscht das Walmdach im allgemeinen vor und zwar ist es stets ein Ganzwalm. Recht häufig kann man aber auch gerade abschneidende Dächer finden, deren Giebel dann meist durch Bretter verschalt ist. Gedeckt ist es durch Dachpfannen, die die Leute sich in primitiven Ziegelöfen selbst herstellen. Die Zimmerdecke wird durch einen Bretterbelag gebildet, der die das ganze Dachgerüst tragenden etwa 1 m auseinander stehenden Querbalken miteinander verbindet. Der Dachstuhl selbst ist weder bewohnt noch wird er irgendwie zur Aufnahme von Heu oder Stroh oder sonstigem Wirtschaftsgerät benutzt. Er ist auch gar nicht dafür eingerichtet; das erhellt schon daraus, daß weder eine Fenster- oder Käfferöffnung das Dach unterbricht, durch welche nach Art unserer landwirtschaftlichen

Praxis Wirtschaftgüter oben verstaut werden könnten, noch eine Treppe hinaufführt. Er kann nur mittels einer gewöhnlichen Leiter vom Vorbau aus erreicht werden, wobei man sich zwischen den die Zimmerdecke tragenden und nach der Vorderseite überstehenden Balken hindurchwinden muß.

Vergleicht man also das flachdachige Haus und das Satteldachhaus miteinander, so unterscheiden sie sich wesentlich nur in der Dachform, also nur im äußeren durch die Dachform doch hauptsächlich bestimmten Bilde, nicht aber in der Anlage der Räume. Denn auch das dreigeteilte Haus mit nur einem Eingang ist da und dort auch bei flachdachigen Häusern zu beobachten. Wichtiger als meine eigenen Beobachtungen ist mir hierfür das Zeugnis von Markowitsch, da dessen Angaben um fast 50 Jahre weiter zurückliegen, zu einer Zeit, als in Itschkerien das Satteldach anscheinend überhaupt noch nicht eingedrungen war, also russischer Einfluß bezüglich des Hausbaues wohl noch nicht angenommen werden kann. Er erwähnt ausdrücklich (S. 314), daß von dem in der Mitte gelegenen Flur eine Tür nach dem Gästezimmer, die andere nach dem Familienzimmer führe. Nach seinen Angaben besteht dagegen die Ssaklja der ärmsten Tschetschenen aus einem Zimmer und einem Flur (russ. «ssjeni»); das Zimmer sei in diesem Falle nur durch den Flur zu erreichen. Diese letztgenannte Form habe ich allerdings nur einmal angetroffen, in Chotscharoi. Sonst, wie schon ausgeführt, hatten beim zweiräumigen Hause die Zimmer keine Verbindungstür, doch lagen die von beiden Zimmern nach dem Vorbau führenden Türen direkt nebeneinander, um den Weg von einem Raum in den anderen abzukürzen. Es ließe sich also aus den Angaben von Markowitsch entnehmen, daß die Tschetschenen von selbst ohne russischen Einfluß zur erwähnten Dreiteilung des Hauses mit der Fluranlage in der Mitte übergegangen sind. Man hat also auf das altgewohnte flachdachige Haus nur das ziegelgedeckte Satteldach aufgesetzt, da es für das regenreiche Klima geeigneter war. Wie wenig die Tschetschenen dabei umzulernen brauchten, geht vor allem auch aus der Anlage des Vorbaus hervor, die auf genau dieselbe Art wie beim

flachdachigen Hause erfolgt. (Abb. 22), d. h. durch überstehende Querbalken, die auf einem Balken aufruhen, der seinerseits von einer Säulenreihe getragen wird. Hier wie dort ist der Vorbau organisch mit dem Hause verbunden, beide Teile sind von demselben Dache überschattet. Die Anzahl der Querbalken ist natürlich wesentlich vermindert, da sie sie Last des Erddaches nicht mehr zu tragen brauchen; ebenso fehlt der im flachdachigen Hause unter den Querbalken gewöhnlich noch durchgezogene starke Längsbalken («matiza» der Russen; tschetschenisch: «dukaha»).

Wir haben es also im Grunde vielleicht nicht mit einer neuen Hausform, sondern nur mit einer neuen Dachform zu tun, und diese Tatsache erklärt uns nun auch das ungewöhnlich schnelle Vordingen des Satteldachhauses. Eine wirklich andere Hausform hätte sich wohl kaum so schnell durchsetzen können.

Der Kamin, der vom flachdachigen Hause beschrieben wurde, in dem er aber häufig schon fehlt, verschwindet im Satteldachhause völlig. Während er aber in der Ssaklja durch den kleinen Eisenofen mit dem langen Blechrohr ersetzt wird, tritt im Satteldachhause eine andere gemauerte Ofenform auf, wie sie in Fig. 49 wiedergegeben ist. Der Ofen ist aus Lehm gemauert, stets geweißt, steht auf kurzen Füßen und ist bei seinem verhältnismäßig geringen Gewicht transportabel. Beim dreiräumigen Hause ist er gewöhnlich an die den Wohnraum vom Flur trennende Wand fest angebaut. In diese Wand ist dann an dieser Stelle ein etwa ¼ qm großes Eisenblich eingebaut, welches die Wärme nach dem im Flurraume, wie oben ausgeführt, noch eingerichteten kleinen Gastzimmer weiterleitet. Die Behaglichkeit dieses kleinen Raumes wird dadurch wesentlich erhöht; der Gast braucht durch das Anheizen des Ofens und die Speisenzubereitung nicht gestört zu werden. Auffällig ist, daß das Rauchabzugsrohr nicht vom hinteren, sondern vorderen Ende des Ofen ist vorn unverschlossen; die Töpfe werden daher oft vorn an das offene Feuer gestellt, obwohl auch in der oberen Decke hinter dem Rauchrohr gewöhnlich entweder eine Platte oder ein Kessel eingesetzt werden können. Das behagliche offene Feuer und die starke

Wärmkraft dieses Öfchens machen es sehr beliebt und sichern ihm weite Verbreitung. Nach Angaben der Tschetschenen haben sie diese Form von den Russen übernommen; sie benennen ihn auch mit dem russischen Worte «peč», das sie allerdings «peŝ» aussprechen. Es wäre interessant festzustellen, seit wann dieser Ofen bei den Russen anzutreffen ist. Ich habe ihn noch nirgends abgebildet oder beschrieben gefunden und bei Betrachtung seiner Form kommt mir fast der Gedanke, daß es sich hier um eine in Lehm ausgeführte Nachbildung des kleinen Eisenofens handelt.

Einen Schornstein bisitzt das Haus nicht; man begnügt sich damit, den Rauch nur durch die Zimmerdecke nach dem Dachstuhl zu leiten und ihn dort durch die Ritzen des Daches entweichen zu lassen.

Bei dieser Gelegenheit sei noch ein anderer Ofen erwähnt, der allerdings mit dem Hausbau nichts mehr zu tun hat, nämlich der Maisröstofen. Im Gegensatz zu dem eben erwähnten betrachten ihn die Tschetschenen als ihre eigene Erfindung, was wohl mit Vorsicht aufzunehmen sein wird. Sie nennen ihn «kürk». Er ist ebenfalls aus Lehm errichtet und unterscheidet sich vom «peŝ» dadurch, daß er größer und schwerer ist, keine Füße und keinen besonderen Rauchabzug besitzt. Da er im offenen Schuppen steht, ist ein solcher auch nicht erforderlich; der Rauch entweicht zur vorderen Öffnung hinaus (Fig. 50). Der Boden Ofenhöhle ist durch einen etwa 10 cm hohen, schmalen Wall der Länge nach in zwei ungleiche Teile gesteilt. In dem kleineren wird das Feuer angelegt, in dem größeren der Mais ausgebreitet und unter ständiger Umlagerung bald näher, bald weiter an das Feuer herangeschoben. Die Körner werden nämlich vor dem Mahlen geröstet. In Tätigkeit habe ich solch einen Ofen nicht gesehen, mir wurde der Vorgang jedoch in der angegebenen Art beschrieben.

In den Bergen steht das Satteldachhaus gewöhnlich frei da, ohne eine Hofeinfassung, genau so, wie die Ssaklja; die Ställe und sonstigen Wirtschaftsräume befinden sich entweder in dem kellerartigen Untergeschoß, das zur Ausgleichung des unebenen Bodens erforderlich ist (Abb. 21), oder in Anbauten. In der Ebene war nach den Erzählungen

der Leute das Anwesen rings umfriedet von einem Flechtzaun; zwischen ihm und dem Hause befand sich ein kleiner Maisgarten, in dem nach der Ernte das Maisstroh der Felder in dicht beieinander stehenden Puppen aufgestellt wurde. Von außen führte durch die rechtwinklige Anordnung der Wirtschaftsgebäude gebildet. Nach hinten, also dem Wohnhaus gegenüber, ist er meist nur durch einen Flechtzaun abgeschlossen, an den sich ein größerer umzäunter Raum anschließt, in dem das Maisstroh aufgestellt wird. Der größte Teil des Strohes bleibt auf den Feldern stehen und wird nur nach Bedarf hereingeholt. Stroh- oder Getreidescheunen kennt man nicht. Die zur Aufnahme des Wirtschaftsgerätes bestimmten Schuppen sind gewöhnlich nur nach außen durch eine rohe Bretterwand abgeschlossen und nach der Hofseite meist offen. In einem Teile des Schuppengebäudes ist eine feste Tenne angelegt, die nach dem Hofe zu durch eine halbmeterhohe Lehmmauer abgeschlossen ist; hier werden die Maiskolben ausgeschlagen und die Körner im «kürk» geröstet. Ebenso steht hier auch ein «peŝ», in dem während des heißen Sommers gekocht wird, um dem Hause die angenehme Kühle zu erhalten. Im Hofe oder auch in den offenen Schuppenräumen stehen auf niedrigen Pfählen große Maiskolbenkörbe, die durchschnittlich 1 ½ m hoch, 3—4 m lang und ½ m breit sind; wesentlich größere sind häufig. Sie sind gewöhnlich durch ein kleines Ziegeldach geschützt oder durch Maisstroh abgedeckt. Ein ebensolches Dach erhebt sich auch über dem Hoftore (Abb. 21).

Wenn auch die Wohnhäuser meist an der Straßenseite stehen, so sind sie doch grundsätzlich nur vom Hofe aus zugänglich, und da die Straßenfront der Häuser im allgemeinen auch keine Fenster hat, so wirken die Straßenzüge der Dörfer in der Ebene ziemlich öde und langweilig. Betreffs der Siedlungsform in der Ebene s. S. 18.

C. Einzelvorkommen anderer Hausformen bzw. Unterkunftsarten

1. Lehmhäuser mit leicht gekrümmtem Erddach. Ein solches fand ich in dem großen Dorfe Staraja Ataga am linken Argunufer unweit des Gebirgsfußes. Seine Wände waren aus Lehmpatzen aufgeführt, die mit

Stroh oder Häcksel untermengt waren. Ein Holz- und Flechtwerkgerüst wie beim Satteldachhause konnte ich nicht feststellen; die Wand war sehr roh und kunstlos gemauert und wies ziemlich starke Unebenheiten und Krümmungen auf. Das Haus hatte rechteckigen Grundriß und war in zwei Räume geteilt, die durch eine dicht an der Vorderwand des Hauses gelegene niedrige Tür mit einander verbunden waren. Die Haustür führte in den rechts gelegenen Raum, in dessen Rückwand ein großer Kamin der in den Ssakli üblichen Art angebracht war, auf dessen Vorderseite ein mondsichelartiges Zeichen mit darunter befindlichem Punkte erhaben herausgearbeitet war. Die Krümmung des Daches wurde durch die Form der beiden Schmalwände des Hauses erreicht, deren obere Kanten sich in leichtem Bogen knapp ½ m über die Seitenwände erhoben. Das Dach selbst wurde von zwei Längsbalken getragen, die etwa 1 ½ m von einander entfernt auf den Schmalseiten beiderseits von deren Scheitelpunkten aufruhten. Das Dach wurde dadurch in drei Teile geteilt, deren jeder durch eine Lage starker Knüppel von entsprechender Länge abgedeckt war, die ihrerseits in üblicher Weise noch mit Reisig und Stroh bedeckt nun das Erddach trugen, dessen Rundung die Kanten des dreiteiligen Dachgerüstes nicht mehr erkennen ließ. Eine Zimmerdecke gab es natürlich nicht; man erblickte über sich direkt das Dachgerüst mit den Knüppellagen. Ein Vorbau existierte zwar, war aber naturgemäß nicht organisch mit dem Hause verbunden, sondern nur äußerlich angefügt. Vorbau und Haus lagen völlig zu ebener Erde.

Außer dem erwähnten Beispiel aus Ataga habe ich solche Häuser anderwärts nicht mehr angetroffen, wenn ich von einigen Häusern in Benoi und Nicheloi absehe, die mir ebenfalls gekrümmte Dächer zu haben schienen; ich konnte sie aber nur aus einiger in Itschkerien in größerer Zahl vorhanden zu sein, da sie Markowitsch erwähnt und auch eine Zeichnung von ihnen gibt, die im großen und ganzen dem von mir beschrieben Hause entspricht. Wichtig ist die Bemerkung von Markowitsch, daß derartige Dächer erst in neuerer Zeit aufträten, d. h. also in den letzten Jahrzehnten des vorigen Jahrhunderts und zwar bei

den Wohlhabenderen. Ich kann mir diese Erscheinung nur so erklären, daß die Itschkerier die Nachteile des flachen Erddaches erkannten und von sich aus zur Itschkerier die Nachteile des flachen Erddaches erkannten und von sich aus zur Konstruktion eines für ihr regenreicheres Klima geeigneteren Daches übergingen, was sie auf die beschriebene gewiß sehr einfache Weise erreichten. eine ganz ähnliche Erscheinung erwähnt Kuftin (S. 43) auch aus der Krim, wo im Bereiche der flachdachigen Häuser an der Südküste zuweilen leicht gekrümmte Erddächer auftreten. Die Krümmung des Daches wird dort allerdings durch erhöhte Anbringung nur eines Längsbalkens erreicht, so daß das Dach also nur aus zwei Teilen besteht. Markowitsch schildert nur die itschkerischen Wohnungsverhältnisse; es darf aber angenommen werden, daß das Haus mit dem gekrümmten Erddache auch in der Ebene größere Verbreitung gehabt hat, wie das Beispiel von Ataga beweist.

Die Häuser nördlich des Tschetschenengebietes in der Kumüken-Ebene und am Terek wurden mir als Ssakli aus luftgetrockneten Lehmziegeln (russisch. «ssamanyja») oder Flechtwerk mit niedrigen, lehmverschmierten Schilfdächern geschildert. Wieweit das zutrifft und ob diese Häuser mit der eben beschriebenen Hausform in Verbindung gebracht werden können, muß ich dahingestellt sein lassen.

Zu einer Vorherrschaft dieses Hauses in den Bergen kam es aber nicht mehr, da etwa zur gleichen Zeit – vorausgesetzt natürlich, daß die Angaben von Markowitsch zutreffen, was die Zeit des Auftretens des leicht gekrümmten Erddaches anbelangt – auch das Satteldach bekannt wurde, dem noch größere Vorzüge innewohnten.

2. Blockhütten. Die einzige Stelle, an der ich Blockhütten antraf, liegt südlich von Benoi im entlegensten Teile Itschkeriens etwa an der oberen Waldgrenze kurz vor dem Aufstieg auf die Andische Kette. Es lagen hier etwa 10 Hütten nebeneinander, die aber alle schon verlassen waren und als Viehställe und Hirtenwohnungen der Almwirtschaft der unteren Dörfer gedient haben mochten. Da ich mich einer Gruppe von Daghestanern angeschlossen hatte, so konnte ich

mich nicht länger bei den Hütten aufhalten und weiß nur anzugeben, daß sie etwa quadratischen Grundriß hatten, die Balken der Wände wagerecht übereinander geschichtet waren, Fenster fehlten und ein flaches mit Erde bedecktes Dach vorhanden war. Leider versäumte ich es, darauf zu achten, auf welche Weise die Balken in den Ecken miteinander verschränkt waren. Das ganze Häuschen hatte Würfelform.

Wenn mir auch sonst im Tschetschenengebiet keine Blockhäuser mehr begegnet sind, so erwähnt doch Iwanow (Lit. Verz. 17, S. 53) um die Jahrhundertwende Holzhäuser aus Meredschoi im oberen Fortanga-Gebiet unweit der Grenze gegen Inguschien, das trotz seiner hohen Lage sehr waldreich ist. Man wird also mit der Möglichkeit rechnen müssen, daß zu der Zeit, da die berüchtigten itschkerischen Wälder noch in voller Unberührtheit standen, auch dort Blockhäuser weiter verbreitet waren, deren letzte Spuren noch in den erwähnten Sennhütten zu sehen wären. Analog diesen müßten auch die hypothetischen einstigen Blockhäuser flache Dächer gehabt haben, eine Annahme, zu der man sich wohl nur mit Widerstreben entschließen wird. Ohne Beispel wäre das jedoch nicht; flachdachige Blockhäuser existieren z. B. im Hindukusch bei den Kafiren.

An und für sich sind Blockhäuser am Nordhange des Kaukasus nichts Fremdes; sie finden sich z. B. bei Osseten und Karatschaiern, dort allerdings mit niedrigem Satteldache.

3. Erdhütten. Eine Gruppe von Erdhütten traf ich auf den Almen am Nordhange des Kerket-Zuges auf dem Wege bzw. Pfade von Siwerchi nach Rigachoi in Tschaberloi und nach dem See Esen-am. Auch diese dienten nur als Sennhütten, waren allerdings Anfang November noch bewohnt. Die, in der ich einkehrte bestand aus einem rechteckigen Raum von etwa 5 und 8 m Seitenlänge, der im Mittel ebenso tief in die Erde hineinreichte, wie er über sie hinausragte. Weiter bergeinwärts war ihr Dach fast dem Erdboden in gleicher Höhe, während es am Eingang etwa 1 ½ m darüber hinausragte. Abgedeckt war das ganze durch ein flaches, aus starken Stangen gebautes Dach, das durch einige Säulen gestützt wurde. Das Innere war in zwei ungleiche Räume für

Hirten und Herde geteilt. Ersterer hatte eine kaminartige Nische in der Wand rechts neben dem Eingang, in der ein offenes Feuer loderte, der Rauch entwich durch eine Dachluke. Ein Konstruktionsteil für sich war der Eingang, der durch einen etwa 2 m langen, überdachten, laubenartigen Gang gebildet wurde, dessen Sohle sich leicht nach unten senkte. Das Ganze war sowohl oben als auch seitwärts mit Erde bedeckt und außerdem noch mit dem schon erwähnten Mistfladen-Feuerungsmaterial. Die Türöffnung war gleichzeitig die einzige Lichtöffnung.

Das Ganze erinnerte mich lebhaft an die Erdhütten der Tataren und Armenier in den nördlichen Randgebirgen des armenischen Hochlandes, die ich 1918 kennengelernt hatte. Besonders gilt dies für die Form des Einganges. Das Innere war bei jenen ständigen Wohnungen freilich viel wohnlicher. Aus anderen Gebieten das Großen Kaukasus sind meines Wissens bisher keine derartigen Erdhütten bekannt geworden.

4. Höhlenwohnungen. Eine Höhlenwohnung fand ich im leicht verkarsteten Kalkgebirge südlich von Siwerchi, an demselben Wege gelegen, der an den Erdhütten vorbei führt. Die Höhle war durch einen mit Kalkanstrich versehenen Bretterverschlag ziemlich gut abgeschlossen, in dem außer der Tür auch eine Lichtöffnung eingesägt war. Leider gestatteten die im übrigen sehr freundlichen Bewohner aus irgend einem Grunde nicht, einen Blick hinter den Bretterverschlag zu tun. Eine tiefe Höhle daneben diente als Schafstall. Daß die Leute, wie es schien, ständig hier wohnten, muß irgendwie seinen besonderen Grund gehabt haben, da ich sonst von gegenwärtig noch benutzten Höhlenwohnungen nichts erfahren habe. Doch besteht Grund zu der Annahme, daß die zahlreichen Höhlen des Kalkgebirges früher tatsächlich als Wohnungen gedient haben. Manche Sage deutet darauf hin. In der Nähe von Akki soll sich in steiler Felswand in beträchtlicher Höhe über dem Erdboden eine Höhle befinden, an der noch jetzt die Spuren eines kleinen Holzbalkons zu erkennen sein sollen. Sie soll von unten wie auch von oben nur durch ein System von Leitern erreichbar

gewesen sein. In dieser Höhle hauste einst ein tapferer Tschetschene mit seinem jungen Weibe, der viele Feinde im Lande hatte. Als man ihn einst erschlagen heimbrachte, da warf sie die Leitern in die Tiefe und stürzte sich selbst hinterer.

Ebenso erwähnt Iwanow (Lit. Verz. 17, S. 53) in der Nähe von Chalcharoi (Galantschotsch) einige zwanig früher angeblich bewohnt gewesene Höhlen; auch bei Jalcharoi soll es einige geben.

5. Russische Eingangslauben und Fensterzeichen. In den Dörfern der Ebene unweit Grosny und in den Kreismittelpunkten Schatoi und Wedeno sind die Verwaltungsgebäude gewöhnlich in der aus den russischen Ständen bekannten Hausform erbaut, d. h. als kastenförmige ein- oder zweistöckige Steinhäuser mit blechgedeckten Zeltdächern. Besonders die überall neu erstehenden Schulen werden in dieser Form gebaut und heben sich aus der Masse der Eingeborenenhäuser schon von weitem heraus. Aber auch die tschetschenischen Satteldachhäuser weisen in diesen Dörfern zuweilen rein russische Elemente auf (russisch in dem Sinne, daß sie von den Russen übernommen wurden). Dazu gehören vor allem die kleinen Giebellauben, die über der zur Haustür hinaufführenden kleinen Treppe angebracht sind. Dieselben sind gewöhnlich an den Seiten nur durch ein niedriges Geländer eingefaßt und ruhen vorn auf zwei Säulen. Meist sind sie recht hübsch stilisiert; auffällig ist besonders die Ausfräsung oder Rillung der Laubendecke in ihrer vorderen Hälfte, die ich in fast genau derselben Ausführung verschiedentlich beobachtete. Ähnlichen Lauben begegnet man ja allenthalben, wenn auch in etwas anderer Form, in Polen und Masuren.

Die Enden der Dachtraufen sind stets in origineller Weise aufgeschnitten und gezahnt, so daß das Bild eines zähnestarrenden Rachens entsteht. Zuweilen hängt ein Stück Eisenband aus dem Rücken des Rohrendes flügelförmige Blechstücke angebracht; das Ganze soll wohl die Nachbildung eines Drachens sein.

In den Städten Petrowsk, Grosny, Wladikawkas und Rostow fand ich diese Laube bzw. ihr Dach auch an Steinhäusern. Es fehlten dort jedoch

die senkrechten Stützen; das Dach wurde durch schräge Untersteifungen getragen, die in der Mauer befestigt waren.

Russischer Herkunft dürfte auch eine Art von Fensterornamenten sein, die ich in den großen Dörfern der Ebene öfters bemerkte und zwar an der oberen Holzumrahmung der Außenseite der Fenster. Sie schienen nicht erhaben aus dem Holze herausgearbeitet, sondern aufgenagelt zu sein. Es gibt zahlreiche verschiedene Formen; ich war anfangs geneigt, sie für Hausmarken oder dergl. zu halten, man erklärte mir jedoch, daß dieser Brauch nur von den Tischlern ausginge. Während es sich hierbei um Formen geometrischer Art handelt, bemerkte ich in der deutschen Kolonie Michelsdorf bei Wladikawkas auch dem Tier- und Pflanzenreich entlehnte Formen, Vogelgestalten (Doppelvögel), Palmenoder Tannenzweige und Ähnliches.

III. Grundzüge der tschetschenischen Wohnungseinrichtung. Die Wohnungseinrichtung der Tschetschenen ist in den verschiedenen Haustypen in den Grundzügen dieselbe. Verschiedenheiten treten in der Hauptsache nur insofern auf, als mit Annäherung an die Ebene die einheimischen Gegenstände mehr und mehr von modernen russisch-europäischen verdrängt werden, bis in der Nähe von Grosny und in manchen verkehrsgünstig gelegenen Orten der Berge fast nur noch die letzteren anzutreffen sind. Da hier natürlich nur die einheimischen Gegenstände beschrieben werden, so gilt die Darstellung vor allem für das höhere Gebirge, d. h. für den Bereich der Ssakli und Turmbauten.

Was zunächst die Anordnung der tschetschenischen Wohnungseinrichtung, die Verteilung der Möbel auf den Zimmerraum anbetrifft, so darf folgendes als Regel gelten. Die Vorderwand, in der sich die Eingangstür von der Veranda aus befindet, wird in der Mitte durch den breiten Kamin eingenommen, während die Tür an der Seite bleibt (Fig. 51). Die von der Tür am weitesten entfernt liegende Seitenwand wird in ihrer ganzen Länge durch eine sogenannte «Tachta», eine etwa 1 m breite und knapp ½ m hohe feste Holzpritsche eingenommen, die Rückwand durch ein mehrstöckiges Holzregal zur

Aufnahme von Geschirr, Decken und Polstern und die andere der Tür am nächsten liegende Seitenwand meist durch einen der großen Getreide- oder Mehlkästen und eventuell noch einige kleinere Geräte. Über der Tachta hängen an Nägeln Waffen, zuweilen auch Kleider und Pferdegeschirr. Die Mitte des Raumes ist frei, niedrige Schemel und Stühle stehen um den Herd. Teppiche als Bodenbelag sind in den entlegenen Gebirgsgegenden nicht üblich.

Die Tachta ist bei den ärmeren mit den landesüblichen Schafpelzen oder mit selbstgefertigten woilachartigen Filzdecken bedeckt, bei den wohlhabenderen durch die bekannten orientalischen Teppiche, die jedoch von den Tschetschenen nicht selbst hergestellt werden; meist sind es daghestanische Erzeugnisse. Die Tachta ist die allgemeine Schlafstätte; was auf ihr nicht Platz hat, schläft auf dem Fußboden. Tagsüber dient sie aber vor allem auch als Sitzgelegenheit. Kommen Gäste, so wird auf ihr auch das Mahl eingenommen, während man sich sonst zu diesem Zweck am Herde niederläßt. Man sitzt dabei auf kunstlosen dreibeinigen Schemeln mit halbkreisförmiger Sitzplatte; in den entlegenen Hochgebirgstälern gibt es neben diesen eine andere Form mit meist einfach ornamentierter Vorderseite, dreieckiger Sitzfläche und schmaler, lattenförmiger Rückenlehme (Fig. 52), die ich ebenso bei den Chewsuren von Schatil sah. Die bei den Orientalen sonst übliche Hockerstellung habe ich bei den Tschetschenen nur selten beobachtet, dagegen ständig bei den Aserbeidschaner Tataren. Bänke habe ich nirgends gefunden.

Was die Schlafgelegenheiten anbetrifft, so sei noch erwähnt, daß es auch Bettkästen gibt, die in ihrer Form ungefähr unseren Bettstellen entsprechen, also eine höhere Vorder- und Rückenwand haben, deren obere Kante in einem Falle in der aus Fig. 35 ersichtlichen Art gestaltet war. Ich fand sie aber meist nur im Gastzimmer stehen, wo sie mir auch als Lagerstätte angeboten wurden, was ich jedoch angesichts ihrer geringen Länge nach Möglichkeit ablehnte. Ich möchte fast glauben, daß sie zum kaukasischen Kulturgut gehören und zwar aus dem Grunde, weil ich sie auch in armseligen daghestanischen Dörfern (z. B. Tad-Inchu am Andischen Koissu) und vor allem auch bei den Schatiler Chewsuren fand, bekanntlich den wildesten und ursprünglichsten aller Kaukasier, bei denen also von einem etwaigen neueren europäischen bzw. russischen Einfluß kaum die Rede sein kann. An und für sich sind diese Bettkästen nicht allzu häufig.

Hochbeinige Tische mit großer rechteckiger Platte kommen nur in den Dörfern der Ebene oder den Verkehrsmittelpunkten der Berge

vor und sind als russische Entlehnung anzusehen, wenn sie auch schon von den Tschetschenen selbst gezimmert werden. Für das ursprüngliche tschetschenische Haus ist ein kaum ½ m hohes, dreibeiniges, rundes Tischchen bezeichnend, das für gewöhnlich irgendwo in der Ecke steht, bei Gästebesuch jedoch an die Tachta herangeholt wird und als Eßtisch dient; einen anderen Zweck hat es nicht zu erfüllen (Fig. 53). In selteneren Fällen kann die Tischplatte auch erhöhte Ränder nach Art einer Schüssel haben; wir werden es also im Grunde genommen nur mit einer auf Beine gestellten Eßschale zu tun haben, d. h. wohl der Urform des Tisches überhaupt. Nicht zu zweifeln ist an dem Eßnapfcharakter des in Fig. 54 wiedergegebenen Tischchens, das rechteckige Form hat. Es war außerordentlich fest und sorgfältig gearbeitet und konnte ohne weiteres auch Flüssigkeiten aufnehmen. Auffällig sind sie rokokomäßig geschweiften Füße; in Querschnitt zeigten sie einen Halbkreis, wobei die glatte Fläche nach innen, die runde nach außen gedreht war. Nicht erklären konnte ich mir eine ösenartige Durchbohrung am unteren Ende der Füße, die rechteckige Form hatte; vielleicht wurde ein Lederriemen hindurchgesteckt und das Tischchen daran aufgehängt. Diese Schüsseltische – so wird man sie wohl nennen können – erscheinen auch am anderen Ende des zentralen Kaukasus, nämlich bei den Swanen; man wird daraus schließen dürften, daß sie auch bei den zwischen Tschetschenen und Swanen wohnenden Völkern in Gebrauch sind. Nach Merzbachers Abbildung (Bd. I, S. 448) haben die swanischen länglich rechteckige Form, stehen auf vier Füßen, die paarweise gabelförmig gegeneinander gestellt sind, und sind anscheinend roher gearbeitet. Die Swanen benutzen den Schüsseltisch beim Leichenmale. Analog werden wohl auch die tschetschenischen und chewsurischen Schlüsseltische kultischen Zwecken dienen bzw. gedient haben. (Das erwähnte rechteckige, schön gearbeitete Stück mit den Fußösen fand ich zwar im kistischen Mälchisti in der Einzelfestung Ikischlo oder Ikiltsche, nach Aussage der Besitzer stammte es aber aus dem benachbarten chewsurischen Schatil).

Parallelerscheinungen hierzu finden sich wiederum auf dem Balkan, wie die Abbildung einer bosnischen Küche bei Buschan II, S. 93 zeigt; die niedrigen, runden Eßtische hängen dort an den Wänden. In Albanien treten nach Nopcsa (S. 102) an Stelle der Füße niedrige Leisten, die die runde Platte um etwa eine Spanne vom Boden erheben. Analoge Tische sind nach Mitteilung von Herrn Prof. Schultz in ganz Mittelasien verbreitet. Bei einem latene-zeitlichen Pfahlbau im Etschtal fand sich nach Haberland (Buschan II, II S. 485) eine rechteckige Schüssel mit Resten eines Füßchens.

Von dem aus Holz gearbeiteten Eßgeschirr sind die großen schweren Teller besonders interessant, die über ½ m Durchmesser erreichen, dabei aber aus einem Stück gearbeitet sind. Hergestellt werden sie mittels besonderer kleiner Wassermühlenanlagen, die auch Markowitsch aus Itschkerien beschreibt. Aufein senkrecht stehendes Schaufelrad ergießt sich aus einer vom Bach abgeleiteten Rinne ein kräftiger Wasserstrahl, wodurch eine horizontale Achse, auf die das Rad aufgesetzt ist, in drehende Bewegung versetzt wird. Am anderen zugespitzten Ende der Achse wird nun die dicke Stammscheibe aufgesetzt, die zu einem Teller verarbeitet werden soll. Ausgehöht wird das rotierende Stück durch ein am oberen Ende hakenartig umgebogenes Messer. Das Ende der Achse, an dem der in einer Vertiefung sitzende Meister arbeitet, befindet sich gewöhnlich unter einem Schutzdach.

Die großen Teller sind besonders dadurch interessant, daß in ihrer Mitte oft noch ein kleiner Napf sitzt, der aber nicht aufgenagelt ist, sondern mit dem Teller aus einem Stück herausgedreht ist (Fig. 55). Auf diesen Tellern wird gewöhnlich dem Gast das Essen serviert; während rings auf der Tellerfläche die Fleischstücke, flachen Mehlklöße («chingal») und Brotstücke liegen, nimmt der kleine Napf die stark gesalzene und mit Zwiebeln angesetzte Fleischbrühe auf, in welche die an sich ungesalzenen Klöße und auch die Fleischstücke eingetunkt werden.

Denselben Teller fand ich auch einmal in Kupfer gearbeitet, wobei der kleine Napf natürlich aufgelötet war. Da tschetschenische Meister solche Arbeit nach meinen Beobachtungen nicht ausführen, so war es jedenfalls ein daghestanisches Stück. Als eingraviertes Ornament zeigte er die sogenannte Palmette, die im Tschetschenengebiet fremd ist, nach Baklanow (Lit. Verz. I, S. 52) jedoch von den Kubatschier Edelmetallschmieden verwandt wird und sonst im Orient anscheinend weit verbreitet ist. Ebenso dürften die Mittelnapfteller wohl eine größere Verbreitung haben.

Diese großen schweren Holzteller und damit die Art ihrer Herstellung kommen jedoch immer mehr und mehr ab, da die Waldvernichtung immer weiter um sich greift und Bäume der erforderlichen Stärke nur noch an schwer zugänglichen Stellen zu finden sind. Vor allem aber dringt mehr und mehr europäische Fabrikware in die Berge ein, die wesentlich billiger kommt als die mühsam mit primitiven Mitteln hergestellten Holzgefäße des tschetschenischen Meisters.

Neben den großen existieren natürlich noch andere kleinere Teller, Näpfe und Tassen aus Holz. Ebenso werden auch Löffel geschnitzt, die aber nicht die breite, spitzenlose Form des Löffels haben, wie er in Rußland und Polen von der Landbevölkerung benutzt wird, sondern die unseres Eßlöffels. In jedem Hause gibt es auch einen großen, langgestielten Löffel mit breiter, flacher und mehrfach durchbohrter Schale, der zum Herausholen der Maisklöße aus dem kochenden Wasser bestimmt ist.

Die Löffel stecken gewöhnlich in einer durchbohrten Leiste, die z. B. an den großen Vorratskästen angenagelt sein kann. Öfters noch ist diese Leiste auf ein besonderes, an der Wand aufgehängtes Brettchen befestigt, das meist in einer Spitze ausläuft und gezahnte Ränder hat. (Fig. 56).

Von den Gerätschaften des Herdes wurde schon die Herdkette erwähnt (Fig. 57). Sie hat gewöhnlich über 1 m Länge und kann sehr verschieden stark sein. Der untere Haken zum Anhängen des Kessels

kann z. B. handbreit werden. Das Eisen ist stets eigenartig gedreht und gezogen. Ein leichterer Haken in den unteren Kettengliedern kann nötigenfalls weiter oberhalb eingehakt werden und damit eine Verkürzung der Kette herbeiführen bzw. ein Höherziehen des Kessels. Die Kette soll früher einmal das Symbol nicht bloß des Herdes, sondern des ganzen Hauses gewesen sein und galt als heilig; sie wurde daher auch nicht verkauft. Ich weiß das indes nur aus der Literatur; selbst habe ich davon nichts mehr feststellen können; mag sein, daß es früher einmal der Fall war. Ich konnte ohne Mühe eine Kette erstehen. Wenn man sich in anderen Fällen dagegen sträubte, so wohl nur deswegen, weil man sich ungern von der schönen, starken Kette, der einzigen ihrer Art in der tschetschenischen Wirtschaft, trennen wollte.

Von den alten Herdgeräten erwarb ich noch einen schweren geschmiedeten Haken, dessen drei Zinken am Ende in kurze Häkchen ausliefen. Der ebenfalls eiserne, gedrehte Stiel war ½ m lang (Fig. 57). Über die Verwendung dieser Haken kann ich keine Angaben machen, da ich sie nie im Gebrauch gesehen habe.

Die Töpfe haben alle eine mehr oder weniger bauchige Form, mit dem größten Durchmesser in der oberen Hälfte, niemals eine rein zylindrische. Eine Sonderform hatte ein Kesseltyp, der etwa 40 cm Durchmesser hatte und die Form einer hohlen Halbkugel besaß (Fig. 58). Statt der Henkel hatte sein oberer Rand einen etwa 10 cm breiten, horizontal nach außen überstehenden Kragen, der durch Lücken in drei Teile gegliedert war. Mangels einer ebenen Aufsatzfläche stand er auf drei etwa fingerlangen, spitz zulaufenden Zapfen. Derartige Kessel werden im Daghestan, z. B. in Kubatschi gegossen, von wo er auch wohl stammen mochte. Auf dem erwähnten Kragen fand ich das in Fig. 59 wiedergegebene Ornament eingraviert; vielleicht sollte es auch ein Meisterstempel sein.

In den Turmdörfern Mälchistis fand ich auch verschiedentlich riesige Kupferkessel von fast 1 m Höhe und ¾ m größtem Durchmesser von ebenfalls leicht bauchiger Form (Fig. 60). Sie waren aus etwa 15 cm breiten, einander überdeckenden, senkrecht angeordneten langen

Platten zusammengenietet; die einzelnen Nieten standen nur 5 cm auseinander. Sie dienten dort zur Aufbewahrung von Getreide. Ursprünglich aber wurde in ihnen Bier gebraut, eine Sitte, die ja von vielen kaukasischen Bergvölkern bekannt ist, auch von mohammedanisch gewordenen. Mir wurde es z. B. einmal im kasikumuchischen Dorfe Chosrek vorgesetzt; ebenso trank ich es bei den Chewsuren. Freilich glaubte ich ganz und gar nicht, ein frisches Erlanger oder Münchener zu trinken, wie Radde gelegentlich seiner Chewsurenreise schreibt; es schmeckte mir im Gegenteil recht fade und leer. Radde beschreibt den Brauprozeß der Chewsuren näher (Lit. Verz. 36, S. 221) und erwähnt dabei, daß derartige Kessel in Telaw in Kachetien genietet würden; ihr Wert sei (im Jahre 1876) auf 100—200 Rubel zu schätzen. Sicher werden solche Braukessel aber auch im Daghestan angefertigt.

Schnaps aus Getreide wird bei den Kisten noch beute gebrannt; besonders gerühmt wurde mir der von Maisti. Allerdings habe ich auch diesem Gebräu, das mir mit vielem Stolz und erwartungsvoller Miene von den biederen Gebirglern vorgesetzt wurde, keinen Geschmack abgewinnen können, gestehe jedoch gern, daß ich in dieser Frage nicht allzu sachverständig bin.

Von den Chewsuren, Osseten und Swanen wissen wir, daß der Gebuß von Bier und Schnaps bei kirchlichen Feiertagen und ebenso bei Familienfesten, zu denen auch Leichenfeiern gehören, eine große Rolle spielt, daß ihm also eine kultische Bedeutung zukommt. Mit ähnlichen Verhältnissen werden wir auch für frühere Zeiten bei den Tschetschenen zu rechnen haben, in den Hochgebirgsgauen vielleicht auch noch für die Gegenwart. Wenn mir auch Beobachtungen hierüber nicht zur Verfügung stehen, so dürfte doch diese Annahme nicht gegenstandslos sein bei der unmittelbaren Nachbarschaft der Chewsuren und angesichts der Tatsache, daß sich die Kisten vor nicht allzu langer Zeit noch ebenso zu einem Heidenchristentum bekannten wie die Chewsuren noch heute.

Besondere Beachtung verdienen die großen Holzkästen, Laden oder Truhen, wie man sie nun gerade nennen will. Sie sind in einem Hause oft zu mehreren Exemplaren vorhanden und stehen entweder an einer der Seitenwände im Zimmer oder unter dem Vorbau. Es gibt davon einen kleineren Typ, der hauptsächlich zur Aufnahme von Mehl dient, und «k'ien» (mit nasalem n) genannt wird, und einen größeren für Getreidekörner, Bohnen u. a. mit Namen «sser». Ersterer wird gewöhnlich über 1 m breit und 70—80 cm hoch (Fig. 61), letzterer kann gut 1 ½ m hoch werden und die Breite einer Zimmerwand ausfüllen. Gebaut sind sie in der Regel sehr solide und dauerhaft aus harten, starken Planken; daß sie ganze Generationen überdauern können, geht daraus hervor, daß die Leute oft nicht mehr wissen, welcher von ihren Vorfahren einst die Truhe gezimmert hat. Beim Bau der alten Kästen hat überhaupt kein Eisen Verwendung gefunden.

Das Gerüst wird durch die vier Eckpfosten gebildet, in die die Wandbretter eingefalzt sind und die gleichzeitig als Füße dienen. Ebenso bestehen die oberen und unteren Kanten der Wände aus Pfosten; Holznägel halten ihre Zapfen in den senkrechten Pfosten fest. Die Wandbretter sind gewöhnlich nicht über 1 m lang und 20 cm breit; es sind daher in den Seitenflächen der Kästen stammende Wandbretter sieht man zuweilen in den Wohnungen herumliegen.

Diese Kästen sind eine Hauptquelle für das Studium der tschetschenischen Ornamentik, die schon in einem besonderen Kapitel eingehender behandelt wurde. Bei der Verteilung der Ornamente über die Kastenfläche wird meist ein bestimmtes Schema insofern innegehalten, als die Eckpfosten gewöhnlich eckige Muster tragen, Rauten, ineinander liegende Winkel und dergleichen, die wagerechten Wandbretter dagegen Rundornamente. Die Technik wechselt dabei zwischen schönstem, sorgfältigem Kerbschnitt und roher Ritzung; ohne jedes Ornament sind die Kästen höchst selten. Doch diese schöne Volkskunst scheint mehr und mehr zu verschwinden, da das heutige Geschlecht weder die Fähigkeit noch die Lust dazu hat. Ein Tschetschene meinte geradezu, die Leute müßten früher doch furchtbar

dumm gewesen sein, daß sie so viel Mühe an solch nutzlose Arbeit verschwendeten.

Das Vorkommen der Kästen, besonders der Kästen, besonders der großen «sser», beschränkt sich auf das höhere Gebirge, also auf den Bereich der flachdachigen Häuser und der Türme. Daß sie in Itschkerien und in der Ebene nicht üblich sind, hat offenbar hauptsächlich wirtschaftliche Gründe. Getreide, für dessen Aufnahme der «sser» vor allem in Frage kommt, wird dort nämlich nicht mehr gebaut, sondern fast nur Mais. Dessen Kolben werden aber nur nach Bedarf ausgeschlagen und die Körner dann sofort vermahlen; aufbewahrt werden die Kolben in den, wie schon erwähnt, im Hofe auf Pfählen stehenden hohen Körben. Vielleicht aber ist die Aufbewahrung des Getreides in Kästen überhaupt eine Besonderheit der Wirtschaft des Gebirgsbauern. Da bei ihm naturgemaß die Viehzucht den wichtigsten Wirtschaftszweig darstellt, sein Ackerland dagegen meist so gering und dürftig ist, daß es den jährlichen Getreidebedarf der Familie nicht decken kann, so können ein oder mehrere Kästen den gesamten Ertrag mit Leichtigkeit aufnehmen. Der Bauer der Ebene dagegen, dem größere und fruchtbarere Länderein zur Verfügung stehen, kann sein Getreide nicht mehr im Hause unterbringen und muß besondere Speicher anlegen. Daß der Gebirgstschetschene seine Getreidekästen im Hause, möglichst sogar im Wohnraume aufstellt, geschieht wohl nicht bloß der Bequemlichkeit, sondern auch der Sicherheit wegen. Besonders der Turmbewohner mußte ja bestrebt sein, im Falle eines Angriffs einer feindlichen Sippe oder, was auch vorkam, im Falle längerer Belagerung seiner Festung ungehindert an seine Vorräte herankommen zu können.

Diese Getreidekästen scheinen über den ganzen Kaukasus verbreitet zu sein. Ich fand sie noch im Daghestan, und von den Swanen erwähnt Merzbacher öfters die großen, starken Vorratstruhen, die dort ebenso in den Wohnräumen stünden und «rohe Schnitzereien» aufweisen; über die Art der Ornamente erwähnt Merzbacher leider nichts.

Ich war schon monatelang in den tschetschenischen Bergen gewandert und Abend immer wieder in einem anderen Hause eingekehrt, hatte aber nie andere Möbelstücke gesehen, als die bisher beschriebenen und besonders, was die aus Holz gezimmerten Behälterformen anbelangt, so glaubte ich, daß der «sser» ihr höchstentwickelter Vertreter wäre, daß also besonders das Prinzip des Schrankes noch ganz unbekannt wäre. Ein einzigartiger Fund belehrte mich indessen eines Besseren. In dem an ethnologisch interessanten Dingen so reichen Dorfe Teretego in Mälchisti fand ich im Untergeschoß eines Wohnturmes den auf Fig. 62 wiedergegebenen riesigen Schrank. Er nahm eine Seite des Zimmers sowohl der Breite wie auch der Höhe nach vollkommen ein, war also gut 2,5 m hoch, an 4 m breit und reichlich 1 m tief. Außer den beiden Eckpfosten standen in der Vorderwand noch drei andere von gleicher Stärke, die mithin die ganze Front in vier schmale, hohe Felder gliederten; in ihren Falzen hielten sie genau so, wie es schon von den Getreidekästen beschrieben wurde, die kurzen Wandbretter. Die ganze Fläche war restlos mit Kerbschnitzereien bedeckt, deren Motive in anderem Zusammenhange besprochen wurden. Die Zwischenfelder zwischen den Figuren waren ebenfalls systematisch mit Schnitzereien ausgefüllt; im Prinzip waren es kleine Rechtecke, von denen zwei gegenüber liegende Ecken ausgeschnitzt waren, während die beide trennende Diagonale erhaben blieb. Die aus den drei Mittelpfosten hervorlugenden Pferdeköpfe hatten den praktischen Zweck, ein Regalbrett mit verschiedenem Geschirr zu tragen (bei der Aufnahme entfernt). Diese Pferdekopfplastiken sind durchaus künstlerisch ausgeführt begegnet die einzigen Plastiken, die mir im Gebiete der Tschetschenen überhaupt begegnet sind. Das grundsätzlich Neue an dem ganzen Möbel war aber die Tatsache, daß es zwei Stockwerke besaß und durch Türen zugänglich war. Die Stockwerkteilung wurde innen durch eine Lage von Querbrettern bewirkt. Jedes Stockwerk besaß seine eigene Eingangstür, die reichlich ¾ m hoch und ½ m breit war und sich in Zapfen drehte. Die ins obere Stockwerk führende Tür lag am anderen Ende des

Schrankes; damit man sie erreichen konnte, war unter ihr an den Schrank noch eine zweiteilige niedrige Truhe angebaut, Man wird sie als eine sogenannte Banktruhe betrachten können.

Leider konnten die Leute, die den Turm bewohnten, kein Russisch. Das einzige, was ich erfahren konnte, war, daß «staryj narod» den Schrank erbaut hätte, also die Vorfahren. Das Zimmer, in dem er stand, schien nicht ständig bewohnt zu sein. Der Schrank selbst war bis auf ein paar Decken und Pelze im oberen Stockwerk ebenfalls leer. Über seinen Zweck kann ich daher nur Vermutungen äußern. Möglich ist es, daß wir es mit einem sogenannten Schrankbett zu tun haben. Auf diesen Gedanken bringt mich eine Abbildung in Buschans Völkerkunde Bd. II, Teil II, S. 580, die ein «zweistöckiges Schrankbett, reich beschnitzt, mit vorgestellter Bettruhe» aus der Bretagne darstellt. Nach Haberland (ebenda S. 476) «schläft man im Norden, in den zugigen sächsischen Häusern und bis in die Bretagne, sowie in England in schiffskojenartigen zweigeschossigen wandfesten Schrankbetten». Nach demselben Verfasser (S. 496) «ist wohl im nordalpinen Gebiet aus der Übereinanderstellung von zwei Truhen mit Türverschluß an der Vorderwand statt der Klappdeckel der zweigeschossige mittelalterliche Schrank entstanden». Die Annahme einer ausschließlichen nordalpinen Entstehung wird nunmehr kaum noch zu halten sein; wohl aber erscheint mir möglich, daß sich der tschetschenische Schrank aus den Getreidekästen entwickelt hat, da er in derselben Technik erbaut ist.

Indessen kann ich die Ansicht, daß wir es bei diesem merkwürdigen Schrank mit einer Schlafgelegenheit zu tun haben, nur mit Vorsicht äußern, da eine solche in den kaukasischen Bergen, soweit meine Beobachtungen reichen, ohne Beispiel wäre. Einstweilen ist dieses Stück als ein Unikum zu betrachten; weitere Untersuchungen müssen abgewartet werden, bevor man seine Stellung in der volkstümlichen Kultur der Tschetschenen näher bestimmen kann.

IV. Kleidung. Wie bei vielen anderen kaukasischen Völkern, so hat sich auch bei den Tschetschenen die Tscherkessentracht eingebürgert. Ihre Form ist bekannt und braucht nicht näher beschrieben zu werden.

Die tscherkessische Kleidung ist aber keineswegs überall im Tschetschenengebiet heimisch geworden; man trifft sie vorwiegend nur in der Ebene und den Vorbergen. Der Überrock, die sogenannte Tscherkesska, wird dabei meist nur außerhalb des Hauses getragen, unbedingt beim Ritt über Land, besonders nach Grosny, oder sonst bei festlichen Anlässen. In Haus, Hof und auf dem Felde trifft man den Mann gewöhnlich nur mit dem sogenannten Beschmet bekleidet an, dem enganliegenden, oft bis zu den Knieen reichenden, taillierten Untergewand, das nicht selten aus seidenem Stoff besteht. Es besitzt einen etwa 3 cm hohen Stehkragen und wird in der Mitte der Brust durch dicht beieinander stehende Häkchen geschlossen. Ebenso oft aber trifft man des Beschmets ein blusenartiges Gewand, ebenfalls hochgeschlossen mit Stehkragen, doch lose fallend und nur bis zu den Oberschenkeln reichend. (Abb. 7).

Die Hosen sind bauschig und sehr weit, doch nicht von der übertriebenen Form etwa der türkischen Pluderhose. Die Vorderöffnung fehlt. Gehalten werden sie durch einen Bandzug, der über den Hüften fest zusammengezogen wird.

Im höheren Gebirge sieht man die Tscherkesska sehr selten; nur wenige besitzen sie und tragen sie auch nur bei festlichen Anlässen. Am häufigsten sieht man sie noch in Mälchisti. Auch die Burka, die von dem Bilde des reitenden Tschetschenen der Ebene nicht wegzudenken ist, wird wenig getragen, da sie vorwiegend ein Ausrüstungsstück des Reiters ist, die armen Gebirgstschetschenen aber, die in der Regel kein Pferd besitzen, meist zu Fuß gehen. Dafür herrscht hier durchweg der Schafpelz, der direkt über der Unterkleidung getragen wird und zwar im Sommer genau so wie im Winter. Er scheint sich in der Form nicht von dem zu unterscheiden, den das Landvolk im osteuropäischen Flachlande allenthalben trägt. Die Fellseite ist also nach innen gekehrt; er ist nicht hochgeschossen, sondern läßt wie die Tscherkesska an Hals und Brust einen Ausschnitt frei. Zur Anfertigung eines Pelzes braucht man die Felle von etwa fünf oder sechs Hammeln. Die ursprünglich weiße Hautseite nimmt sehr bald die Farbe des Kalkgebirges,

besonders im Spätsommer und Herbst, wenn die Almen ihre grüne Farbe verloren haben und braun und dürr daliegen. Die protzenhafte Tscherkesska mit ihren blinkenden Zierpatronen und dem Silberbeschlag des Gürtels erschien mir hier immer als ein landfremdes Stück. In der Ebene und den grünen Wäldern Itschkeriens steht sie dem sich frei auf seinem Rosse tummelnden Tschetschenen sehr wohl an; für die kahlen Kalkgebirge dagegen mit ihrem meist wolkenlosen Himmel und der starken Ein- und Ausstrahlung ist der Schafpelz nicht bloß aus malerischen, sondern wohl auch aus gesundheitlichen Gründen das naturgegebene Kleidungsstück.

Das gilt ganz besonders auch für den Daghestan. Neben der gewöhnlichen eben erwähnten Form des Schafpelzes trägt man im Daghestan noch zwei andere sehr eigenartige Pelzformen. Bei dem einen ärmellosen Pelzumhang, dessen ganze obere Hälfte bis zu den Hüften noch einmal von einem riesigen Pelzkragen bedeckt wird, dessen Haarseite jedoch nach außen gekehrt ist. An beiden Seiten hängen fuchsschwanzartige Gebilde frei herab, die beim Gehen leicht hin und her schwanken (Abb. 23). Diese Pelze sind außerordentlich schwer, werden aber trotzdem von Awaren und Andiern viel getragen. Es erklärt sich das daraus, daß ja weder der kalte Kamin noch der eiserne kleine Ofen geeignet sind, ein Zimmer warm zu halten. Der Daghestaner nimmt eben dann einen dieser riesigen Pelze um und entbehrt sehr leicht das Herdfeuer. Vor allen Dingen aber braucht er ihn, wenn er mit seinen Dorfgenossen schwatzend beisammen sitzt, was besonders im Winter den größten Teil seines Tagewerkes ausmacht. Dergleichen Zusammenkünfte finden ebenso wie die Gemeindeversammlungen fast stets unter freiem Himmel statt, gewöhnlich auf den flachen Dächern. Zum Hausmenschen ist der Tschetschene und Daghestaner, ebensowenig wie die übrigen Kaukasier, eben noch nicht geworden. Das Leben des Mannes spielt sich zum großen Teil außerhalb des Hauses ab, wenn wir von Gebieten absehen, in denen das Handwerk stark entwickelt ist, was aber wiederum im östlichen und südöstlichen Daghestan weit mehr der Fall

ist als in dem hier hauptsächlich interessierenden nordwestlichen, vom Tschetschenengebiete ganz zu schweigen. Über seine Bedeutung als Schlaf- und Herdstelle und als Witterungsschutz ist das Haus im allgemeinen noch nicht hinausgediehen.

Dieser schwere und formschöne Pelz verleiht seinem Träger ohne weiteres einen Zug der Wucht und Würde und steht in gutem Einklang mit der meist ernsten, besonnenen Wesensart der Nordwest-Daghestaner.

Neben dieser existiert noch eine andere Pelzform, die ebenfalls als Umhang dient und weit genug ist, daß sich der Träger bequem darin einwickeln kann. Die Schultern sind jedoch weniger herausgearbeitet als bei der ersten Form, und es fehlt der große Kragen. Das Auffälligste daran jedoch sind die Ärmel. Dieselben sind so unsinnig lang, daß sie schon deswegen nicht als solche verwendet werden können; sie reichen bis zum unteren Saume des Pelzes in der Höhe der Fußknöchel und können zuweilen direkt am Boden nachschleifen. Nach dem Ende zu verjüngen sie sich so stark, daß eine normale Hand überhaupt nicht mehr hindurch gesteckt werden könnte. Für den Umhangcharakter beider Pelzformen spricht noch besonders die Tatsache, daß der Leibgurt mit dem unvermeidlichen Kinschal niemals übergeschnallt getragen wird, was bei der gewöhnlichen mantelartigen Form des tschetschenischen Schafspelzes stets beobachtet werden kann.

Es ist bezeichnend für die scharf ausgesprochene Natur- und Völkergrenze zwischen dem Tschetschenengebiet und dem Daghestan, daß man den Umhangpelzen an der nordwestlichen Außenseite der Andischen Wasserscheide nicht mehr begegnet. Ebensowenig sind sie mir aus anderen Gebieten des Kaukasus bekannt geworden. Gerade im Hinblick auf ihr geringes Verbreitungsgebiet wäre es sehr interessant, den Ursprung dieser höchst originellen Kleidungsstücke festzustellen. Ähnliche zweckwidrig lange Ärmel erinnere ich mich in einem Werke über russische Trachtenkunde an dem Prunkmantel eines russischen Bojaren aus dem 16. Jahrhundert gesehen zu haben.

Die Kopfbedeckung der Tschetschenen bildet fast ausschließlich die bekannte schwere Lammfellmütze, die, allgemein orientalischem Brauche folgend, sogut wie nie abgelegt wird, d. h. also auch nicht im Hause und bei der Gebetswaschung. Sie hat teils breite zylindrische Form, wobei das Fell nur die Umfassung bildet, der Oberteil dagegen aus Tuch besteht, teils – und das scheint die ursprüngliche Form zu sein – stumpf kegelförmigen Schnitt, wobei die Außenseite also durchweg aus Pelz besteht. Bei billigem, schlechtem Fell hängen die Zotteln dem Träger oft tief ins Gesicht. Hohe spitze Pelzmützen trifft man kaum, weder bei Tschetschenen noch bei Daghestanern. Auffälligerweise aber zeichnet Horschelt, der Kriegsmaler der kaukasischen kriege, Tschetschenen und Daghestaner stets mit hohen, hintenübergeneigten Zipfelmützen. Vorausgesetzt also, daß die Zeichnungen Horschelts der Wahrheit entsprechen, so müßte man für das letzte halbe Jahrhundert eine Änderung der Mützenform annehmen, was indessen wenig wahrscheinlich ist. Sehr seiten trifft man auch glatte, spitzkegelförmige Mützen, deren Fellseite nach innen gekehrt ist, so daß die Haare nur als breiter Saum an ihrem unteren Rande sichtbar werden. Sie erinnern in ihrer Form an tibetanische Mützen. Als eine besondere Art der Kopfbedeckung muß schließlich noch der Filzhut erwähnt werden, der aber auch verhältnismäßig wenig getragen wird. Die Farbe ist gewöhnlich ein schmutziges Grau oder helles Braun. Die kunstlose Form kreisrund mit sehr breiter, schlaff herabhängender Krempe, deren vorderer Teil meist südwesterartig zurückgeschlagen wird. Im Daghestan scheint er nicht mehr vorzukommen. Besonders bekannt ist er von den Osseten geworden$ auf den Stationen des Kubangebietes sieht man ihn zuweilen auch auf den Köpfen russischer Ansiedler.

Zur Tscherkesska werden vielfach lange, enganliegende, strumpfartige Stiefel mit dünner Sohle und meist ohne Absatz getragen, über die fast stets Galoschen gezogen werden. Der Lange Stiefel ist aber ebenso wie die Tscherkesska nur übernommenes Gut. Im höheren Gebirge kennt man nur sandalenartige Schuhe aus rohem,

ungefärbtem Leder. Dazu werden gewöhnlich einfache bis zu den Knieen reichende Filzgamaschen getragen.

Steigt der Tschetschene auf die Berge hinauf, z. B. zur Jagd oder um felsige, schwer erreichbare Hochweiden aufzusuchen, so zieht er sich seine Kletterschuhe («chuldschis») an. Es sind dies ebenfalls sandalenartige Stücke, deren Sohle Jedoch aus einen Riemengeflecht besteht. Sie sind weit genug gearbeitet, daß noch eine Schicht Stroh oder Heu eingelegt werden kann, damit Unebenheiten des Bodens durch die Lücken des Riemengeflechtes hindurch nicht unangenehm spürbar werden. Diese Schuhe sind für Bergsteigereien tatsächlich außerordentlich gut zu gebrauchen. Das Riemengeflecht haftet fest und sicher auch auf abschüssigem Gestein. Ich habe sie selbst mit großem Vorteil getragen und sie viel praktischer gefunden als meine eigenen genagelten Bergschuhe; einmal sind sie angenehm leicht und zum anderen hat man bei der Weichheit der Sohle die Möglichkeit, den Fuß zu Krümmen und auch die Zehen beim Klettern zu Hilfe zu nehmen. Die Eingeborenen betrachteten meine schweren Bergschuhe mit Kopfschütteln und hielten es für unmöglich, daß ich mit ihnen überhaupt auf die Berge steigen könne. Bei feuchten Wegen, besonders in tauenden Schnee, sind die einheimischen Kletterschuhe freilich nicht zu gebrauchen, da die Nässe hindurchdring; außerdem dehnen und lockern sich die Riemen. Aus diesem Grunde nimmt man auch hach einem Marsche durch den Schnee die Schuhe nicht mit ins Zimmer, sondern läßt sie draußen stehen, damit der in das Riemengeflecht eingedrungene Schnee nicht auftaut. Als Preis für ein paar gute Kletterschuhe berechnet man gewöhnlich den Gegenwert eines Jungen Hammels, was in den entlegenen Gebirgsdörfern etwa fünf Rubel ausmacht. Beim Begehen vereister, abschüssiger Pfade schnallt man sich unter den Spann des Fußes eine Art von Eisspitzen unter. Das Instrument besteht aus einem etwa 7—8 cm im Durchmesser haltenden Eisenringe, aus dem an zwei einandergegenüberliegenden Stellen zwei nach abwärts zeigende, etwa zwei cm lange Spitzen ausgeschmiedet sind, die sich in das Eis eindrücken.

In diesem Zusammenhang sei auch noch eine eigenartige Form von Schneeschuhen beschrieben. Sie ist aus der Fig. Ersichtlich. Als Gleitfläche dient eine Kufe, die etwa dieselbe Form hat, wie eine gewöhnliche Schlittenkufe mit aufgebogener Spitze, d. h. die Schmalseite dient als Gleitfläche, nicht die Breitseite. Die Länge der Kufe beträgt etwa 80 cm. In sie ist oben ein aus biegsamem Holz gearbeiteter kräftiger Bogen eingelassen, der als Handhabe dient. Benutzt werden die Schneeschuche nur von Kindern zu spielerischem. Wintervergnügen, wie ja auch schon aus ihren geringen Größenverhältnissen hervorgeht. Der Junge tritt von ihnen auf die Hölzer innerhalb des Bogens, gewöhnlich so, daß die Füße schräg auf den Hölzern stehen, d. h. also Fahrt- und Fußrichtung etwas voneinander abweichen. Die Bögen hält er dabei je nach der Körpergröße an die Außenseite der Oberschenkel oder die Hüften angedrückt, wobei der Oberkörper stark nach vorn geneigt wird. Ein willkürliches Lenken ist dabei wohl kaum möglich. In der Regel fährt die ganze Kinderschar in ein und demselben ausgefahrenen Gleise am Hange hinab.

Ich fand diese Schneeschuhe nur in den Dörfern der Ebene und der Ebene und der niedrigen Vorberge. Ob es auf Zufall beruht, daß ich sie nirgends in den Dürfern des höheren Gebirges antraf, diese Frage muß ich offen lassen. Dagegen sind sie bei den Russenkindern in Grosny stark in Gebrauch. Möglich ist es, daß wir es mit einer russischen Entlehnung zu tun haben. Offensichtlich russisch ist jedenfalls die tschetschenische Bezeichnung «ssalas»; das russische Wort «ssalaski» bedeutet nach dem Wörterbuch von Pawlowski «kleiner Schlitten, Handschlitten», dazu gehört das Verbum «ssalasitj» «gleiten, glitschen».

Ebenso wie die männliche ist auch die weibliche Tscherkessentracht bei den Tschetschenen zu finden, anscheinend aber seltener als die erstere. Das Auffälligste an ihr ist der Verschluß über der Brust, der durch zwei Reihen von silbernen Platten bewirkt wird. Die Enden der

einen Reihe enthalten runde Öffnungen, durch die Knopfenden der anderen Reihe hindurchgesteckt werden können.

Die gewöhnliche Frauentracht ist denkbar einfach und schmucklos. Es sind meist gekaufte Baumwollstoffe. Das Kleid fällt ohne irgend welchen Schnitt lang herunter. An den Knöcheln werden die weiten, unten zugebundenen Unterhosen von gewöhnlich roter Farbe sichtbar, anscheinend von der gleichen Art, wie sie auch von Tatarinnen und Armenierinnen getragen werden. Den Kopf bedeckt ein gewöhnliches Kopftuch, das im Hause lose herabhängend getragen wird. Des Sommers und fast stets im Hause gehen die Frauen im Gegensatz zu den Männern meist Barfuß und tragen im übrigen rohe Schuhwerk wie die Männer.

An Schmucksachen tragen die Wieder Ohrringe, Armringe und Fingerringe; das Metall ist fast ausschließlich Silber. Aus Kupfer bestehen nur die einfachen Kleinen halbmondförmigen Ohrringe ohne jede Gravierung oder sonstige Ornamentik, die in der Ebne und in den Vorbergen getragen werben. Im höheren Gebirge erscheinen dafür Silberringe von 3 – 4 cm Durchmesser, deren Draht dicht beieinander liegende Verdickungen aufweist, als ob er aus aneinander gelöteten Kleinen Kügelchen bestünde. Geschlossen werden die Ring durch eingefettete Garn- oder Wollfäden; zu diesem Zweck sind die abgeplatteten Drahtenden mit Kleinen Ösen versehen.

Andere Formen werden heute nicht mehr getragen. Sie finden sich aber noch von früher her in genügender Zahl in den Schatzkästlein der Bevölkerung. Die verbreiteste dürfte die gewesen sein, deren Silberblechgehänge einen Halbmond bildet (Fig. 66). Der Durchmesser beträgt etwa 5 cm; die Verknüpfung der Drahtenden erfolgt ebenfalls durch Fäden. Die Verknüpfungsstelle liegt nicht genau in der Mitte des die Halbmondenden verbindenden Drahtes, da an diese das Ohr zu liegen kommt. Beide Ringe sind unter dem Kinn durch einige Silberkettchen miteinander verbunden. Bei einer anderen Ohrringform von ungefähr derselben Größe sind anstelle des halbmond förmigen Bleches silberne Kugeln von etwa 1 ½ cm Durchmesser auf den Draht

aufgereiht. Beide Formen von Ohrringen kommen ebenso im Daghestan vor.

Zum Schluß einige Bemerkungen über die Gewänder bzw. Gewandreste, die ich an den Skeletten in den Totenhäusern von Mälchisti fand. Sie verdienen ein besonderes Interesse insofern, als sie sich von den heutigen dort und im übrigen Tschetschenengebiet getragenen scharf unterscheiden. Dagegen zeigen sie eine auffallend große Ähnlichkeit mit der noch heute bei den Chewsuren üblichen, deren Eigenart ja bekannt ist. Sie stimmen im allgemeinen Schnitt und der kräftigen, dunkelblauen Grundfarbe mit jenen überein, vor allem sind sie ebenso auffällig bunt besetzt. Es folge hier die genaue Beschreibung des bunten Besatzes an einem anscheinend männlichen Oberrock.

Die Breite des Besatzstreifens, der den Brustschlitz auf beiden Seiten begleitet, betrug 3—4 cm. Der innere Saum wurde durch eine aus blauen und gelben Fäden gedrehte Schnur eingefaßt, der dicht daneben eine schmale rote folgte. In der Mitte des Besatzstreifens zogen zwei ½ cm voneinander entfernte gelbe Streifen entlang, die, etwa 3 mm breit, in den blauen Grundstoff eingestickt waren. Quer über dem ganzen Besatz lagen nun in Abständen von etwa 5 cm je zwei breite rote Riegel, die aus doppelt nebeneinander gelegten Schnüren bestanden. Die unteren zwei Riegelpaare beider Seiten waren miteinander verknüpft, indem sich um die knopfartig verdickten Enden der Riegel der einen Seite die Endschlingen der gegenüberliegenden herumlegten. Unter dem fest vernähten Ende des Brustschlitzes schwenkten die Längsstreifen von der einen Seite nach der anderen hinüber.

An einem anderen Gewandreste waren die Farben entgegengesetzt angeordnet, d. h. die Längsschnüre waren rot und die Querriegel gelb.

Die Halspartie des Rockes bestand aus einem etwa 3 cm hohen Kragen, der in ähnlicher Weise durch Längs- und Querschnüre gemustert war, wobei die Querschnüre wieder paarweise nebeneinander lagen. Die Farben waren infolge starker Ausbleichung

nicht mehr mit Sicherheit zu erkennen; die Grundfarbe schien ebenfalls blau, die der Schnüre gelb und rot zu sein.

Der untere Saumbesatz des Rockes wurde ähnlich wie der des Brustschlitzes durch eine gelbblaue Doppelschnur gebildet; etwa 2 cm darüber folgte ein Paar roter eingestickter Schnüre, über diesen in derselben Entfernung ein Paar gelber. Um den unteren Saum der Ärmel zog sich ebenfalls ein gelber oder roter Besatz herum, wobei der Raum zwischen zwei Schnüren durch eine gleichfarbige Zickzackschnur ausgefüllt wurde.

Unterfüttert war der Rock durch ungefärbten Wollstoff. Die übrige Kleidung bestand aus einem Untergewand und Hosen von demselben Stoff und derselben Farbe. Die Hosen schienen mir nicht so bauschig zu sein wie die heute bei den Tschetschenen üblichen. Außerdem fand sich noch ein Kinderröckchen mit allgemeiner breiter Längsstreifung.

Wie ist nun der Unterschied zwischen den Gewänden aus den Totenhäusern und den heute von den Mälchistiern getragenen zu erklären? Man könnte annehmen, daß früher hier Chewsuren gewohnt haben, deren großes Dorf Schatil von Mälchisti aus in wenigen Stunden zu erreichen ist. So ist z. B. das Schatil direkt benachbarte Kistendorf Dscharego, wie mir die Einwohner versicherten, erst zur Zeit Schamils gegründet worden, und zwar wollen die Dscharegoer, die alle einer Großfamilie Gela angehören, aus dem Dorfe Dischni bei Itum-Kale stammen. Die Vorfahren im 7. Gliede wanderten von dort aus, einer nach Goiti (in der Ebene), ein anderer nach Zazchoi (westlich Itum-Kale). Ein anderer aber zog nach Mälchisti und war der Erbauer der Türme von Banach. Von da wurde die Einzelfestung am Argun unter der Nekropole Z'ainpched gegründet und von hier aus erst Dscharego besiedelt. Daß Dscharego junger Entstehung ist, geht auch daraus hervor, daß alte Turmbauten im Gegensatz zum ganzen übrigen Mälchisti fehlen; das Dorf besteht nur aus niedrigen flachdachigen Steinhäusern, sogenannten Ssakli.

Auch andere Mälchistier Familien gaben mir an, von Osten gekommen zu sein. Die Leute von Bonisti z. B. aus Dai, einem Dorfe am

Scharo-Argun (vielleicht ist auch Daghestan damit gemeint), die von Z'intschmechki und Ssachen aus Childecheroi, die von Meschi, Basti, Nacharost und Basdet aus T'uga in Maisti (nach den Angaben der Bonistier). Indessen lassen sich auf Grund dieser Feststellungen noch keine bestimmten Behauptungen über die Besiedlungsgeschichte von Mälchisti aufstellen, dazu müßten die Familienüberlieferungen genauer nachgeprüft werden.

Wenn auch Dscharego erwiesenermaßen eine junge Gründung ist, so existieren doch die übrigen Dörfer schon genügend lange, so daß der Inhalt der Totenhäuser zweifellos von ihnen stammt. Das gilt besonders von den Totenhäusern im Dorfe Teretego. Gerade dort aber fand ich an den Gewandresten die dunkelblaue Farbe des Chewsurenkostüms. Es bleibt also nur der Schluß übrig, daß die Teretegoer erst vor verhältnismäßig kurzer Zeit ihre alte Tracht gegen die jetzige vertauscht haben. Nach dem Erhaltungszustand der Stoffe und der Gerippe zu urteilen kann der Trachtenwechsel auf keinen Fall länger als hundert Jahre zurückliegen. Falls die Annahme eines Trachtenwechsels zu Recht besteht, so hätten wir es in den Gewändern aus den Totenhäusern wohl nicht nur mit der früheren Tracht der Mälchistier zu tun, sondern mit der der Tschetschenen überhaupt. Auch unter der Fußbekleidung, die an den Skeletten noch vorhanden war, bemerkte ich eine Form, die zur halben Wade reichender Schaftstiefel, dessen ursprüngliche Farbe rot gewesen zu sein schien. Es war ein sogenannter Zweinähter, d. H. Der Schaft war aus zwei Lederstücken zusammengenäht; die Nähte waren seitlich angebracht. Der Stiefel hatte einen Absatz, etwas ganz Ungewöhnliches in der Fußbekleidung der Kaukasier. Allerdings waren die Absatzflecken nicht auf der Sohle aufgenagelt, sondern zwischen diese und das Oberleder eingenäht, so daß also die Aufsatzfläche des Fersenteiles zur durchlaufenden Sohle aufgenagelt, sondern zwischen diese und das Oberleder eingenäht, so daß also die Aufsatzfläche des Fersenteiles zur durchlaufenden Sohle gehörte. Die Absatzflecken waren nach vorn in einer ausgesprochenen Spitze aus, die zudem stark aufwärts gebogen war; es ergab sich

dadurch eine auffallende Ähnlichkeit mit den eigenartigen Schnabelschuchen, wie sie aus der deutschen Vergangenheit bekannt sind. In die Absatzfläche waren drei etwa 1 cm lange Eisenspitzen, die beim Bergabsteigen gute Dienste geleistet haben mochten. Auch diese Vorrichtung ist dem jetzigen Schuhwerk der Landeseinwohner ganz fremd.

V. Herstellung und Verwendung von Filzstoffen; Filzteppiche und ihre Ornamentik. Das bekannteste Erzeugnis dieser Art ist die Burka, der bekannte kaukasische Reitmantel, der bei seiner Ärmellosigkeit allerdings eher als Umhang oder Pelerine zu bezeichnen wäre. Der Gang der Herstellung ist etwa folgender. Die sauber gewaschene Wolle[26]) wird nach der langen harten Außenwolle und der weichen kurzen Unterwolle des Schafes sortiert. Die letztere bildet den Grundstoff der Burka, der bei der Herstellung auf dem Boden bzw. einer Strohmatte ausgebreitet wird. Darüber folgt eine Lage der langen harten Außenhaare. Der mit Wasser besprengte Stoff wird nun solange geknetet, gewalkt und hin und her gerollt, bis er die nötige Festigkeit besitzt. Darauf wird der fertige Filz erneut verschiedentlich gewaschen, getrocknet und geknetet. Schließlich wird das lange Außenhaar in regelmäßige Lage gekämmt. Damit ist der Stoff hergestellt und es erfolgt nun das Umarbeiten des unregelmäßigen Stückes in die Burkenform, die als bekannt hier nicht näher beschrieben werden soll. Die Kaukasier und mit ihnen viele Russen sind gewöhnlich sehr stolz auf diese kaukasische Erfindung und hören es nicht gern, wenn man ihre Vorzüge bezweifelt. Ich habe sie immer sehr unpraktisch gefunden. Gegen Kälte schutzt sie nur wenig, da sie nicht zugeknöpft werden kann und der Wind leichten Zutritt hat. Vor allem hat man keine Möglichkeit, die Arme zu gebrauchen. Gute Dienste leistet sie im Nachtlager, da man sich bequem in sie einrollen kann. Auch gegen Regen beitet sie guten Schutz; allerdings hängt sie dann sehr schwer an Hals und Schultern. Für den Fußgänger kommt sie daher weniger in Frage als für den Reiter. Bei den Bewohnern des höheren Gebirges sieht man sie nur selten. Hirten tragen dort zum Schutz gegen sie

starken frühsommerlichen Regengüsse häufig einen kunstlosen Umhang aus dem groben Wollstoff, der überall in den Dörfern am primitiven Webstuhl von den Weibern hergestellt wird, besonders viel im Chotscharoi-Tal. Besonders bekannt durch Herstellung und Vertrieb von Burken ist das große nordwestdaghestanische Dorf Andi.

Reiche Verwendung findet der Filzstoff natürlich für gewöhnliche Woilache, sei es zu Satteldecken, sei es zum Bedecken der Tachta. Von den Filzhüten war schon die Rede.

Besondere Erwähnung verdienen die Filzteppiche und zwar wegen ihrer eigenartigen Ornamentierung, die in Technik und Form gleich interessant ist. Man braucht dazu zwei verschieden gefärbte Woilache; von Farben werden verwendet rot und blau, auch schwarz und gelb. Aus beiden wird nun genau das gleiche Ornament herausgeschnitten, dessen Streifenbreite gewöhnlich 5 cm beträgt. Beide Streifen werden dann miteinander vertauscht, d. h. der Ausschnitt aus umgekehrt. Beim Einnähen der eingesetzten Ornamentstreifen werden diese meist noch durch eine weiße Biese geschmackvoll eingefaßt. Die Größe dieser Teppiche schwankt von 1—3, in seltenen Fällen auch bis zu 4 qm, bei stets rechteckiger Gestalt. Sie dienen übrigens sowohl als Bodenbelag wie auch als Wandbehang. Der Preis für einen Teppich größeren Formates belief sich 1928 immerhin auf etwa 20—30 Rubel[27]). Die Ornamentik ist in ihrer Form durch die Herstellungstechnik beeinflußt, die möglichst große zusammenhängende Linien und Streifen von bestimmter Breite verlangt. Die vielfältige Kleinarbeit, die in den bekannten orientalischen Teppichen anzutreffen ist, kann also hier nichterwartet werden. Der Charakter der Ornamente läßt sich nicht ohne weiteres als vegetativ bezeichnen, wie es auf den ersten Blick scheinen könnte. Die Einzelausführung der Linien mutet wohl so an, besonders ihre endlose Verästelung und Verzweigung und die blütenartigen Gebilde in den Winkeln von Mäanderlinien. Im Aufbau des Ganzen lassen sich aber ebenso Anklänge an einfache Ornamente bzw. Symbole geometrischer Art erkennen, unter denen besonders verschiedenartig zusammengesetzte Spiralen zu nennen wären, wie

aus Abb. 24 klar hervorgeht. Derartige Filzteppiche dürften im Orient wohl allgemein verbreitet sein. Nach meinen Beobachtungen werden sie jedoch dort, wo sich das tschetschenische Volkstum am ursprünglichsten erhalten hat, also in den entlegenen Turmgebieten, nicht hergestellt, ebensowenig bei den Chewsuren. Dagegen finden sie sich reichlich in der Ebene, vor allem wurde mir als Herstellungsort das große Dorf Stary Jurt genannt, das schon am Nordhange des niedrigen sogenannten Terek-Ssunscha-Gebirges unweit des Terek und der heißen Quellen von Gorjatschewodsk gelegen ist. Daß die Filzteppichherstellung gerade im Norden des von Tschetschenen besiedelten Gebietes heimisch ist, dürfte nicht zufällig sein, da sie bei den jenseits des Terek hausenden Nogaiern weit verbreitet ist. Von den Nogaiern läßt sich nun leicht eine Brücke zu den Kirgisen schlagen, deren entsprechende Erzeugnisse ich im Moskauer Völkerkunde-Museum kennen lernen Konnte. Nach dem dort Ausgestellten zu urteilen scheint bei den Kirgisen die Ausschneidetechnik allerdings weniger gebräuchlich zu sein; die Muster waren dort entweder aufgemalt oder in Form von gefärbten Zeugstreifen aufgenäht. Dadurch ergab sich leicht die Möglichkeit, die Ornamente mehrfarbig zusammenzusetzen. Ihr Charakter war aber im allgemeinen derselbe wie der der tschetschenischen Teppiche.

VI. Verschiedene Geräte. Zum Walken, Weichmachen des Leders bedient man sich folgenden einfachen Instrumentes, Es besteht aus einen ausgehöhlten Stammstück von etwa i m Länge und 20 cm Breite, in dessen einem Ende ein in die Höhlung passender Schwengel befestigt ist und Stammwände hindurchgesteckten Achse. Das angefeuchtete Lederstück, dessen Haare durch Glasscherben entfernt sind, wird nun quer über die Höhlung gelegt und durch Herunterdrücken des Schwengels Kräftig nach allen Richtungen durchgewalkt. Damit dies möglichst intensiv geschient, sind häufig Unterseite des Schwengels Kräftig nach allen Richtungen durchgewalkt. Damit dies möglichst intensiv geschient, sind häufig

Unterseite des Schwengels und Grund der Stammhöhlung ausgezahnt, so daß beide ineinander passen.

Außerdem kennt man noch ein Zugeisen zum Fellabschrappen, Es besteht aus einer gewöhnlichen Astgabel von der Stärke eines schwachen Knüppels, deren eines Ende auf etwa 20 cm abgeschnitten ist, während das andere etwa 1 m lang bleibt. Durch die beiden Äste ist oben im Astwinkel ein etwa 10—15 cm langes und 2—3 cm breites stumpfes Eisen hindurch gesteckt, meist wohl ein Stück Hufeisen. Am Ende des langen Armes ist eine Schlinge aus Bastseil angebracht.

Das zu bearbeitende Fell wird an der Zimmerdecke oder sonst erhöht aufgehängt, die Innenseite zum Bearbeiter gekehrt. Der Mann faßt es nun mit der linken Hand zu einem Wulst zusammen und drückt mit der rechten die Eisenschiene des Gerätes über der linken fest an das Fell. Gleichzeitig setzt er den Fuß in die erwähnte Schlinge und zieht damit das Instrument am Felle entlang nach unten. Dadurch werden noch vorhandene Fleischreste entfernt.

Denselben Fellabschrapper fand ich auch im Daghestan.

Bei der landesüblichen Dreschweise, die darin besteht, daß die Garben auf dem Boden ausgebreitet und vermittels des Dreschschlittens und der Hufe der Tiere entkörnert werden, geraten natürlich in Menge Erde und kleine Steinchen unter das Getreide. Zur Entfernung derselben bedient man sich eines tablettartigen Worfbrettes, dessen Form aus Fig. 67 ersichtlich ist. Das Gerät wird an den beiden seitlichen Handhaben so gefaßt, daß die Handrücken nach oben zeigen, um eine durch die beiden Handhaben gedachte Achse gewippt und gleichzeitig leicht aufwärts geschwungen. Die leicht rollenden Körner fallen dabei über den Rand des Brettes hinaus, die weniger beweglichen Fremdkörper bleiben zurück.

Fig. 68 stellt tschetschenische Wiege dar. Der obere Verbindungsbalken zwischen den Bogenhölzern dient als Handhabe beim Transport der Wiege; gleichzeitig soll er wohl auch eine Verladung auf Lasttiere ermöglichen. Ein Herausfallen des Kindes verhindern zwei 10—15 m breite Haltebänder («kochgo»), die über das

Kind und die Betten von einer Seitenwand zur anderen gespannt werden. Eigenartig ist die Abflußvorrichtung. Sie besteht aus einem als Röhre dienenden hohlen Hammelknochen («sipe») und einem tönernen Gefäß («tök») an der Unterseite der Wiege. Letzteres hat etwa Vasenform von 10—15 cm Höhe und einer Grundfläche von etwa 8 cm im Durchmesser; die größte Breite hat es im oberen Drittel. Die teils im Kerbschnitt, teils im Ritzverfahren ausgeführte Ornamentik fand ich bei verschiedenen Wiegen stets in genau derselben Form vor; auffällig ist besonders das bandartige Muster des Mittelfeldes. Häufig findet man auch Wiegen ohne jede Verzierung.

Nachtrag. Nach Abschluß der Arbeit ging mir noch vom Inguschen-Institut in Wladikawkas der 1. Band der Nachrichten dieses Institutes zu, mit dem es seine Veröffentlichungen beginnt («Izvestija ingušskago naučno-issledovatelskago instituta krajevedenija», Vypusk 1, 1928). Der Band enthälot eine Anzahl interessanter Artikel verschiedener Verfasser zur Landes- und Volkskunde des Inguschen-gebietes. Verwertet wurde hiervon nur die in Fig. 4 wiedergegebene Zeichnung, die die Architektur eines inguschischen Wehrturmes ausgezeichnet erkennen läßt (aus dem Artikel von I. P. Ščeblykin: «Iskusstvo ingušej v pamjatnikach materialnoi kultury»). Wir haben es also im Inguschgebiet mit demselben Typ von Wehrtürmen zu tun, der auch im südwestlichen Tschetschenengebiete vorherrscht, was ja auchin der Hauptsache schon bekannt war. Die von mir untersuchten tschetschenischen Türme unterschieden sich von dem in der Zeichnung wiedergegebenen inguschischen nur insofern, als das unterste war. Ein weiteres Erbnis der Untersuchungen ist dies, daß das Zentrum dieser eigenartigen nordostkaukasischen Turmkultur wahrscheinlich im Inguschengebiete zu suchen ist, daß also das Tschetschenengebiet vielleicht nur als randliche Ausstrahlungszone dieses Kulturbereiches anzusehen ist. Erwiesen ist jedenfalls, daß die Inguschen wegen ihrer Turmbaukunst bekannt waren und daß sie von den Nachbarvölkern als Baumeister zu Rate gezogen wurden, so von den Tschetschenen und in wenigen Fällen auch von den Osseten. Ob das auch für die Chewsuren und vor

allem auch für die Tuschen gilt, die sich nach Merzbachers Bericht desselben Typs von Wehrtürmen bedienen, deren Gebiet aber von dem der Inguschen nicht leicht zu erreichen ist, auf diese Frage ist bisher noch nicht geachtet worden.

Auch scheint bei den Inguschen der Reichtum an verschiedenen Formen von Totenhäusern größer zu sein; oberirdische Totenhäuser z. B. mit äußerlich glattem Kuppeldache kommen bei den Tschetschenen nach meinen Beobachtungen nicht vor. Desgleichen dürfte bei den Inguschen die Anzahl alter Heiligtümer größer zu sein als bei den Tschetschenen.

Иллюстрации и фото

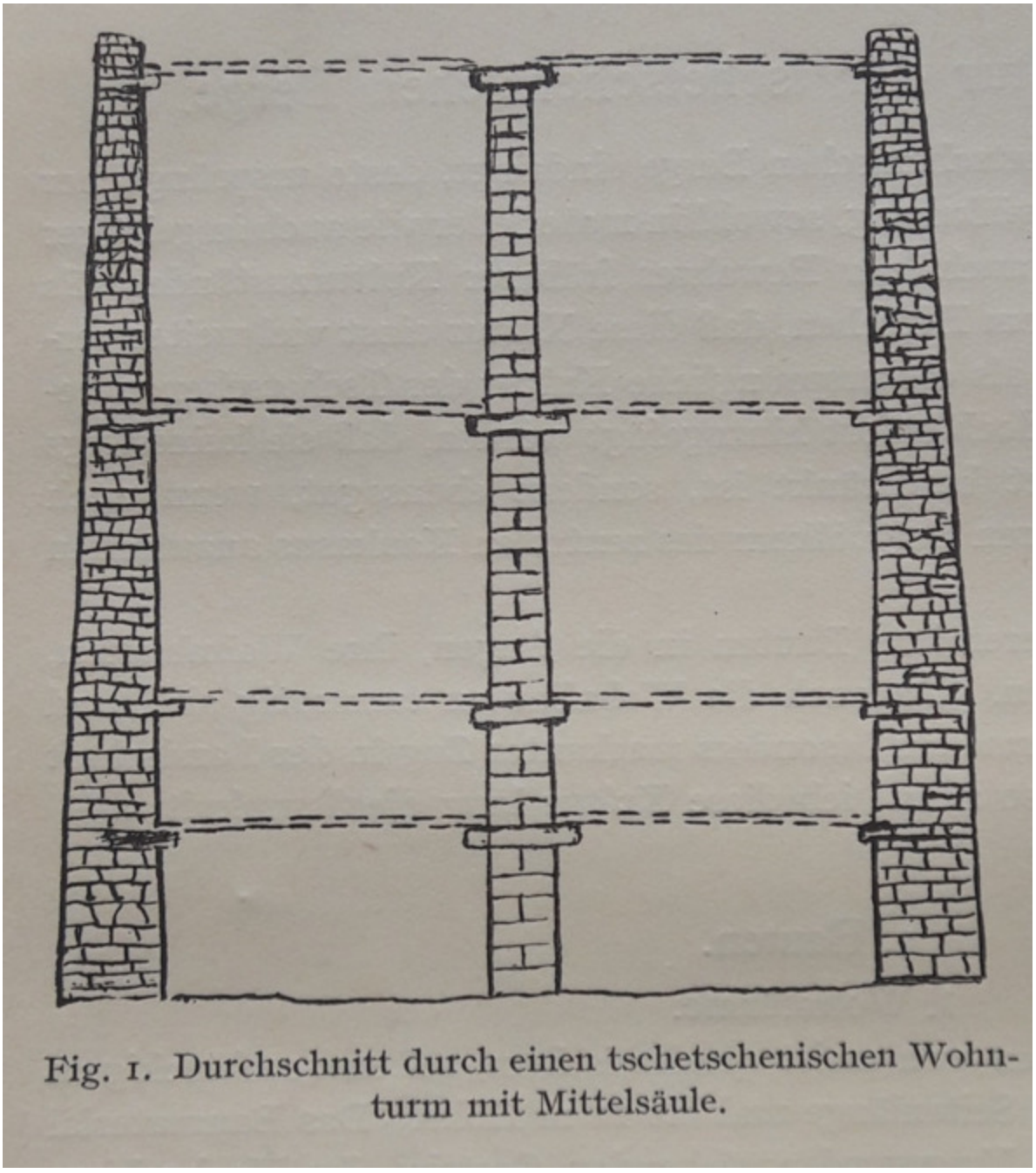

Fig. 1. Durchschnitt durch einen tschetschenischen Wohnturm mit Mittelsäule.

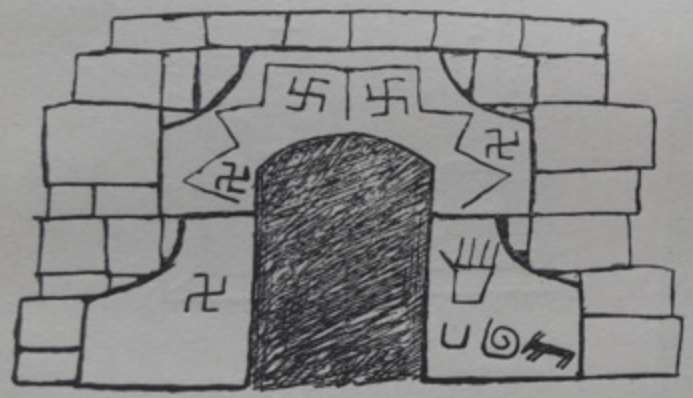
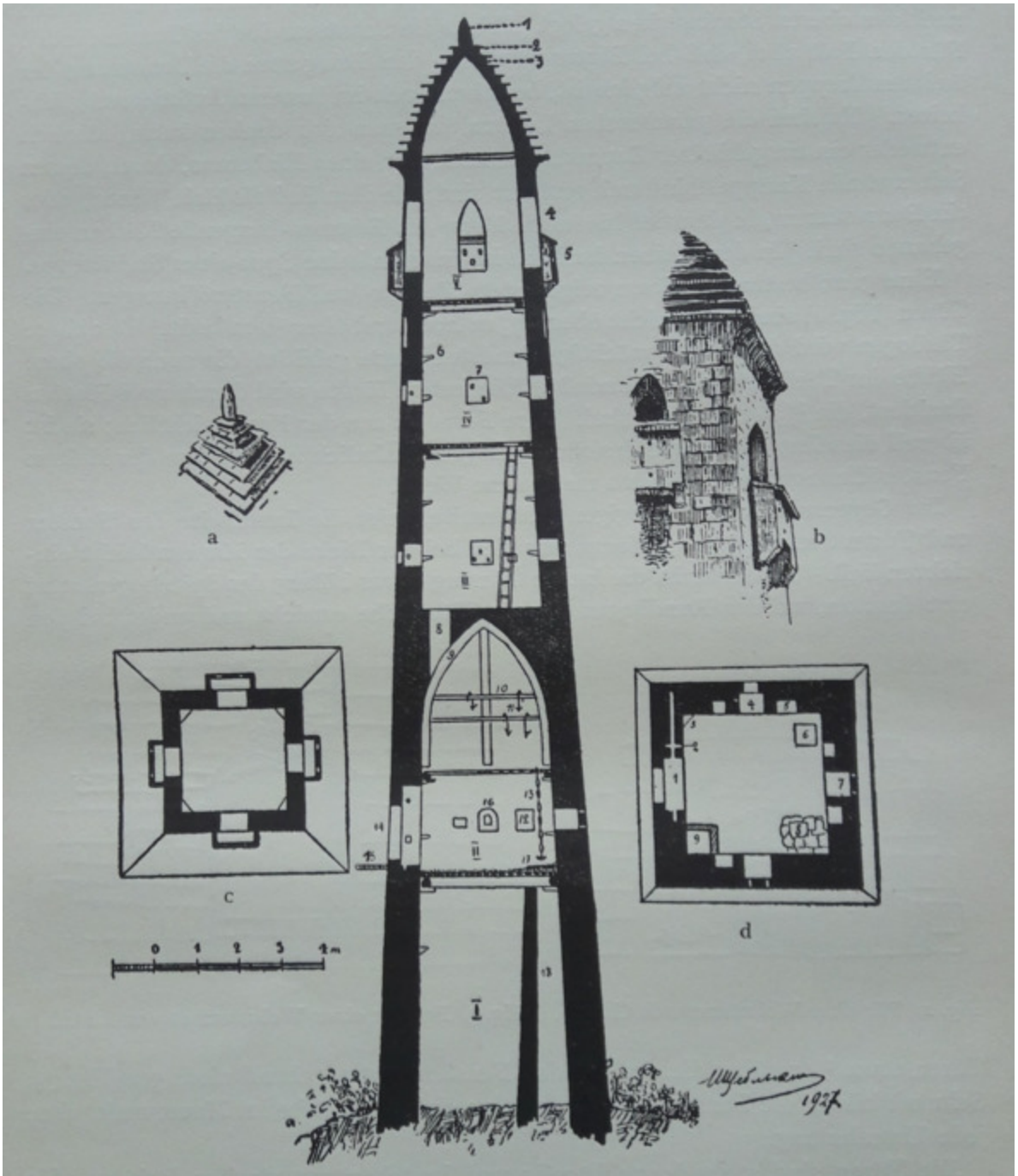

Fig. 2. Tür eines Wohnturmes in Chimoi.

Fig. 3. Fenster eines Wohnturmes von innen.

a. Stufendach mit Steinspitze.
b. Maschikuli (Gußlöcher) des obersten Stockwerkes.
c. Grundriß des obersten Stockwerkes.
d. ,, ,, 2. ,,

Fig. 4. Durchschnitt durch einen Wehrturm der bei den Inguschen und Tschetschenen vorherrschenden Form. (Nach J. P. Schtscheblykin.)

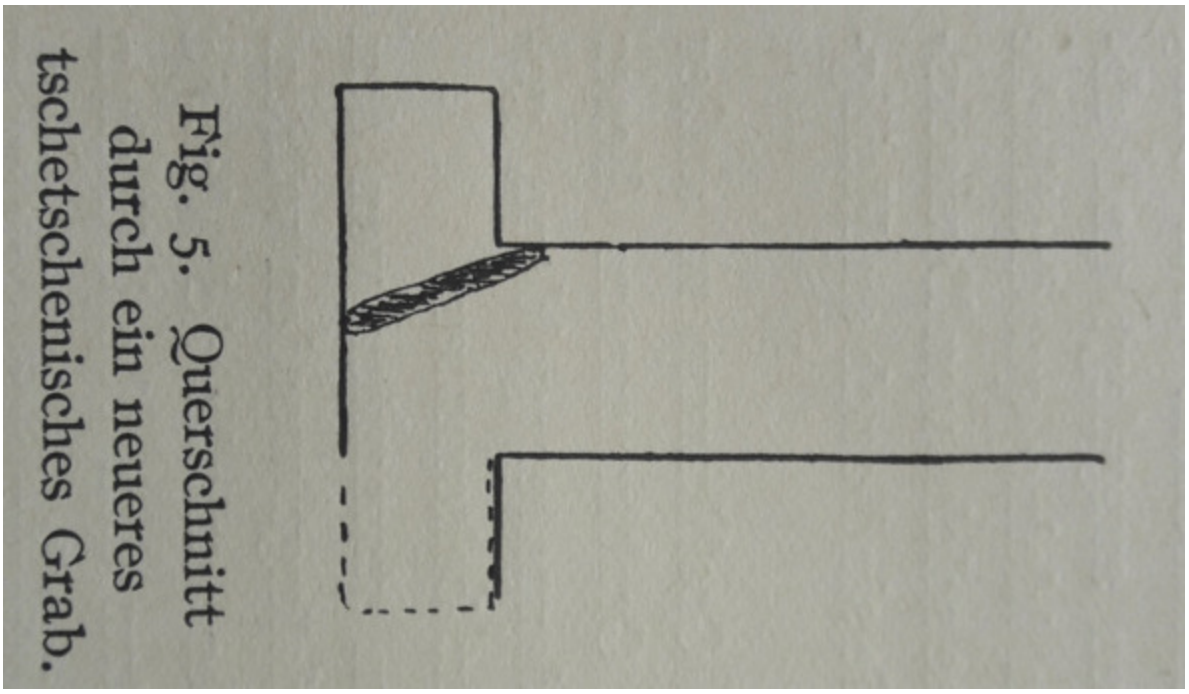

Fig. 5. Querschnitt durch ein neueres tschetschenisches Grab.

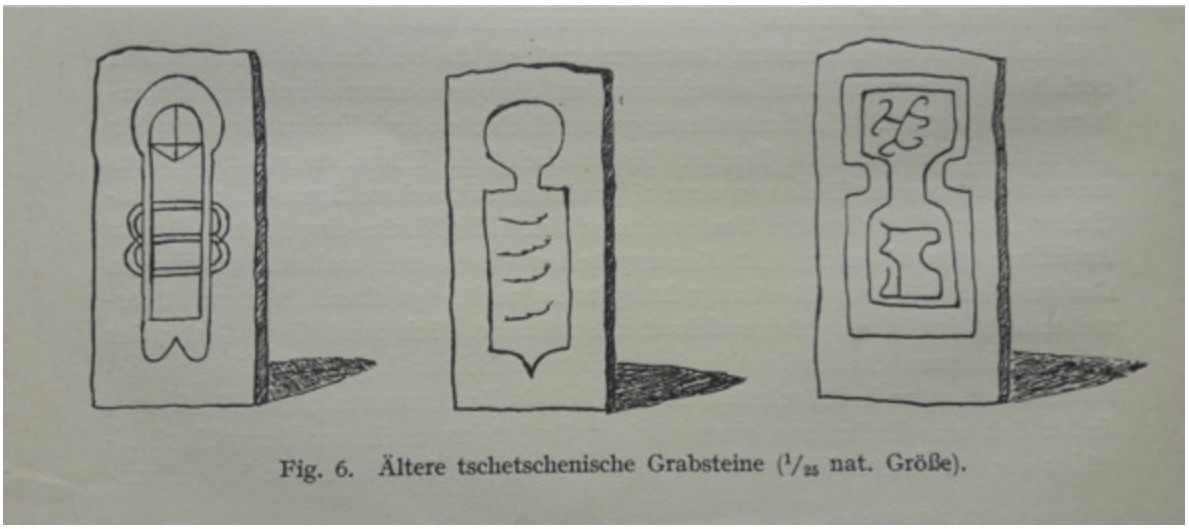

Fig. 6. Ältere tschetschenische Grabsteine ($^1/_{25}$ nat. Größe).

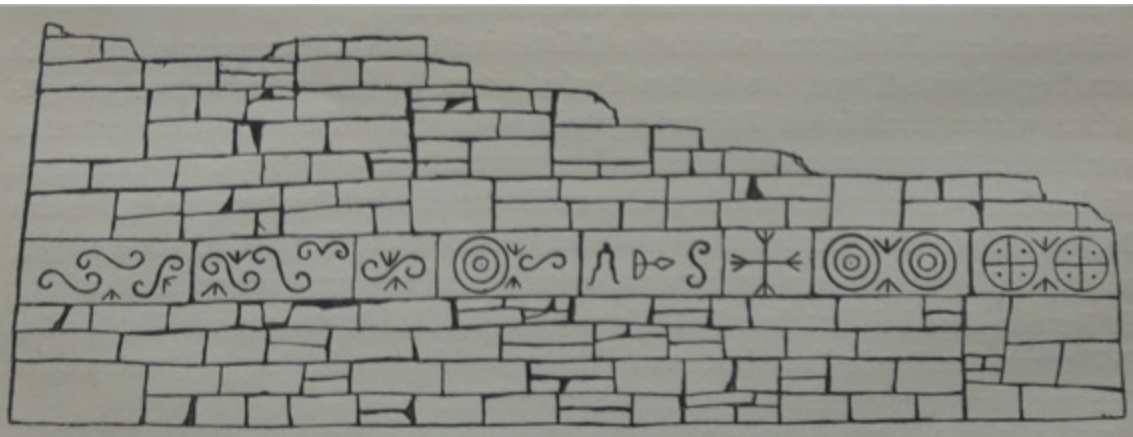

Fig. 7. Oberer Rand einer Wohnturmruine in Maisti mit einer Lage ornamentierter Quadern.

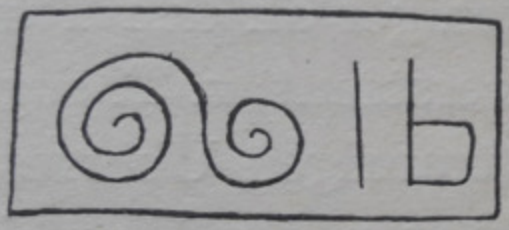

Fig. 8.

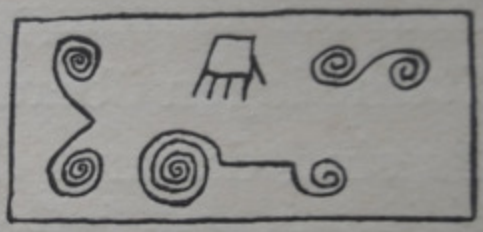

Fig. 9.

Fig. 8. u. 9. Steinritzungen auf Quadern von Türmen in Scharoi u. Chimoi.

Fig. 10. Hakenkreuzornament über einer Wohnturmtür in Chimoi. ($^1/_{10}$ nat. Gr.)

Fig. 11. Stilisiertes Hakenkreuz, ebenda ($^1/_{10}$ nat. Gr.)

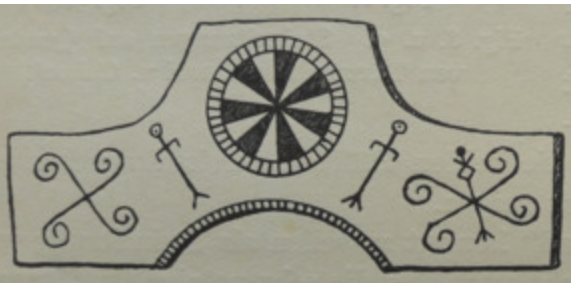

Fig. 12. Türbogen in Itum-kale mit schematischen Menschenfiguren ($^1/_{20}$ n. Gr.)

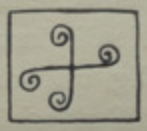

Fig. 13. Steinritzung in Itum-Kale.

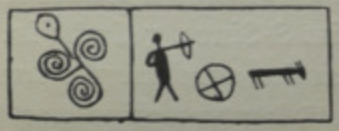

Fig. 14. Steinritzung an einem Wohnturm in Tasbitschi.

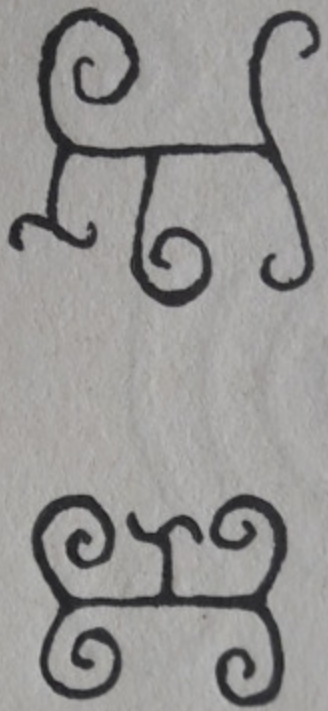

Fig. 15. Zeichnungen an einem Totenhause in Mälchisti.

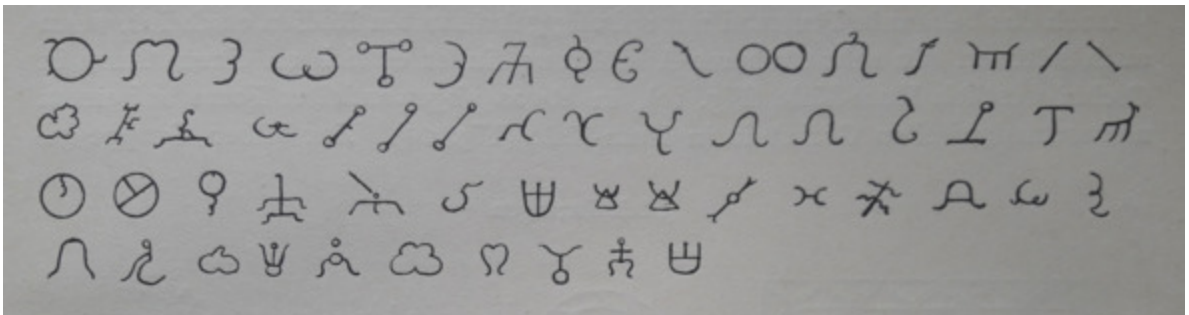

Fig. 16. Eigentumsmarken, insbesondere Pferdezeichen („tavro" oder „tamga") der Kabardiner.

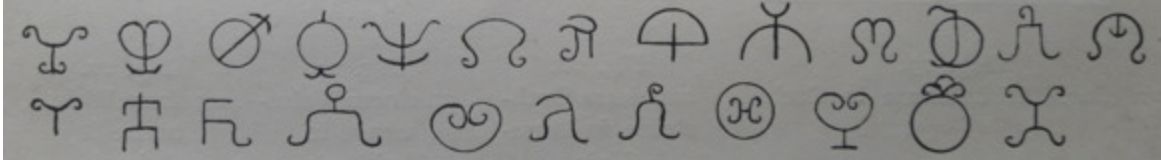

Fig. 17. Pferdezeichen der Karatschaier.

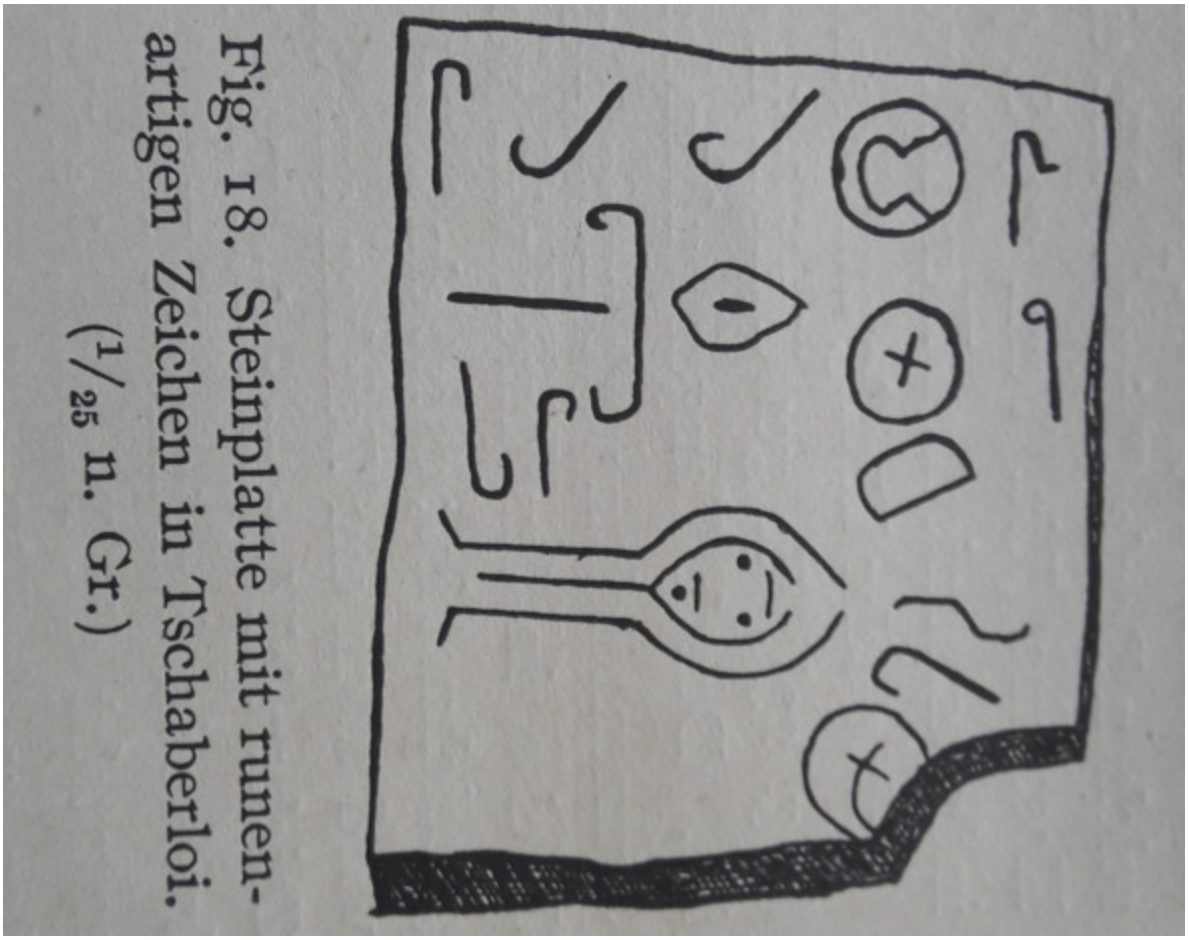

Fig. 18. Steinplatte mit runenartigen Zeichen in Tschaberloi. (1/25 n. Gr.)

Steinritzungen

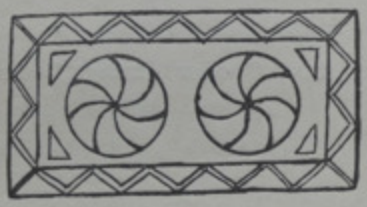

Fig. 19.
an einem Wohnturme in Oschni.

Fig. 20.
auf einem Grabsteine in Itum-Kale.

Fig. 21.
an einem Wohnturme in Tasbitschi.

Fig. 22.
an einem Wohnturme in Chimoi.

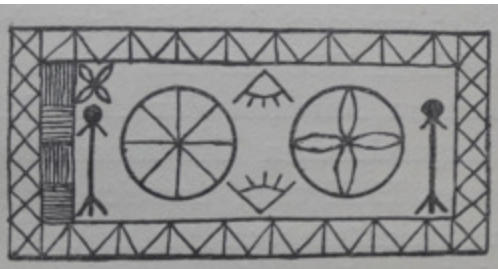

Fig. 23. Quaderstein an einem Wohnturme in Kalgadoi mit schematischen Menschen- und Handdarstellungen.

Fig. 24.
Zeichen am Scharoier Wehrturme.

Fig. 25.
Auf Holzkästen vorkommendes Ornament.

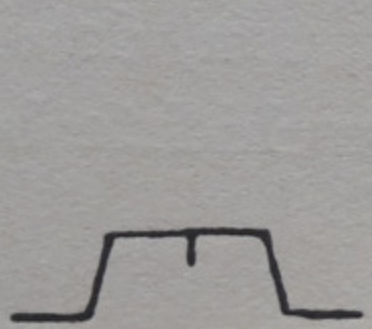

Fig. 27.
Zusammen mit Menschenfiguren häufig vorkommende Zeichnung.

Fig. 26.
Männliche Figur auf Stein.

Fig. 28.
Doppelhand mit Spirale in Itum-Kale (als Steinritzung in natürlicher Größe ausgeführt).

Fig. 29.
Bronzefigürchen aus Kammunta in Ossetien (Chantre, Lit. Verz. 7 Bd. III, Tafel XV).

Fig. 30.
Bronzefigürchen aus Timoi im Kaukasus Chantre, Lit. Verz. 7, Bd. II, S. 202.

Fig. 31.
Handgott aus den Bohusläner Felsenzeichnungen. (Nach Just Bing, Lit. Verz. 4, S. 156).

Fig. 32.
Kerbschnittornamente an Getreidekästen.

Fig. 33.

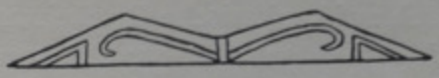

Fig. 34.
Oberer Rand der Schmalseite eines Bettkastens.

Fig. 35.
Pflanzliches Ornament auf einem Holzkasten.

36

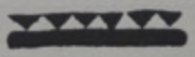
37

38

39

40

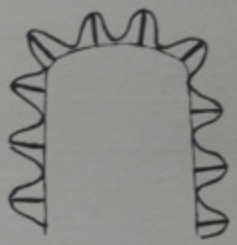

Fig. 41.
Malerei (blau und rot) um eine Türöffnung.

Fig. 36—40. Tschetschenische Wandmalereien. Farbe der Basis blau, der Baumfiguren rot. $^1/_{25}$ n. Gr.

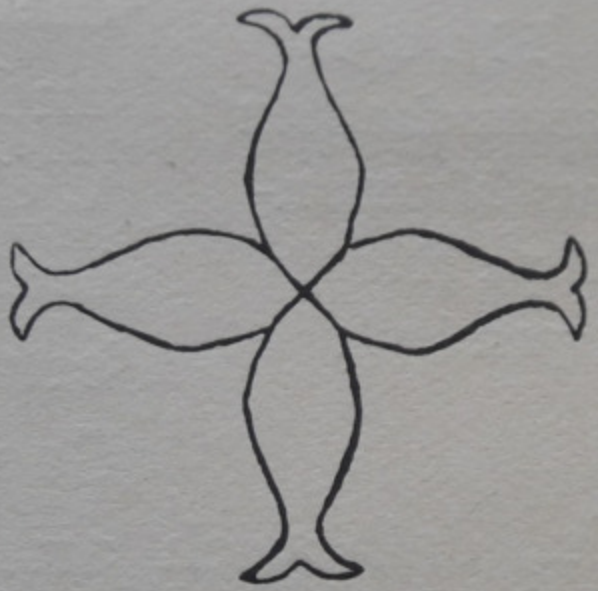
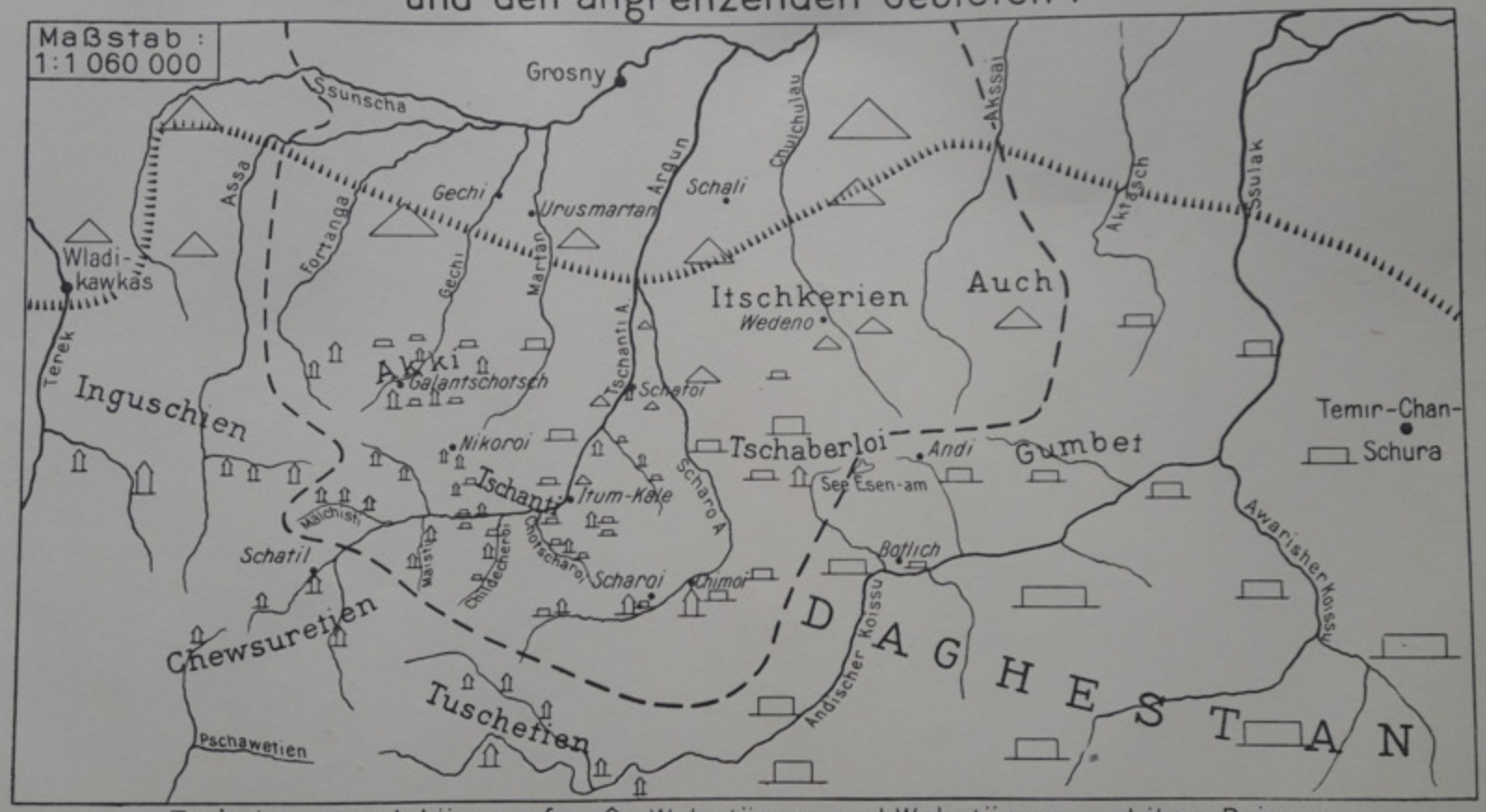

Fig. 42.
Fischmuster an einem Wehrturme in Scharoi. (Steinritzung) $^1/_{20}$ n. Gr.

Fig. 43.
Vasenscherben aus Mussian-Tepe (Nord-persien).

Karte zur Verbreitung der Hausformen im Tschetschenengebiet und den angrenzenden Gebieten.

Zeichenerklärung: Wohntürme und Wehrtürme und ihre Ruinen.
niedrige Häuser mit flachen Erddächern („Ssakli"), in Daghestan auch mehrstöckig.
Ziegelgedekte Satteldachhäuser. Gebirgsfuß. Grenze des Tschetschenengebietes.

Fig. 43a. „Hae sunt predia, domusque Missionariorum in Provincia ditta Imeretis concessa ab Alesandro Rege Georgianorum in anno 1646, suntque in ipso predio multi homines....
Aus der Sammlung des katholischen Mönches Tamarischwili. Bibliothek des Georgischen Museums in Tiflis.

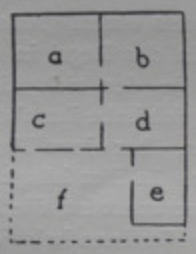

Fig. 44. Grundriß einer Ssaklja (einstöckiges Haus mit flachem Erddach) des Dorfes Ssantchoi.
a) Nebenraum; b) Wohnraum; c) Gastzimmer; d) unbewohnter Flurraum; e) Schuppen für Wirtschaftsgüter; f) als Hofraum benutztes Dach des eine Stufe tiefer am Hange liegenden Stalles.

Fig. 45. Ssaklja in Dscharego.
a) Wohnraum (besonders im Winter); b) Gastzimmer; c) leerstehender Wohnraum; d) Verandenartiger Vorbau; e) Verschlag für Vorräte (Getreidekästen); f) Von hoher Mauer umschlossener Hofraum, in gleicher Höhe mit den unter a, b und c liegenden Stallräumen. g) Heuschuppen.

Fig. 46. Kamin, nur in den entlegeneren Gebieten noch vorkommend.

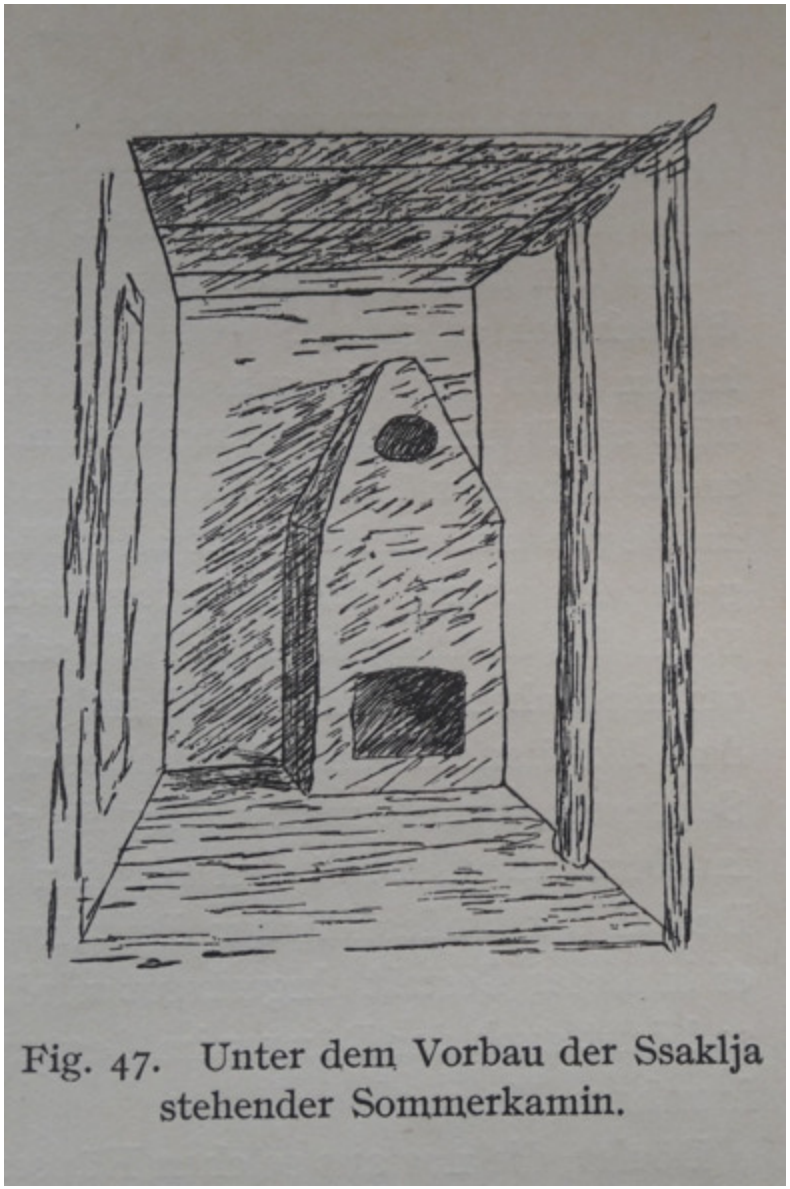
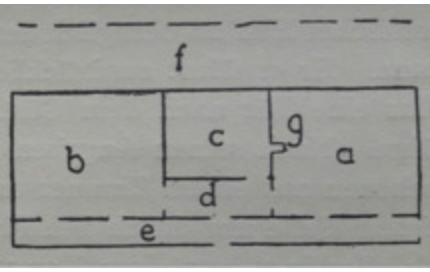

Fig. 47. Unter dem Vorbau der Ssaklja stehender Sommerkamin.

Fig. 48. Grundriß eines tschetschenischen Satteldachhauses mit nur einer Eingangstür.
a) Wohnraum; b) Nebenwohnraum, auch als Gastzimmer benutzt;
c) Gastzimmer; d) Flur;
e) verandenartiger, offener Vorbau; f) Dorfstraße;
g) „peš", kleiner, transportabler Lehmofen.

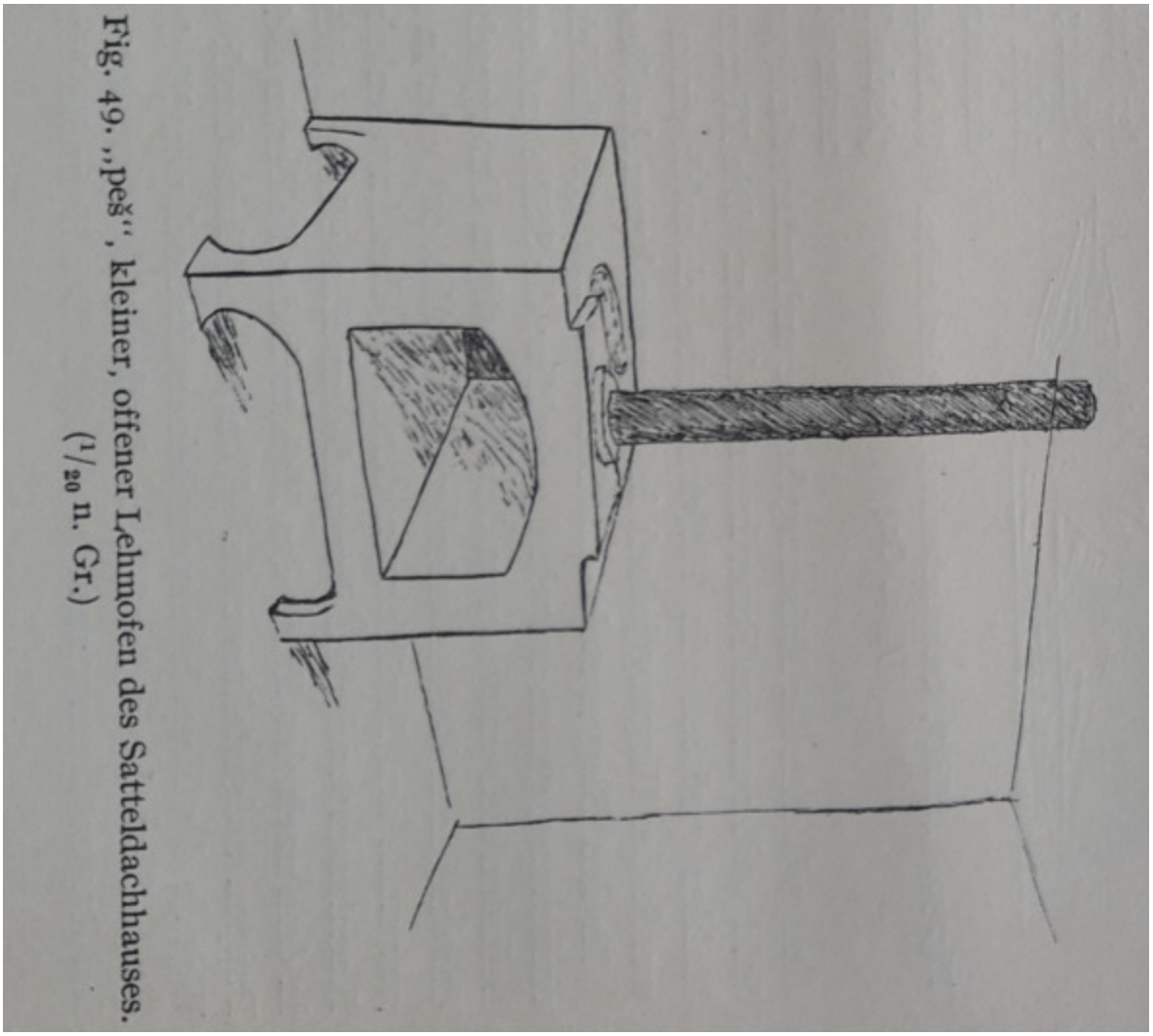

Fig. 49. „peš", kleiner, offener Lehmofen des Satteldachhauses. ($^1/_{20}$ n. Gr.)

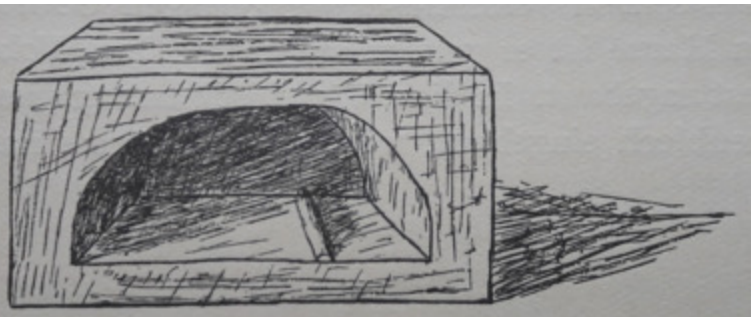
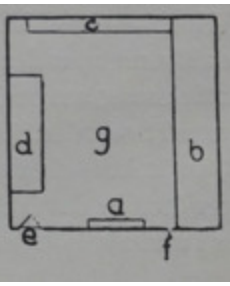

Fig. 50. „kürk", tschetschenischer Maisröstofen. ($^1/_{30}$ n. Gr.)

Fig. 51. Möbelanordnung im Wohnraume einer tschetschenischen Ssaklja.

a) Herd (Kamin); b) „tachta" (Lagerstatt);
c) Regal zur Aufnahme von Geschirr, Bettpolstern, Decken usw.;
d) Getreide- oder Mehlkasten;
e) auf den Vorbau hinausführende Tür;
f) kleines Fenster aus Glas oder gefetteter Leinwand;
g) leerer Mittelraum.

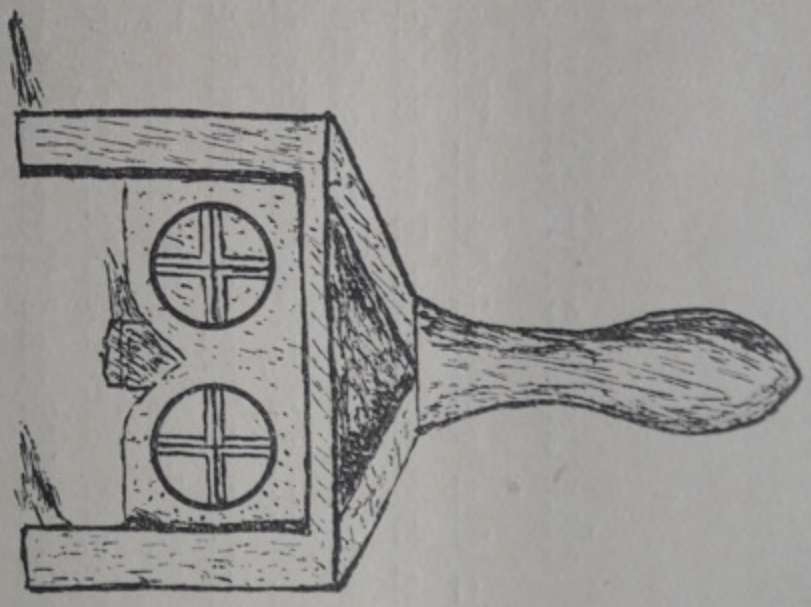

Fig. 52. Tschetschenischer Stuhl mit dreieckiger Sitzfläche. ($^1/_{12}$ n. Gr.)

Fig. 53. Eßtischchen.
($^1/_{12}$ n. Gr.)

Fig. 54. Chewsurischer Schüsseltisch.
($^1/_{12}$ n. Gr.)

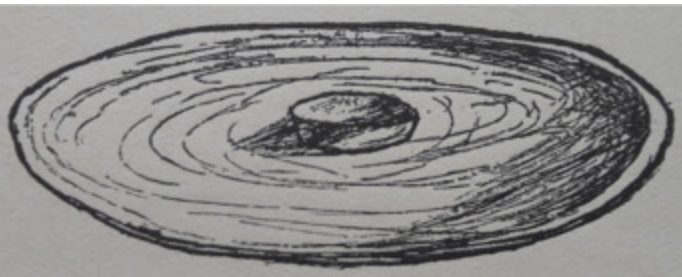

Fig. 55. Großer Holzteller mit Mittelnapf.
($^1/_{10}$ n. Gr.)

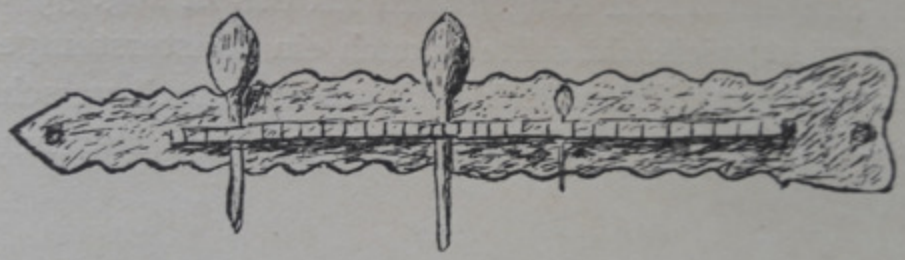

Fig. 56. Löffelbrett.

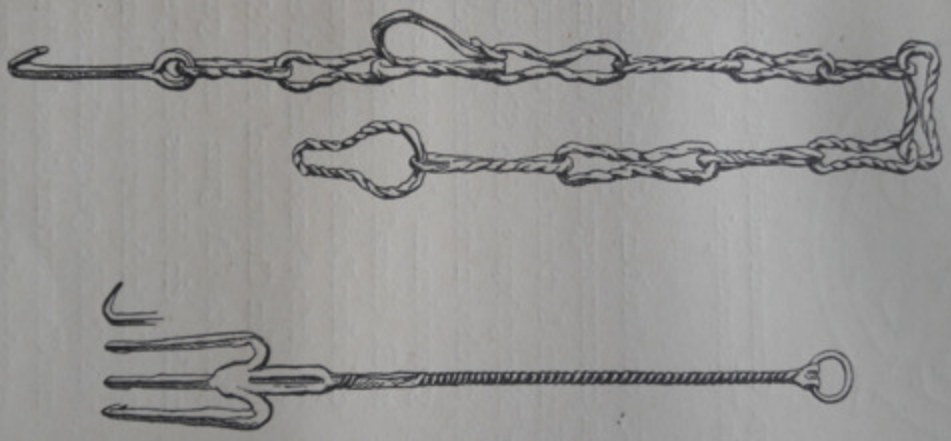

Fig. 57. Herdkette und Herdhaken. ($^1/_9$ n. Gr.) (Nach den für das Museum für Völkerkunde, Hamburg, erworbenen Originalen.)

Fig. 58. Daghestanischer Kesseltyp. ($^1/_8$ n. Gr.)

Fig. 59. Ornament auf Fig. 58, vielleicht ein Meisterstempel. ($^1/_2$ n. Gr.)

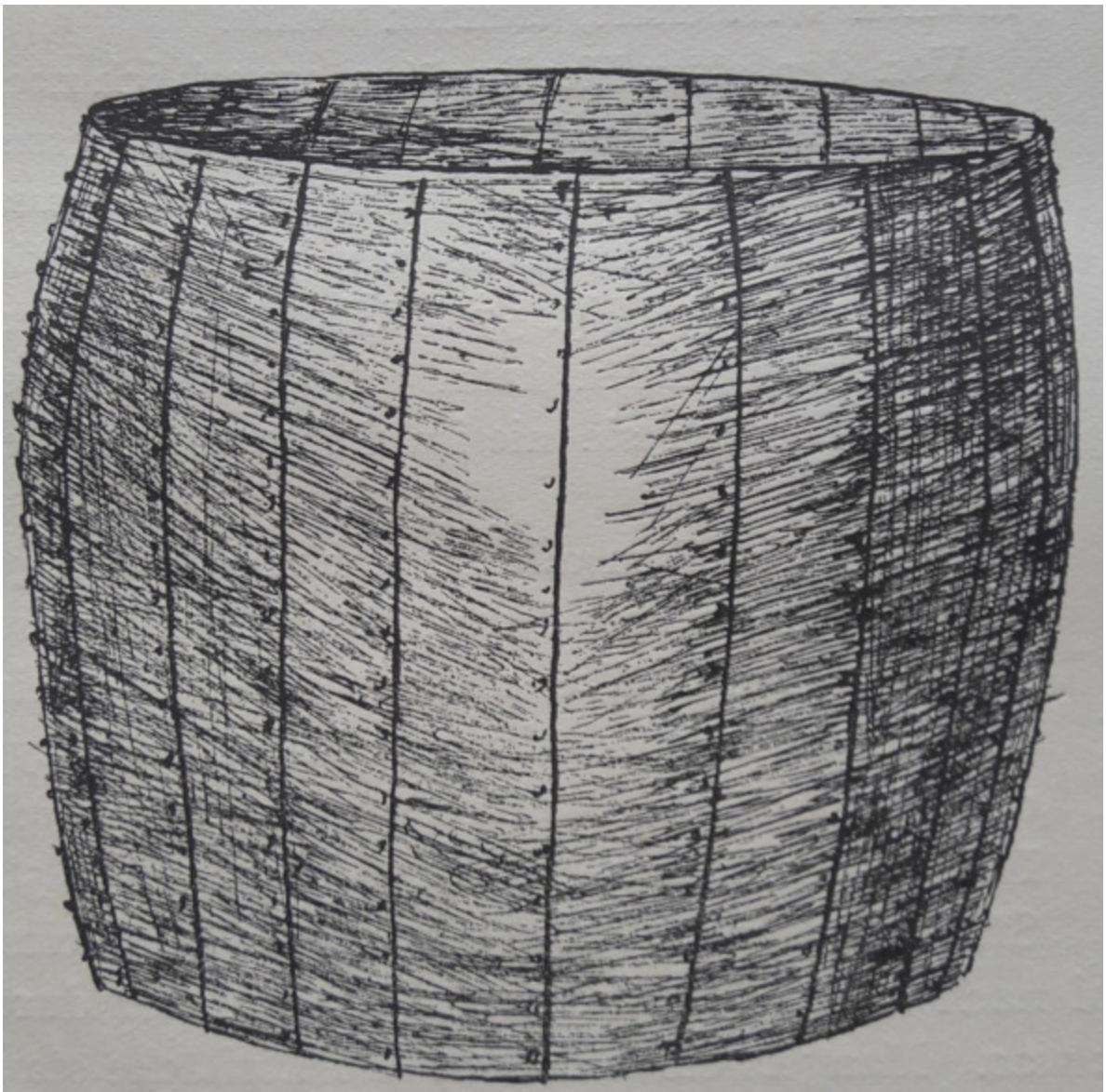

Fig. 60. Großer, kupferner Bierbraukessel.
($^1/_{12}$—$^1/_{15}$ n. Gr.)

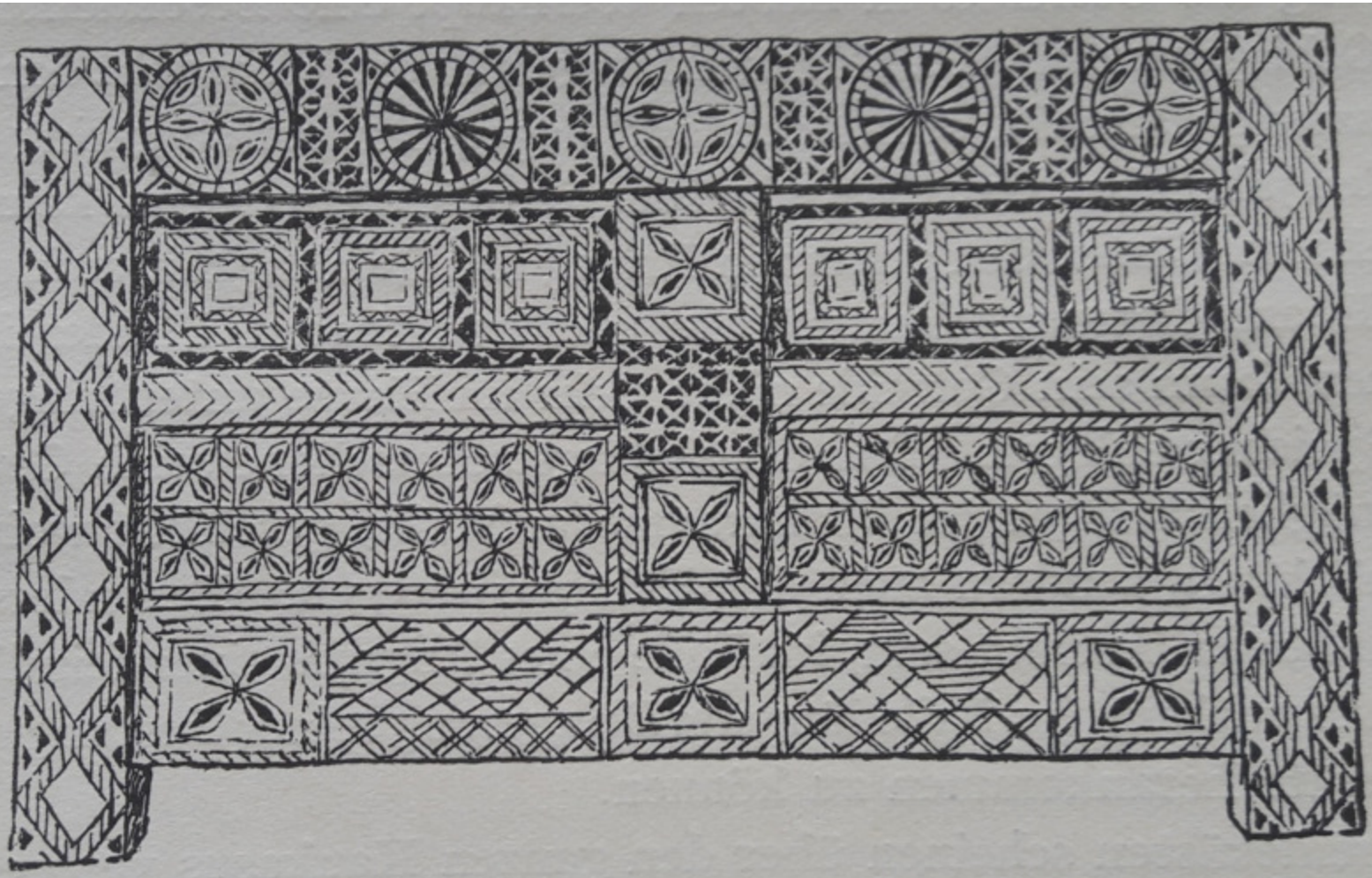

Fig. 61. Vorderseite eines Mehlkastens („k'ien") mit Kerbschnittverzierung. ($^1/_{16}$ n. Gr.)

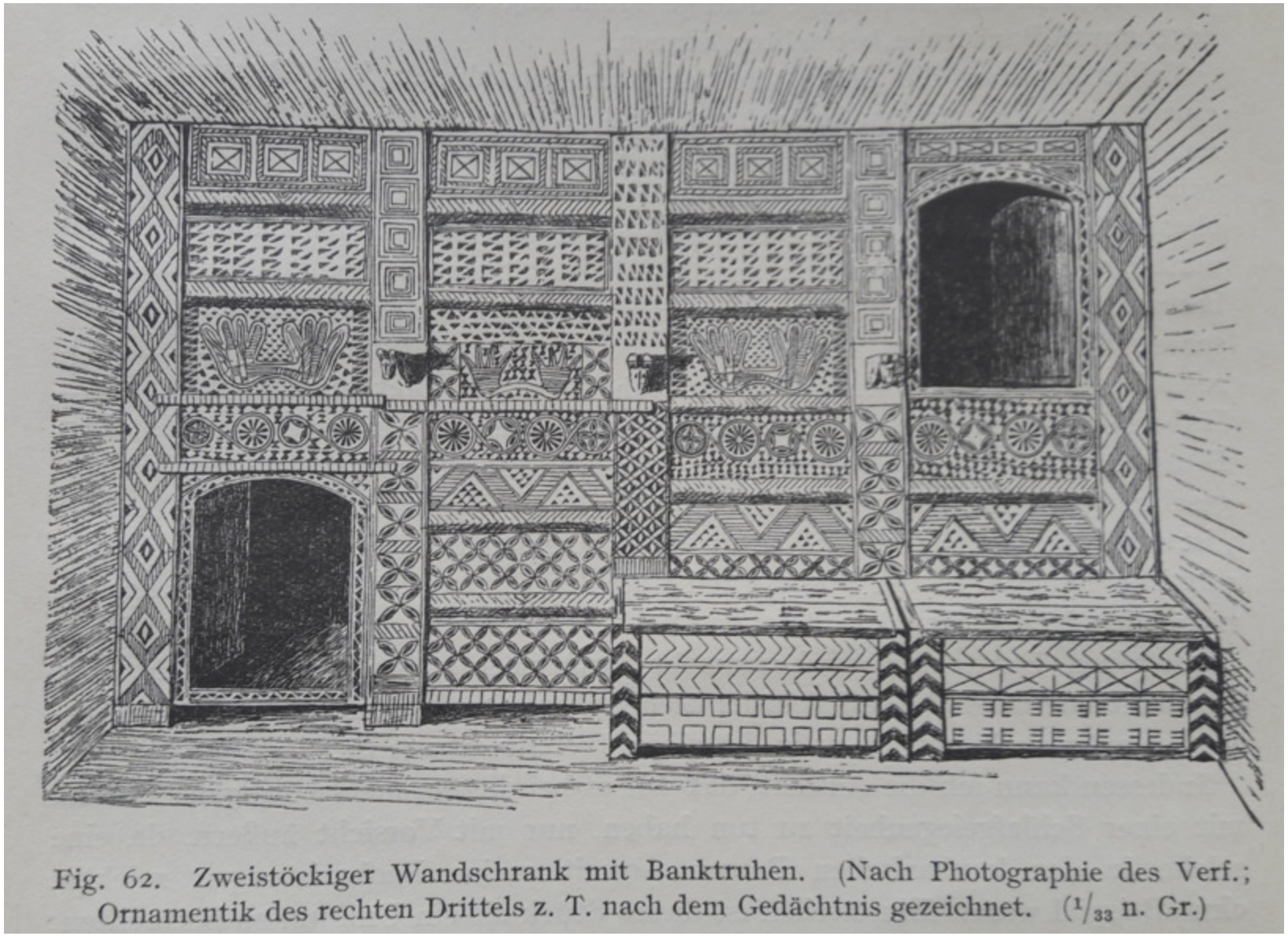

Fig. 62. Zweistöckiger Wandschrank mit Banktruhen. (Nach Photographie des Verf.; Ornamentik des rechten Drittels z. T. nach dem Gedächtnis gezeichnet. ($^1/_{33}$ n. Gr.)

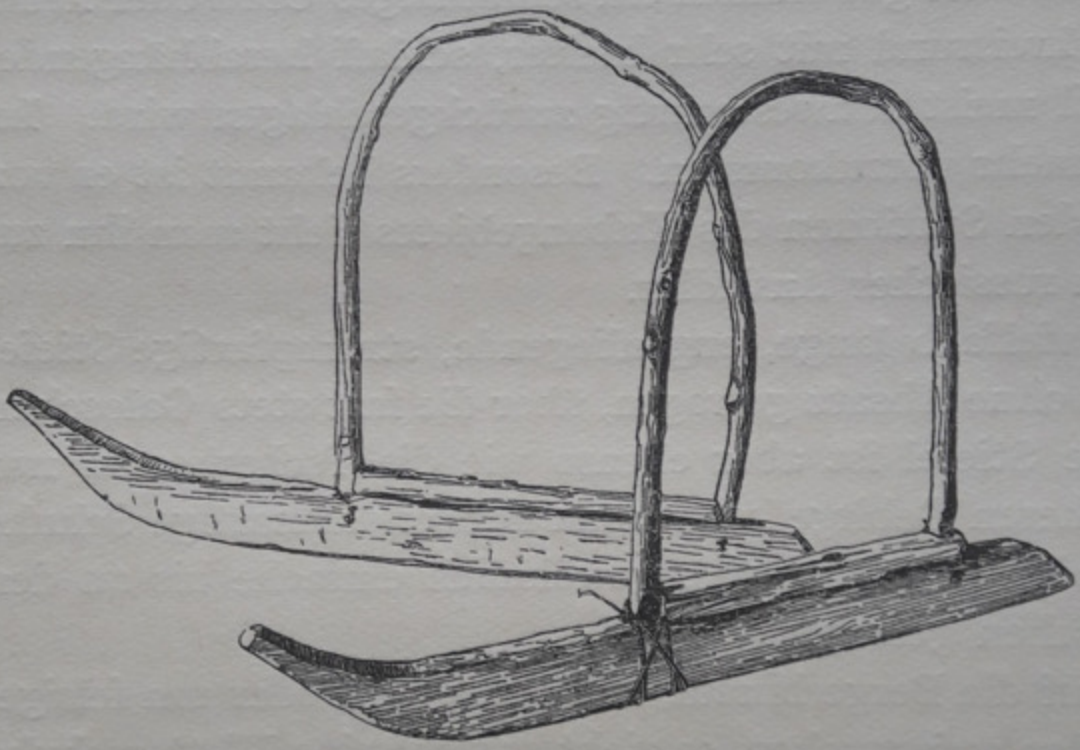

Fig. 63. Kinderschneeschuhe aus dem nördlichen Tschetschenengebiet („ssalás"). ($^1/_{12}$ n. Gr.) (Nach dem für das Museum für Völkerkunde, Hamburg, erworbenen Original.)

Fig. 64. Verschlußplatte vom Halse des Frauengewandes, Knopfstück. ($^2/_3$ n. Gr.) (Nach dem für das Hamburger Museum für Völkerkunde erworbenen Original.)

Fig. 65. Ohrgehänge vermutlich aus dem südöstlichen Daghestan. ($^2/_3$ n. Gr.) (Nach dem für das Hamburger Museum für Völkerkunde erworbenen Original.)

Fig. 66. Ältere Formen tschetschenischer silberner Ohrringe, die heute kaum noch getragen werden. ($^2/_3$ n. Gr.) (Nach den für das Museum für Völkerkunde, Hamburg, erworbenen Originalen.)

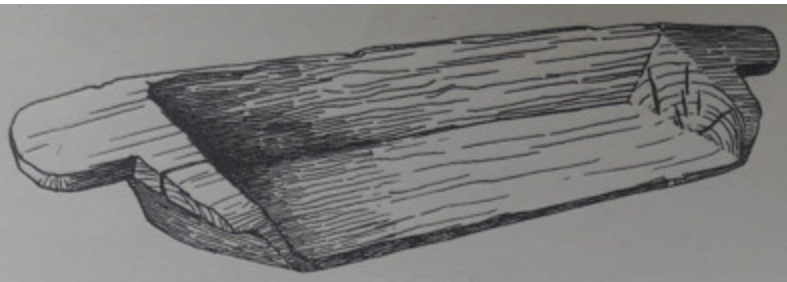

Fig. 67. Tschetschenisches Getreideworfbrett. ($^1/_6$ n. Gr.) (Nach dem für das Museum für Völkerkunde, Hamburg, erworbenen Original.)

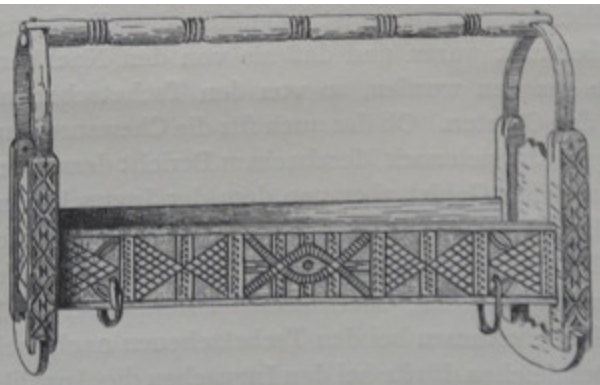

Fig. 68. Tschetschenische Wiege. ($^1/_{13}$ n. Gr.) (Nach dem für das Museum für Völkerkunde, Hamburg, erworbenen Original.)

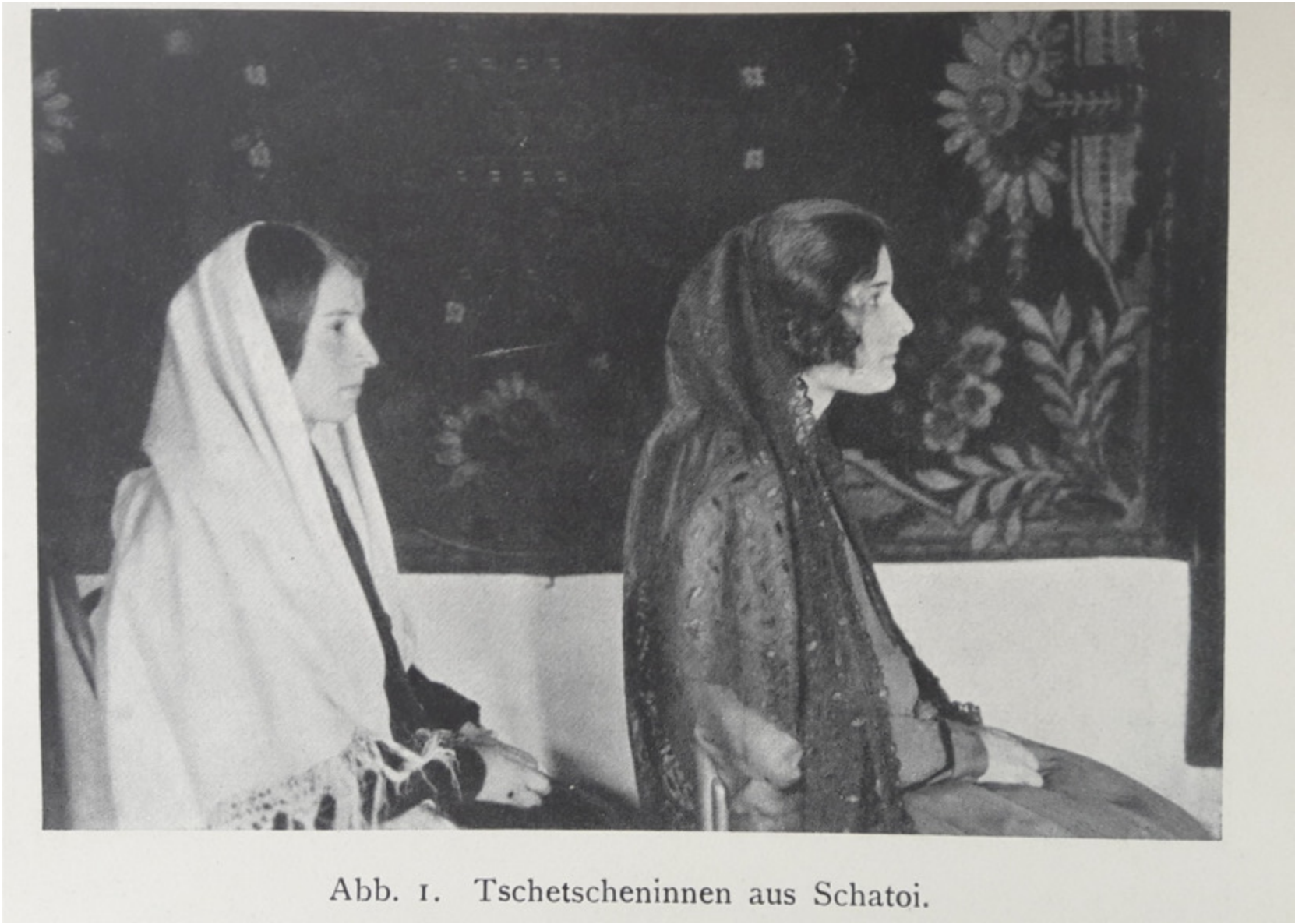

Abb. 1. Tschetscheninnen aus Schatoi.

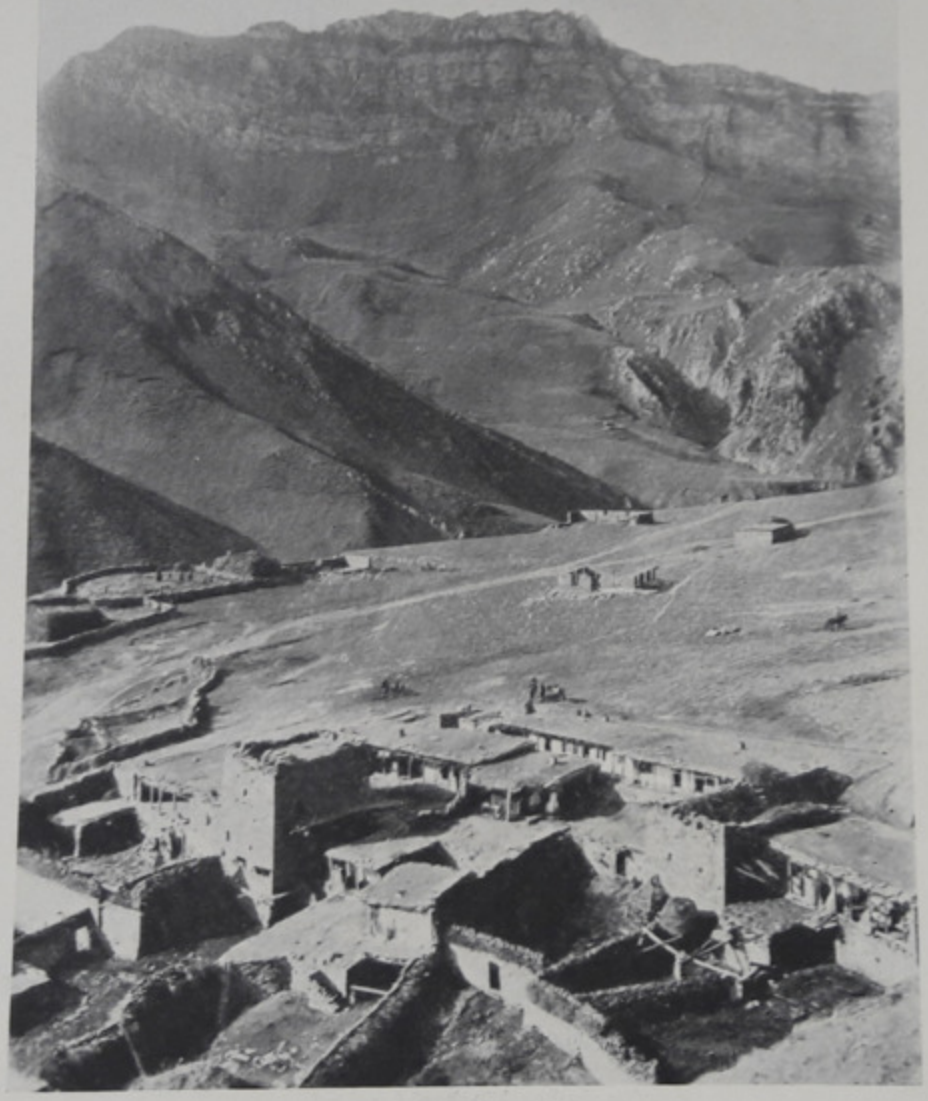

Abb. 2. Dorf Galantschotsch.

Alte Wohntürme zwischen neueren niedrigen Häusern mit flachen Erddächern („Ssakli").

Abb. 3. Dorf Scharoi.
Wehrtürme, Wohntürme und neuere Ssakli.

Abb. 4. Dorf Zekäli im Gau Maisti.
Typisches Hochgebirgsdorf.

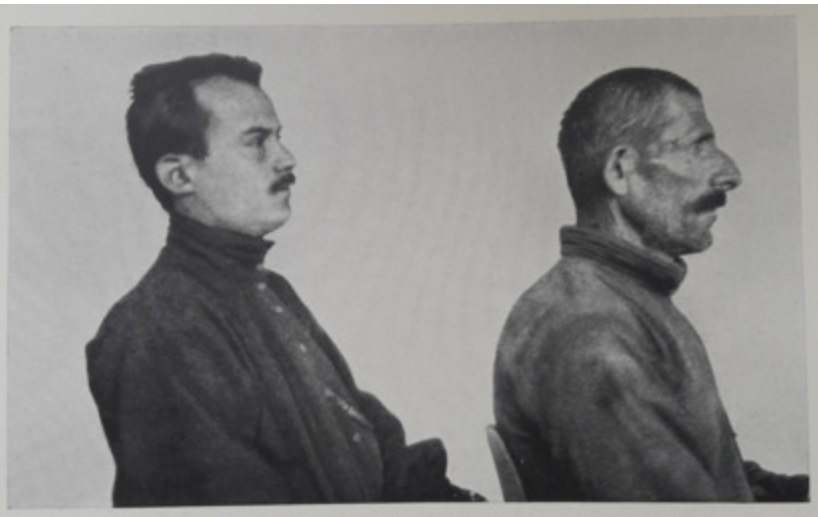

Abb. 5. Tschetschenen alpiner und vorderasiatischer Rasse.

Abb. 6. Dieselben, frontal.

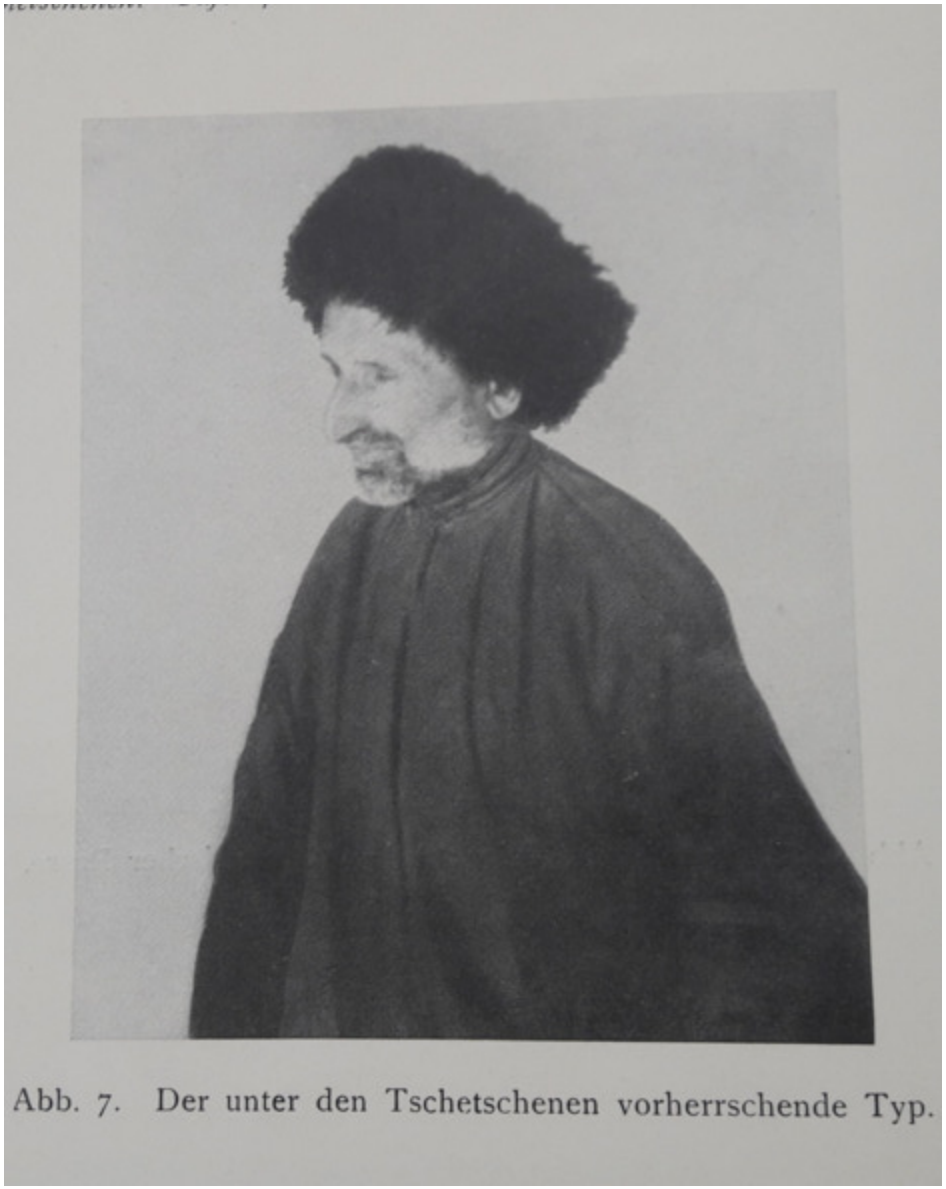

Abb. 7. Der unter den Tschetschenen vorherrschende Typ.

Abb. 8. Tschetschenische Milizionäre (Polizeisoldaten).

Abb. 9. Tschetschene in Tscherkessentracht.

Abb. 10. Tschetschenenjungen aus Zekäli in Maisti mit z. T. jüdischen Physiognomieen.

Abb. 11. Turmdorf der Inguschen.

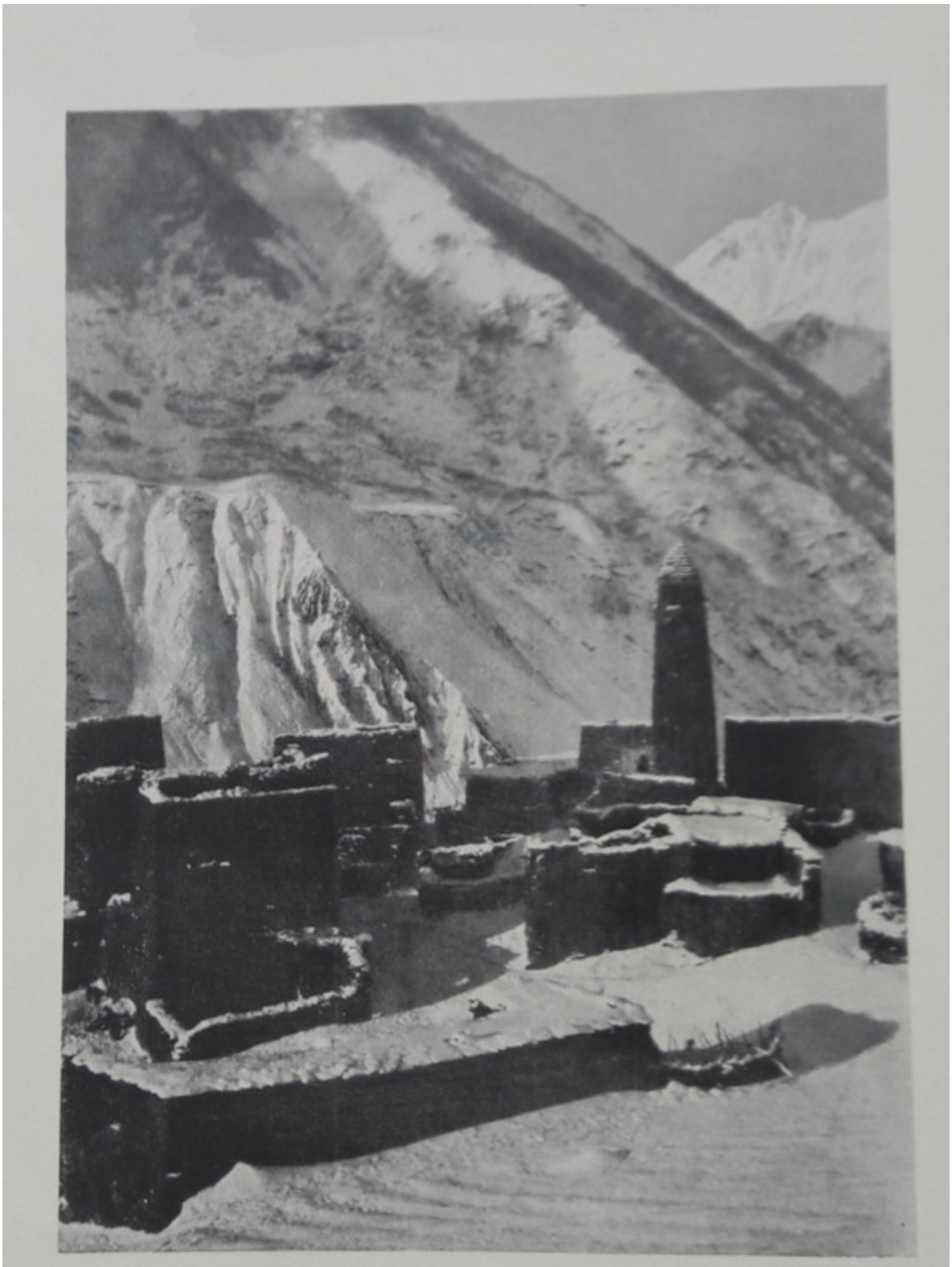

Abb. 12. Teretego in Mälchisti, Hochgebirgsturmdorf.

Abb. 13. Ikiltsche, aus Wehrturm und Wohntürmen bestehendes Einzelgehöft in Mälchisti.

Abb. 15. Ehemaliges Heiligtum in Teretego, Mäichistl, jetzt als Ziegenstall benutzt.

Abb. 16. Alte Totenhäuser und neuere mohammedanische Gräber in Teretego

Abb. 17. Dorf Zilitl im awarischen Bezirk Gumbet.
Typische Siedlung der Daghestanischen Hochflächen. Auf den flachen Dächern Getreideschober.

Abb. 18. Pfeilerhütte auf Ruinen alter Wohntürme in Keseloi, Scharo-Argun-Gebiet.

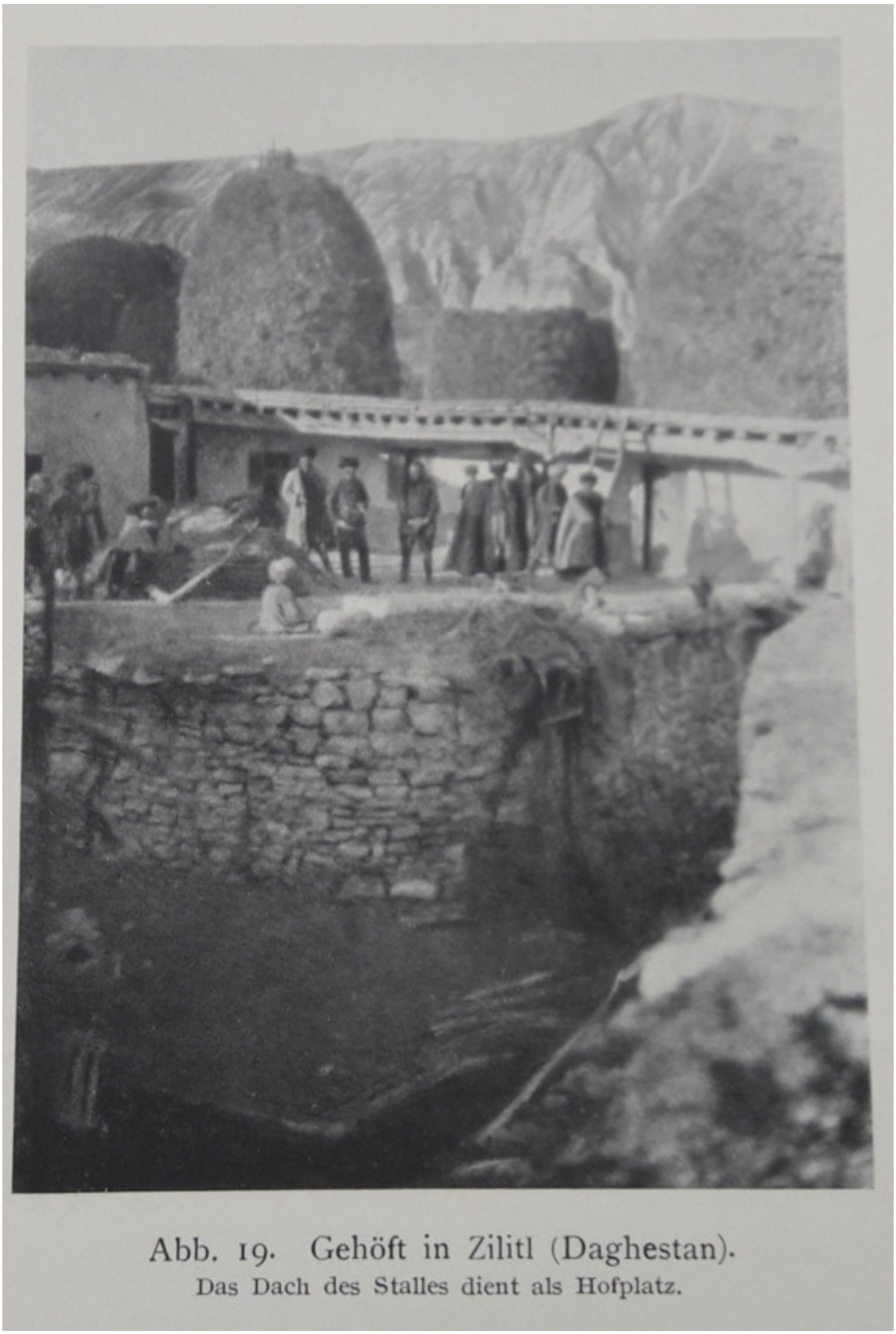

Abb. 19. Gehöft in Zilitl (Daghestan).
Das Dach des Stalles dient als Hofplatz.

Abb. 20. Tschetschenen mit Lammfellmütze und Filzhut.

Abb. 21. Gehöft in Itschkerien mit ziegelgedecktem Satteldachhause.

Abb. 22. Im Bau befindliches Satteldachhaus mit Flechtwänden und verandenartigem Vorbau.

Abb. 23. Aware (Daghestan) mit schwerem, ärmellosem Pelzumhang.

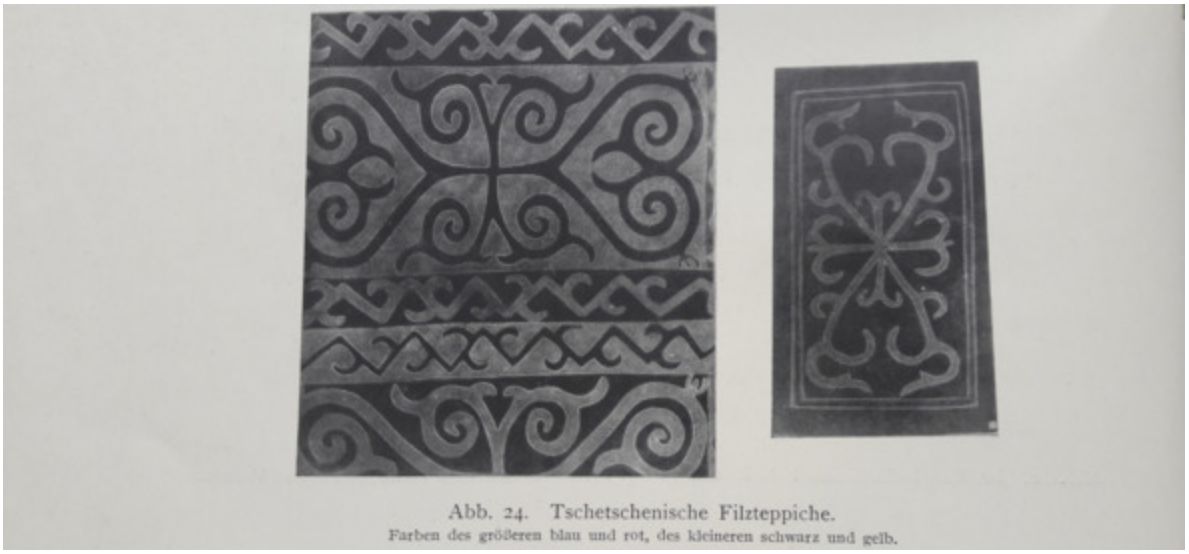

Abb. 24. Tschetschenische Filzteppiche.
Farben des größeren blau und rot, des kleineren schwarz und gelb.

«Чеченцы»

Исследование по этнологии Северо-Восточного Кавказа на основе путешествий в 1918—20 и 1927/28 гг. Доктором Бруно Плачке Ассистент Географического Института и профессор Кёнигсбергского Университета. С 68 рисунками и картой в тексте и 24 иллюстрациями. Гамбург. 1929 год. Отпечатано J.J. Augustin в Глюкштадте и Гамбурге.

Перевод с немецкого: **Ганаев Заур Шамханович** – учился в университете города Тюбинген в Баден-Вюртемберге. Немецкий язык изучал в Марбурге, Хессен, и имеет DSH Zeugnis, бессрочно удостоверяющий знание немецкого.

Подготовка текста: **Мурдалов Джабраил** – студент Грозненского Государственного Нефтяного Университета им. М. Д. Миллионщикова, факультет СПО.

Предисловие

С октября 1927 года по февраль 1928 года я пересекал территорию чеченцев, расположенных на северо-восточном склоне Кавказа, и части северо-западного Дагестана, пересекающих общероссийские и этнографические исследования. Нелегко сказать, что Чечня осталась наименее известной из всего Кавказа. Причины разные. Во-первых, мы не находим на Кавказском Востоке мощного ледяного высокогорного мира, как в западной половине горы, хотя горы Дагестана, так как своеобразное предложение достаточно и даже самых нерадивых путешественников на этот счет, и ученые в основном, как правило, проходили только центральной горной цепью между Казбеком и Эльбрусом, за некоторыми исключениями. И те, кто шел на Восток, как правило, обращали основное внимание только на высокие горы; низкий горный хребет был гораздо менее исследован. Однако этот хребет, безусловно, занимает самое большое место в чеченском районе, если понимать все горы, которые больше не доходят до линии снега. Единственные высокие горы, Пирикителишская цепь (Pirikitelische Kette), формируют уже южную границу области, поэтому она относится только к северному склону еще до чеченского района.

Еще одна причина, которая, возможно, помешала некоторым, как только чеченцы вообще были. Они были и рассматриваются всеми кавказскими народами, хотя и не самыми дикими, и в этом отношении они, вероятно, будут превзойдены Хевсурами и Сванами в конце концов, они являются самыми ненадежными и беспокойными. Грабежи, которые не зависят от человеческой жизни, все еще происходят сейчас, действительно, можно сказать, что после некоторого времени отдыха гангстерское зло начинает только оживать; даже строгие советские власти бессильны. Конечно, я сам не могу жаловаться на недружелюбие со стороны населения, но,

кроме особого случая, везде получал доброту, да радужность. Это было, конечно, связано с тем, что у меня было много знакомых в горах от предыдущего пребывания в революционные годы 1918—1920 годов, поддержкой которых я теперь мог снова надеяться.

Хотя я не преследовал каких-либо научных целей в этом первом посещении – я был военным деятелем на стороне горных племен – я приобрел хорошее знание земли и людей, так что на этот раз мне не нужно было тратить время на общую ориентацию.

В настоящей работе приводятся только этнологические наблюдения. Хотя поездка в основном проводилась для общих региональных исследований, у меня была широкая возможность делать фольклорные наблюдения, а это, в свою очередь, благодаря тесному контакту с туземцами, особенно потому, что я проводил все ночи и вечера с ними. И в конечном итоге – является условием успешной работы.

Мои фольклорные наблюдения не проводились систематически и поэтому указывают, что некоторые вещи начали обращать внимание только тогда, когда было уже слишком поздно, и мое пребывание подошло к концу. В основном я ограничился сбором материалов, касающихся материальной культуры. Для более детального изучения духовной культуры, особенно очень интересных социальных условий, времени было недостаточно. Подобные исследования без знания племенного языка связаны с большими трудностями. Мои знания русского языка не помогли мне в отдаленных горных деревнях, так как мало кто понимает русский язык, а во многих деревнях вообще нет. То же самое относится и к беззубым татарам. Кумыкский, который часто используется в Дагестане как народный язык; известен в основном чеченцам, непосредственно прилегающим к ним.

В неизвестности области, я счел целесообразным предварить подробный обзор географической проведенной пройденной области. В частности, соответствует краткая характеристика отдельных чеченских ландшафтов. Сделать провинции, особенно, как

я иду ближе к этнографическим замечаниям о географическом распределении отдельных явлений в Чеченской области. Кроме того, поскольку культура чеченцев не ярко выражена, но сходство с культурой остальных народов Кавказа наблюдаются повсеместно, так что это не казалось неуместным также определить географическое положение чеченской территории на Кавказе невелико.

Вот некоторые общие замечания о состоянии этнологических исследований на Кавказе. Как и везде в мире, здесь тоже старые народные культуры, в их интеллектуальном и материальном бытии, все больше и больше исчезают и вытесняются современным образом жизни западноевропейского происхождения, который интенсивно распространяется войной, и особенно большевизмом, вплоть до самых отдаленных горных долин. Необходимо записывать сохранившиеся, оставшиеся и собирать их в музеях, прежде чем они в конец исчезнут. Однако в этой работе, которая сейчас идет полным ходом, доля западноевропейских исследователей, которые находились на переднем крае предыдущих десятилетий, довольно мала. Однако интерес к Кавказу не должен был уменьшаться, скорее наоборот. Однако с российской стороны интерес к провинциальным и этнографическим исследованиям и исследованиям на Кавказе возрос. Это движение поддерживается жесткой организацией, которая управляет многочисленными экспедициями, которые ежегодно проводятся в разных частях туристической империи. Это, конечно, имеет особую причину в том, что источником средств, необходимых для этой цели, является исключительно из государственной казны, как это возможно в коммунистическом государстве.

Прежде всего, однако, следует иметь в виду, что слишком малоизвестное обстоятельство заключается в том, что исследование земли и фольклора осуществляется не просто русскими, а тем, что многочисленные иностранцы империи, к которым в основном распространяются исследования. Большие народы, такие как древняя

цивилизация грузин, уже делали это раньше, но среди других малых народов Кавказа, особенно северокавказцев, недавно пробудилась жажда к исследованию родины, искусственно пробужденная, национальной политикой Советского Союза. Важную роль в этом играет развитие национальной системы образования. Во время моего пребывания около 40% всех детей в чеченском районе получали регулярное образование, в деревнях, на равнине больше, в высоких горах меньше. Было только несколько, труднодоступных высокогорных ущелий, в которых не было школы. Кавказские племена получили исключительные преимущества от большевизма. Это следует признать и противниками большевизма); их культурное развитие за счет русского народа. Это преобразование будет только полностью эффективным, особенно для домашних исследований, через несколько лет, когда молодое поколение аборигенов вырастет. Но сегодня и у каждой из малых автономных областей Северного Кавказа есть свой маленький исторический музей в других частях империи. Научно-исследовательскими центрами являются музеи института Владикавказа и Петровска (Махачкала), в которых работают постоянные научные силы, о чем свидетельствуют периодические публикации. Здесь я также был принят гостеприимно, за что я хотел бы их поблагодарить.

Таким образом, тот, кто проводит исследования Кавказа сегодня, будь то в области естественных наук или гуманитарных наук, должен тщательно ознакомиться с работой, которая была уже сделана на Кавказе в последние годы российскими исследователями и коренными кавказцами, если его наблюдения и выводы, сделанные из них, должны соответствовать текущему состоянию исследований. Конечно, это требование непросто выполнить из-за плохого снабжения литературой, несмотря на некоторые усилия.

Для поездки были доступны только очень небольшие средства. К сожалению, большой объем денег был предоставлен мне гамбургским этнографическим музеем для покупки этнологических объектов, как я уже был на Кавказе, то лишь небольшая часть его

попала мне в руки в результате многочисленных трудностей. Некоторые из приведенных объектов публикуются здесь; составление чертежей, к счастью, было сделано музеем. Я благодарю заведующего кавказским отделом музея доктора **Артура Байхана**, за его часто доказываемую дружбу. Я получил много дельных предложений от моего друга доктора **Фридлиха Баумхауэра**. Основываясь на своих собственных глубоких исследованиях в грузинском фольклоре.

Профессор Д-р мед. **Арвед Шульц**, директор Географического института Университета Кенигсберга, немецкий институт, который предлагает лучшие возможности для изучения общей географии Русского Востока, особенно благодарен за большой интерес и поддержку, которые он оказал моей кавказской работе, и что публикация настоящих материалов стала возможной. Примечание (Мое эссе в журнале «Остеуропа» 1928 года, выпуск 10 «О культурной жизни малых автономных районов Северного Кавказа» содержит более подробную информацию).

A) Географические особенности. I. Границы, протяженность и численность населения Чеченской области

Ниже мы вкратце расскажем о границах автономной области Чеченцев.

Юг и юго-восточная граница проходят вдоль водораздела между рекой Терек и Сулак, соответственно Сунжа и Андский Коису. Она выходит из Тебулос-мта Пирикилистскую цепь, соответственно вдоль Башлама до Диклос-мта, а затем следуют по Андской цепи в северном направлении к району озера Эзен-ам, проходя мимо нее на восток. Здесь граница достигает юго-востока немного над водоразделом. С перевала Керкет он снова бежит на восток на Андский водораздел, который, наконец, уходит из источников Ярык-су. Повернувшись на север, он проходит около 20 км на водоразделе между Акташем на востоке и Ярык-су на западе, затем проходит в северо-западном направлении последний и водный путь Яман-су и к северу от железной дороги Грозный-

Петровск, Аксай и достигает Терека в станице Шелкозаводской примерно в том месте, где он начинает поворачивать на север. Северная граница теперь формируется повсюду Тереком. Примерно в 20 км к востоку от Моздока она уходит от Терека и проходит в южном направлении на вершины гор Терек-Сунжа. На равнине Сунжи он образует петлю, которая открывается на запад, а затем отходит назад в горы на водоразделе между двумя притоками Сунжи, Ассы и Фортанги, на горный узел Муйти-кера. Отсюда он спускается в юго-восточном направлении в долину верхнего Аргуна и, поворачиваясь на юг, снова достигает Тебулос-маты.

Поскольку чеченцы живут в закрытой местности, они более менее открыты и доступны те, кто живет в равнинных чеченских деревнях. Исключением является только подавляющий российский Грозный с его нефтяной промышленностью, которая до сих пор создала для себя административную территорию, но недавно была побеждена Чеченской автономной областью. Напротив, нет чеченцев за пределами этой автономной территории, за исключением жилищ нескольких деревень, которые были переданы в Советскую Республику Дагестан.

Согласно приблизительной оценке, общая площадь, может составлять около 10 000 квадратных километров, что составляет всего около ¼ от площади Восточной Пруссии. Резиденты состояли в 1926 году 311 000 человек, без 95 000 жителей района Грозного.

Как видно на карте, чеченский район состоит из гористой и плоской части, примерно одинакового размера.

II. Расположение Чечни в горах Кавказа. Горный хребет Кавказа можно разобрать на три основные части, классификация, которая также предпочтительна для большинства географов, но она настоятельно призывает себя, так сказать. Длинная цепь могучих снежных пиков и фирновых полей в центральной части первоначально воспринимается как единство. Граница с двумя внешними третями может быть выбрана по-разному. Геолог возьмет границу на восток как Терекское ущелье, потому что кристальные

скалы погружены под старые темные сланцы Восточного Кавказа; орографически, как восточная граничная точка центральной части, лучше посмотреть на горный узел великого Борбало. Около 50 км к западу от Эльбруса начинается западная треть гор, которая, быстро снижаясь, наконец-то находит свой конец на Таманском полуострове.

Гораздо яснее, чем западная треть, восток выступает как своеобразный автономный горный хребет Дагестан. У этого могучего щитообразного треугольника, кажется, есть только одна общая черта с остальными горами: одностороннее, прямолинейное расширение гребня водораздела от запад-северо-запад до восток-юго-восток. Здесь отсутствует весь южный склон Кавказа; он потонул. На его месте распространяется солнечная равнина Кахетии. Острые, как бы отрезанные, здесь высокие горы и мелкие горы лежат неожиданно рядом друг с другом. Сравните это с широким развитием южного склона на центральном и западном Кавказе. Но застойный северный склон Дагестана также принципиально отличается по своей структуре и от структуры центрального Кавказа.

Долгое время было проведено различие между несколькими параллельными цепями на северном склоне Кавказа, которые вскоре стали более узнаваемыми, иногда менее ясными. Общим для всех частей гор является главный хребет. Он не дает этого имени, потому что гора поднимается до самой большой высоты в нем, но потому, что он образует водораздел повсюду; нигде он не разбит рекой. Скорее, самые высокие возвышения можно найти в так называемом гребне, на севере, таком как Эльбрус, Коштан-тау, Дайч-тау и Касбек. Через многие поперечные долины он растворяется в отдельных массивах. Он часто связан поперечными изгибами с основным хребтом, к юго-востоку можно узнать в высоком Баш-ламе и образуя дугу в Дагестане.

Далее выделяется Скалистый хребет (скалистый хребет из россиян), затем Альпийский гребень (пастбищный хребет) и, наконец, Лесные хребты (лесистый хр.). Однако, что касается

Скалистого хребта, следует отметить, что это название было культивировано на центральном Кавказе, где эта цепь достигает большей высоты, чем к востоку от грузинской военной дороги; в чеченских районах он проявляет лишь каменистый характер; Каменистый хребет здесь в основном покрыт альпийскими пастбищами, а также так называемым Альпийским гребнем, который проходит к северу от него.

Эти длинные параллельные цепи гор, разбитые на участки по многим поперечным долинам, характерны для Центрального Кавказа. Хотя внешние цепи частично прерываются котлом Владикавказа; однако военно-грузинская дорога четко виднеется всем порядком хребтов, от главного хребта до лесистых хребтов. Это применимо даже для всей западной Чечни, но только до Аргуна. К востоку от этой реки приходит сила другого направления обзора по внешнему виду, которое переходит от юго-запада к северо-востоку и в значительной степени вытесняет ранее решающее направление ЗСЗ-ВЮВ. Это направление исследования юго-запад – северо-восток является решающим для рельефа Дагестана. Это привносит чужой элемент в систему Кавказа, которая полностью размывает свой прежний столь единообразный характер. Как и несчастная тяжелая масса, как инородное тело, Дагестан, похоже иного порядка цепи Кавказа. Помимо другой ориентации его горных хребтов, это прежде всего странное уединение, которое заставляет Дагестан выпасть из рамок остальной части Кавказа. Мощная известняковая горная стена окружает ее в северо-западных и северных районах и заставляет воды четырех рек Койсу пробираться сквозь эту стену в глубокий каньон к Каспийскому морю.

Своеобразное сморщивание и глубокая полосы создали хаотический беспорядок острых хребтов, широких, кольцеобразных плато и глубоких ущелий, особенно в нижних северо-западных частях этой огромной естественной крепости, где трудно ориентироваться. Только когда вы более внимательно изучаете, вы

понимаете, что даже этот предполагаемый хаос разработан в соответствии с законом.

Здесь говорят только о внутреннем Дагестане с четырьмя реками Койсу; Весь горный район между этим Койсу, Дагестаном и Каспийским морем, то есть системой шахматных-даг и дибраров, не рассматривается, поскольку он не имеет никакого значения для рассматриваемой территории.

Горный хребет, в котором это значительное юго-запад – северо-восток, направление появляется наиболее заметно, является в то же время частью уже упомянутой пограничной стены, которая стреляет в Дагестан вокруг внешнего мира. На ней проходит водораздел между рекой Сулак и рекой Терек; Политическая граница также движется вперед, как уже упоминалось в начале. Его внешний склон расположен в районе Чечни; он является наиболее заметной чертой в орографии его восточной части.

Последствия этого сейчас очевидны, в Чечне две большие части, кавказской горной цепи, соответствуют цепной структуре центрального Кавказа и поперечно дагестанским горам. Западная часть находится под влиянием Кавказа, восточного – в дагестанском смысле. Таким образом, Чечню можно описать как переходную зону между северными склонами центрального и восточного Кавказа.

Как горы, Кавказ или, как говорят россияне, Северный Кавказ можно разделить на три основные части. К ним относятся Кубань в запад, в середине высоты ставропольских и восток, низину Терека и Кумы.

Восточная треть Кавказа, с которой мы имеем дело одна, разделена на две отдельные части. Здесь можно не учитывать северную часть, широкую ногайскую степь, простирающуюся между Тереком и Кумой, поскольку это, по существу, только вопрос установления орографических отношений, поскольку таких нет в чеченском районе. И это не связано с остальными горами; никакая горная вода не проносится через нее; Кума и Терек только образуют границы бесплодных, иногда пустынных степей.

В отличие от района, прилегающего к югу, низменности прямо вверх по течению от горной ноги. Я называю это верхней группой ярусов, но я также включаю низменности его самого независимого крупнейшего притока – Сунжи, который достигает Терека только в начале его нижнего течения. Эта низменность пересекается бесчисленными горными водами; она почти ее работа, поскольку она от части несколько сотен метров гравийных масс, среди которых были скрыты глубокие морщины кавказских гор. Однако на некотором расстоянии от подножия горы эти морщины внезапно поднимаются снова, а именно в двух удлиненных параллельных грунтовых стенах с относительной высотой около 200—300 м. Они называются горами Терек-Сунжа. Но он также находится на поверхности с основными горами, все еще находящимися в связи. Северный поезд связан с ним примерно в том же месте, где Дагестан доходит до севера; в западе он отделен от него коридорами Кабарды. Южный, в свою очередь, висит в воздухе с его восточным крылом; Он внезапно ломается в течени Сунжа; на его последних холмах поднимаются нефтяные вышки новых Грозненских месторождений. В западе, с другой стороны, он находит связь с основной цепью, вскоре после того, как Терек прорвался, как на востоке, Сунжа пробивается через северную. Складки Терекских гор изучены после недавних исследований до севера; на возмущениях указывает на другие мощные запасы минеральных вод на его северном краю, соответственно к северу от Грозного.

Между этими двумя гребнями и основными горными хребтами верхняя Терекская низменность. В широкой дуге проникает в скале, самом глубоком в Владикавказ, и, таким образом, дает центральный Кавказ, своеобразную плотную форму так, что ширина горы здесь сужается до 120 км, а в Эльбрусе 180 км, а в Дагестане не намного меньше. Однако, цифра 180 км также имеет значение для Центрального Кавказа; поскольку это соответствовало бы расстоянию от южной ноги горы до северного края двух хребтов, что, безусловно, больше, чем просто случайность.

Что относится к дуге верхней сухожилие Терской низменности, таким образом, примерно формируется северный из двух переломам или, если хотите, через среднюю часть Терека, который, поворачиваясь здесь в строго кавказском направлении на северном склоне дагестанского направления подъема юз-св до север.

Поэтому нельзя рассматривать верхнюю терекскую низменность в рассмотрении кавказского горного здания. Вы можете видеть их как внутри, так и за пределами гор. Для первого, антропогеографический факт говорит интересным образом, поскольку он по-прежнему населен фактическими народами Кавказа, а именно кабардинцами, ингушами и чеченцами, а за двумя холмами – тюрко-татарскими степными народами ногайского народа и приятелями одной и той же группы народов распространился. Сама по себе верхняя Терекская низменность состоит из трех отдельных областей, а именно Кабарды и Владикавказского бассейна, отделенных от нее южным одним из двух гребней холма. Владикавказ, как и город Кассель отделен от третьей части мысом Черных гор, равниной Сунжа, которая, в свою очередь, также проникает в горы в арочной форме. В настоящее время плоскость Сунжа формирует район, положение которого должно было означать в этой главе, а именно плоская часть чеченского района.

Это краткое описание ситуации в Чеченской области на Кавказе может быть достаточным для настоящей работы.

III. Региональный обзор Чеченской области.

a) Поверхностная форма. Перечисление различных цепочек, общих для северного склона Центрального Кавказа, а также представленных в предыдущей главе, может создать впечатление, что здесь мы находим ряд цепей, параллельных основному гребню, один из которых становится ниже и ниже другие, пока они, наконец, не исчезнут в самолете. Конечно, не на востоке, особенно не в Дагестане, но не в чеченском районе. Итак, вот например, два гребня, которые лежат между высокими горами и низкими Черными горами, равны по высоте, а местами даже северная возвышается

на юг. Наиболее подходящим для получения краткого обзора орографии области является классификация по разным уровням высоты, которые очень резкие и почти заставляют глаз альпиниста к этой классификации. Их трое различают. I. Уровень третичных предгорий или «черные горы» с высотой около 800—1000 м. После этого до юга 2. Уровень известняковых гор меловой и верхней юры с 2000 м с высотами вершин до 3000 м. Часть горных сланцев и песчаников средней и нижней юры относится к этому уровню высоты. 3. Высокие горы старого темного сланца от 3000 м до 4500 м.

Давайте сначала посмотрим на третичные предгорья. С равнины Сунжи, которая лежит около 300 метров вниз по горной ноге, ее мягкие холмистые высоты поднимаются после густых буковых лесов, с которыми они когда-то были покрыты, называемых «Черными горами». Обширные сгибы восток-запад разрешаются путем спешки к рекам Сунжа и ручьев в отдельные бугры и юго-север оттягивающие спины, некоторые из которых достигают 1200 м. Примечательно, что в этом районе находится огромный ледниковый гравийный покров, который, помимо речных террас, сформировал широкие гладкие ровные уровни между хребтами, которые могут занимать до 30 квадратных километров площади суши. Они состоят исключительно из известняка и соединены речными террасами, как узкими полосами гравия по дну Сунжа. Ширина Черных гор уменьшается, чем глубже Сунженские равнины проникают в горы. Таким образом, он находится примерно в 15 км от Аргуна и к западу от него, а в вост. области он увеличивается вдвое.

Полностью резко поднимается от Черного Гора, второго уровня гор известняка, в котором даже проходы высотой чуть ниже 2000 м вниз (конечно, кроме прорывных долин). Гораздо более нечеткая – это южная граница этой высоты; подъем в высокие горы происходит постепенно. В целом, высокие горы начинаются только к югу от двух аргунских верховья. Тем не менее, Чанти-Аргун образует границу между двумя возвышенностями только до слияния притока Чотчаро

(справа), проливов Шаро-Аргун и Кири (справа). Ниже этих точек высота гор известняка на обоих курсах реки пересекает правый берег.

Ширина этого шага составляет 25—30 км в чеченском районе. В Дагестане она намного шире.

Измеренный перпендикулярно горной оси, горный хребет в Хунзахе находится на глубине около 60 км, примерно на высоте 2000 м и выше (сам Хунзах всего 1800 м). Это утверждение особенно облегчается расширенными, для Дагестанских характерных плато-ландшафтов, например, Хунзах. Совместное использование этого уширения также является одним из множества различных геологических формаций. По-видимому, северный склон Дагестана только что компенсировал недостающий южный склон более широким. Фактически, он простирается намного дальше до N, чем на остальную часть Кавказа, с северным краем его известняковых гор, а именно с Андийской цепью, возвышающейся намного выше своего центра, так же, как она возвышается над соседними чеченскими известняковыми горами. Вы можете видеть это сбоку от поезда при приближении из Грозного. В то время как нижние чеченские известняковые горы превышают лесные границы в местах лишь незначительно, от вост., особенно в вечернем свете, волнистые обрывы бугров высотой 3040 м, которые обеспечивают эффективный контраст с зелеными лесами у подножия с их яркими красками. Капля андской цепи делает здесь почти впечатление уровня земли, особенно на Зубутли (2910 м), а оттуда примерно на 15 км дальше к востоку. Подножие этой наземной сцены, слои по моим наблюдениям по, грызут далеко ветвящиеся рек Аксая.

Иными словами, северная сторона цепи Анди дальше на восток в районе Салатау, который уже принадлежит республике Дагестан. Страты здесь легко попадают в север, поскольку я вполне мог наблюдать за ходом через поистине великолепный Сулакский каньон; поэтому там происходит постепенное увеличение севера.

Довольно плоский внешний склон андской цепи, особенно на другой стороне Сулака, к Темир-Хан-Шуре.

Платообразные формации, характерные для Дагестана, отсутствуют в чеченском районе, хотя на высотах известняковых гор также имеются довольно обширные плоские участки. Скорее, на поле зрения доминируют две выраженные цепи, особенно в запад. Северный, северный край которого, поперечные долины повсюду, разделен на западную половину поперечными долинами на несколько массивов. Конечно, эти долины обусловлены тем, что их образование, как скорее препятствует течению, чем способствовать, например, Гехи, если не так, как в долине Чанти-Аргун, создается искусственная ротока. К востоку от Шаро-Аргуна он образует сплошную спину, которая в своем дальнейшем продолжении в Андийской цепи до Каспийского моря снова разрушается в Сулакском Каньоне.

Примерно на 15 км далее следует юг, потянув параллель, примерно равную вторую цепь этой высоты. Между ними лежит довольно мелкая полая, в которую также вырыты глубокие ущелья. Эта вторая цепь образует непосредственное продолжение высокой Зори-ламы Ингушетия), немного снизился в западной территории Чечни достигла двух коровьих голов, труднодоступный Шаро-Аргун, опять 3000 м и толкают дальше, чем индол-бега с цепью Анд вместе. Он образует северную границу верховья Чанти-Аргун и только сломлен течением Аргуна по двум берегам. В отличие от северной цепи, он не является однородным по своей структуре пород. В то время как в запад состоит главным образом из рыхлых мелколиственных сланцев и песчаников, известь преобладает в восток, особенно в скоте. Соответственно, горы имеют разные формы. Там в северной цепи прочные, яркие, доломитовые скалы, например, Гилла-корт и Нашахо-лам, например, с их резким сопоставлением горизонтальных и вертикальных линий, здесь более мягкие, открытые формы темных горных сланцев.

Восхождение на высокие горы Башлама, постепенное от описанного уровня высоты, а не с внезапным толчком, который поднимает северный фронт гор известняка из третичных предгорий. Подъем поднимается многочисленными поперечными хребтами, излучаемыми с высокой горы под прямым углом, между которыми потоки ледников спешат к двум продольным долинам верховья Чанти и Шаро-Аргун. Цепь Башлам ветвей на большом Борбал из гораздо более низкой уходящей воды из главного гребня, поворачивается на Тебулос-мта и в общем-кавказском направлении запад-север-запад, восток-юг-восток и образует высокую стену из около 45 км в длине, южную граница Чеченской области. В Дагестанской области он находит свое продолжение в почти одинаково высокой дуги, но отделен от него глубоким разрывом, который похоронил Андский Койсу. С другой стороны, она идет от его востока, в 4190 м в высоту Диклос-Мта, непосредственно в наступающей конец резко северо-восток Андийской цепи через который тянет на уже упомянутой восток до удара Индой-лам около 3000 м остается.

Через довольно глубокое седло, через которое от долины Хилдехерой (до Чанти-Аргуна) проходит **Юкериго** (3000 м), который также проходим зимой, в Тушетию, пик Баш-лама, которая обычно считается принадлежащей ему Тебулос-мта разделен, что представляет собой 4507 м высочайшее возвышение Кавказа к востоку от дороги грузинской армии и по-прежнему возносится среди туземцев, проходит, а также на других вершинах Баш-лама. Название Тебулос-Мта также неизвестно среди чеченцев, особенно их племени горцев, которые живут к северу от него в долине Майсты; Ему дали имя Дакко-Корт. Далее в севере его называют русские, живущие там также как гора Майсти. Точно так же самая высокая гора Башлам, Комито (4272 м), имеет свое имя среди чеченцев, а именно Датах-корт.

Кстати, упомянутый Юкериго можно использовать только для и для грузинского племени Таш, живущих к югу от Башлама, и отвезти их

овец на зимние пастбища на Тереке. Высокий и прочный хребет Хилдехарой, который поднимается до линии снега, не позволяет населению долины Шаро-Аргун использовать его. Если они хотят отправиться в Тушетию, они должны пересечь намного более высокий проход над ледником, перевал Катчу (3550 м), который проходит только через несколько месяцев. Тем не менее, грузинская группа, к которой я пристал в 1919 году, должен был пересечь его в начале ноября; Конечно, скоро это было бы фатальным для нее. Другой Баш-лам не пересекает.

Снежная линия составляет около 3500 м, ледник заканчивается на 2800 м; ледниковые хребты опустились на 1000 м ниже, что можно узнать по выраженным желобам. Попадают в крутые долины, за которыми следуют широко открытые долины, когда они покидают высокие горы в нижней части сланца, которые, в свою очередь, спускаются через типичные каньоны, когда они входят в горы известняка.

Взгляд Баш-лама север, особенно Итум-Кале-Шарой, можно описать как, без преувеличения. Три вершины, соединенные неизбежными ледяными стенами, которые до сих пор приветствуют далеко за пределами Северо-Кавказской равнины, являются его ориентирами. Они принципиально отличаются друг от друга, но каждый из них характерно спроектирован: элегантный, тонкий, ослепительный белый конус Датах-Корт в Западе, восходящие и круто наклонные хребты и пики Донос-мты посередине и массивный широкий бревно Диклос-мта в юге, широкие фланги которого несут обширные поля, на которых вечерние солнечные лучи находят правую точку останова.

b) Вода. Единственной рекой, которая обеспечивает чеченское нагорье, является Аргун, а точнее его притоки – Чанти и Шаро-Аргун. Чанти-Аргун стекает с высоких гор, в район Хочарой и Детэхерои, Тебулос и маршрут частично уже населенного главным гребнем Хевсур к Вега-ламу, границе с ингушами, Шаро-Аргун-Баш-лам. Известняковые горы поглощают лишь незначительные потоки.

Кстати, образуются две совершенно самостоятельные реки. Угол, с которым они переходят от продольного переполнения гор сланца в средний бег, который пересекает горы известняка, примерно одинаковый; только направление отличается. Весь угол Шаро-Аргуна выключен примерно на 50 градусов по отношению к западу на Чанти-Аргун, так что в конце на плоскости происходит объединение. Этот вывод происходит под явным влиянием андской цепи, важность которой трудно переоценить с точки зрения физической географии и, как будет видно, в антропо-географических терминах. Реки также отражают тот факт, что на чеченском Западе влияют в центрально-кавказском смысле, на Востоке в смысле Дагестана.

Другие меньшие реки чеченского района обычно следуют в одном направлении, либо в другом; западные из Чанти, восточные направления Шаро, по крайней мере в горах и до Сунжи. Последнее происходит из Ингушетии недалеко от Владикавказа и тянет как накопитель на северном краю равнины до Терека.

Чем сильнее трение Аргун имеет свое русло вырыли гораздо глубже, чем Шаро-Аргун и гонит его водосборной площади, кажется, набирает против этого раньше, так что водораздел, как уже гораздо ближе к Шарою- Анти-Аргун. Это особенно ясно на мелководье на востоке Шатой. Может быть, здесь более сильное приведет к тому, что он станет более слабым.

Независимыми являются реки к востоку от Качкалыкского хребта, которые ограничивают равнину Сунжи в востоке и представляют собой восточную конечность высот Терек-Сунжа, с которой они восходят на Кавказ, где большинство из них заселены кумкетами Выровняйся. Они не достигают ни моря, ни Терека, ни Сулака, а заканчиваются болотами.

Все чеченские реки, за исключением Аргуне, могут быть маловлодными, то есть осенью и зимой, а весной и летом они являются большими препятствиями для движения вообще отсутствия мостов.

c) Климат. Как и во всех горах, так и на чеченском Кавказе существуют большие климатические различия между внешней границей и внутренними горными ландшафтами, которые проявляются прежде всего в условиях влажности. Внешняя граница, или вернее третичные предгорья и северный фронт гор известняка получают сильное осаждение, но в глубине меньше осадков, и особенно в глубоких долинах есть сухость и даже засуха. Типичными для прежнего района являются условия осадков станции Ведено в Ичкерии (730 м над уровнем моря). На месте мне было дано 955 мм за год наблюдения 1926/27. С другой стороны, российский лесничий (Ведено) Маркович («В лесах Ичкерии» – глава 27) дает среднее количество осадков за пять лет наблюдения (даты не показаны, вероятно, с 90-х годов) на 845 мм. Однако можно предположить, что осадки на густонаселенном возвышении до известняковых гор, высота от 1300 до 1500 м, будут еще более многочисленными. Значительно меньше осадков измеряется в Шатой (560 м), а именно 675 мм для 1926/27. Хотя Шатой уже находится в горах известняка, открытие Аргуна позволяет облакам проникать вглубь горы. Для других частей чеченского известняка и нижних шиферных гор нужно использовать более низкие цифры. Поскольку, к сожалению, чеченских станций не существует для этой области, для сравнения я должен использовать станции из северо-западного Дагестана. Но нужно учитывать, что он там еще суше, чем в чеченском районе, по двум причинам: во-первых, он уже дальше к востоку, поэтому дальше от увлажняющего Черного моря и, во-вторых, достигает северной границы, как показано в предыдущей, больших высот и также не прерывается речными долинами. Кроме того, андская цепь не только оканчивает Дагестан против севера, но и против запада, а в востоке отводит любые облака, приплывающие из Каспийского моря. В вопросе находятся станции Тлох (582 м) и Ботлих (700 м), расположенные глубоко в долине Андского Койсу, с осадками 459 и 418 мм. На высоких плато, которые лежат в Дагестане, в среднем на 1200 м выше сужающихся ущелий,

выпадает больше осадков, поэтому на плато Хунзах (1700 м) 588 мм. (Числа Добрынина: Lit. Verz. 11). Учитывая данное ограничение, данные Дагестана также будут служить приблизительным ориентиром для оценки осадков в соответствующих районах внутренних чеченских гор, особенно для Чабарлои, Итум-Кале, Шароя и Галанчожа. Осадки выпадают преимущественно в конце весны и лета, осень удивительно сухая и самый красивый сезон этих районов, особенно для путешественника.

Годовой ход температуры показывает умеренную континентальность, которая лишь немного больше, чем на северо-востоке Германии. Показатели температуры на высоте 800 м существенно не отличаются от температуры в северо-восточной Германии. Следует отметить, что летняя температура во внутренних долинах выше, чем на северном краю горы: Ведено: 3 января, 8; 19 августа, 8 (по Марковичу). Ботлих против янв. – 3, 8; 21 июля,

Из-за большой засухи пребывание в интерьере гор намного приятнее, чем в предгорьях. Плотные буковые леса северного склона на самом деле всегда мокрые, и даже в октябре я обнаружил, что почва все еще настолько мутная, что походы не были радостью, хотя в течение многих недель дождь не падал, единственная причина, по которой он был перемещен в сухой и здоровый климат быть в состоянии наслаждаться и с радостью мириться со всеми недостатками в культурных отношениях. В дополнение к своим многочисленным и многим другим проектам правительство Чечни также планирует строить медицинские пункты для потребления. И когда зимой в предгорьях высокий слой снега покрывает горы и долины, а неприятный холодный туман размахивает настроением, то в горах солнце сияет от неба и удерживает склоны по направлению к югу в основном без снега, если когда-либо большие массы снега падают. Даже значительная степень холода может быть легко перенесена, и жители сидят в зимние дни так же, как и на открытом воздухе на плоских крышах, как в теплое время года.

Понятно, что он также намного суше на равнине Сунжи, чем в предгорьях. Ведь падают в Грозный против 500 мм; но осадки быстро убывают с увеличением расстояния от гор, так что измеряется только 382 мм на линии запад-восток Терека, которая образует северную границу чеченского района (станица Шелкозаводская), здесь уже климат на севере бесконечно распространяется преобладает бесплодная Ногайская степь. Здесь годовые колебания температуры намного больше, чем в горах, вызванные главным образом летней жарой: янв. – 3; 24 июля, 5 (после Добрынина, Библиогр. №11). Грозный: февраль – 3, 6 (?); 24.4 августа (128 м над уровнем моря) (После Радде: Библиогр., 35, стр. 28).

d) Растительный покров. Как уже упоминалось несколько раз, предгорья и северный склон известняковых гор имеют плотное лесное платье, которое состоит в основном из бука, кроме того, также из вяза, ясеня, липы, клена и. а. Также широко распространен фундук. Хвойный лес полностью отсутствует. Конечно, картина изменилась очень неблагоприятно за последние 100 лет. В больших областях, исчезли старые прекрасные леса. В полной девственности они держатся только на северном склоне гор известняка и здесь только в труднодоступных местах, но в каком-то действительно сердечном великолепии. Вершины предгорий несут только жалкие густые кустарники или уже довольно голые и под плугом. Кавказские войны дали импульс постепенному обезлесению. Чтобы быть в состоянии покорить чеченцев, в частности, чтобы быть в безопасности от набегов, русские разрушали мили пресловутых лесов Ичкерии, где им часто приходилось приносить тяжелые ноши. Остальная часть уменьшилась под собственной потребностью населения в соответственно увеличенной мере. В последние десятилетия постоянно растущий спрос на древесину, процветающего Грозного оказал особенно катастрофический эффект. Там есть специальный рынок древесины, где каждую неделю сотни чеченских арб приносят зеленый, незрелый лес. А о деловой практике так называемых лесных надзирателей говорят, что все это не совсем похвально. Так

погибнут чеченские леса, если в ближайшее время не будут предприняты строгие защитные меры.

Верхняя лесистая местность составляет около 1800 м, поэтому высоты известняка и сланцевых гор без леса. Но также лысыми являются глубокие долины. И снова леса были здесь, так как я мог учиться у стариков, и их исчезновение исключительно связано с рукой человека. Чуть дальше лес проникает в область Фортанги до севера, также в верховьях Шаро- и Чанти-Аргун – леса, но обычно только на открытых склонах севера. Здесь вы также найдете хвойный лес и только сосны, которые я нашел в нескольких местах в Андском Дагестане. В более высоких горах также встречается береза.

Высоты покрыты пастбищами, которые могут стать очень свежими и сильными. В зоне перехода вы можете часто видеть рододендроны. Верхний предел когерентных участков травы я нашел в Башламе около 3000 м. (Об условиях на равнине Сунжа, стр. 17 ф.).

е) Пейзаж. При физико-географическом описании Чечни можно подчеркнуть явственное деление ландшафта. Каждый ландшафт имеет свои отличительные антропогеографические характеристики, так, например, некоторые области выделяются явным культурным значением, и я бы определил их районами. Тут я буду описывать деление Чечни на районы с короткой характеристикой к каждому. Так как они ещё не были приведены.

Название Ичкерии уже упоминалось. Позднее обобщается территория третичных предгорий и густонаселенных лесов северного склона восточнее Чанти-Аргуна, который особенно характеризуется перемежающимися между низменными гравийными плоскостями и широкими речными террасами. Отсюда и название. «Ичкерия» слово кумыкского, т. е. турецкого происхождения. «Ичи Джери» означает буквально «та земля, там внутри», то есть между горами, земля, которая окружена горами, и может удобно использоваться для пашни (Лаудаев, 24). Так здесь

и появились самые богатые аулы, как Ичкерия, которая – самая развитая на чеченских горах. На одной из таких равнин и лежит центр области, который одновременно является и административным центром управления, Ведено. Ведено давно не самое значительное место в Чечне, однако самое известное благодаря кавказским войнам. Шамиль, дагестанский борец за свободу, к которому примкнули чеченцы, некоторые – добровольно, некоторые – под давлением, расположил здесь свой лагерь, который штурмовался русскими, затем был застроен различными укреплениями и казармами. Подобные укрепления можно найти ещё и в других частях Чечни. Они постоянно разрушаются из-за своей громоздкости. Раньше Ведено был столицей Чечни во время короткой независимости, когда один своего рода гениальный чеченец в 1919-м году основал здесь так называемый Северо-Кавказский эмират, который был разрушен и исчез в последующие годы после многочисленных большевистских штурмов. Ими же, Ведено используется, как курортный уголок, вдали от пыли и жары Грозненских улиц. Небольшое количество дач построено для этой цели.

Помимо улиц и аулов, которые находятся на этой долине, в остальных частях Ичкерии наблюдаются единичные поселения. Это красивые чистые дома с в белый или пестрый цвета покрашенными стенами и яркими красными черепичными крышами, которые имеют вид дружелюбного мирного ландшафта, как впрочем и весь ландшафт Ичкерии с его изяществом и свежестью.

Восточная граница Ичкерии проходит примерно на водоразделе между водосборной площадью Сунжи и независимой рекой Аксай, которая заканчивается на кумыкской равнине. Территория отсюда на восток и до дагестанской границы, то есть территория реки Аксай, Ямансу, Ярыксу, носит имя Аух. Своей плохой репутацией он обязан своим жителям, которые и у остальных чеченцев и у их дагестанских соседей не пользуются доверием из-за своей склонности к грабежам. Это мнение я поддерживаю так как сам был ограблен

здесь. Это был единственный раз, с тех пор, как я находился среди чеченцев.

К Ичкерии относится часть чёрных гор западнее Аргуна, но, так как покрыта густым лесом и мало заселена, не имеет ни особого значения, ни названия. Ему не хватает широких равнин, так же полоса предгорий намного уже, так как высокие известняковые горы расположены очень близко к равнине.

Если вы будете следовать по дороге, ведущей от равнины до долины Чанти-Аргун и пройдёте узкий овраг, там, где Аргун прорезает горный хребет известняка, вам откроется вид на широкую долину Шатой, самую глубокую точку, которая простирается между первым и вторым хребтом известняковых гор. Скопление поселений происходит здесь и далее вверх по боковинам котловины, центром которой является Шатой. Это самое важное место в чеченских горах после Ичкерии, а также географический центр. В дополнение к этому он ещё и административный центр. Шатой, чаще чем Ведено, служит курортом для грозненцев, с которыми летом он поддерживает автобусную связь. Отсюда русские или современные новшества проникают в горы. Все жители понимают русский язык, что обычно является редкостью. В то время, как в горах имеются только плоско-крытые дома или же старые башни, в Шатое и соседних аулах преобладают кирпичные дома и двускатные крыши. Даже сами чеченцы считают Шатой своего рода культурным центром. Кроме того человеческая раса здесь очень красивая и величественная, особенно Шатойские девушки славятся своей красотой и совершенно по праву.

Пространство между передней известняковый цепью и второй цепью, которая преимущественно образована из сланцев и песчаников, простирается от Шатоя на Запад через поперечные хребты в верховье Гехи, который также густо населён. Конечно, Гехи сильно отличается от богатого цветущего Шатоя, Бассейн Гехи примерно на 1000 м выше него и в основном безлесый. Поселения в целом бедные и состоят из низких плоско крытых каменных домов,

между которыми много древних башен. В центре находится аул Галанчож, который располагается в переходной зоне между меланхолическим открытым сланцевым ландшафтом и круто растущих цветных известняковых гор.

Из-за непроходимости ущелья Гехи жители Галанчож вынуждены подниматься по скалистым склонам вверх, когда им нужно попасть в долину, – это очень утомительно, особенно летом и осенью в жаркие дни. Однако им нужно часто проделывать этот путь, чтобы обменять продукты скотоводства на кукурузу, потому что собственные зерновые культуры в горах растут плохо, а приходится пополнять запасы на весь год. Это относится ко всем аулам высокогорья. Этот район назван Акки по имени близлежащего значимого аула.

Благодаря высокой зазубренной перешейке Борзонти – Гехи отделён от Фортанги, которая покрыта густым лесом. Центром считается Мереджой. Здесь раньше жили иммигрировавшие в Турцию чеченские племена Карабулаков.

К востоку от Шаро-Аргуна тянется между двумя цепями известняковых гор район Чеберлой, от которого различают нижний и верхний Чеберлой. Они разделены водоразделом Анди, хотя не совпадают с цепью Анд, но проходят примерно на 10—15 км к западу от хребта. Андийский Койсу идёт от ручья в реке Ансалта в направлении на запад; в узком ущелье ему преграждает путь тот же ручей. Сам же водораздел является плоским порогом.

Нижний Чеберлой, как и Галанчож, уже значительно выше Аргуна, но более разрезан, чем тот. Его узкие ущелья напоминают Дагестан из-за отсутствия лесов и распространяющейся жары. Административным центром всего Чеберлоя является Чобахкинерой, Совсем не значительная деревня, с которой открывается замечательная горная панорама. Через разрыв цепи, которые здесь образовал Шаро-Аргун, с юга видно широкую покрытую голову Диклоса.

Более индивидуальным, как ландшафтный блок, является верхний Чеберлой. Это ещё одна плоская котловина, но из-за своей широты воспринимается, как плато, и поэтому сильно напоминает похожие дагестанские образования, с которыми его также роднит безлесость, незащищённость аулов от летней жары и зимнего холода. Около 200 м над котловиной расположено на восточной границе высокогорных стен красивое форельные озеро Эсен-Ам, 1868 м над уровнем моря, а также так называемая царская дорога из Ведено в Ботлих. Для остальных чеченцев Чеберлоевцы, из-за близкого с дагестанскими Анди и Ботлихом, не рассматриваются как участники чеченских базаров (торгового рынка).

Если следовать из Шатоя в Шанти-Аргун по грунтовой дороге, оставляя тёмное и необычайно впечатляющие ущелье позади себя, которое разъединяет вторую цепь, то далее долина только расширяется. Здесь полностью безлесые склоны становится более плоскими, и эту форму сохраняет верховье Аргуна до начало высоких гор. А наибольшую широту долина Итум-кале достигает почти полкилометра; так как здесь открывается другая долина с юго-востока, то здесь развился населённый пункт. Итум-кале является центром транспорта и торговли для всей Южной половины чеченских гор. На живой, красочный, еженедельный рынок приходят люди со всего Итум-кале, и этот рынок называется «Чанти», а также из верхнего Шаро-Аргуна, Галанчожа, Майсти и Мелхисти. Даже хевсуров в их интересных костюмах можно видеть время от времени. Отсюда пути ведут в Тушетию и Хевсуретию, а именно через Шарой и Качу-Пас или Хилдехарой в Тушетию, и через Мелхисти и Шатиль в Хевсуретию. Ещё до русских Итум-кале был сильным укреплённым штабом со многими башнями. После их разрушений русские построили просторную крепость, которая, конечно же, теперь находится в руинах, и скоро полностью исчезнет, так как их камни используются, как строительный материал.

К более тесными сферам влияния Итум-кале принадлежат разные боковые долины Чанти-Аргуна, из которых здесь упоминаются

только известные своими ремесленниками по дереву и плетению из долины Хачарой и обрамлённый едва преодолимыми горными стенами район Хилдехарой. Тот же живописный характер, что и верховье Чанти-Аргуна, имеет Шаро-Аргун, на его плоских сланцевых склонах аулы расположены на самых разных высотах. Главным местом является высокогорный Шарой с двумя издалека видимыми древними башнями. Его воинственные жители приняли большое участие в грузинской экспедиции 1919 г., упомянутые на странице 8, и ещё активно выступали против Советов в 1925-м году. А именно по религиозным соображениям: коммунистическое отрицание бога возмутило благочестивых мусульман, как и в 1921-м году в соседнем Дагестане. Однако из-за отдалённости центра бунта и малочисленности восставших советы не отреагировали на это восстание в грубой форме, в то время как в Дагестане пролилось много крови. В последние годы эта область была заблокирована дорожным строительством, дорога ведёт от Шатоя до Шаро-Аргуна и вдоль неё к Шарою. Это должно было разрешить транспортировку некогда примитивными способами добываемой сурьмы в селе Хуландой. Из-за большого расстояния от центра Итум-кале нравы и образ жизни населения в верховьях Шаро-Аргуна намного архаичнее, чем в Чанти-Аргуне, за исключением его Верховья.

Эти исходные районы Чанти-Аргуна теперь претендуют на главный интерес со стороны исследователей Чечни именно из-за их этнологической первобытности. И они находятся всего в одном-двух дня ходьбы от Итум-кале. Тем не менее, узкая Кербталская долина, через которую течёт Аргун, принимая в себя рукав ручья Кий, трудно проходимая. Эффект эрозии необычен в местах свободных от леса, особенно когда происходит оттаивание, с высоты постоянно происходит осыпание каменных осколков вместе с водой, что представляет значительную опасность для туристов.

Из этого района можно выделить два: Майсти и Мелхисти. Майсти, правая сторона долины Чанти-Аргун после Хилдехароя на западе, обрамлена боковыми стенками, которые обычно преступны только

для альпиниста, но всё ещё полностью опечатаны массивом Тебулосмта на юге, на котором расположен крупнейший ледник восточного Кавказа около 2800 м. Долина Майсти является полностью непроходимым ущельем. Высоко только, там, где стены долины продолжают отступать, есть место для поселений. Пути, ведущие вверх по сине чёрным, очень твёрдыми гладким сланцевым плитам, опасны даже для горной лошади, так что тут можно увидеть только мулла. По той же причине здесь держат больше коз, чем овец.

Только три деревни находятся в ней, самой глубокой долине чеченских гор, в общей сложности около 300 душ. Тем не менее, это заслуживает особого упоминания, так как здесь сохранилась древняя высокогорная башенная культура, которая когда-то распространилась дальше, но до сих пор сохранилась совершенно нетронутой. Сохранились только те, которые возвышаются высокими острыми оборонными башнями, расширенные колонии могильников указывают на старые религиозные концепции, которые до сих пор имеются в исламском населении.

Тоже самое относится к восходящему к Аргуну району Мелхисти; аргунская долина, особенно ее левый приток Меши-Ахк, здесь немного открытая, и поэтому вы можете видеть отсюда на склонах старые башни. Более десятка Аулов в этой области перечисляются на 5 верст. карте, на самом деле их всего три: Джарего, Теретего и Бонисти, Остальные – это замко-подобные укрепления, описание которых следует дальше. Жители их вместе с жителями Майсти образуют чеченскую ветвь – Кистинцы. Со своими соседями, хевсурами, у которых также есть аулы на северном склоне, они живут скорее неприязненно, чем мирно. Причиной этого обычно являются кражи крупного рогатого скота на высоких пастбищах и связанные с этим убийства. Однако неприязнь распространяется только на отдельные аулы, вернее кланы, но не все население. Так, во время моего первого пребывания 1919-м году джарегские кистинцы жили во вражде с шатильскими хевсурами, во время моего последнего пребывания вражды больше не было. Но прямой маршрут в Тбилиси

был потерян. Ответ на вопрос «что вы думаете о жителях той или иной деревни?» никогда не бывает «хорошо» или «плохо», но «пока что хорошо» или «пока что плохо».

О расположении и облике долины Сунжи уже были сделаны упоминания. Она не совсем плоская, слегка наклоняется к северо-востоку и имеет едва заметную наземную волнистость. Кроме того, бесчисленные курганы от одного до примерно 6 м оживляют плоские поля. Речные русла так широки, что, похоже, они предназначены для гораздо большей массы воды, чем та, что в настоящее время проходит через неё. Даже с небольшими ручьями долина всё ещё имеет ширину 100 м, Аргун – до 1 км в ширину, Сунжа – местами, пожалуй, даже 2 км. Разница в высоте между долиной и степью может достигать 20 м. На больших отрезках долина покрыта густыми зарослями, например, Сунжа, в которой также резвятся кабаны. Среди многочисленных рек и ручьёв, течение которых всё ещё довольно быстрое, добавляются водяные каналы, но с течением времени они также принимают форму рек. Искусственное орошение уже требуется на большом расстоянии от влажной горной реки, особенно для садоводов близ Грозного.

В настоящее время равнина в основном покрыта степью, которая значительно свежее с приближением к горам. Раньше, однако, согласно преданию здесь был широко распространён лес. Его следы видны в обширных кустарниках высотой до 5 м. Но в то время как более благородные леса вырубаются, если оставить густой разросшийся крапивник, он уже занимает значительные площади, которые, естественно, совершенно бесполезны.

Степи уже сильно ограничены сельскохозяйственными угодьями. Кукуруза и кукуруза снова, это основная пища для людей и животных, насколько может видеть глаз. Другие фрукты, особенно злаки, полностью исчезают в сравнении. Плодородные почвы приводит к высокой плотности населения. Хотя аулы часто находятся на расстоянии друга от друга, иногда они имеют удивительно высокие показатели численности населения. Аул Шали, например,

насчитывает 15.000 жителей по переписи 1926 г., Урус-мартан – более 20.000 человек. Поскольку дворы также очень просторные, большинство дворов, по-прежнему окружены садами кукурузы, это может занять несколько часов, и чтобы человек смог пересечь аул. В целом, план аула состоит из многих параллельных улиц, которые связаны между собой перекрёстными улицами. Рассеянные поселения, столь распространённые в Ичкерии, состоящее из многих отдельных ферм, здесь отсутствуют. Спрятанные в зелени, возвышающейся высокими тополями, дома с их чистыми кафельными, соломенными, черепичными крышами, создают очень дружелюбное культурное впечатление. Тем не менее, жители по-прежнему довольно неадекватные, банд много, больше, чем в горах. Я знал русских полицейских, которых после продолжительной активности банд на равнине отправили для основания полицейского пункта в горы.

Согласно переписи 1926 г. число чеченцев, проживающих на равнине Сунжа, составляет около 190.000. Поскольку площадь земли может быть оценена в 2000 км², то выходит около 90 человек на квадратный километр, что очень важный для этого региона и раздел плотности. Население Грозного 95000 жителей не включено. Таким образом, две трети всего населения проживает на равнине Сунжа, хотя она занимает лишь около четвёртой части чеченской автономной области. Примерно такое же количество площади, как равнина Сунжа, занимает местность между двух холмов Терек – Сунжа, граничащих с равниной на севере. Но он почти необитаемый из-за его бесплодия, наконец, из-за нехватки воды – или может использоваться только как пастбище, если чеченцы в этом заинтересованы. Тем не менее, он получает свое особое значение так называемыми старыми нефтяными скважинами Грозного, которые расположены на северном склоне южного хребта.

B) Лингвистическое положение и диалектические различия.

Население Кавказа состоит из трех больших групп: I. собственно народы Кавказа, 2. арийские народы, 3. тюркские народов. Чеченцы

теперь принадлежат к самим кавказским народам, которые в свою очередь, снова разделяются на три группы. Это 1. Karthwelier в юго-западе с главными народами Грузии, 2. Абхазы, убихенцы и черкесы в северо-западе и западе. Чеченские и дагестанские народы на северо-востоке. По мнению лингвистов, в частности барона Услара, чеченцы ближе всего к языкам относятся к дагестанцам среди народов Кавказа. В культурном плане они также были отнесены к дагестанской группе, из которых, однако, во всех отношениях они могут быть различными; На мой взгляд, этнологически они, скорее всего, будут учитываться среди народов Кавказа, как будет показано более подробно. В этих вопросах, в частности, можно было бы ожидать от выдающегося русского лингвиста Яковлева ценного просвещения, посвященного чеченскому языку в последнее время.

Чеченцы, насчитывающие более 300 000 человек, рядом с грузинами – численно сильнейшие из народов Кавказа. Лингвистически и культурно, однако, ингуши и небольшие племена Бацбийцы на южном склоне главного хребта принадлежат им без дальнейших сомнений. Тогда число чеченцев в более широком смысле составит около 400 000 человек. Различия в диалектах обоснованы, но они довольно незначительны, так что чеченцы и ингуши могут легко общаться друг с другом. Тем не менее ингушский народ должен рассматриваться как особый народ, так как они прошли политически специальное развитие, что также выражается в том, что дает им от Советского правительства свою собственную автономную территорию.

Язык чеченцев в более узком смысле, о котором упоминается только в этой работе, по-видимому, имеет мало диалектических различий. Во всяком случае, я заметил это с кистинцами из Маисты и Мелхисти, в устах которых мне известны чеченские слова, звучали по-другому. В качестве примера я упоминаю чеченское слово «Башня» – «бау», которое было «вау» что на кистинском. Точно также меня уверяли, что и чаберлоевцы имеют немного отличающиеся

от других чеченских наречий. Мне также называли лексические различия между равнинной Чечней и горами.

Но к этим очень небольшим диалектическим различиям добавляется гораздо больше культурных, можно говорить о разделении чеченцев на более мелкие племена. Также нужно будет подумать о стволе карабулаков (имя очевидного турецкого происхождения: «кара» – черное, в воде, в смысле плохо, «булак» – источник), который, как уже упоминалось, жили в районе Фортанги и после владение землей русскими, за исключением небольших остатков, которые были сохранены в деревне Ачхой-Мартан на равнине, эмигрировали в Турцию. Репатрианты поселились в Аул Сагопш в малой Кабарде. Говорят, что карабулаки отличаются особой жестокостью и дерзостью и немного отличались от диалектики как у чеченцев, так и у соседних ингушей. (По Иванову, 17). В качестве имени чеченского племени Яковлев называет «эрштхой».

C) История. Исследование происхождения чеченцев должно быть очень сложным, так как мы не знаем, под каким именем появились чеченцы. Поскольку текущее имя имеет новое происхождение. Первоначально это означает не что иное, как жители села Чечен, примерно в 15 км к юго-востоку от Грозного на Аргуне, деревня, которая когда-то была в самом отдаленном месте от чеченских сел в север, с которыми впервые вступили в контакт русские, кабардинцы и другие. Таким образом, русские говорят «čečenec», множественное число «čečency», кабардинский «šašan», осетинский «tsatsan». К сожалению, в немецкой кавказской литературе принято использовать название «чеченцы», хотя его следует называть «чеченцами» правильно; Однако для согласованности в этой статье также говорится о «чеченцах». Имя «чеченцы» впервые задокументировано в российском договоре с лидером Калмыкии Аюки-ханом с 1708 года (По Берже, 3, стр. 140). Даже чеченцы «nachčoi», который просто означает, что люди, как и многие другие названия народов (сингулярное nachčuo). По Лаудаеву S.

3 (Библиогр. 24), они называются «Burtel» в Дагестане, «mičikiš» называются Кумыками.

Слово по Лаудаеву состоит из «mičik» и «giši», «giši» означает в кумыкском народе. «Мичик» также означает правый приток реки Сунжи, Гудермес в самом восточном углу равнины Сунжи, то есть на границе с Кумыками. В очень интересной старой карте, созданной помощником Шамиля, в области гсподства Шамиля, а именно северный Дагестан и Чеченский регион, слово «mičik» также появляется по мнению Семенова (Лит., 46, стр. 217) «mičikiš» является синонимом имени древнего народа Масагетов, что было доказано еще другими, от него неуточненными источниками. В этой связи он также упоминает имена чеченских деревень Махкеты и Мескеты, первый в Ичкерии, последний в Аухе.

Следует также упомянуть название «Кисты», с которым горские грузины занимают чеченцев, в частности их ближайших соседей, то есть жители Маисти и Мелхисти, а также появляются в немецкоязычной литературе также в форме Кисты. Жители Кисты обозначают сами и являются их соплеменниками только после их горного перевала. Близкую степень родства называют Майсты и Мелхисти. По-видимому, имя Кистин было также применено к ингушам, судя по имени реки Кистинка, которое, согласно карте, носит два правых притока Терека в ущелье Дарьял.

Если письменные ответы отсутствуют, у чеченцев, конечно же, есть устная традиция о происхождении их людей и их судьбах. Следует только иметь в виду, что эти традиции не представляют собой настоящую народную историю, но что это всего лишь семейные традиции. Для их истории, когда люди начинают строго говорить только с образованием автономной области Советами. С этого момента все ветви людей запрещены. До тех пор их история была только в сопоставлении разных племен или даже лучше из кланов, расширенных семейств, возможно, в разы. То. действовали вместе, но часто враждовали друг с другом. Насколько нам известно, никогда не было чеченского правителя или что-то еще похожее

на правительство, которое долгое время следовало бы за народом. Даже во времена кавказских войн это было по-прежнему справедливо. В основном, только чеченцы борются с русскими, которым напрямую распространялось влияние Шамиля; это есть районы, прилегающие к Дагестану, особенно к Ичкерии. Также популярное название «nachčoi», например, по словам Лаудаева, он только недавно стал действительным для всех чеченцев; до тех пор существовали только различные марлевые названия.

В настоящее время среди чеченцев есть легенда о происхождении своего народа, который имеет разные варианты. Это на самом деле очень распространен; ей рассказывали по-разному. Я воспроизвожу его в форме, найденной в книге Семенова [46, стр. 209], поскольку она более подробно там, когда я ее слышал. Это перевод арабского текста, написанного муллой в 1828 году. Следовательно, легенда имеет следующую формулировку:

История эмиграции племени Нахчу из деревни Нахчуван в 63-й год после Хиджры (т.е. 685 г. н.э.).

Три брата покинули деревню Нахчуван: Абдул-Хан, Рашид-Хан и Хамсат-Хан, сыновья Саида Али Шами, который в то время имел титул Саидул-Умарай-Султану-Салатини, который прожил 100 лет и умер на Шами. (Шами = Дамаск или Сирия).

После смерти отца ее княжеское и султанское достоинство перешло в руки недостойных. В результате братья бежали в Нахчуван. Из Нахччувана они отправились в Кагисман, где жили родственники отца. Там они прожили 10 лет. Там умер младший брат. Из Кагисмана Абдул-Хан и Рашид-Хан перебрались в Арсуман, где они прожили шесть лет. Там умер второй брат Рашид-Хан. Абдул-Хан перебрался в Халыб со своей семьей, состоящей из трех сыновей, четырех дочерей, жены и племянника. Здесь Абдул-Хан женился на дочери князя неверующего Альбулата. Он оставил племянника в Халыбе и переехал с семьей в место, где, кроме волков и других диких животных, никто не жил и где текла река Башан (Башан). Там

он построил различные каменные башни. Из родившихся там сыновей он называл Башаном. Там он и умер в 90 летнем возрасте.

После Абдул-Хана остались трое сыновей: Шам-Хан, Саид-Али и Фахруддин и четыре дочери: Сагидат, Хабисат, Фатимат и Зайнаб. В 153 году после хиджры Шам-Хан женил своих сестер к князю Абасаканскому и взял себе у них жену, дочь Сурхая. Из-за его сестер возникла ссора между ним и народом Абасаканским, поэтому он и его братья перебрались из Башана на небольшую реку, и там родился сын, которого они назвали Аргуном. Саид-Али остался там жить, для Фахруддина они выбрали в качестве места жительства Баина-Савраини (в другом докладе говорится Сюрин-корт, восточный холм к югу от Грозного), Шам-Хан, но переехал в Нашах и жил там в доме, построенном своими каменными башнями. Это было в 213 году после Хегиры. В Нашахе умер Шам-Хан. После него в Нашахе образовались 13 полов. Аргун, сын Саида Али, оставил свою резиденцию своим братьям и переехал в Махкеты (в Ичкерии).

Кроме того, в тексте говорится о вещах, которые не имеют ничего общего с распространением чеченцев, князей распространения ислама, а также других сообщений.

Легенда, очевидно, утратила свою первоначальную форму под влиянием ислама. Это также записано во время появления мюридов в Дагестане. Таким образом, прежде всего имена героев будут преобразованы в настоящих арабско-мусульманских, которые сегодня используются как имена чеченцев, так и других мусульманских народов. Это предположение тем более оправдано, что и в другой форме легенды, как говорится, имя отца-предка, эмигрировавшего из Дамаска, указано иначе, а именно: Турпал. Другими именами из племен являются Молха или Малху, сын которых называется Тинавин-Вису, его богатыри Тиниелдер, Термагалла, Гуно-Каркалой, Гардасеирик, Ширди-Канат и другие. (Берже, Библиогр. 3, стр. 124).

Мало веры также заслуживают данные о времени. Так как прародитель должен был быть необоснованным верующим, то ' автор

легенды мог позволить эмиграции действовать только после Мухаммада. То, что меньшие мусульманские народы охотно ставят своих предков как настоящих мусульман и из семьи Пророка, – это известное явление. В песнях Нибелунгов герои идут в церковь как благочестивые христиане. В настоящее время чеченцы доказали, что их предки были обращены в ислам только около 200 лет назад.

По этим причинам Сказание оказалось несущественным для просвещения Чеченской (неосторожной) истории, считают горам и Яковлеву (лит. Оцинкованная. 19); но я считаю, что нельзя полностью игнорировать географическое ядро целого. Уже унисон чеченского этника «nachtschoi» (нахчой) был побежден. «nachtschuo» с «Nachtschuwan» или «Nachitschewan» все же должно было дать подумать, если не захотят, чтобы наоборот, что только на основе народного имени «nachtschoi» легенда перенесла происхождение народа в Нахичевань Народно-тимологически. (Кроме известного города Нахичеван на Араксе, в каталоге 5 верст-карты есть еще одна деревня Нахичевань возле города Кагисман, упомянутого в легенде, в центральной Армении между Ереваном и Карсом.) К этому следует добавить определенное наименование других армянских беж. северо-восточноазиатские места, такие как Арсуман (по Семенову = Эрсерум), и Халиб. По свидетельству древних писателей, народ Халиба жил на юго-восточном побережье Черного моря.

Эти места заслуживают большего внимания, поскольку установлено, что старый кавказский народ, Мошер (Mos-cher) только из этих областей до северо-востока обратил (Leonhard, Lit. 25, стр. 295) да как вообще наличие тесных связей кавказских мир с Арменией и передней Азии, в частности в исследовании языка все более заметным.

Пейзаж и популярное имя Абасакан, безусловно, являются синонимом Абхазии. Абхазия. Однако, по мнению Семенова, Кабарду можно также назвать. По названию реки Башан может быть обозначен Баксан, что будет говорить за Кабарду.

Хочу отметить, что по этому поводу, какие ценные сведения еще может принести более точное исследование географических названий Чеченской области для изучения языка и истории. Я должен был довольствоваться тем, что не чеченское название равнозначно чеченскому. устанавливать не кавказские и должны позволить профессионалам решать, являются ли эти совпадения многогранными или нет. Это просто совпадения, о которых я хотел бы упомянуть здесь некоторые. Так, к северу от озера Езен-ам находится горный хребет Керкет с одноименным перевалом, через который дорога из Ведено в Ичкерию ведет в Ботлих в Андском Дагестане. Название полностью соответствует древнему имени Хой; одноименный город находится на озере Урмия в Северо-Западной Персии. В Персию, в нескольких километрах от Чеченской деревни Хой, также указывает место Парсеной. Название реки Аргун приходит, как я беру локатор 5 Верстовая карта, в странах Кавказа до сих пор несколько раз, отчасти как река, отчасти как название места. (Библиогр. 48) особенные совпадения как раз в том, что касается речных названий, с Сибирью. Известна родниковая река Амура, названная Аргун или Эргун. Таких согласований было много.

Разумеется, следует проявлять осторожность при использовании русских карт, поскольку они часто дают название чеченского места сильным изуродованным видом. В качестве примера я приведу имена некоторых мест без названия. Единая крепость в Мелхисти, поскольку они перечислены на 5 верстной карте и как они произносятся правильно.

Если эти отклонения не связаны с небрежностью русских картографов, остается возможность, что произношение соседних районов было авторитетным; Для Джарего это, безусловно, верно, для других мест я не мог проверить это. Кроме того, следует упомянуть следующее отклонение, которое должно основываться меньше на неспособности картографов, чем на недоразумении. На карте перечислены Шарой, Шикарой, Сантхой, Шатой и т. д. Чеченцы, с которыми я беседовал об этой поразительной

разнице, дали мне следующее объяснение, когда я понял простых людей. Деревня называется «Шаре», «Шикаре» и т. д. Шарой, Шикарой, однако, не был бы неверным, это означало бы не само место, а его обитатели, другими словами, шаройцы, шикаройцы и т. д. У обитателей или переводчиков русских картографов всегда был бы вопрос, как называется это место, всегда после абориген ответил. Возможно, причина в том, что чеченцы сами по себе скорее говорят, например, «Я иду в Шарой», как «Я иду в Шаре»; Это объясняется тем, что жители горного устья гораздо более объединены, чем мы можем себе представить из наших собственных обстоятельств; Часто принадлежит всему населению той же семьи, которое поэтому закрыто, враждебно, дружелюбно, а другой Аулен, или вернее семьи сталкиваются. Тем не менее, я хотел бы выразить эти взгляды с большой осторожностью, поскольку я не исследовал дальше.

Кстати, многие люди уже приспособились к тому, чтобы русский назвал свое место и назвал его незнакомцем в манере русских. Это также относится к народному имени Нахчо. Незнакомого называют чеченцем. В отдаленных горных долинах, конечно, никто не получает ни ответа, ни другого. Здесь, конечно же, недостаточно развито сознание гражданства, не говоря уже о национальном чувстве в западноевропейском смысле. Гора просто описывает себя как часть той или иной деревни. Род или семья величия и вокруг себя видит только такие разные кланы; понимание вышестоящего понятия народа еще не восходит к нему в его закрытой долине.

С появлением племени на кавказской земле, о котором упомянутая легенда, возможно, дает нам ключ, начинается вторая часть истории народа. Гораздо более надежная информация доступна по этому вопросу, даже если она полностью состоит из устных семейных традиций со всей их неопределенностью, особенно в отношении информации о времени. Эта неопределенность кажется, но не в той степени, что применима к географическому содержанию традиций, которые здесь интересуют

нас главным образом; в этом отношении есть заметное согласие в различных традициях.

Следующая информация включает в себя наиболее важные из нескольких публикаций, в том числе выходцев из чеченцев, таких как Лаудаев, некоторые из российских чиновников, действующих в Чечне, таких как Ипполитов и Попов. (Библиогр. 24, 33. 47).

Эта вторая часть чеченской истории в первую очередь касается распространения по площади, которую они занимают сегодня. Здесь можно выделить три фазы.

В качестве отправной точки традиции сообщают с большим согласием место (возможно, это также следует понимать как глупое имя) Нашах или Нашахе, поэтому тот же этаж называется. Сегодня в восточной части района Галанчож или Акки до сих пор существует деревня Нашахе. Кроме того, это слово до сих пор сохранилось как имя известнякового массива Нашахо-лам, который закрывает до Н в низких лесных горах. Майсты – одно из восточных поселений. Оба места пользовались большим уважением среди чеченцев в течение длительного времени; особенно в спорных вопросах адата, обычное право, мудрые старики этих мест, как говорят, были последним средством. Самые старые усадьбы называются также Хилдехарой, Чанти (район Итум-Кале). По-видимому, районы Шарой, Шатой и Чабарлой были заселены довольно рано.

В большей степени, кажется, только второй этап распространения, который был направлен после низких лесных гор, особенно на востоке Ичкерии, к Ауху. Основание деревень в Ичкерии, старейшим из которых называют Эрсеной, Агашпатой, Цонторой, должно быть сделано по следствиям Попова 600, 800 или даже 1000 лет назад, сроки, которые, по своей природе, являются небезопасными. Это приблизительно с периодом расцвета грузинского царства под царицы Тамары (в 12 веке) совпадают. Возможно, во власти был грузин разворачивается после всех сторон с какой-то повод для похода чеченцев после о. Что грузинская влияние простиравшейся тогда на Северном склоне Кавказа только

путем доказано руины церкви Тхаба-Ерды недалеко от Чеченской границы ингуши, которые в грузинском стиле. 9. Века проводится Точное описание (по Всеволоду Миллеру, Библиогр. 29), в том числе еще одна надпись в грузинских букв на старом могильнике на долине Ассы в Ингушетии, который был найден профессором Яковлевым. (Библиогр. 19, стр. 20). При этом район Аух населяли исключительно люди из Акки (Галанчож); также жители Ауха называют себя и сегодня по-прежнему Акки.

Согласно традиции, ингуши и карабулаки из центра «Нашахе» осели в своих нынешних местах.

Тем самым было завершено заселение Чеченской горной местности. Это произошло недолго после третьего и заключительного этапа распространения, а именно: поселения равнины. Это началось в начале 18-го века. В конце кавказских войн хлопотные чеченцы все еще могли наблюдать здесь более свободно, чем это было возможно в горах. Даже сегодня эмиграция на равнину по-прежнему продолжается, даже теперь вызванная и продвигаемая правительством. Это богатые земли, принадлежавшие антисоветским казакам вдоль Сунжи, и после их уничтожения были предоставлены горным людям. Цель состоит в том, чтобы контролировать тонкое отсутствие пригодных для использования сельскохозяйственных угодий в высоких горах. То же самое происходит и в других автономных республиках, особенно в Дагестане.

Распространение чеченцев уже вышло за Сунженскую равнину. Много аулов уже выходит за низкие хребты вдоль Терека. Точно так же есть некоторые в Дагестанской области на Кумыкской равнине, жители которой приобрели печальную известность в 1917/18 году, уничтожив там процветающие немецкие колониальные деревни.

Разумеется, нельзя предполагать, что распространение чеченцев на нынешний народ будет происходить полностью какой-то силой, но ясно, что со временем они поглотили многие иностранные компоненты. Это снова подтверждается семейными традициями.

Грузинские народные элементы были очень сильно вовлечены, d. час те из горских грузин, и среди них, особенно о шали. Их влияние очень заметно в районе Шаро-Аргун, но и дальше вниз, например, районе Шатой. Я заметил там человека из-за его выраженной грузинской физиогномики. Также выяснилось, что его семья была на самом деле грузинского происхождения, но уже давно была наказана. Другие семьи снова имеют дагестанское происхождение, также кумыкское, персидское и другие. Семья даже хочет firengischer, Западноевропейский, другой греческий.

Причиной частого притока чужих элементов в чеченский народ обычно называют то, что среди чеченцев, которые всегда были демократическими людьми без классовой структуры – они все еще отличаются сегодня; значит пока революция в других племенах кавказских гор не прибегла к угнетению со стороны своих или иностранных правителей. Вероятно, были бы те, кто хотел избежать наказания за любое преступление.

Прежде всего, необходимо также предположить, что чеченцы, продвигаясь к востоку, превращаются отчасти, по крайней мере, уже была населенная область. Возможно, там жили дагестанские племена. Во всяком случае, Лаудаев прямо упоминает (стр. 11 и 12), что страна принадлежала Аварскому хану, от чьей власти чеченцы только со временем освободились, особенно в Аухе. Даже сегодня аварское племя Салатау живет на северном краю Андской цепи; но только в полосе шириной примерно 30 км к западу от Сулака; к западу от Акташа живут только чеченцы.

Поэтому население чеченского народа в прошлом было намного ниже, чем сегодня, а вместе с ним и их политическое значение.

Русские также жили на равнине Сунжи перед чеченцами. Семенов прямо пишет на стр. 206: «Есть много признаков того, что после середины шестнадцатого века православные русские поселились на территорию Чечни». Когда они отступили за Терек, вероятно, по соображениям безопасности, чеченцы последовали этому примеру. В любом случае, они не смешивались с ними.

Когда они вошли на равнину, у чеченцев были трения с калмыками, а в некоторых случаях – с запада – с кабардинцами. От слияния с ними ничего не сообщается. Чисто монгольские характеристики у меня есть, например, не наблюдается среди чеченцев.

Курганы приписывают это народу Ани, который когда-то жил на равнине. Имя вспоминает название поля Ани-ирзау на юго-западе Урус-Мартана. (Г. А. Вертепов, Библиогр. 41, стр. 11—21).

Хотя Бишер говорил только о включении чеченцев в чужие элементы, здесь также упоминается случай, когда они, в свою очередь, были поглощены соседними народами. Поэтому мне рассказал интересный факт, что значительная часть жителей станицы Червленной на Тереке произошла от чеченцев ичкеринское село Гуни, которые теперь стали полностью русифицированными и стали казацкими. Этот факт еще раз доказывает, как долгое влияние кавказского народа было на казачество не только на образ жизни, одежде и общем, но и на смешивание крови. Говорят, что упомянутые чеченцы когда-то бежали к казакам, чтобы избежать обращения в ислам.

Следует также отметить, что разделение истории распространения чеченцев в три периода происходит от меня. Однако в упомянутых публикациях он легко доступен и, учитывая доступное время, представляется мне оправданным и, прежде всего, подходит для лучшего развития обзора.

Решающим для судьбы чеченского народа является переход в ислам, который начался в 18 веке из Дагестана, где он уже был принесен арабами в 8 веке, хотя полная исламизация, особенно северо-запада, безусловно, была завершена значительно позже. Таким образом, чеченцы также попали под влияние Мюридизма, в частности Шамиль, который осуществил их полное преобразование. Частично добровольные, частично вынужденные деспотизмом Шамиля, они принимали участие в жарких боях против русских, которые закончили свое подчинение примерно в середине

прошлого века. Сильное мусульманское движение снова прошло через страну после краха царской империи, когда, как уже упоминалось, Чеченец Дишнинский основал государство Северного Кавказа, в котором и я сам был активным участником. Эмир был один аварец Узун-Хаджи, старейшиной, почитаемым как святой; Дишнинский помпезно назвал себя великим визирем. Они хотели возобновить времена Шамиля, и сражались против казаков. Советы вскоре отменили этот эмират, убили Дишнинского, который им был неугоден из-за его талантливости, и в 1923 году создали автономную область Чечни.

D) Антропологические наблюдения. Чеченцы – не менее разнородные (раса), чем другие нации. Так же, как и у других народностей, у чеченцев выделяется определённый тип, который характеризует их внешние данные. А именно, причисляется он к переднеазиатской расе. Чеченцы не составляют исключение из других кавказских народов, чей антропологический стержень также происходит от этой расы. Признаки данной расы известны. Речь идёт о от средне до высоко-рослых крепких людях с короткими покатыми головами и сильно выраженным орлиным носом, и обычно тёмными волосами и глазами.

Однако надо выделить еще и внутри переднеазиатской расы, которая распространена на огромных территориях, различные варианты, как это сделали с белой северо-западной европейской расой. Наличие уже известных переднеазиатских расовых характеристик имеют северные армяне, восточные грузины с пшавами и хевсурами, азербайджанские татары, ряд дагестанских народов, ингуши и в незначительной степени кумыки и осетины, и в каждом случае я мог наблюдать различные варианты этой расы.

Прежде чем называть чеченцев переднеазиатами, мне бы хотелось сделать негативный комментарий. Их профиль не слишком соответствует переднеазиатскому типу, как это наблюдается, например, у армян. Такого рода профиль, как, например, списанный Лушаном (Феликс фон Лушан) с армян, известный и часто

приводимый в книгах, имеет с чеченцами мало общего. Также это, по моим наблюдениям, совершенно редкий тип даже среди армян. Сфотографированный мной чеченец, фотография 5 и 6 справа, больше всех соответствует переднеазиатскому типу внешности. Нормальный чеченский тип представлен на фотографии 7. Это довольно мягкий переднеазиатский профиль с сильно изогнутым, но не мясистым носом и с слабо выраженным подбородком, который в сравнении с фотографией номер 5., на которой как это типично для переднеазиатского профиля, подбородок слегка уходит вглубь и более плоский, если сравнивать с немецким идеалом красоты. Профиль на фотографии номер семь не выглядит атипичным, наоборот, уравновешенным, и привлекает внимание своей остротой и дерзостью. Также справа сидящий мужчина на фотографии номер 8 – типичный представитель этого профиля. Его лицо можно без поблажек назвать красивым мужским лицом. Такие лица среди них распространены и они мало чем напоминают орлиную внешность переднеазиатского типа, напротив, они имеют прямой и узкий нос; короткий покатый лоб указывает на переднеазиатского предка. Эти пропорциональные черты лица и завоевали им давнюю славу о кавказской красоте, и в свое время послужили причиной для Блюменбаха при определении кавказской расы. Раньше, особенно во времена кавказской войны, когда Боденштедт пребывал на Кавказе, кавказские народы были через чур идеализированы., в особенности их внешняя красота. Позже была совершена еще другая ошибка – слишком общее, пресное наблюдение.
В заблуждение ввели при этом опубликованные антропологические снимки для которых были выбраны люди с самой экстремальной внешностью. Это особенно видно на примере опубликованных Гюнтером фотографий одного имеретинца из Кутаиси, который возможно был одним из самых уродливых мужчин в городе. Напротив, нужно подчеркнуть, что кавказские народы, особенно северокавказские, по красоте обходят своих соседей. Нужно всего лишь проделать путь из Ростова на Кавказ, и сразу будет видно, как

статность чистых кавказских лиц с их прямыми выразительными чертами резко выделяется из массы неясных русских физиономий.

Что же касается роста, то крепких фигуры у армян, восточных грузин, хевсуров и грузин, иногда менее стройных и никоим образом не высоких; местами люди исключительно маленькие, как в некоторых районах Дагестана, например, в Кази-Кумухе, Гумбете. В отличие от них, чеченцы выделяются своим высоким ростом. Нужно двигаться от хевсурского аула Шатиль в сторону кистинского Джарего, и наблюдать резкую антропологическую перемену: у хевсуров крепкие, широкие тела, кистинцы – высокие, стройные, даже элегантные. Этим наблюдениям я нашел подтверждение в записях Раддэ. (Лит. Прим. 36).

Ту же разницу я могу констатировать между ичкерийцами с одной стороны и андийцами, аварцами, особенно Гумбетами, с другой.

Стройность, худоба иногда чрезмерные. В других местах этакую стройность принимают за слабость и очень несправедливо, потому что плечи у чеченцев обычно широкие, узкие только бёдра. За счет этого фигура бывает эластичная, подвижная, и быстрая. Особенно это подчёркивает всеми носимая черкеска. В горах это менее заметно, потому что там обычно конечности прикрыты овечьей шерстью, за исключением в Мелхисти, где носят черкески.

Полнота, которую я видел у армян и восточных грузин, особенно зрелых лет, здесь отсутствует полностью, преобладают тонкие и тугие фигуры.

Высокорослыми кажутся чеченцы только по отношению к своим соседям. Средний рост чеченца не достигает среднего роста северного немца. Выше 1 м 85 см я встретил тут только двух человек. Один был кистинец из Мелхисти, другой, самый высокий чеченец из всех, был ранее упомянутый визирь из эмирата [Иналук] Дишнинский. Это обстоятельство служило тому, что он резко выделялся среди остальных горцев. Он был аристократической внешности, объединяя в себе все данные характеристик расы.

Ранее было сказано, что чеченцы относятся к переднеазиатской расе, с той же правотой/справедливостью можно отнести их к динарской расе. Динарских людей я видел в большом количестве среди пленных сербов в Кернте и Штаермарке, и когда я их сравниваю с чеченцами, то не нахожу значительных различий, которые, однако, у них имеются, когда мы пытаемся отнести их к переднеазиатской расе. Что касается армян и дагестанцев это вполне оправдано, но только в том смысле что обозначенные характеристики динарской расы здесь мало выражены; голова, так сказать, заостренная, нос некрасиво большой, рост местами маленький. Среди чеченцев это не так, как и среди ингушей и осетин, согласно моим представлениям, и у черкесов. В этом ограниченном смысле я и говорю о чеченцах, как о переднеазиатской расе.

Особенность переднеазиатских чеченцев подчёркивает цвет волос, глаз и кожи. Людей с чисто чёрными волосами и полностью тёмными глазами, какие преобладают у армян и, местами, у грузин, среди чеченцев не так часто встретишь, если говорить о наличии обеих признаков. Можно говорить об одном типе чеченцев, которые в целом производят впечатление тёмного человека. Чаще всего волосы тёмные, даже чёрные, глаза, напротив, карие или такого цвета, который трудно определить. Можно скорее назвать их светло-карими с зелёным оттенком (очень распространённая среди блондинов) и светлоглазыми. Какая степень бледности преобладает – трудно сказать. Можно встретить как серо-зелёные глаза, так и чисто голубые, небесно-голубые глаза, настолько чистые, что чище не найти даже у северных немцев.

Немножко реже, чем светлые глаза, можно увидеть светлые волосы. Но и на них можно обнаружить следы затемнения. Светлые волосы бывают чаще у детей, чем у взрослых; некоторые темноволосые взрослые люди уверяли меня, что в юности у них были светлые волосы. Я заметил у мужчин ранние седые волосы. У 30 летних это уже легко заметно. Возможно это связано с постоянным ношением тяжелых шерстяных шапок (папахи). Число

облысевших также немаленькое. Изучение формы головы осложняется тем, что головы всегда покрытые, неважно, идёт ли речь о мужчинах, женщинах или детях. Они никогда не ходят с обнаженной головой на улице. Для этого нужно остаться у них в гостях с ночевкой, тогда они снимают головные уборы.

Оттенок волос блондинов мало соответствует жёлтому оттенку волос восточной расы, но схожи с оттенком волос у северной расы, и имеет скорее золотистый оттенок, хотя я и не имел возможности подробно изучить цвет их волос. Также часто я видел рыжих людей; цвет их глаз был светло-карий.

Чаще чем светлый цвет волос можно увидеть светлые бороды, при этом мне часто попадался тёмно-красный оттенок, даже у мужчин с тёмными волосами и карими глазами. Растет борода красиво и прямо, ей уделяется внимание. Курчавые бороды, как у Барбароссы, тоже можно увидеть, однако нужно упомянуть, что чеченцы хной не пользуются. Большинство мужчин носят только усы.

Кожа у чеченцев (со светлыми волосами) мягкая и чистая, у маленьких девочек просто чудесный тон. У мужчин лица красные от ветра и погоды, без загара, закономерность типичная для нордической расы. Туловище имеет белый цвет в самом прямом смысле. Однажды я сделал такое наблюдение в Мелхисти. Несколько кистинцев были заняты тем, что сплавляли бревна вниз по реке Аргун (...) Лесные громады, шумящий речной поток и голые туловища рисовали мне тогда картину редкостной романтики, которая надолго осталась в моей памяти, а именно потому, что у этой картины был дух северного человека. Подобные случаи на исламском Кавказе мне больше не представился, сильная щепетильность не позволяет мужчинам здесь показываться оголенными на людях. Напротив, им даже не приятен вид даже частично оголенного тела другого человека; я много раз это замечал, когда зимой 1919/20 целый месяц тяжело болел и находился в одном доме в Ботлихе (Андийский Дагестан); Я не смог упросить ни одного из мужчин

помочь мне встать, все сразу же уходили, Я не думаю что это как-то связано с суеверием, что от меня можно заразиться.

Более свободные взгляды чеченцев отражаются в их свободном отношении к женщинам, которые ходят непокрытые и могут открыто говорить с мужчинами, и такое в Дагестане почти невозможно увидеть.

Чтобы завершить полный портрет светловолосого Чеченца я хочу с сравнить его со светловолосым северным европейцем. С. Паудлер в своей работе о белых расах дал резкое различие между далисской/далической кроманьонской расой и обычной высоко-головой белой северной расой. Из них обоих только вторая может быть рассмотрена в нашем случае. Светловолосые кавказцы похожи на них своей более нежной и гладкой кожей, полными губами и круглым разрезом глаз. Суровые, жёсткие, древесные лица, какие можно наблюдать у людей Вестфалии, по моим наблюдениям здесь отсутствуют, а о опубликованном Паудлером явно-далисском/ далическом типе из Скандинавии и говорить лишне. Он и с другими народами Кавказа имеет мало общего.

Сравнение с белыми северо-восточными европейскими расами можно провести только касательно цвета и формы лица. Строением черепа белые чеченцы-блондины не отличаются от темноволосых соплеменников. Здесь, как и там, короткий, покатый череп, тот же орлиный нос. Мужчина на середине фотографии номер 8 объединил в себе все цветовые возможности белого чеченца в чистом виде, был ростом 180 см, имел при этом узкую, высокую голову. Высокие черепа с незначительным затылком – распространённый тип, и у темноволосых и темноглазых. Однако их черепа не достигают размеров таких как у северных людей. Несмотря на это высокие светловолосые чеченцы с их длинными узкими лицами и всем своим внешним видом действительно похожи на жителей северных стран.

В Майсти и Мелхисти можно изучать черепа, потому что там могильники сохранили черепа в большом количестве. Я и там

не нашел длинных черепов, хотя я и не проводил измерения, а только оценивал на глаз.

Этот высокий, стройный, короткоголовый и большеносый тип человека, которые встречается здесь и в тёмной и в светлой комплекции, преобладает среди чеченцев настолько сильно, что наличие других видов рас среди них не влияет общую картину. Важнейший из них это альпийский тип. Речь идёт зачастую о тёмных, небольшого роста людях с нескладным строением тела и черепа. Фотографии 5 и 6 демонстрируют представителя этой расы, который, однако, имеет пропорциональные черты лица и довольно изящный нос, в то время как лица основного типа скорее некрасивые. Насколько хватают мои наблюдения, альпийскому типу чеченцев не хватает круглоты и полноты, которые, однако, характеризуют альпийский тип средней и восточной Европы. Тело скорее стройное и угловатое, возможно это обусловлено образом жизни. Я не могу сказать, что встретил смешанный тип от двух. Оба типа существуют скорее независимо. Я не припоминаю высокорослого чеченца с массивной головой и коротким носом и сглаженным профилем, или наоборот – низкорослого с переднеазиатскими черепом и формой лица. Оба мужчины с фотографии 5 и 6 были сфотографированы сидящими и поэтому кажутся высокими. В действительности переднеазиатский тип справа был на одну голову выше альпийского типа слева.

Незначительным кажется мне часть русского населения, представляющая восточную расу. Монгольские расовые черты, которые по старому соседству с калмыками и, по нынешнему, с ногайцами, были возможны, я у чеченцев не обнаружил. Они наблюдаются в северной аварии, и то лишь в форме сильно выступающего вперёд позвоночника; монгольского типа глаза я тоже не видел.

Что же касается географического распространения отдельных типов, то я могу сказать лишь о распространенности блондинов;

и только то, что в этом отношении в некоторых краях имеются большие различия.

Число блондинов в западной части Чечни процентно определённо больше, чем в восточной. В западной части есть места, в которых преобладают население светлого типа. Касательно цвета глаз данное утверждение стоит вне сомнений; часть людей со светлыми волосами, кожей и глазами составляет около 50%.

В первую очередь это территории вдоль Чанти-Аргуна (река) от Мелхисти до Шатоя. Особенно я был удивлён большим количеством людей нордической внешности на двух этих территориях, к тому же светлые волосы тут дополнялись ещё и хорошим ростом. В Майсти, соседнем поселении от Мелхисти, таких людей было меньше (сноска: у некоторых детей я заметил ярко выраженные еврейские лица). Из-за частоты выразительности лица также моё внимание привлекли жители долины Хочарой (...) Чеберлое я побывал лишь в восточном и западном аулах, Чобах-Кинерой и Хой, где блондины не очень часто попадались мне на глаза; Хотя именно Чеберлой был назван некоторыми чеченцами местом большого количества блондинов. В целом чеченцы хорошо ориентируется в антропологических различиях людей разных поселений, так, например, они знали о рослости людей в Мелхисти. Мои наблюдения о распределении блондинов было подтверждены чеченцами. На мои вопросы по этому поводу мне давали короткие простые объяснения, что в таком-то месте живёт больше блондинов, в таком-то – больше брюнетов.

Исчезновение элемента блондинистого типа в направлении к востоку наметилось особенно чётко в южном Аухе, и после Андийского водораздела в Дагестане преобладал брюнетский элемент, как в Гумбете, так и в Анди. Рука об руку росло количество грубых и некрасивых лиц. Выражения их лиц в ауле Беной внушало недоверие. У остальных чеченцев, особенно у Гумбетов, которые выторговывают у них кукурузу, они имеют плохую репутацию.

Тот факт, что блондинистый элемент на западе преобладает, вызывает интерес, если взглянуть на историю заселения. Выясняется, что на территориях, на которых чеченцы согласно преданию первоначально жили, было больше блондинов, чем на позднее заселенном востоке. Я не хочу строить предположения, объясняя этот факт; в любом случае, причину стоит искать в том, что восточные территории были колонизированы позже, и, как уже сказано, с поглощением остальных частей населения.

На равнине я не заметил преобладание какого-нибудь одного типа. Однако здесь тоже больше людей высокого и стройного телосложения с орлиными носами.

Из всех кавказских народов у чеченцев самое большое количество признаков блонд. элемента. В различных этнологических работах, а также в кавказской литературе в этом отношении чаще упоминаются осетины. Это понятно, потому что осетины – это индогерманский народ, и во времена индо-германских исследований притянули все внимание к себе. Однако фактически процентное преобладание блондинов у осетин мало чем превышает то же соотношение у чеченцев. Все же у меня впечатление, что физиономия осетина, выражение его лица, имеет больше подобия европейскому, чем чеченца и ингуша. Меня сбивало с толку в речи осетинов (моих знакомых, блондинов) отсутствие чуждости их языка на слух, мне казалось, что передо мной немецкие люди. Тот факт, что осетины преобладающим числом являются христианами, говорит в пользу этого, а также то, что среди них больше образованных людей, чем среди их восточных соседей. Среди чеченцев найдутся вероятно всего два-три человека с университетским образованием, среди осетин же, несмотря на меньшее количество населения – пара дюжин. Это стремление к образованности можно отнести к христианской вере.

В. Эркерт, который провел антропологическое исследование с 70 чеченцами, говорит в заключение, что большинство чеченцев имели чёрные волосы. Это очень типично для них, причём данные

основываются на точных наблюдениях. Однако речь идёт исключительно о людях из Ауха, то есть из восточной Чечни.

Здесь также приведена глава из народной медицины, которая возможно имеет определённую антропологическую ценность. Речь идёт о методах, которыми чеченцы лечат головную боль. Лечение происходит следующим образом.

Больной садится на стул, врачующий становится сбоку, кладёт одну ладонь на лоб, другую на затылок и сильно сдавливает лоб и затылок по направлению друг к другу. Иногда давят по диагонали, это значит, что левый угол лба по направлению к правому углу затылка, и наоборот. При сдавливании рука скользит от лба в сторону черепа близ ушей, массирующими движениями назад; никогда – вперёд. После многоразового повторения врачующий, склонившись над больным, держит его одной рукой за подбородок снизу, иногда за верхнюю челюсть, засунув два пальца рот; одновременно надавливает один или два пальца другой руки в углубление под затылочной костью и тянет голову от плеч вверх сильно и многократно.

В заключение делаются различные упражнения. Сжатым кулаком сначала протирают позвоночник, так чтобы больной чувствовал давление. Затем больной встаёт, скрепляет пальцы рук за шеей и смыкает локти. Другой хватает его со спины и придавливает локти больного плотно к его телу. В этом положении он его слегка приподнимает, сильно прижимая локти к груди. При этом голова под давлением тянется вниз и вперёд, и таким образом происходит интенсивная гимнастика шеи и головы, а также мышц рук и груди. Врачующий держит своей рукой руку больного, а другую свою руку кладёт на голову больного, затем тянет схваченную руку в сторону и назад. Эти упражнения проводит для лучшей циркуляции крови, о чем эти люди имеют очень хорошее представление.

Объяснили мне эту процедуру лечения головной боли следующим образом. Головная боль – это результат скопления крови в голове, из-за этого череп, то есть швы черепа расходятся. Задача – придавить

швы и восстановить циркуляцию крови. Придавливание швов очень важная часть.

Чтобы проверить результат лечения, врачующий измеряет перед процедурой обхват черепа при помощи бинта, и после процедуры тоже. Утверждают, что полученные измерения после лечения и до лечения разнятся, в чем, однако, из-за средства измерения я убедиться не смог. Если нужно совсем точно проверить результат, проводят четыре мерки. Исходной точкой с обеих сторон головы служит место над ушным отверстием на 1 см. При помощи бинта обе точки соединяются, а именно 1. надо лбом, 2. над теменем, 3. над затылком и 4. под подбородком (не всегда). Так мне продемонстрировали чеченские милиционеры в Шатое. По их словам, все четыре измерения должны дать одинаковый результат, тогда голова вылечена!

Такой способ лечения сильно распространён. И к нему прибегают не только при головной боли, но даже когда чувствуют себя неважно, по моим наблюдениям иногда и от скуки, от долго сидения на месте, и когда нечем больше заняться. Я вынужден оставить открытым вопрос о том, влияет ли эта процедура на форму головы. Боковое сдавливание я не разу не наблюдал. На мой прямой вопрос, проводится ли эта процедура над детьми, был дан отрицательный ответ с ссылкой на ещё слабый череп. Однако, когда они подрастают, то и им помогают таким лечением. Подобное я видел и у осетин во Владикавказе. Искусственное изменение формы черепа было распространённой практикой на Кавказе. Во владикавказском музее выставлены черепа, деформация которых состоит в том, что лоб сдавлен назад и череп, как колба, растет назад. Эти черепа были обнаружены на территории близ Терека. Точное место неизвестно, как и возраст. Нередко можно увидеть на чеченцах следы оспы. В связи с этим привожу наблюдение из народной медицины чеченцев. Кистинцы из Майсти знают издревле способ прививки; так по крайней мере считает чеченский комиссар по образовательной части, которому я благодарен за объяснения. Состоит прививка в том,

чтобы высушить оспяную коросту, размолоть ее и привить детям. Люди из Майсти в целом славятся своим знахарским умением в лечении людей и животных. Это объясняется тем, что кровная месть ещё практикуется и от этого часто необходима врачебная помощь. Что касается скота, то в скалистой местности он часто ранится.

Не реже случаи заболевания сифилисом. Это болезнь, которой чеченцы заболевают чаще всего. Однако она встречается регионально с различной частотой. Русские врачи и фельдшера, уверили меня, что сифилитики составляют 50% населения; в некоторых районах число возрастает до 70—80%, в некоторых аулах, например, Нашахе и Гуни, поражены почти все. Поэтому все больницы имеет особенное венерологические отделение, «важнейшее», как сказали мне смеясь чеченцы. Население так привыкло к болезни, что не видит в ней ничего страшного. Несмотря на это больные выглядят здоровыми и крепкими.

Е) Этнографические наблюдения. I. Башенная культура чеченских гор. Чем дальше проникаешь в чеченские горы, тем более примитивным является образ жизни населения, как материально, так и духовно. Горы также являются хранителями прежних культурных условий. Оказывается, при ближайшем рассмотрении, что эта культура может обозначить чеченцев. Следует, однако, сразу добавить, что он никоим образом не ограничена чеченской территорией, хотя и с изменениями, можно найти и у других горных народов Центрального Кавказа.

Сначала туристам бросаются в глаза их сооружения, жилые постройки, оборонительные сооружения и культовые сооружения. Так как и жилые здания являются башенными и, прежде всего, это высокие оборонительные башни являются особенно яркой стороной, очень примечательны для этой местности более высоких гор, так что я называю эту культуру кратко – башенной культурой.

а. Здания. 1. Жилые башни. Речь идет прежде всего о квадратном прямоугольном основании шириной около 8—10 м и высотой до 12 м. Строительный материал меняется в зависимости от породы

в этом районе. В высокогорье это сланцы, которые более или менее волнообразно пристроены местами надстроены друг над другом и соединены вместе. Чаще всего они построены из песка и калька в районе Галанчож или Итум-Кале. Блоки же обычно чисто обрезаны. Иногда также используются блоки весом в несколько центнеров. Из того факта, что такие же блоки можно найти на доступных высотах, нужно сделать вывод, что строители имели в своем распоряжении любые механические подъемные средства, которые у чеченцев не сохранились на сегодня. Толщина стен у основания достигает 1 метра.

Число этажей – два или три. Очень интересна их конструкция. В центре башни возвышается колонна, которая опускается ниже примерно ¾ кв. м и сужается вверх (рис. 1). Она состоит из прямоугольных блоков, расположенных в слоистой связке, то есть один слой всегда лежит над другим. На определенных расстояниях вставляется широкая сланцевая или песчаниковая плита, которая выпирает со всех сторон около 20 см. Колонны, однако, есть не во всех башнях. Я видел их в описанном виде в руинах древних жилых башен в Ушкалой к северу от Итум-Кале, в Зазхой к востоку от Итум-Кале и в Мелхисти; они одиноко возвышались там, в распадающихся стенах. В других руинах она отсутствовала, так же как и в жилых башнях, в которых я ночевал, и которые я еще видел. Насколько это основано на случайности, я не могу сказать. Может быть, я их тут и там упустил, так как внутреннее пространство башни, разделенное поперечными стенами, обычно делилось на три комнаты, одну большую и две меньше, и из-за отсутствия окон всегда царила глубокая темнота. Цель построения колонны, возможно, было лишь то, чтобы с ее упомянутыми далеко выступающими плитами носить потолочные балки этажей. Соответственно, в четырех углах башни установлены широкие каменные плиты, которые также обеспечивают плоскость опоры, здесь треугольной формы. Как теперь балки расположены в деталях, не может быть больше сказано из-за отсутствия всех остатков древесины в руинах. Расположение

четырех радиальных балок, которые тянулись от стен к центральной колонне и, в свою очередь, служили основой для фактической прокладки, не представляется возможным. Г. Шухардт «Alteuropa», стр. 149, описывает подобную конструкцию крыши от Талайотов[28] на Балеарских островах. Правда, речь идет о круглых или овальных сооружениях, крыша которых формируется плитами, которые радиально укладываются, ложатся со стен на центральную опору, которая сверху несет широкую каменную плиту. Другого значения у этих колонн в чеченских плетеных домах быть не может; в любом случае нужно рассматривать этот элемент как очень древний элемент. Она может быть альтернативой центральной колонне чеченских плетеных домов, как описывает Баумхауер, которая носит как так называемый шлем, который несет на себе вес балки пирамидальной крыши. Лестницы к верхним этажам ведут снаружи. Ведущая на второй этаж, как правило, представляет собой простую, более или менее искусственно многослойную каменную конструкцию. На третий этаж каменная лестница заменяется своего рода широкой лестницей, стоящей на толстых балках, выступающих из стены. Соединение лестничных бревен посредством перекладин, промежутки которых в основном заполнены плетью, является достаточно несовершенной конструкцией и подъем для новичка очень не удобный. Если жилая башня стоит на крутом склоне, то, вероятно, идет дорожка от земли до верхних этажей (картинка 2 теневая сторона башни слева). На случай вражды, когда осажденным лестница была недоступна имелась внутренняя лестница. Это самые примитивные лестницы, о которых можно подумать: либо выдолбленный ствол дерева по типу укладки, через боковые стенки которого вставлены дубинки, которые служат опорой для стопы, либо ствол дерева, в котором вглубь до середины дерева высечены насечки. В руинах я не нашел внутри никаких следов каменной лестницы.

Определенная форма башен демонстрируют дверные и оконные проемы. Двери (рис. 2) обычно не превышают 1 ½ м в высоту и более

¾ м в ширину. Верхняя дверная арка образована мощной каменной плитой, которая по-прежнему включает верхнюю половину дверного проема. Нижняя половина разделена двумя пластинами шириной ½ – 1 м. Его форма очевидна из рисунка; он везде одинаковый, как и верхняя арка. Аналогично, форма маленьких оконных отверстий составляет около 20 на 30 см в ширину.

В отличие от круглой дугообразной наружной стороны, внутреняя сторона окон и дверей показывает остро-купольные формы, что легко сделать в таких толстых стенах. Внутреннее отверстие немного выше; Заострение начинается только там, где округление достигает максимальной высоты и заканчивается у дверей около ¾ м над высотой дверей, а окна соответственно ниже (рис. 3). Очень часто, однако, окна образуют лишь простую щель в кладке без каких-либо обрамлений. (рисунок 2 и 3).

Двери всегда двустворчатые и состоят из сильных досок. Они превращаются в конусы, которые вставляются сверху и снизу в соответствующие углубления кладки. Они закрыты сильными ригелями, которые можно толкнуть глубоко в боковую кладку при открытии.

(рисунок 4 с изображением башни). На больших гладких поверхностях дверной рамы и в других больших блоках кладки часто высечены грубые орнаменты, которые рассматриваются в специальной главе. Орнаментальный характер также может быть слой сланцевых сланцев под углом друг к другу в виде так называемой (стр. 43) повязки из елочки, вставленной в несколько метров под крышу во внешнюю часть кладки и обертывания вокруг башни, как широкая полоса. В любом случае я не смог найти конструктивного смысла, особенно потому, что они встречаются только в одном случае.

Пояснения к рисунку.

I. Разрез оборонительной башни.

1. Каменный наконечник («zhogael»).
2. Шиферная плита («häqhæ, čardæg»).
3. Уровень крыши.
4. Окно («kor»).
5. Очаг («čherch»).
6. Каменная плита установлена в углу.
7. Ниша с фиксирующими вырезами.
8. Небольшой люк в хранилище для соединения между двумя этажами.
9. Опоясывающий карниз, выпирающий из жилища («qozaer»).
10. Балки для подвешивания пищи.
11. Крючок для мяса.
12. Слепая ниша («qhorg kor»).
13. Печная цепь.
14. Вход.
15. Поддержка для лестничных подъемных балок.
16. Звуковое окно.
17. Плита.
18. Контейнер для кладки зерна («lægæm»).

II. План второго этажа

1. Вход.
2. Канал для затягивания высокопрочного дверного болта.
3. Каменная плита установлена в углу.
4. Звуковое окно.
5. Слепая ниша для боеприпасов.
6. Соединительный люк с нижним этажом.
7. Ниша с фиксирующими вырезами.
8. Горячие плиты.

9. Каменный ящик для кладки (нижний этаж).

III. Назначение разных этажей

1-й этаж Заключенные.
2-й этаж: Тюремная охрана и защитник.
3-й этаж: защитники и (женщины, дети).
4-й этаж: защитники и (женщины, дети).
5-й этаж: наблюдательный пост и защитник.

Как жилые помещения служат только верхние этажи, в которых также стоят большие сундуки, в которых хранят немного зерна. В нижнем, без оконном этаже, находится домашний скот, который, таким образом, как дверь закрывается, в полной темноте. Часто здесь, прямо над головами крупного рогатого скота, включено межэтажное помещение, жилье овец и коз, закрытых плетеными заборами). Простая куча камней служит скалолазающим животным как восхождение; через зазор в потолочной структуре они достигают своей конюшни.

В настоящее время крыша жилых башен представляет собой плоскую земную крышу, которая затеняет жилище над стенами, теперь слегка наклоненную шиферную крышу (рис. 4). Во многих башнях крыша уже стала жертвой разрушения, и только два нижних этажа были заселены.

2. Оборонительные башни. Это высокие стройные фигуры башен, которые сужаются кверху и, в отличие от неуклюжих, массивных жилых башен, предлагают очень приятное зрелище. Фундамент-основа также квадратная, но с шириной сторон 4 метра. У них 4—5 этажей, около 20 м, что вдвое выше, чем у жилых башен. Полы этажей также хранятся на каменных плитах, которые встроены

в углы. (Рис. 4). Нижний этаж часто образован очень твердым и чистым поперечным сводом; на его вершине вытянуты четыре своеобразные полосы или гребни, а из вершины вытянуты четыре любопытных полосы или гребня, состоящие из рядов камней, слегка выступающих из свода. Защитные башни обычно строятся более прочно, чем жилые, часто с использованием известкового раствора.

Через свод, вдоль стены башни, есть отверстие к следующему этажу, которое, учитывая толщину свода, появляется как вентиляционное отверстие сторонами 1 м и 60 см, сквозь которое человеку нужно протискиваться. Как лестница снова служит отдельно стоящее бревно с вырезами. Аналогичным образом происходит соединение между другими этажами. Иногда башня заканчивается плоской, часто зубчатой крышей. Более типичным для этих ландшафтов является пирамидальная скатная крыша или крыша купола, высота которой примерно равна верхнему диаметру башни (рис. 11). В свою очередь, он увенчан конусообразным каменным верхом около ¾ м в высоту. В строении крыши чередуются ряды обычных плоских строительных блоков и слой широких шиферных плит; последние выпирают наружу примерно на 20—30 см, так что создается своеобразный каскад, который создает очень яркий архитектонический образ.

В дверных и оконных проемах обычно отсутствует обрамление большими каменными плитами. Однако особенностью оборонительных башен являются отверстие для стрельбы верхнего этажа. Это так называемые Машикули, это значит литые отверстия. Они выглядят как удлиненные коробки с открытой нижней стороной, которые прикреплены к внешней стенке стены наполовину вверх по лазейке. Его верхняя сторона служит одновременно как прикрытие для стрелков. Орнаменты отсутствуют на оборонительных башнях, но прорези в кладке, которые широко видны через их тень, устроены так, что они дают простые геометрические фигуры, в основном крестообразные, высотой в несколько метров.

По одиночке боевые башни стоят редко. Они построены в этом случае главным образом в стратегически важных точках, например, в узких районах ущелий, где требовались пошлины (соль, порох, свинец), например, в Аргунской долине недалеко от Шатоя и Ушкалоя или в ущелье Ялхароя близ Галанчожа. Боевые башни обычно всегда рядом с жилыми башнями, где числовое соотношение обоих может быть очень различным. Иногда только одна из этих элегантных башен находится посреди многочисленных жилых башен, к примеру, в Теретего (Мелхисти) или в Жоколо (Майсты) (рис. 4 и 12). В других аулах на три-четыре жилые башни приходится одна боевая башня, так что возникает чрезвычайно вызывающее и романтическое изображение поселений. В ауле Пого в Маисти или на юге Никорой Галанчож. В Мелхисти также много поселений; они состоят из 2—4 жилых башни, которые тесно примыкают к высокой боевой башне, создавая впечатление настоящей крепости (рис. 13). К ней относится, как правило, небольшой внутренний двор, который окружен двухметровой стеной из обычных камней. Отдельные укрепления, как и аулы, носят географические названия. Одна или больше из жилых башен почти везде лежит в руинах; люди часто живут в одноэтажном каменном доме с плоской крышей, который обеспечивает большее удобство и каким-то образом встроен в руины. Даже в противном случае во дворе по-прежнему есть небольшие скотные или складские хижины. Обычно сегодня в таких крепостях живут всего одна или две семьи, хотя изначально рассчитана комната на 5—6 семей, так в Банахе, Икильче и других. Не мало из них уже полностью заброшены; жители поселились в других домах с плоской крышей.

В боевые башни переселялись только в случае нападения, которые, впрочем, могли выдержать и жилые башни. Не соответствует правде то, что каждая боевая башня населена, как это можно прочитать в некоторых источниках.

Жилая башня принадлежит проживающей в ней семье и может быть продана, в то время как оборонительная башня неотчуждаема,

так как она является общей собственностью всего рода или семьи.

3. Могильники и другие погребальные строения. Третий архитектурный элемент культуры башни – это могильники. Это небольшие домики, которые, редко по отдельности, обычно объединяются в группы вблизи населенных пунктов и могут издалека создавать впечатление небольших поселений. Эти домики встречаются на территории чеченцев в двух формах.

Чаще всего имеет прямоугольный план примерно в 2 на 4 м; однако также присутствуют более крупные, более вытянутые (рис. 14). Высота – от трех до четырех метров. Форма могильника – это коробка с двускатной крышей, обычно довольно плоская и покрытая сланцами обычным способом. Внутренний интерьер могильников изогнут в заостренную арку, подобно восточной архитектуре, невысокая и узкая как готическая, а довольно расширенная. Под вершиной купола располагаются поперечные балки в полуметре друг от друга, конструктивное значение которых для меня неясно. Конструкция сводов достигается за счет так называемого нависания каменных слоев, но нависающие углы были отрезаны, образуя гладкую поверхность (рис. 15). На плоском гребне крыши часто проходит гребнеобразная каменная конструкция.

В середине передней стены, на узкой стороне здания есть квадратное отверстие, достаточно большое для того, чтобы прошел человек. Выше или ниже этого отверстия, выступает иногда камень, который возможно служил для облегчения входа, особенно если горный склон был крутым.

Передняя стена не всегда образует гладкую поверхность. Во многих могильников я нашел их в 0,5—1 м вогнутыми в здании, так что из боковых стенок и крыши была сформирована сводчатая передняя камера. Ее пол был слегка поднят над землей; вдоль стен проходили сырые каменные скамейки, которые, вероятно, использовались на поминальной службе.

Внутри могильников, по всей длине стен, выступает несколько этажей широких каменных плит около ½ м. На них клали трупы.

Узость комнаты достаточна только для прохода мужчины средних габаритов. Если могильник находится на склоне, земля в его внутренней части поднимается в высоту, так что в задней стенке остается только место только для одного смертного ложа, в то время как на переднем плане четыре или пять этажей могут существовать.

Есть также двухэтажные могильники (рис. 14).

Могильники, как правило, строятся с использованием раствора, и довольно тщательно, что обычно пропущено в нынешних зданиях. Кроме того, они иногда оштукатурены снаружи известью.

Второй тип могильников имеет квадратный план фундамента длиной более 2 метров и один или два этажа. Его крыша имеет ту же форму, что и боевая башня, с хранилищем внутри и каменной вершиной наверху (рис. 16). Внутренняя часть такая же, как и первая форма, и так же, как и последняя, входное отверстие ориентировано в определенном направлении неба.

Непотревоженных останков мертвых сегодня почти не найти. Трепет и почитание туземцев перед гробницами их предков часто начинают ослабевать, и большинство могильников уже обысканы и разграблены в поисках чего-нибудь ценного. Внутренний вид могильников довольно ужасен в кучку смешанными костями и истлевшей одежды. В нетронутых могильниках останки лежат на выступах в изначальной одежде; Только в одном случае я нашел их в узких деревянных ящиках возле деревни Камалаго.

На данной территории Ислам пришел не раньше ста лет назад. Это вывод напрашивается сохранившегося состояния останков и их одежды. На некоторых скелетах все еще отчетливо видны следы кожи. Разумеется, нужно также учитывать относительно сухой горный воздух, который вызывает более мумифицированную сушку, чем распад. Столь же хорошо сохранились деревянные ящики и, прежде всего, одежды; Цвет и разрез были частично настолько хорошо сохранены, что я мог взять с собой несколько штук). В некоторых случаях, мертвым останкам могло быть не больше 30—40 лет. Поэтому следует предположить, что даже после обращения в ислам

люди продолжали сохранять свое старое захоронение в течение некоторого времени.

У каждой семьи был свой могильник, в котором мужчины, женщины и дети были похоронены таким же образом. Как мне сказали в Джерего, некоторые из них иногда приносили туда, чтобы дождаться их конца в общении с мертвыми, особенно когда они заражены инфекционным заболеванием. Лежащие в могильнике остатки пищи свидетельствуют об этом. Если мать была безнадежно больной, ребенка привезли в могильник вместе с ней. Итак, в Цой-Педе, рядом с скелетом женщины, я нашел деревянный ящик со скелетом маленького ребенка. Когда все каменные плиты были заняты, кости сбрасывали на пол, чтобы освободить место для нового тела. Поэтому в могильниках часто можно найти гораздо больше черепов, так как в нем могут быть заложены останки. Если верить рассказам чеченцев, некоторые из могильников Хевсуретии возле Шатиля вмещают в себя до 50 черепов.

В двух местах в Чечне находятся могильники в таком количестве, что можно говорить о некрополе. Это места Цой-Педе в Мелхисти и Васеркель в Маисты. Оба некрополя насчитывают 50 могильников, которые разбросаны по площади довольно беспорядочным образом. Близко к обоим относятся обширные развалины старых поселений, которые, судя по их состоянию сохранения, могут быть оставлены на протяжении веков. Ближайшие деревни слишком малы, чтобы эти некрополи можно было отнести к ним. Например, аул Жокали (рис. 4), который лежит на 300 м выше. Картина руин и некрополь Васеркеля особенно впечатляюще и захватывающе. Из долины Маисты круто поднимается скала около 200 м, с узкой спиной, на которой стоят могильники (рис. 14), с остальным Талсетом. Сверху возвышается высокая башня, вокруг которой сгруппированы некоторые жилые башни. Путь, столь прерывистый, ведет вверх, что жители Жокали очень неохотно ведут своих лошадей, которые, тем не менее, достаточно безопасны, как горные животные, поэтому

делают довольно далекий обход через ведущий в долину горный склон, чтобы попасть в соседнюю долину.

Только при ближайшем рассмотрении вы замечаете много развалин, которые несут на себе скалы, не только на вершинах, но и флангах. Повсюду вы видите низкие руины башни буквально вырастают из скалы и действительно в местах такой неровности, что трудно понять, как люди могли когда-либо строить здесь и жить постоянно. В большинстве случаев, конечно, видны только последние остатки стен, остальные осыпались в ущелья. Я не думаю, что я преувеличиваю количество башен, если по руинам предполагаю, что их количество достигало 30. Те, кто знает восточную часть Кавказа, привыкли к самым невероятным расположениям поселений, особенно в Дагестане. Эти же в свою очередь, покрытые башнями скалы, погружают все во мрак, и, воистину были неприступны.

Аналогично расположению и внешний вид других некрополей Цой-Педе в Мелхисти и в их старых поселениях. Здесь также высокие скалы, которые с трех сторон окружены речками, а на четвертой только узкой спиной, на которой, в свою очередь, стоят могильники, соседствует с долиной, что также можно назвать неприступным, хотя эти скалы ниже и не такие крутые, как те, что в Маисти. Из самого поселения осталась только башня; все остальное покрывает склон слоем обломков. Только стена, которая вместе с башней обеспечивала защиту от нападения с горной стороны, все еще сохранилась. В глубине, чуть выше Аргуна, по-прежнему сохранилась достаточно сохранившаяся крепость, которая полностью блокирует и без того труднопроходимое ущелье. У Цой-Педе было превосходное стратегическое расположение, так как проходит единственный маршрут от Чечни до Хевсурии. С другой стороны, Васеркель играл только роль несравнимого укрытия; ни одна дорога не ведет через долину Маисти, поскольку она полностью опечатана от массива Тебулос на юге.

Однако вряд ли какое-либо особое археологическое значение этих двух руин. Архитектура их зданий такая же, как и в других

деревнях этого района, и нет причин для погребений под скалистым грунтом. Это пустынные поселения тех же людей, которые все еще живут в долинах и чья культура в целом такая же, как у их предков, которые когда-то жили в руинах. Есть разница только в том, что вечная вражда утихла, заставляя людей жить только в таких узких крепостях, вместо того, чтобы строить более комфортабельные дома на более удобной местности, как это происходит все больше и больше.

В дополнение к надземному существуют также подземные могильники, соответственно, могильные камеры, которые в основном имеют такую же форму как ранее описанного типа надземного. Я выкопал некоторые могильники у аула Какадой ниже Итум-Кале. Точно так же есть и те, кто находится недалеко от Ушкалой. Они немного меньше, чем надземные; в них можно было двигаться только нагнувшись. Хотя боковые стены также изогнуты, хранилище не завершено, но закрыто сверху тяжелыми каменными плитами, которые служат потолком и благодаря их нагрузке в качестве хранилища. Земля выше была толщиной около ½ м. У некоторых не было отверстия; к другим, с другой стороны, ведет от склона коридор, а затем имеет такое же квадратное входное отверстие, что и надземные дома. Коридор был неглубоким и покрыт каменными плитами. Внутри были небольшие квадратные ниши в вертикальных стенах; над входом была треугольная форма, образованная встроенными плитами. Их также можно найти в святилищах (рис. 15).

Я ничего не нашел в трех погребальных камерах, которые я исследовал, кроме костей. Однако было сказано, что другие ценности, в том числе золотые, были найдены в других погребальных камерах такого рода местными жителями; К сожалению, я их не видел.

Чеченцы считают, что погребальные камеры пришли от калмыков, которых они когда-то выгнали из этих районов. Это можно было бы легко доказать, при наличии останков черепов, но мне такая находка не посчастливилась. Но так как они почти идентичны по своей

архитектуре с надземными могильниками в Мелхисти и Маисты, они, вероятно, также будут творениями одного и того же культа той же религии; это значит, что они могут исходить от самих чеченцев. Под влиянием ислама, который преобладает здесь в этих областях более длительное время, чем в области Кистинцев, население забыло об этом. Тот факт, что они на территории Кистинцев располагаются, может быть обусловлен скалистым грунтом, а более глубокое подземное выветривание и висящие обломки сделали возможной подземную установку. Более того, в Какадой и Ушкалой есть те же оборонительные башни, что и в Малхисти и Маисты, хотя они необитаемы; Та же культура преобладала, погребение в могильниках, чего здесь совершенно не было. Поскольку надземных нет, именно подземные должны были занять их место.

Здесь упоминается еще одна форма, которая до сих пор используется мусульманами и, по-видимому, восходит к могильникам домусульманских времен. Однако она служит только надземным памятником для погребенного в землю умершего. Это уже не могильник, а своего рода кирпичная колонна высотой около 1 ½ м с прямоугольным или квадратным планом. В его передней части находится высокая ниша, которая служит для размещения обычного надгробия мусульманина, которая украшена цитатами из Корана. Надстройка заострена и показывает, что также характеризуется выступающими плитами ступенчатой конструкцией. Я нашел эти гробницы в разных местах в верховьях Шаро-Аргуна и в Гумбета Дагестане в Мехельта. В «Кавказских народах» автор Диши, том II, стр. 204, есть фотография такого надгробия также из верховья Андийского Койсу вблизи аула Агвали. Это тем более замечательно, поскольку из Дагестана до сих пор не было известно ни одного могильника чеченского типа. Но они снова оказываются в частях Кахетии, заселенных аварцами (согласно фотографии А. Дирра у Байхана, глава 6, стр. 793); Поэтому предполагается, что они когда-то имелись в Дагестанских горах.

Подобная форма имеет хевсурские гробницы в Шатиле. Его наконечник украшен кварцевыми блоками, украшенными горными кристаллами, которыми богаты здешние земли.

На рисунке 16 перед старыми могильниками в Теретего, Мелхисти, можно увидеть нынешние гробницы, прямоугольные пирамиды, которые были построены над мертвыми. Высокая каменная плита, которая обычно встречается в каждой могиле мусульманина и стоит вертикально во главе, по-прежнему в основном отсутствует здесь. (рисунок 5).

Я открыл старую мусульманскую гробницу в Итум-Кале. Она была необычно глубокой, около 1 ½ м, высеченной в очень лиственный, мелколистный шифер. Скелет лежал под каменными плитами, наклоненными по диагонали к одной из могильных стен, так что образовалось могила в форме треугольника. Такие же трехсторонние могилы, были и в других гробницах, но они были очень плоскими; пластины частично слегка выступали из земли. Грамотный чеченец, почтмейстер этого места, сказал, что эти могилы произошли с ранних дней ислама в Чечне, когда люди еще не знали, как следует хоронить. Теперь хоронят его следующим образом. Выкопайте яму прямоугольного плана и три аршина (два метра в глубину), затем подрезайте боковую стену. Труп помещен в эту пустоту, так что, когда могила заполнена, земля не падает на нее. Эта раскопка, которая также завершена против ямы (рис. 6) каменных плит, но должна быть достаточно высокой, чтобы мертвый человек мог сидеть вертикально, когда он был призван Аллахом. Также случается, что позже в другой могильной стене, таким же образом, сын похоронен (рис. 5). Богатые люди также построили кирпичные подземные гробницы, а именно сводчатое строение с планом круглым основанием. Подобная форма описана В. Миллером (Библиогр. 29, стр. 27) у ингушей, но там она применяется над землей.

Более новые могильные камни несут стихи из Корана, чья запись обычно хранится в ярких тонах. На старых можно найти цифры, как показано. Они отдаленно отзываются о человеческих фигурах.

В основном, однако, старые надгробные плиты без надписи или рисунка.

4. Святилища. Я видел один в деревне Теретего в Мелхисти. То, что это святилище, я делаю из сходства с теми, что в соседней Хевсуретии. От единственного говорящего на русском языке уроженца я больше ничего не мог узнать о его прежнем предназначении, так как, действительно, память о языческих обычаях, которая практиковалась не так давно, местами очень быстро исчезла. Он имеет форму могильника, но он значительно больше и более двускатен и построен с большей осторожностью, особенно в том, что касается купола. (Рис. 15). Кроме того, передняя стенка отсутствует; это открытый арочный зал. Сегодня он служит сараем для коз. О конструкции крыши и украшении стр. 63.

В качестве бывшего святилища мне рассказали про руины выше аула Какадой. В результате сильного разрушения можно было видеть только то, что он имел прямоугольную форму и что он разделил поперечную стенку на два пространства, разделенных на низкую, а в правой половине поперечной стены на две комнаты, одна низкая и одна правая Половина поперечной стены (вид спереди) соединяется с дверью. В передней стене три из уже упомянутых треугольных ниш находились рядом друг с другом и над одной. Он стоит посреди руин старых жилых башен. Укрепление, как говорят, было очень важным в прошлом; в любом случае это были многочисленные подземные камеры погребения, о которых уже упоминалось.

Еще одно святилище, которое я видел в Маисты на крутом склоне недалеко к северу от Того, или вернее Туга, последняя деревня этой долины, которая, вероятно, еще не была исследована европейскими научными путешественниками. Это было не здание, но напоминало с стр. 49 описанные гробницы, был только намного больше и имел большую и более глубокую нишу. Тот факт, что когда-то он служил жертвенным алтарем, был подтвержден вышеупомянутыми коровьими и козьими рогами. Вполне возможно, однако, что это

были только жертвоприношение. Он напоминал святилище на подобие памирско-таджикского, опубликованное Байханом (Библиогр. 5, Bd. II, часть I, стр. 416) (по фотографии А. Шульца), отличаясь от него только своей ступенчатой крышей.

Христианские горные племена, особенно хевсуры и осетины, очевидно, сохранили старые языческие обычаи гораздо более преданно, чем мусульманские. Но даже среди ингушей жертвоприношение животных, как говорят, имели место в конце прошлого века. В забытых Маистах они существуют, по крайней мере, так же долго, если не дольше.

Например, бывшие религиозные представления чеченцев, о которых до сих пор свидетельствуют святилища и склепы, отчасти были собраны местным чеченцем Баширом Далгатом. Адольф Дирр перевел данную статью и опубликовал ее в «Антропосе». Очень интересным, а иногда и совершенно новым, особенно в отношении социологической ситуации, является популярный альманах Яковлева об ингушах, который стоит перевести на язык для западноевропейских читателей.

b) Орнамент. Как уже упоминалось, простую резьбу по камню можно найти на жилых башнях и, реже, на других сооружениях башни, особенно которые наносятся на большие каменные плиты, которые обрамляют дверные проемы, а иногда и к более крупным блокам кирпичной кладки. Они заслуживают нашего интереса, прежде всего потому, что вместе с резьбой, найденной на мебели, это почти единственные следы визуального искусства, которые мы находим среди чеченцев. С чисто второстепенными геометрическими фигурами он еще не ушел, за небольшим исключением; представления животных и человека хорошо, но только в чрезвычайно примитивном, детском исполнении, в то время как геометрические фигуры часто удивительно чисты и регулярно работают.

Для случайного наблюдателя они покажутся беспорядочными каракули; однако, если следовать за ними ближе, оказывается, что

они всегда повторяются в ярком равенстве, так что они должны основываться на более глубоком значении, особенно если они также находятся за пределами Кавказа среди других народов.

В отличие от расположенных на дверных арках рисунках, те что изображены на кладке довольно беспорядочны. Но есть основания полагать, что их раньше организовывали объединенно, и что они были позже разнесены отдельными камнями во время перестроек, как мне в одном случае подтвердили жители. Первоначальный порядок был такой, как в Маисты, где весь слой стены был покрыт символами. (рис. 7).

Наиболее распространенным символом является простая форма **S** не только в Маисты, но и в целом; она иногда более, иногда менее закручена. Особая форма более закрученной спирали возникает из-за того, что одна половина, обычно правая, меньше. Очень красивый и большой пример такого рода расположен на одной из двух башен в Шарой (рис. 8). Однажды, в ауле Химой, обе половины были соединены прямой линией (рис. 9). Я нахожу здесь привлекательную аналогию у Густафа Коссинна (Ref. 22, стр. 91), которая воспроизводит наскальный рисунок Риланда в Швеции, интерпретируемый как представляющий солнце и луну. Существует разница между ними в том, что шведский рисунок не является S-подобным в смысле, но равномерным, и что две половины кавказского показывают более разное отношение размеров.

Так называемая «бегущая собака» иногда появляется как резьба по камню. Как всегда со спиралями, очень точное исполнение удивительно.

Следующая группа, которая будет упомянута, – это фигуры состоящие из нескольких соединенных спиралей; сначала свастики. Он бывает как круглый, состоящий из двух скрещенных S-спиралей, так и угловой. Угловая, более знакомая форма, которую я нашел только в двух близко расположенных деревнях Шарой и Химой. В последнем они были заметно многочисленны, частично в сыром исполнении и компоновке (рис. 2), в случае, хотя и со вкусом

нанесенных, как показано на рис. 10. Он был установлен над дверной аркой; он занимал всю длину арки, так что кресты лежали сбоку в верхних углах дверного проема. Как сильно стилизованная свастика, вы также сможете увидеть странно запутанную структуру, показанную на рис. 11, которую я больше нигде не нашел. Это было на той же двери, как на рисунке 10.

Свастика, не является чужим явлением на Кавказе. Она найдена, например на устройствах бронзового века известного захоронения Кобана в Осетии, согласно иллюстрациям Шантре II, плита 11 (Библиогр. 7). Помимо двух упомянутых деревень, я не нашел ее снова в ее угловатой форме в Чечне.

Более распространенной является изогнутая, спиралевидная форма, которую я находил особенно часто в Итум-Кале (рис. 12). Не всегда вращаются скрещенные спирали в значении свастики, как показано на рис. 13. Упомянутый аул, который, должно быть, был не только сейчас, но и раньше населением и культурным центром, особенно богатым такими изображениями; тем не менее, я нашел их меньше на башенных руинах, выгравированные камни были разбросаны повсюду, например, даже как брусчатка во дворах и тропинках. Это лишь траурные остатки многих сильных боевых и жилых башен, которые, согласно рассказам жителей, когда-то составляли аул.

Я нашел простой трехгранник один раз на чеченской территории у башни Тазбичи около Итум-Кале (рис. 14); с другой стороны, я заметил его на войлочных коврах Ногайцев и на вышивках Ингушей, которые были выставлены в музее Владикавказа.

Как эмоциональные композиции, можно было бы взглянуть на два рисунка, которые я нашел в гробнице в Цой-Педе (рис. 15) и на мусульманской надгробной плите (рис. 6). Но даже здесь есть сильные сходства, на несколько большем расстоянии от Кавказа на южнорусских рунических камнях (Косинна, Lit. 22, Plate 37). Прямая связь между этими рунными камнями и кавказскими рисунками была недавно установлена владикавказским этнографом

Пожидаевым. Это знаки собственности Кабардинцев, называемые «тамга» (также «тавро»), с которыми они особенно помечают своих лошадей. Пожидаев выполнил свою работу на строго этнографической основе, он изучил основные формы тамги, которые во многих случаях претерпевали изменения, увеличивая и разделяя семьи, насколько они сами разделяли обогащенный новыми элементами, разыскан снова. Конечно, это было возможно только с глубоким личным знанием кабардинской истории. На рисунке 16 показана часть этой кабардинской тамги (Пожидаев, 34, стр. 78), на рисунке 17 некоторые из тех, которые встречаются в соседнем Карачае). Они в основном одинаковы (рисунок 16, 17), как они появляются на южнорусских рунических камнях. В дальнейших исследованиях Пожидаев считает, что древнеславянский алфавит Глаголицы можно проследить до этих рун и знаков собственности, которые, в конце концов, как и все подобные знаки, религиозные символы, а не греческий алфавит, как обычно принимается.

Что касается чеченцев, то у них нет обычая делать пометки имущества или скота.

На рисунке 18 показано положение в большой каменной плите Чаберлой, чьи рисунки также носят рунический характер.

В каменных резьбах важную роль играет круговой орнамент, старый знак солнца. Появляются простые и концентрические круги (рис. 7), такие же с радиусами, а также радиусные кресты, до лучевых пучков. В этом случае два радиуса часто объединяются, чтобы сформировать широкую полосу луча в том, что пространство между ними выточено как на камне, так и на дереве. Его можно рассматривать как реалистичную копию солнечных лучей; особенно представление соответствует картине, которую предлагают вечерние или утренние солнечные лучи, если они отделены друг от друга темными облаками.

Упоминаемое ранее огненное колесо со спирально изогнутыми радиусами появляется, хотя и реже. В очень чистом исполнении такой рисунок находится на башне в Ошни западнее от Итум-Кале

(рис. 19), в слегка модифицированной форме на мусульманской надгробной плите в Итум-Кале (рис. 20). К этой же группе относятся (рис. 19, 20, 21, 22) также круговые изображения, в которых лучи сидят только на периферии (рис. 21). В случае близкой генетической связи концентрического круга и спирали, представлена лучевой короной обведенная спираль. Только однажды я наткнулся на два рисунка, спираль снова в ауле Химой, которая так богата символами каменной резьбы. Такие же окоронованные спиралевидные круги, согласно Коссинна (Библиогр., 22, стр. 76), уже существуют в индоевропейской керамике среднеевропейского каменного века.

Очень распространенной орнаментальной формой является четырех- и шестилучевая розетта (форма цветка) (рис. 23), которая обычно заключена в круг, реже в четырехугольник. Касательные ленты соединяют их с знаком солнца на большом шкафу (рис. 62). То же самое относится к другому знаку – кругу, в котором четырехугольник нарисован четырьмя кругами, вырезанными извне; это популярный орнамент для сережек и браслетов. Знак также будет размещен на Шаройской башне (рис. 24). Все три знака образуют только одну серию разработок, в зависимости от того, насколько четыре внешних круга проникают во внутренний круг. Если они срезают по центру, возникает розетта, они касаются периферии, поэтому четырехугольник с фигурными сторонами; промежуточное положение принимает фигура на рис. 25. Если вы потянете внешние круги еще дальше назад, чтобы они больше не встречались внутри круга и на периферии, тогда есть еще одна ссылка этого ряда, которую я заметил на деревянных гробах. Он также появляется на бронзовых пластинках, найденных в Камунте в Осетии (Шантре, No. 7, том III, 93).

Квадратные и прямоугольные узоры часто встречаются на древесине, реже на камне.

Обычные кресты встречаются в больших количествах повсюду на стенах. Специальная форма с развилкой на концах (рис. 7) я несколько раз обнаруживал на своего рода транскавказских

ширванских коврах. Эти кресты, безусловно, не имеют ничего общего с ранними христианскими убеждениями чеченцев, поскольку они обычно проявляются в тесной связи с другими знаками, которые также известны с доисторических времен. (рис. 23, 24, 25)

Очень распространенный подковообразный знак, который встречается главным образом у входных дверей, а также на надгробных плитах, частично округлых, частично в угловой форме. С подковкой общего этот знак, вероятно, имеет только внешнюю форму; но мне рассказали по этому поводу, что есть обычай забивать подкову на пороге, однако не встретил такого в районе башен, но видел на одном из современных домов русской постройки в Шатое. В целом три подковы, одна снаружи, две внутри в противоположном положении. Чеченец хозяин дома объяснил мне значение количества подков, так чтобы «больше оставалось внутри дома, чем было бы выносимо из него».

Хотя ранее упомянутые символы геометрической формы, как правило, выполняются с большой осторожностью и математической точностью, изображения людей и животных всегда имеют необычайно примитивные черты и напоминают первые попытки детей нарисовать. Они проявляются как в простых линиях, так и в разыгрывании полного изображения всей фигуры.

В изображениях животных нельзя уверенно сказать, что изображено, лошадь или коза. Местами также говорят, что олени играют важную роль в мифических концепциях чеченцев, которые раньше обитали в местных лесах. Мне показали в Химой очень чистую медную маленькую голову оленя (или она сделана из бронзы?) То, что ты хотел найти там в земле. Шея была проколота; поэтому возможно, что его также носили как амулет.

Форму человеческих представлений можно видеть из прилагаемых рисунков 12, 23 и 26. Они варьируются от чисто схематической передачи до попытки более точного изображения природы. Они всегда фаллические, за исключением одной человеческой фигуры на рис. 12 в Итум-Кале, где можно подумать

о сопоставлении мужчины и женщины. Кроме того, общий рисунок на рис. 27 может означать только нижнюю половину мужской фигуры. В последнее время фаллины были поцарапаны много раз; Теперь, когда чеченцы стали мусульманами, они считают такие фигуры непристойными. Прямые следы фаллического культа должны были сохраниться у ингушей, как я узнал во Владикавказе. Рядом с аулом Леми, в боковой долине ущелья Ассы, есть святилище, посвященное ингушской богине плодородия Тушоли, недалеко от которого находится каменный столб фаллической формы. Это должно быть посещено бесплодными ингушскими женщинами теперь тайно и обожаю, то же самое иногда и отказываться от маленького осколка от столба, чтобы носить его как амулет с ними. (рис. 26, 27)

Я нашел примитивное живописное сценическое изображение только один раз (рис. 14). Он должен изображать лучника, нацеленного на козу. (Пластинка, к сожалению, частично разрушена).

Очень распространены иллюстрации руки, которые также обычно наносятся к дверям. И это всегда правые руки, значит, предполагая, что ладонь стоит перед зрителем. Однако некоторые рисунки настолько примитивны, что неузнаваемо, должны ли они быть правыми или левыми руками (рис.23). Другие, однако, воспроизводятся с большой естественностью. В качестве объяснения этих иллюстраций руки, чеченцы заявляют, что после завершения башни мастер изобразил бы свою собственную руку как своего рода фирменную марку. Единственное, что поразительно, это то, что руки можно найти и на надгробных плитах (по рисунку Миллера, библиогр. 29, где рядом друг с другом появляются несколько рук), где вряд ли можно было бы доказать какую-либо архитектуру. Первоначальное значение, конечно же, не соответствует этому объяснению, хотя может быть правдой, что мастер положил свою руку на камень в качестве модели и очертил ее, чтобы впоследствии углубить изображение руки в камень.

Такие иллюстрации руки известны нам из многих других областей. Они уже появляются на стенах поздне-палеолитских пещер Западной Европы. Они также известны из Средиземноморья и Северной Африки. Мы также находим их после Г. Уилке (Lit., 42, с. 229) в Древнем Египте, в Персии, в Индии, по А. Шульцу также на Западном Памире. Барон Франц Нопча (ссылка 31, стр. 65) описывает отпечатки руки внутри албанских домов. Они окунают руку в молоко извести и нажимаете ее на глиняную штукатурку комнатной стены комнаты или на закопченную балку. Говорят, что он служит только украшением комнаты. Аналогичным образом, старые албанские флаги иногда показывают распущенные человеческие руки.

Архетипом всех рисунков человеческой руки, конечно, не является рисунок на камне, а ее отпечаток на суглинке или глине. Это вполне можно рассматривать как начало всей человеческой фигурации, тем более, что отпечаток как руки, так и стопы может возникнуть совершенно непреднамеренно и, таким образом, побудить человека сознательно имитировать его. Я получил живое представление об этом в доме, интерьер которого был разделен плетеной стеной, покрытой глиной. Не было сделано никаких усилий, чтобы сгладить стену, и это было странно сфокусировано на бесчисленных отпечатках мужских кулаков, женских рук и детских рук. Очень легко, что раньше на глиняных конструкциях сознательно оставляли отдельные впечатления, не обязательно связывая символическую цель.

В дополнение к одиночным рисункам рук, найденным повсюду, я нашел два очень интересных изображения о специфических двойных руках. Один из них расположен на стене дома в Итум-Кале, но кажется, что камень уже где-то находился и был перемещен и использован вторично. Есть две правые руки, возникающие из-за запястья и работающие с большим совершенством (рис. 28). Спираль, прикрепленная к ее корню, по-видимому, является частью общей картины. Однако не было уверенности, было ли оно напрямую

связано с изображением руки или отделено от него небольшим промежутком. (рис. 28, 29, 30, 31)

Мне кажется, что более интересным для меня является заметная резьба на уже упоминавшемся уникальном, мощном стенном шкафу, который я нашел в Мелхисти в деревне Теретего в жилой башне (рис. 62). Вам также придется встретить двойные руки здесь. Хотя левая двойная рука заметно стилизована, отдельные пальцы разные, z. T. с рисунком в растительной форме, но, вероятно, делает представление в середине шкафа двуручным персонажем все лучше узнаваемым. Во всяком случае, я бы не дал никакой другой интерпретации. И правые, и левые рисунки – это левая рука, большие пальцы которой сливаются друг с другом. Есть и другие параллели с этими двойными руками на Кавказе. Однако в этих руках не показаны сами по себе, а в связи с человеческим телом, но в таком непропорциональном размере, что они являются доминирующей чертой фигур. Таким образом, в Каммунте в Осетии была найдена бронзовая фигурка (рис. 29), чьи чрезмерно большие руки удерживаются на высоте головы (Шантре, Lit. 7, т. III, плита XV). В другой фигуре из Тимоя, также на Кавказе (это место мне неизвестно), руки находятся в том же положении, за исключением того, что большие пальцы здесь слиты с головой в области ушей (рис. 30, после Шантре, Bd. II, стр. 202). Как я случайно обнаружил в Журнале гражданского строительства, подобную фигуру можно найти в столице в замковой церкви Кведлинбурга (ссылка 45, стр. 54). Георг Уилке (Lit., 42, стр. 208) считает, что он признает танцовщицу или молитву на двух кавказских фигурах. По моему мнению, позиция будет говорить для этой интерпретации, которую можно наблюдать с молящимся мусульманами. Прежде чем начать кланяться, он кладет руки на свое тело, правой рукой закрывая его левую сторону, а затем расправляя его на высоте головы, так что его пальцы касаются его ушей. Жест был бы почти такой же, как у фигурок. Также прекрасно думать, что большой палец и уши тесно связаны друг с другом и что это не только по техническим причинам

ради лучшей поддержки; потому что даже с фигурой Кведлинбурга большой палец прикоснется к голове, хотя для этого нет никакой технической необходимости, поскольку он работает как облегчение.

Одна и та же человеческая фигура с гигантскими руками также известна из Скандинавии и действительно из наскальных рисунков Бохуслен (рис. 31). Джаст Бинг (Ref. 4, стр. 156) соединяет руки с культом солнца, самым значительным моментом которого был восход солнца; он считает, что они ничего не значат, кроме знаменитого «радужного рассвета» Гомера. Косинна (22, 85 и т. д.) Подводит итог в своих исследованиях:

«Среди фигур богов, великий бог солнца, с его крестом или спиралью, иногда оснащенный молниеносным молотом, а рядом с ним его маленький спутник, бог луны, обычно показан одной рукой. К каждому присоединяется бог, частично представленный лошадью или человеческой фигурой с лошадью и часто также кольцом, частично человеческой фигурой с поднятыми руками, пальцы которой широко расставлены, частично как бог богов, отчасти как топор. Этот третий бог – бог ветра (лошадь), бог огня (бог руки), бог рассвета в обоих свойствах. Это идея, знакомая древности, скорость света через быструю лошадь, а также огонь, который врывается в пучки и (стр. 61) лучи через пять или даже три распространения, часто пылающие, змеиные пальцы руки неба, молнии или огня Бога дисплей. Солнце, луна и рассвет наиболее тесно связаны с восходом солнца: как только восходит солнце, луна исчезает (меньший бог соратников), розово-пальцевый рассвет посылает красный оттенок (бог руки), а затем, когда лучи солнца взлетают над горизонтом, поднимает утренний ветер.

Могут ли быть использованы эти объяснения для символов руки, круга колес, лошади и спирали из Северного круга идей к кавказским явлениям, которые могут быть решены только тогда, когда мы больше знаем о мифологии кавказцев быть. Но было еще некоторое лингвистическое доказательство того факта, что культ солнца обычно был родным для этих районов. Чеченское слово –

солнце – называется «mälch». Во всяком случае, это слово основано на названии района Мелхисти, где культура башни лучше всего сохранилась по сей день, и где я нашел этот странный шкаф, а также чеченское слово для «Мельч кеш», что буквально означает «солнечный гроб». будет означать. Точно так же название некрополя Z'ainpched в Мелхисти означает «место беззубый. Деревня Огня». по словам г-на Ошаева из Грозного, чеченца.

Объяснение двойной руки как символа солнечного культа оказывается, таким образом, более близким, чем тот, который хочет признать в нем Betgeste. Если бы последний мог быть допущен к фигурам с поднятыми руками, то вряд ли для рук без связанного тела. Интерес к этой связи может также быть следующим объяснением, данным Хьюиттом («Примитивная традиционная история», Лондон, 1907, т. I, стр. 194—195):

Открытая ладонь с пятью пальцами первоначально служила символом индийской богини-обезьяны Дакша, которая с пятью пальцами часто находится на древних памятниках юго-западной Азии, в Боршипа называется «храм правой руки» и одним из имен Вавилона был «город Ану», «божественная рука». На барельефе в Бархуте, Индия, три открытых ладони изображены в корне Материнского дерева. На одной из морей Арадуса, острова, обитающего сидонскими эмигрантами на берегах Финикии, открытая рука изображена на задней части быка, стоящего справа от кипарисового дерева. Этот бог с открытой ладонью был в Грейхенленде Зевсе Каппотасе, чьи фигуры в Гифиуме и Лаконии были быком». (Цитирует А. Шульца: «Памиртаджик», кастинг 1914. с. 53—54).

Из других украшений я хотел бы упомянуть воспроизведенные на рис. 32 и 33, которые установлены на большом зерновом ящике в Теретего. Косинна называет этот знак «горит». Первый может быть найден снова на рунической копье около Янково, графство Могильно, Профессор Позен был найден, последний на южных рунических камнях руды, в аналогичной форме также на рунной копье, найденной в Волыни (Коссинна, плита 36). Но вы также можете, рис. 33 также в том, что тамга Кабардинцев и Карачаев признают. Тот же символ имеет рисунок 34, который воспроизводит украшение верхнего края узкой стороны кровати.

Я наблюдал чисто вегетативные узоры на камне только в современных мусульманских надгробных плитах, где они

окружают приставку с плотным, бесконечно ветвящимся трансплантатом. Тем не менее, он ограничен руководством линии ответвления, представления листов все еще отсутствуют. Напротив, вегативный орнамент довольно доминирует на металлических, главным образом серебряных изделиях из драгоценностей, а также на подгонке оружия и ремней безопасности. Однако это искусство не относится к земле среди чеченцев; Хотя некоторые мастера сидят здесь и там в деревнях, их обычно подготавливают к дагестанцам, которые в искусстве металлообработки достигли высокой квалификации с помощью самых примитивных средств. После Н. Бакланова, который подробно изучил ремесла известного дагестанского села Кубачи, он находится в технике и орнаменте преимущественно персидского происхождения (Библиогр. I). (рис. 35)

Из рисунков, появляющихся на дереве, один из узоров, которые появляются на дереве, можно отнести только к тому, что воспроизведено на рис. 35, извилистая линия, в углах которой расположены цветочные структуры. Характеристика этого принципа, но особенно для украшения уникальных войлочных ковриков, которые будут более подробно рассмотрены ниже.

Я нашел только следы примитивной живописи, в некоторых узорах, окрашенных в синий или красный цвет на побеленных стенах комнат (рис. 36—40). Они обычно тянутся в полоску шириной около ½ м прямо над полом, иногда также окружают дверные проемы (рис.41), а также появляются на дымоходах. Они встречаются только в более высоких горах в башнях, интерьер которых оштукатурен глиной и известковой краской, что не всегда так, и в низких плоских крытых домах. Это могут быть о древовидных фигурах, возможно, также о еловых ветвях, которые частично вырастают отчасти, частично от волнообразной почвы. (рис. 36, 37, 38, 39, 40, 41)

Этот орнамент тоже кажется широко распространенным за пределами Кавказа. Хебердей и Вильгельм нашли его на скальных ступенях в Киликии (глава 15, стр. 35). Согласно их заявлению, он

также встречается в Перге и Писидии. Швайнфурт также упоминает об этом в работе над гробницами Беги в Верхнем Египте, где он также появляется в цвете на сундуках гроба (ссылка 39). В иллюстрациях Байхана Этнология, т. II, часть 2 (Библиогр. 5, стр. 67), также показана картина польского фермерского дома, внешность которого окрашена аналогичным образом; образцы здесь только выше и более выполнены, чем в чеченском районе.

Таким образом, в основном упоминаются украшения, с которыми мы имеем дело с чеченцами. Некоторые из них не обсуждается до сих пор рассматривается в прилагаемых чертежах, странный, состоящий из четырех рыб структуры на рис. 42. Детали я забил не различимо из-за камня в вопросе (на большой высоте на восточном двух башен Шароя) был расположен. Побывав почти во всех районах Чечни, я считаю, что могу согласиться с тем, что я не избежал каких-либо мотивов, которые могли бы существенно повлиять на общий характер этой отрасли популярной культуры. (Рис. 42)

Наконец, в этой главе, посвященной орнаментации, есть также архитектурный элемент. Уже во время моей первой поездки я заметил своеобразное строительство крыши чеченских оборонных башен и многих из могильников и святилищ, это значит градацией, достигаемой встроенными и выступающими плитами. В то время, как только в последней поездке, я видел практическую причину этого. Необходимость защиты в соответствии с типом нашей черепицы нет, так как сама крыша состоит из компактной каменной конструкции; С другой стороны, в районе башен также есть крыши, образованные обычной чешуйчатой плоской накладкой плиты сланцевого раствора, например. В. на некоторых жилых башнях или смертных домах. Поскольку, на мой взгляд, практической цели не существует, может быть поставлено под вопрос только декоративный или символический смысл – оба они в конечном итоге коренятся.

Сейчас в архитектуре особенно часто встречаются ступенчатые здания. Это напоминает ступени храмов Вавилонии и Индии За,

в Восточно-азиатских форм Храма, на большой террасе в форме Подставки, на которых расположены храмы и дворцы древнего города Майя в Центральной Америке подняться; кроме того, огромные скальные лестницы, которая описывает Леонард из Paphlagonien (25, с. ф. 232), в которых практические цели в результате riesegen масштабы уровней появляется совсем исключить принадлежат здесь. Кроме того, венки на крыше китайских и японских пагод больше не соответствуют пространствам и являются чисто декоративный мотив). Уровень строительства также показывает верхнюю часть гробниц Bega, описанной Швейнфурт (Библиогр. 39), даже странные Трудда и Нураги в Сардинии, возможно, можно упомянуть в этом контексте. То, что заставляет меня связать поэтапное строительство чеченских сооружений с упомянутыми формами храма и, в частности, с лежащими в основе мифическими представлениями, это картина на Битве вазы, которая была найдена в Муссиан Тепе в северной Персии (рис. 43). Там видимый Рисунок одной ступени горы точно соответствует силуэт, например, чеченского святилища рис. 15. Вильгельм Гаерте, рис. хранителя вазы в его работе «символическое значение шахматного рисунка в древности», Маннус VI, С. 366, приносит, считает, признать в нем представление о мировом образе; поля шахматной доски означает, что отдельные страны и ступенчатая гора может соответствовать, например, Эрдберг вавилонского образа мира. Составление образцов шахматной доски и ступенчатых хребтов также приносит еще один кусок вазы из Bismaya в Месопотамии, также опубликованы в работе Гаерта. Не случайно, что даже в чеченском святилище ступеньки и шахматные образцы объединяются, а также треугольная ниша, наблюдаемая исключительно в святилищах и приютах, скорее всего, имеет свое значение. Так и здесь, возможно, можно будет подумать о воспроизведении образа мира, о котором позднее строители, конечно, вряд ли еще имели представление. Какое значение имеет значение, это уже вопрос второго порядка. Мне важно только указать

на возможный символический характер рассматриваемого архитектурного явления.

С этой целью, кроме того, следует отметить, что упоминается в ингушах, крыша укрепленных башен «sigil tchou», что буквально переводится Яковлев – сцены неба, крыши неба.

То, что Иерархическая структура в местах, не вызванных выступающим шифером, но на самой стенке, появляется из описания Радде Хевсурского святилища появляется, (Библиогр. 36, стр 220.): «В деревне Бло стоит рядом с пивоварней церкви чьи боковые стенки, в свою очередь соединенные массивными плитами сланца, приближались друг к другу с средней высоты вверх по лестнице с семью ступенями и заканчивались выше в широкой каменной гвоздике».

c) Географическое распространенность культуры башни.

1. В Чеченской области. Любой, кто хочет изучить культуру чеченской башни в своем первоначальном состоянии, может сделать это только в двух часто упоминаемых районах Маисты и Мелхисти (см. набросок карты). Здесь никто не знает ни одной формы дома, кроме старых темных жилых башен, которые сопровождаются более или менее многочисленными оборонными башнями; Здесь одни есть надземные погребальные дома и святилища. Точно так же соответствующие социальные условия лучше всего поддерживать, например кровная месть. Одна из интересных деревень в Теретего, в которой можно найти все формы башни. Деревня Джерего, однако, выпадает из контекста других деревень, поскольку она полностью состоит из низеньких домов с плоской крышей. Это произошло потому, что оно не было основано до начала прошлого века, когда строительство башен уже было остановлено. У Маисты есть только башни деревень; Самым оригинальным, особенно в духовном плане, является деревня Того, или вернее Туга, самого сложного в Чеченской области.

В дополнение к этим чистым районам башни можно выделить две другие области распределения, а именно те, в которых человек

живет как в башнях, так и в других домах, а также в тех, в которых башни могут быть найдены только как комнаты. К первому относятся верхние отложения как Аргуне, так и вся область к западу от среднего хода Чанти-Аргун, поскольку она относится к высшим горам, таким образом, прежде всего Галанчож или Акки и долина ручья Кий. В общем, количество башен уменьшается в северо-восточном направлении. Стоять много и прекрасных башен, как в западе; они также имеют другую форму. Они построены намного тяжелее, и обычно им не хватает красивой пирамидальной крыши кистинских башен; их крыша плоская (рис. 3). Шарой, насколько это касается дома, представляет собой типичную смешанную деревню; Между серыми жилыми башнями видны белые побеленные стены с низкими плоскими крышами. Аналогичная ситуация наблюдается в районе Итум-Кале (который также имеет название Чанти), за исключением того, что башни за другими формами домов довольно сдержанны. Деревня Тазбичи типична. Могущественная жилая башня под новыми плоскими крытыми хижинами, которые цепляются за нее, словно стремясь помочь, и которые сами все построены на стенах башни, стоит как старая серая лошадь в усадьбе. В Галанчожском районе есть прекрасные башни, такие как деревни Ошни, Никорой и Акки. Карабулаки в регионе Фортанга также жили в башнях; Иванов нашел могильники в поле Дуку-эмиришки в районе передней цепи известняка (ссылка 17, стр. 46). Это было бы самым дальним для севера продвинутого, все еще существующего надземного склепа.

В устье реки Ошни Аргун возвышается над широко видимыми руинами трех близко расположенных оборонных вышек. Я упоминаю ее не только из-за ее романтической красоты, но также и потому, что в народе любопытная легенда гласит, что она когда-то была родовым местом китайцев или японцев.

Области, где башни найдены только как руины, здесь есть районы Шатой и Чаберлой.

Эти руины теперь дают нам границы, в которых культура башни когда-то была широко распространена. Их можно четко определить физиологически, поскольку они не проникают за пределы известняковых гор. В районе Галанчожа последняя башня в деревне Ялхарой стоит на севере, а деревня Шатой образует границу для Аргунского района. На востоке, с другой стороны, последняя башня в деревне Хой на прекрасном горном озере Эсен-ам. Низкие лесные горы Черных гор, таким образом, полностью свободны от зданий культуры культуры башни. их останки. Таким образом, это большие районы Ичкерии и Ауха. Разумеется, это относится и к уровню Сунжа. Эти границы распространения культуры башни не кажутся случайными, когда мы рассматриваем историю поселения Чеченской области. Затем выясняется, что прежняя зона распределения башен совпадает с районами, первоначально занятыми чеченцами; однако, это районы, которые были только потом населены, Ичкерия, Аух и равнина. Поэтому вывод представляется оправданным, что во время эмиграции чеченцы уже отказались от строительства там башен. В окрестностях ичкеринской деревни Харачой, однако, когда-то была башня; но так как он близок к границе Чаберлоя, это не удивительно. В какой степени в Черных горах с их мягкими третичными породами, возможно, отсутствовал подходящий строительный материал, для этого мне не хватает подсказок. Однако я не считаю, что это обстоятельство имеет большее значение, поскольку я не мог найти никаких следов башен на северном склоне андийской цепи, где в достаточном количестве присутствует тяжелый, известковый цементный известняк.

Таким образом, в то время как чеченцы, двигавшиеся к востоку в нижнем, более открытом и плодородном лесу Ичкерии, построили другие дома – скорее всего, плоские крытые глинобитные дома с плетеными изделиями, возможно, и бревенчатые домики – старые башни, вероятно, были построены далее в предковых областях. Согласно их сохранению, последние такие здания будут построены около 100—200 лет назад, в высоких горах, по крайней мере, чуть

позже. С другой стороны, до середины прошлого века домам мертвых было уделено внимание, и, вероятно, новые были возведены, поскольку хорошо сохранившаяся известковая штукатурка на некоторых еще ясно показывает.

2. В остальной части Кавказа. Как и ожидалось с малочисленностью чеченского района, культура башни выходит далеко за ее пределы. Мы находим их с некоторыми региональными изменениями по всему центральному Кавказу, в том числе с западной границы Дагестана до Эльбруса. В нем участвуют следующие народы: на северном склоне гор чеченцы, ингуши, осетины, горные татары и карачаицы; на южном склоне – Тушен, Хевсури, Мтиули (горцы), Осетин, грузинский Рачинцы и Сваны.

Давайте сначала рассмотрим, как форма башен подвергается региональным изменениям.

Высотная, часто сужающаяся башня, с ее своеобразной конструкцией крыши, встречается в той же форме среди ингушей (рис. 11) и Хевсуров. Точно так же Мерцбахер в Тушетии упоминает «умеренно сужающиеся стройные башни высотой 25—35 м с пирамидальными ступенчатыми шиферными крышами» (Библиогр. 28, т. II, стр. 226). Дюбуа де Монперье нашел ту же форму в Мтиули по обе стороны от Грузинской военной дороги к югу от главного хребта (цитируется в Баумхауере, глава 2, стр. 77).

Вторая форма башен, встречающихся у чеченцев это – более плотная конструкция с плоской крышей менее распространена. Мерцбахер также упоминает про нее из Тушетии (гл. II, стр. 224). В Осетии она также преобладает. Профессор Арвед Шульц нашел только эту форму на своих осетинских миграциях. Книга Ниорадзе: «**Замки и их земля» ненадежны**; Деревня Арзи, изображенная здесь как типичная осетинская горная деревня с ее многочисленными стройными башнями, расположена не в Осетии, а в сердце ингушской страны. Оттуда эта картина была взята в этнологии Байхан.

Может быть, вы можете отличить оборонительные башни третьего типа. Это похоже на высоту и внешнюю форму около первого типа, но имеет плоскую крышу, на ее четырех углах стены несут кровельную платформу около 1 м, возвышающуюся структуру, так что возникает зубчатое изображение. Такими башнями являются u. a. напротив Ушкалои, в середине Чанти-Аргуна и в Какадоя.

Башни Сванетии образуют свою собственную форму, но они также встречаются в верхней Рачи (Баумхаер I, 366). Они отличаются от чеченских главным образом тем, что они не омолаживаются, но близко к крыше испытывается проекционное распространение, которое прерывается скрытыми сверху уловами (картинки у Мерцбахера и Деши).

Точно так же существуют различия в жилых башнях.

Опять же, они чеченцы и ингуши совершенно одинаковы, судя по популярной работе Яковлева «**Ингуши**». В Хевсурском селении Шатиль я привез в 1919 году в течение недели, к сожалению, не вел точных записей. Насколько я помню, его многоэтажные дома в дымчатой, без окон, темноте напоминали чеченские жилые башни, а также связь между отдельными полами, сделанными люками и лестницами или стволами деревьев; здесь, а также там можно было добраться по тропинкам с горного склона прямо на верхние этажи. Есть разница, поскольку я обнаружил на верхнем этаже, во многих случаях, вандалообразные открытые пространства в Хевсуретии, которые полностью отсутствуют в чеченских жилых башнях. Что касается поселения, то следует отметить, что хевсурские дома не изолированы, как жилые башни чеченского села, но что они образуют замкнутый комплекс, напоминающий дагестанские скальные гнезда в своей хищной птицеподобной структуре.

В отличие от Шатильцев живут Хевсуры южного склона в черепичных, лучше освещенных двускатных домах крыши, z. В деревне Барисахо, чьи усадьбы разбросаны далеко по склону горы.

Вы также сможете говорить о жилых башнях с ливнями, как иллюстрации и описания на выставке Мерцбахер. Это высокие, двух- и трехэтажные здания, но с скатной крышей, чьи фронтоны могут быть открыты. Они так же неясны, как чеченцы и чеченцы.

Осетинские дома имеют в местах ясный жилой символ, например в деревне Наракау). Более того, в доступной мне литературе я не нахожу достаточно точных описаний или иллюстраций, которые позволили указать их отношения с чеченскими жилыми башнями.

Реальные жилые башни можно найти снова у Сван и Рачи. Из преимущественно квадратного чеченца они отличаются прямоугольным планом и плоской седловой крышей; они соглашаются на мультисторию, отсутствие окон и внешнюю лестницу, чтобы назвать лишь некоторые из них. В остальном ссылка может быть сделана на чрезвычайно ценную работу Баумхауэра, который обобщил опубликованный ранее материал о домах и башенках.

Что касается строительства военных и жилых башен, то можно выделить три большие группы. Первый из них расположен к востоку от Грузинской военной дороги и охватывает территорию чеченцев, ингушей, чешуренов, тушенцев и берггеоргеров. Внутри этой группы чеченцы и ингуши вновь образуют единое целое. Помимо архитектуры жилых, военных, погребальных зданий и святилищ, материальная культура обоих народов схожа с географическим распределением типов домов. Здесь, как и там, в нижних лесистых предгорьях и на равнине, где нет кирпичной крышиной седловиной русской формы, уже преобладает и проникает все глубже в горы.

Вторая группа, которую я не могу определить на данный момент, это осетинские жилые и военные здания и, в-третьих, султанские, в том числе и Рача и горный грек.

Как и во всех вещах, так и в вопросе о башнях, культура Дагестана занимает особое положение. Я путешествовал по ней целиком с северо-запада до юго-востока в 1920 году, от Анди до Самура, и в последний рейс я посетил Север-Авари-Гумбет, но я нигде не увидел следов укрепленной башни; Я также не встречал никакой

соответствующей информации в литературе. Тем не менее, похоже, есть несколько оборонных вышек; Во французском журнале «**L'Illustration**» я нашел картину Лансере из дагестанского села Хинта, в которой поднимается квадратная башня с плоской крышей. В любом случае их число должно быть исчезающе малым; их вряд ли можно считать частью материальной культуры Дагестана, так же, как они полностью исчезают в ландшафтной птице, поэтому они не упоминаются ни в одном путешествии. Возможно, в прошлом это было по-другому. Верно, что восточно-дагестанская деревня Кубачи, известная своими ювелирами, увенчана башней, но она более широкая, нижняя и, что очень важно, круглая башня, которая не имеет ничего общего с квадратным, стройным Центральным Кавказом; он вполне может быть свидетельством юго-восточных влияний. Профессор Арвед Шульц нашел такие башни z. Например, в Копет-даге в персидско-туркестанских приграничных районах, а также г-на Марковского повсюду в Афганистане (согласно устному сообщению). Г. Гюльденштедт (№13, стр. 38 и 367 f) упоминает одну или несколько деревень Кахетии один или более 6—8 м в высоту и диаметром до 6 м в ширину, состоящий из двух этажных круглых башен, в которых один бежали из-за частых набегов Лезгинов. Я также заметил подобную башню в деревне Шинвани при слиянии Пшави и Арагвы, идущей с дороги грузинской армии к западу от Тионети.

Труднее решить вопрос о том, можно ли говорить о жилых башнях в Дагестане. В Гумбет я видел, по большей части, только низкие плоские крытые дома с верандами и яркими большими окнами, как видно на рисунке 17 (деревня Зилитль); То же самое относится к долинам деревень нижнего Анд и Койсу, окруженным садами. Тем не менее, в Анди, Ботлихе и в отдаленных деревнях Агулен и Кюйнер в юго-восточном Дагестане я помню, как я видел многоэтажные многоэтажные дома с плоскими крышами и спал в тех, которые не имели отчетливо подобной башне формы жилых зданий Чечни или, а скорее просто появились как многоэтажные дома.

Впечатление в основном связано с различием в поселении. Отдельные дома в деревне никогда не бывают такими же изолированными, как жилые башни Чечни или Свании, а крепостные одноходовые фермы, известные из ящика и чернильного района, отсутствуют, но высотные дагестанские дома образуют целые улицы без каких-либо пробелов; а не в одном доме, но вся дагестанская деревня – это автономная крепость. Этот образ предлагает, например Анди, если вы приблизитесь к нему; мрачная, непрерывная стена высотных этажей смотрит на странника, у которого ноги груды обломков накапливаются, и которые кажутся усеянными черными многочисленными темными люками небольших лахолевых окон. Крепость – это деревня Дагестан в этой скалистой стране, которую можно назвать в целом огромной крепостью, обычно по тщательно подобранной оборонительной позиции. Образы поселений, как правило, сходны с изображениями хевсурийского стиля, но только в далеком виде. Они гораздо более тщательно построены и имеют более удобные интерьеры, так как дагестанцы являются наиболее сложными из всех племен кавказских гор. В свете общего культурного богатства более подробные исследования, несомненно, выявят несколько типов в многоэтажных плоских крытых домах более отдаленных горных деревень Дагестана – помимо богатых сел более доступных частей Дагестана, в основном одноэтажных, светлых, плоских крытых домов.

Ввиду отсутствия оборонных вышек и поселенческого комплекса, принципиально отличающегося от среднекавказского – Шатиль делает исключение – я ограничиваю термин башня культуры центральным Кавказом; Дагестан – культурная область сама по себе.

Ввиду отсутствия оборонных вышек и поселенческого комплекса, принципиально отличающегося от среднекавказского – Шатиль делает исключение – я ограничиваю термин башня культуры центральным Кавказом; Дагестан – культурная область сама по себе.

Аналогичным образом устраняется западная треть Кавказа; Я ничего не знал о башнях абхазов и черкесов.

Это примерно соответствует географическому распределению домов смерти. Их можно найти на северном склоне от чеченцев до карачаевцев (рис. Карачаевские гробницы около Зичи, 44, плита 47) среди всех народов; их распределение на южном склоне меньше, поскольку они, по-видимому, отсутствуют у Сванов, и они не упоминаются у тушинцев. В Дагестане они полностью отсутствуют, хотя они, возможно, присутствовали (см. Стр. 50). Аналогичным образом, они отсутствуют на Западном Кавказе; хотя упоминаются могильные дома, построенные абхазами (Байхан, Библиогр. 6, стр. 766); они не содержат труп, они стоят только над могилой.

d) К вопросу о происхождении башенной культуры. Из гор мы находим башни такого рода – разумеется, как обычные жилые и военные здания, используемые целыми людьми, старые рыцарские или монашеские здания устраняются естественным образом – нигде в странах Кавказа. Но есть основания полагать, что они существовали хотя бы раз в местах.

Тот факт, что мы должны считаться с башнями в старой Колхиде, подтверждается работой римского Витрувия, который жил во времена Августа над архитектурой. Там говорится в первой главе второй книги (после перевода Ф. Ребера: «Витрувий десять книг по архитектуре», Штутгарт, 1865) стр. 36:

«У народа Понтус в изобилии рощи, целые стволы деревьев лежат справа и слева на земле, оставляя пространство между ними размером с длину стволов справа и слева прокладывая землю, оставляя пространство между ними настолько большим, насколько позволяет длина бревен; затем на концах они располагаются поперек другой, охватывая внутреннюю часть жилища, поочередно укладывая балки с четырех сторон попеременно на каждой из двух сторон. Концы соединительных и так посадки с вертикально уложенными на нижних стволов деревьев стен, они ведут башни в воздухе и заполнить пробелы, которые остаются открытыми из-за толщины древесины, покрывают древесной щепы и глины, и так далее сырого типа, четырехсторонний крыша их сделать башни».

Не будет ошибкой относиться к этим древним понтийским башням, которые, как Марк Витрувий прямо заявляет, были жилищами, которые все еще присутствуют в горах. Они отличаются от них, хотя через строительный материал; но тот факт, что настоящие башни были четырехугольными, служил образцом, когда один переключился на каменную конструкцию. Аналогично, вы, возможно, также будете пирамидальной крышей, например, чеченская ингушская форма оборонительных башен, которая в дополнение к круглой форме также показывает четырехугольник, последний также в могильных домах второго типа может быть связан с деревянной структурой понского. Конечно, пока ничего определенного нельзя сказать. Это пирамидальная крыша из дерева в форме, в которой она Витрувия, также присутствует сегодня на Кавказе, как видно из тщательного исследования, которое Баумхауер посвятил грузинскому Дарбасу, что интересно, происходящий в земной дом с пирамидальной крышей и световой вал. Однако Баумхауер не упоминает эту связь и не упоминает Витрувия.

Но даже деревянные башни сами выжили до недавнего времени в западной Грузии. Д-р Баумхауэр. Я должен сделать рисунок, в котором изображен поселок итальянских монахов в Имеретиене около 1646 года (рис. 43a), который состоит частично из высоких деревянных башен). То, что эти деревянные башни не являются исключением, но что они были обычными в стране, также видно из отчета Шардена, который говорит о деревянных башнях в этой области (8, I, стр. 133). От старого колхида эти башни отличаются тем, что они несут седловую крышу; это соответствовало бы форме крыши современных башен Сванов.

Помимо рассказа Витрувия, есть еще одно литературное свидетельство древности о существовании народов, которые жили в башнях, хотя и не на Кавказе, по крайней мере, в их ближайших соседях. Ксенофонт сообщает в Анабасисе V, гл. IV, 26 народом Моссинойки, живущих в деревянных башнях. Моссинойки буквально

означает древних обитателей башни на греческом языке. Г-н Оберстудиенрат Борк, Кенигсберг, теперь письмом выражает мнение, что греки сделали себе иностранное имя, подходящее только для языка. Чтобы прояснить вопрос о том, как могло бы быть реальное имя людей, может выступать замечание Леонарда (ссылка 25, стр. 295):

«Как прежнее название Каппадокера Иосифа Флавия называет I, VI, Μοσχηνοι, таким образом, Якоба ван Мосшера с тем же именем, что и Плиний VI, IX, 10 „Мощени“. Известно, что мавры находились в этой области примерно с 9 по 7 век и затем были перенесены в северную Армению».

Моссинойки, возможно, были (по словам Борка) «Мошои» или, как их называют ассирийцы, «Муски» и сидели в Каппадокии. Из «Муски» формируется ландшафтное название «Мускус», отсюда и название популяции «Мошени» (Мошеной).

То, что Мош действительно произошло на Кавказе, вероятно, также от имени Мешишенских Шейдегебров в Сураме. Точно так же название «Меши» для мусульман-грузинов Ахалциха, которое носит имя призрака «Мешети».

Как и в Западной Грузии, даже в северо-восточной Малой Азии, старые деревянные башни сохранились до наших дней, или, скорее, обычай возводить такие башни. Замечание Киперта показывает это (ссылка 21, стр. 322):

«Этнографические особенности этого региона, населенного с незапамятных времен племенными народами, – мы говорим о Понтийских прибрежных горах, районе Требизонда, – были в центре внимания более свежих докладчиков, и среди них также греки, мы узнаем от них, что Описание Ксенофонт высоких деревянных башен существующих квартир Моссинойки в горах или Керасус) под турецким названием чебни (τζεπνίδες) неизменны в использовании». Эти башни населены, как продолжает Генрих Киперт, сектой Кизильбаша (рыжий), распространенной в Персии и Малой Азии, которые дискредитированы их тайным культом.

По-другому можно увидеть связи между центральной культурой Кавказа и древней Малой Азии. Встречаются в древние времена, а также над наземными кладбищами или могильными башнями, z. T. все еще сохраняются. Из них – ликийские гробницы, из которых Э. Калинка (Лит. Хотя их архитектура показывает отклонения, они, в принципе, являются одними и теми же зданиями, и действительно, они выходят на вид прямоугольной формы могильников, происходящей с чеченцами и к востоку от Кавказа, например, на кыргызском языке.

Здесь также упоминается созвучие географических названий, которые должны быть оставлены лингвистам для критики. Есть чеченская деревня Мескети (в Аухе). Это соответствует названному названию ландшафта Мещети (Мес-хетти), в районе Ахалцихе, где обитают Мески, чье имя, а также имя Мешичских или мусульманских гор, связано с народом Моша.

В настоящее время я упускаю возможность заняться вопросом происхождения и происхождения культуры башни. Из предыдущего ясно одно: в древние времена башни как общая форма жизни существовали как на кавказской, так и на Малой Азии (стр. 74). Вопрос о том, откуда они впервые появились, скорее всего будет в пользу Малой Азии, чем принять решение о более старых культурных территориях. Помимо того, что Мошер переместился в северо-восток, грузинская народная легенда также сообщает, что юг (например, Армения) распространяется на север. И в связи с этим, возможно, также можно сослаться на чеченскую племенную сагу, которая именно от Малой Азии, говорит о Нахчуване, Эрсуме и Чалыбе как о регионе происхождения. Конечно, отказ от этой легенды оправдан, если предположить, что она возникла исключительно под влиянием ислама. Однако можно представить себе, что старые воспоминания все еще живы в народе, которые тогда были очень желанной основой, потому что в результате успешной исламизации проснулись к их собственному

происхождению как можно ближе к племени и родине пророка принести.

Из приведенного замечания Ксенофонт на Моссинойки заслуживает упоминания, что он назвал их белыми (λευκοι) людьми. Можно предположить, что белые здесь не только светлокожие, но и светловолосые и глаза. Можно ли связать этот факт с высоким процентом блондинов среди чеченцев и других центрально-кавказских горных племен, я должен сказать об этом.

e) Подобные явления в Албании и других странах. Вероятно, ни с какой другой страной, культурные условия на Кавказе не похожи, как на Балканах, если мы воздержимся от Армении и Малой Азии. Это особенно касается Албании, поскольку **А. Байхан** неоднократно указывает на его чрезвычайно подробный отчет об этнографии Кавказа в этнологии Байхана). В прекрасной работе барон Франц Нопча недавно подробно рассказал о материальной культуре Албании (ссылка 31). Оказывается, что в некоторых частях Албании население живет в отдельных военных зданиях, а также на Кавказе, что неудивительно, учитывая аналогичные условия безопасности. Что касается формы албанского оборонного дома, я нахожу широкое согласие с соответствующими кавказскими домами, которые я называю жилыми башнями). Они напоминают кавказца, и это лишь некоторые из них, на широте и большой высоте, на двух или трех этажах, в отсутствие окон, на месте небольших люков, служащих легкими отверстиями и лазейками, в круглых арочных входных дверях, в некоторых случаях также на основаниях, ведущих к лестницам верхнего этажа, во многих чертах интерьера и, по-видимому, также в рассеянном поселении. Кажется, что в кавказских башнях не хватает, но для этого у албанских военных домов, похоже, больше защиты, чем кавказские, например, маленькие орлы, кроме того, они часто все еще не имеют квадратные башни, наложенные на их часто пирамидальную крышу, как у кавказца, носящего каменную вершину в качестве украшения. Албанцы называют свою жилую башню «Кула». Однако область распространения Кулы

не ограничивается Албанией, хотя она наиболее распространена там. Нопча дает следующую информацию на стр. 54. «Кула найдена (согласно Cvijitsch) по всей Боснии, затем в бывшей России; в Албании его территория простирается до линии Ипек, Ускюб, Дибра, Охрида и Эльбасан. На востоке этой линии, как и в Греции и в Эпире, здания Кула вообще отсутствуют; изолированное и, следовательно, важное – это появление в Майне). Эти диапазоны Кулы можно назвать Адриатикой и Пелопоннесом; третья область распространения, как мы знаем из работ Мартонны и Хаенке, – это регион Ольтении в Румынии. Изолированные и неиспользованные Кулы можно найти как иностранное введение в Северо-Западной Болгарии (Vraca). Поскольку Кула Ольтении географически закрывается в замки Бурценланд, поэтому здания Адриатики, похоже, прислоняются к северным итальянским башням обороны Ломбарда».

Нопча также смотрит на Кавказ:

«На первый взгляд может возникнуть соблазн связать осетинский кулен с европейскими, но при ближайшем рассмотрении мы видим, что кулен этих регионов, по-видимому, имеет другое происхождение. В отличие от вышеперечисленных, одинаково толстых, но громоздких и выше, чем зубчатые Кулы Албании или Румынии, кавказцы высотой до 20 м. Кула – это наклонные линии выше, всегда очень тонкий и омолаживающий, в основном, на фоне довольно значительного. Исключением является только постоянная Кула сванов, которая показывает крышу и под этой валунной, слегка выступающей структурой. Небольшие эркеры можно обнаружить на Кавказе только на Куле чеченцев, в остальной части области они, кажется, пропали без вести. Из-за восходящего омоложения Кулена на Кавказе трудно сравнивать с балканскими, поэтому взгляд Нетжамера на азиатское происхождение Кулена должен быть отвергнут».

Понятно, что Нопча не видел кавказские башни здесь, на Кавказе. Ошибка, однако, легко простительна, так как в путешествиях часто

можно найти утверждение о том, что оборонительные башни постоянно заселялись и потому, что они упускали из виду высокие, заметные защитные башни, что даже жилые здания представляют собой оборонительные сооружения. Кроме того, ему не хватает подходящих иллюстраций последнего; его самый лучший представитель, чеченско-ингушский, который с его плоской крышей демонстрирует характер башни более четко, чем башни-резиденции Сванов или Тушина с их скатной крышей, остался совершенно неизвестным.

Слово Кула соответствует Нопча (стр. 52) арабского происхождения. «Арабское имя Кула можно найти даже среди византийских писателей 11-го века в сербах, это название для военных домов, известных еще в 1350 году».

Это может быть только арабское слово для крепости «qala», действие – Нопча не упоминает об этом – это основано на известном турецком слове «qale» (кале, кале). Поэтому очень интересно, что чеченское слово для жилого башни – «г'ала» (апостроф должен воспроизводить своеобразный хриплый звук). Предположение очень близко, что мы имеем дело с одним и тем же словом. Сначала нужно было бы исследовать, что называется жилая башня на других кавказских языках. Если бы это слово было действительно арабского или турецкого происхождения, оно, вероятно, использовалось бы на других кавказских языках для одного и того же предмета. Тогда можно было бы сделать дополнительные выводы о возрасте и происхождении жилых башен.

В качестве названия для оборонной башни я услышал чеченское «бау», кистинское Маисти и Мелхисти «вау», а ингуши его назвали после Яковлева «воу».

Поскольку обороны домов, как популярный дом формы – размер конечно замки развод – даже в Италии, в Альпах, Швейцарии и Южной Германии упоминаются в части в настоящее время, некоторые из прошлого и Виолет-ле-Дюк Эжен, как Кристофом Хаберлендом в этнологии Байхана Том II, второй 432, стр.

432 указывает, что между басками также встречаются оборонительные башни и жилые башни, только точное сравнительное исследование может дать указание о том, находятся ли военные дома в различных регионах под давлением неопределенных политических и, прежде всего, социальных условий (конституция царей!) возникли независимо друг от друга или если они имеют общую область происхождения. Что касается албанской и кавказской башен, то их подобие в принципе настолько велико, что я могу установить идею общего корня; башни Кисильбаша южного Керасунда указывают на это уже.

Следует также отметить географу, что все области, из которых упомянут фольклор, то есть от Кавказа до Балкан и альпийских стран до Пиренеев, являются горными, в то время как они, вероятно, отсутствуют на широких равнинах.

Земля популярных укреплений также, по-видимому, является районом Кабиль в Атласских горах, а также они, похоже, следуют за большим евразийским высоким горным поясом дальше на восток через Афганистан и Тибет. Они образуют доминирующую особенность ландшафта здесь, особенно в дикой природе Голдстромланд (кинчуань) в тибетско-китайских пограничных районах, где разбросанные усадьбы – это небольшие крепости с жилыми и оборонными башнями, как и на центральном Кавказе. (После иллюстраций в Альберте Тафеле: «Моя Тибетская поездка», том II, 1914). Однако углубленный анализ этих, казалось бы, чисто географических воздействий на окружающую среду значительно превысил рамки этой работы.

II. **Другие формы дома. а) Низкие плоские крытые дома («сакли»).** Низкий уровень кавказских гор, это значит одноэтажные плоские крытые дома обычно называют «сакли» русскими (петь: сакля). Слово происходит после грузинского происхождения Баумхауера и уже в 5-м веке занято (Библиогр. 2, стр. 26 Прим). Точно фиксированное понятие, по моим наблюдениям, не лежит в основе слова «сакля»; Названы как каменные, так и глиняные конструкции, хотя, вероятно,

и первая, а не последняя; Это относится к домам с крыльями и без них и разным макетам помещений. Чеченское слово для низкорослого низкого дома – «ца». Еще одно чеченское слово для дома – «хусум»; оба используются одинаково, я не могу указать.

Форма плоской крыши дома, который я наблюдал в шиферных горах в деревнях, которые были по соседству с хевсурами, кажется, по существу, соответствует форме каменного дома с плоскими крышами описывающего из грузинского ландшафта Картлии. Баумхауэр сообщает, в основном, о однокомнатных домах такого рода; Тем не менее, я наблюдал одноэтажные дома только как прилегающие дома, как залы и как шале. Дома, с другой стороны, всегда делились на несколько комнат, как по ширине, так и по глубине.

На рисунке 44 показан план дома в деревне Сантхой, последней чеченской деревне в верховьях Шаро-Аргуна, проходящей через перевал Катчу в Тушетию. Сантхой является новым; Руины старой башни находятся примерно в 2—3 км вниз по долине в хорошей оборонительной позиции, после чего новая деревня, которая удобно разложена на склоне, больше не обращает внимания.

Я провожу несколько дней в доме в деревне Джерего, описание которой должно следовать. Как упоминалось ранее, Джарего, в отличие от деревенских деревень Мелхисти, последовательно от Сакли. План имущества показан на рис. 45. Жилые помещения состояли из двух основных частей, которые были построены под прямым углом друг к другу. Двор, образованный этим, был завершен разрушенной стеной, которая имела хорошую высоту 2 м и первоначально была, вероятно, еще выше. В середине двора был установлен ствол дерева, у пней которого можно было привязать лошадей. Комната с была совершенно пустой; Гостиная находилась в самом внутреннем уголке. Самой большой комнатой была комната для гостей, чьи балки были подкреплены перекладиной с пьедесталом. Из-за холода – это было под Рождество – я жил и спал в общей семейной комнате. Окно было совсем не так, но свет

падал только через (рисунок 46) около 30 см в квадратное удерживающее отверстие в потолке, которое также служило дымоходом. Под ним стояла неизбежная маленькая железная печь, которая уже проникла в последние горные деревни и повсеместно товар на базарах, еженедельные рынки, которые происходят в больших деревнях. Это светлое отверстие в середине потолка я помню и в дагестанском селе Балкар к юго-востоку от богатой деревни Цудахар. Она снова не встречала меня с чеченцами. В противном случае форма печи этих домов состоит из большой дымовой трубы (рис. 46), которая обычно устанавливается в стене, в которой расположено дверное отверстие; но я также нашел его в боковых и задних стенах. Он может достигать более метра в ширину и выступает около 30 см от стены. В нем цепь покоя висит от поперечной палочки, которая внутренне стеной на высоте около 1 ½ м (описание, стр. 97). Но даже в этих дымоходах я редко видел вспышку открытого очага; здесь также была вставлена железная печь европейского происхождения, которая имеет форму прямоугольной коробки длиной ½ м и высотой и шириной около 25 см.

В большой комнате для гостей дома не было никакого света, ни в стенах, ни в потолке. Если бы вы хотели что-то увидеть, дверь должна была быть открыта на веранду. Чтобы добраться до гостиной. Со стороны двора дом сопровождался широкой верандой, которая все еще была окружена парапетом.

Под квартирами были конюшни. Однако нельзя сказать о двухэтажной структуре здания, потому что подвал подвала был, по крайней мере, в задней части, построенной как подвал в гору. Поэтому было возможно войти со стороны крыльца, которое, конечно же, вело по гостиной, прямо без лестницы, в то время как это требовалось из горного двора. Излишне говорить, что эти скотоводы не были открыты. Тюпен состоял из тяжелых досок, был двукрылым и превращен в конусы, как это уже было описано жилыми башнями

Дом, уже за пределами двора, сразу примыкал к сеновому сараю.

Стены были повсюду грубыми, нерегулярными темными кусками сланца без минометов, снаружи были неокрашены, как в зданиях башни, поэтому дома этого типа создают очень мрачное, недружелюбное впечатление, но на который приходит дружеский, гостеприимный прием жителей снова.

В этих домах обнаруживаются сильные различия в распределении пространства и расположения дворов. Они объясняются тем, что эти дома часто строятся между старыми башнями и на старых башнях. Один использовал разрушающие стены старых зданий, как они были найдены, и как-то построил низкую хижину. Подсобные помещения могут быть расположены рядом и ниже жилых помещений; вскоре все закрывает стену, вскоре нет. С этой точки зрения также является своеобразная хижина хижины, например, столбная хижина на рис. 18 из деревни Кеселой (недалеко от Шарой) – совершенно уникальное явление. Их стены выполнены из глиняной плетеных изделий; стены все это часть старых жилых башен, а также возвышающаяся башня на заднем плане.

Я заметил одномерный архетип этого дома около шале над Того, недалеко от ледника, идущего из Тебулос-мты, где пастух и стадо были одинаково размещены. У них был квадратный план 5 м и более сторон, но только около 1 ½ м в высоту. Дверь была едва ли высотой 1 м; Конечно, оконные проемы отсутствовали. Камин стоял сбоку от двери. Их единственным оборудованием было корявое корневое звено, прикрепленное к кладке, к которой висел котел; огонь лежал на земле, и дым бежал без дымохода через едва открывающееся в крыше отверстие в крыше. Домик был освещен кинскими стружками – преобладающим деревом этой долины являются сосны, которые просто застряли в сырой кладке и распространяли яркий свет, чем плохие керосиновые лампы, обычно встречающиеся в горах. Высоким сланцем, который держался простым жестом, пастух разграничил свое спальное место против спальной комнаты.

Из описанной вначале формы сакли, которая, согласно моим наблюдениям, обычно более обширна даже по глубине, я считаю, что

я могу различать сакли, который находится дальше на север в основном в горе известняка. Это обеспечивает строгое распределение пространства постольку, поскольку оно всегда имеет только одну комнату, но для трех и более комнат может быть широким. Каждая комната имеет свой собственный вход, в то время как у них обычно нет связи друг с другом, так что создается впечатление, что построено вместе с гостиной. Двери уже сделаны из досок и превращаются в рыбалку в русском стиле. Стены сделаны из камней; но также встречаются лишайниковые стены, особенно в перегородках, разделяющих комнаты. Печь часто формируется здесь камином уже описанной формы; но часто он отсутствует, а на его месте – железная печь с высокой металлической трубкой.

Передняя стена дома всегда очищена грязью и побелена, так как этот дом гораздо более живым с реальными витражами размером примерно с тех, что были найдены в наших старых фермерских домах. Редко вы все еще находите маленькие оконные проемы, которые просто закрыты смазанным холстом. Внутренние стены всегда побелены; настенная роспись древовидных фигур, как было упомянуто жилыми башнями, а также распространена в темных сакли горных гор, обычно отсутствует.

Всегда есть веранда, как крыльцо, которое, по моим наблюдениям, обычно ориентируется на солнечную сторону, к которой, конечно, указывают окна и двери. Он сформирован тем, что выкладывается через расширение ширины дома, близко расположенные потолки крыши над передней стенкой дома обильные метры. Их концы опираются на сплошной пучок, который поддерживается несколькими колоннами шириной около двух метров, между лучом и колоннами обычно встроен более или менее искусственно закрученный седловый блок (рис. 19).

Над балки крыши лежит слой кустарника и соломы или мякины, которые, в свою очередь, часто покрываются кусками коры. Кроме того, хранится плотно упакованный слой земли толщиной около 30 см, который бережно хранится без травы, который защищен

по бокам досками от смывания. Размятый и сглаженный является нижней, кроме основным, состоящий из куска стебля ролика с помощью «pischtik» под названием инструмента, при условии, с ручкой, полу-метровый досками кусок, который открывается плоским. Точно такой же кусок я знаю из моей родной Силезии, где он ранее использовался при подготовке амбаров.

Под постоянно отсутствующим стеблем обычно находится одна из больших коробок зерна или корзин. Цыплята также иногда находят там укрытие в коробчатых, суглинистых низких бойницах, что в некоторых случаях я нахожу в некоторых случаях, например в селе Бечик на западе Итум-Кале также нашли в гостиной. Кроме того, на одном конце ствола иногда имеется летняя труба, которая имеет форму полой квадратной пирамидальной остроконечной верхней колонны (рис. 47), при этом отверстие для дыма остается немного ниже верха. Опять же, цепь с котлом висит на верхней поперечной вставкой.

Раньше дверь состояла не из дерева, а из кожаного занавеса, в котором, возможно, можно было бы увидеть отклик на старую кочевую палатку. Это до сих пор видно, что дверь и кожа имеют одинаковое название). К сожалению, я не смог записать свой словарный запас. В связи с этим мне сообщили Чеченскую пословицу, которая гласит примерно следующее: «у него балка уже сгорела наполовину!». Оно используется в переносном смысле и означает: у него хорошо быть, пойдем к нему! Когда-то сухое дерево часто не располагалось в хижине и, таким образом, торчало его задним концом через дверь на улицу. Если он был достаточно сожжен, то дверь можно было закрыть, только тогда было тепло и уютно.

Для двора он не приходит с этим домом. Либо экономические районы находятся рядом с жилыми помещениями, с ними бегство, либо крупный рогатый скот размещается частично в подземном подвале. Однако в большинстве случаев стабильная крыша является фактическим верфи (рис. 19). Против этого, крыша соседнего дома

затем, в свою очередь, и т. д. Это создает известные террасы деревню с ступенчатым профилем, так как они настолько уникальны, особенно выраженным в Дагестане, они где на более высоком уровне культуры и рациональное использование пространства осуществляются гораздо более интенсивным. Деревни настолько закрыты, настолько компактно выложены, что внутри плана деревни, по сути, каждое небольшое место застроено, и для узких кривых улиц осталось мало места. Нет зеленый сад не прерывает террасу поезда которых общего цвет соответствует особенно осенью часто настолько с бесплодном, рыжевато ландшафтом дагестанцев известняковые горы, что трудно распознать поселения с расстояния, если не далеко затяжные сады и поле террасы они уже объявить заранее. Один удивляется огромной массе людей, которые могут появиться из этих пространственно часто небольших деревень, когда есть что-то интересное. Все крыши затем переполненные, огромные меховые шапки, лицо имеющее форму орлиного носа – это электронная кажется, по крайней мере, в результате соотношения неравного размера – постные через край крыши, плотный узел людей купающихся за путешественником, а бесчисленные собаки делают музыку для. В менее переполненных, необработанных чеченских известняковых горах деревни этого типа дома гораздо более нерегулярны и разлагаются; Отдельные дома, которые я не мог наблюдать в Дагестане, являются общими.

На плоских крышах обычно усекаются усеченные косточки и стога сена, что дает дереву первоначальный вид (рис. 17). Из-за отсутствия древесины во многих местах во многом зависит от сухого навоза в качестве топлива. Он образован в чеченском районе, как правило, широкими блинами, которые вырезаны для сушки на стенах; В Дагестане я увидел больше кирпичных фигур, сложенных на крышах, чтобы воздух проходил между ними. Такую же форму кирпича навоза («кисяк») я видел и среди армян и татар северных армянских окраин. Даже среди молокан и духоборов, экономически очень способных русских сектантов, которые живут между ними,

можно часто наблюдать за всей семьей, как они подготовили огневой материал на зиму в удобренной куче руками. Поскольку в обычном молотьбе солома разорвана короткая и маленькая, и она вкраплена в эту форму, что редко бывает само по себе, удобрение, в отличие от нашего долговременного удобрения, образует легко податливую массу.

Деревни, состоящие только из таких домов, можно найти в пределах чеченского района, особенно в окрестностях Чаберлой (села Чобахкинерой, Ригахой и др.), Граничащих с Дагестаном и соответствующими частями района Шарой (деревни Бути, Кири). В районах Чанти и Галанчож они стоят как новый вид рядом со старыми башнями. (рис. 2). С другой стороны, в то время как сасаля сам продвигается к башням, она теряет землю против дома седла, который быстро продвигается от севера, который уже преобладает в окрестностях Шатой и также достиг Итум-кале. (см. эскиз карты).

Сегодня плоский крытый дом можно найти только в известняковых и сланцевых горах. Всего несколько десятилетий назад он также правил в Ичкерии и равнинах Сунжи, где сегодня можно увидеть только двускатные крыши. Даже в то время, когда русские долго сидели в крепости Воздвиженская (на выходе из Аргуна на равнине), фундамент которой происходил около середины прошлого века, в соседней деревне Атага, были заложены новые крыши, Здесь меня уверяют старорусские люди, и российский лесовод Маркович, который также кратко описывает чеченское жилье в своей работе, посвященной карантинному лесу, даже в работе, опубликованной в 1897 году, сообщает только о плоских крытых домах, хотя его наблюдения за несколько лет до этой даты возможно, были сделаны. С другой стороны, я обнаружил теперь только в самом отдаленном, дагестанском соседнем селении Ичкерии. Деревня Ичкерии хотя, Сиверхи, состоит даже сегодня только из домов с плоской крышей; но он относится только к чисто административным Ичкери (Ведено),

уже высоко в горах известняка, граничит непосредственно с Чаберлоем и поселяется новыми поселенцами из Чаберлоя.

Достаточно ясно из сказанного, с которым образцовая скорость перемещала одну домовую форму в другую, как самый очевидный признак того, что новый культурный поток затоплен в землю. Появление черепичной остроконечной крыши неразрывно связано с появлением россиян на Тереке и Сунже, казачьи станицы. Однако он был захвачен и передан чеченцами без какого-либо вмешательства со стороны русских; ибо обе народы живут несмешанными бок о бок, а русские только вдоль Терека и Сунжи, нигде на внутренних равнинах Сунжа или в горах, кроме нескольких государственных служащих. Помимо этого распространения чеченцами плиточной крыши, с крыльями является хорошим примером для меня того факта, что культурные передачи без соответствующих движений людей немыслимы, по крайней мере, в неразвитых районах с низким уровнем трафика. час то есть в обстоятельствах, с которыми, прежде всего, необходимо учитывать предысторию. И на Северном Кавказе российское завоевание сопровождалось сильной миграцией русских народов. Грозненский казак, основанный в 1821 году, сегодня является городом почти 100 000 преимущественно русских жителей; не намного меньше – это маленький старый Владикавказ, Армавир и. а. Человек, живущих между гребной линией горы и Манычской линии, только около 13% являются нерусскими (собственный расчет, Дагестан не включен). Конечно, это также оказывает политическое влияние. Независимо от того, являются ли племена холмов дружелюбными по отношению к США, это вызывает озабоченность советских политиков со стороны второго порядка. Кстати, они по большей части советски дружелюбны.

Замена землянки, на сакля, с крышами, сделала бы это, но вряд ли с такой быстрой скоростью, если бы не чисто практические причины помогли. Конечно, плоская земляная крыша – очень неподходящая

форма крыши для дождливой северной ноги горы, особенно для Ичкерии. Нужно только удивляться, что он может вообще стать здесь.

Но даже в районах, которые не получают высокого уровня осадков, таких как нижние чеченские горы, плоский крытый дом, как правило, отступает от двускатной крыши. Я видел в татарском и армянских сели северный край гор Армянского нагорья (также называемого «Маленький Кавказ» называется) зажигать много красной черепичной крыши между саклей и убежищами, как земные домами, в то время как путешественники со второй половины прошлого века, как Радде и Тильманн, ничего не упоминая. Толчком к этому было, конечно, не малая часть местных швабских колонистов и русских сектантов.

Тот же процесс сообщает Баумхауер также из Грузии и Куфтин (Библиогр. 23) из Южного Крыма. После Баумхауер «он находится рядом с коротким сроком хранения крыши, прежде всего, риском малярии, что делает земляные дома нежелательными, так как в темноте, плохо проветриваемые помещения, как комар Анофелес гостят» (стр 23).

Только изредка я видел дома с седлом в глубине Дагестана. В. в Андийском Ботлихе. Это маловероятно, потому что Дагестанцы не имели возможности увидеть такие, а затем подражать, потому что особенно Гумбет и Анди довольно часто поднимаются над цепью Андии, Ичкерии вниз, чтобы обменять их плоды их и их продукты овец, на кукурузу. Но в сухом Дагестане плоский крытый дом более естественен, чем на влажном внешнем краю гор. Тогда нельзя забывать о консервативном единстве дагестанского фольклора, который не так легко доступен, как поголовные чеченцы. Однако, прежде всего, введение крыши с седельной крышей, вероятно, будет препятствием для уже описанного Дагестанского поселения. Здесь нужно учитывать другое; неприемлемо, что сельский житель внезапно возводит скатную крышу, тем самым образуя соседку, живущую над террасой. Весь план поселений базируется в этих террасных деревнях на плоском крытом доме и не может меняться

с одного дня на другой. Для рассеянного живого чеченца, который предпочитает особенно в индивидуальных домах Ичкерие, этой трудности не существовало.

Для вторжения плоского крытого дома в Чеченскую зону мне кажется, что меня зовут два направления. Более важным из этих двух, вероятно, будет Дагестан, поскольку он преобладает там и реже встречается с башнями на чеченском Западе. Грузинское влияние заметно на южной границе районов башни в виде сакли, описанной Джарего. Тогда придет к тому, что площади башни сужаются с двух сторон плоских крытых домов.

Для Грузии Баумхауер предполагает происхождение из Малой Азии плоского дома с крышей, Куфтин также для южного побережья Крыма. Откуда и до какой точки дом с мелкой крышей появляется в Дагестане, этот вопрос будет решен только тогда, когда будут доступны более подробные исследования домов юго-восточного Дагестана. И последнее, но не менее важное: нужно подумать о персидских влияниях, о чем свидетельствует история страны (строительство Дербентской стены сасанидами!) И как они уже упоминались в искусстве металлообработки. Также было бы необходимо исследовать, в какой степени коренные северокавказские влияния были решающими. Я имею в виду, например, ткацкие стены, которые также появляются на плоском крыше дома чеченцев, чья старость и все еще преобладающая распространенность засвидетельствованы для Северного Кавказа, особенно для его северо-запада. Тацитус упоминает (согласно Куфтину) эту технику строительства, например, при описании укрепленного города сарматов-усу. Гюльденштедт упоминает дома, стены которых сделаны из плетеных прутьев, покрытых грязью, из Кизляра и других мест низовий Терека.

b) Чеченские дома с двускатной крышей. Несмотря на то, что крытый дом чеченского крыла с ярко-красной черепичной крышей в ландшафте плоского крытого дома, сакля, отчаянно отталкивает, так что оба имеют много общего в структуре и распределении

пространства. Оба являются только одноэтажными, но оба имеют много общего в структуре и распределении пространства. Оба они только одноэтажные, в лучшем случае, даже под подвальным подвалом, который нельзя описать как пол. Оба они также являются узкими домами, если можно так выразиться, значит они всегда только одна комната глубокая, номера никогда не подряд, но всегда рядом друг с другом. В доме с седлом, эта схема часто достигает пределов практического и полезного; Я видел дома, состоящие из пяти прилегающих жилых помещений, большинство из которых были несвязаны друг с другом, но каждый из них имел собственный вход с крыльца. Если население дома увеличивается, например, из-за того, что взрослые сыновья выходят замуж, тогда простое пространство добавляется в полет оставшихся комнат. На рис. 21 показано такое расширение или, точнее, удлинение, крыло которого имеет собственный вход и которое не имеет дверного соединения с остальной частью дома. Можно по-прежнему считать этот тип дома вполне примитивным, поскольку расширение, математически выраженное, представляет собой только дополнение в непрерывной линии, еще не умножение, которое влияет на два направления. Конечно, я также наблюдал многочисленные дома, состоящие из трех комнат, но только один из них входил в входную дверь средней комнаты, из которой затем достигались две внешние комнаты. Средняя комната в этом случае представляет собой своего рода коридор, который обычно не служит гостиной. В стене, отделяющей коридор от гостиной, я часто замечал отверстие около 40x40 см на 1 ½ м над полом; лампа, размещенная там, могла бы освещать обе комнаты. В более богатых и вообще более новых домах, особенно на равнине, я обнаружил в середине комнаты тонкую стену, которая все еще отделяла небольшую комнату (рис. 48), в которой меня всегда размещали, а также других гостей. Поскольку эта комната обычно занимает две трети центрального пространства, оставшаяся треть образует своего рода коридор или вход, из которого могут быть достигнуты все три комнаты. В домах,

центральное пространство которых не разделено таким образом, комната справа обычно служит гостиной для семьи, а другая слева – гостевой комнатой. Но я также наблюдал противоположное расположение.

Стены двускатного дома крыши состоят из суглинистых плетеной плетеных прутьев, которые увядают около полутора метров. Здание в оболочке показано на рис. 22; На рисунке показан луч и плетение всей скважины и делает более подробное описание ненужным. Опять же, только входная дверь запланирована. Кажется, этот дом планирует все больше и больше места для захвата, это значит, с самого начала решает создать трехкомнатный дом, чьи три ячейки образуют органическое целое.

В крышах преобладает белая крыша, и это всегда кит. Довольно часто, однако, можно также найти прямые режущие крыши, чей фронтон затем обычно поднимается досками. Он покрыт черепицей, что люди делают себя в примитивных кирпичных печах. Потолок состоит из деревянного настила, который соединяет перекладину, поддерживающую весь каркас крыши на расстоянии 1м друг от друга. Сам чердак не обитает и не используется для получения сена или соломы или любого другого экономического устройства. Он не настроен на это; Это уже видно из того факта, что ни окно, ни кессонное отверстие не прерывают крышу, благодаря которой, в соответствии с природой нашей сельскохозяйственной практики, экономические товары могут быть сгруппированы и не будут проходить по лестнице. Его можно достичь только с помощью общей лестницы со стебля, где вы должны прокручиваться между потолком и проекцией на переднюю балку.

Таким образом, сравнивая дом с плоской крышей и коньку дом друг с другом, они существенно различаются только в форме крыши, так что только во внешнем через форму крыши, но, главным образом, данное изображение, но не в кондиционирования номеров. Потому что даже трехэтажный дом с одним входом можно увидеть там и там даже с плоскими крытыми домами. Более важным, чем мои

собственные наблюдения для меня это свидетельство Марковича, так как его информация дальше почти 50 лет, вероятно, еще не были приняты в то время, когда остроконечные крыши, видимо, еще не проникла Ичкерию, что влияние России в отношении жилищного строительства может. Он прямо упоминает (стр. 314), что одна дверь ведет от среднего коридора к комнате для гостей, а другая – в семейную комнату. По его словам, ссакля беднейших чеченцев состоит из комнаты и коридора (русский: «сени»); В этом случае комната может быть достигнута только через коридор. Тем не менее, я встретил эту последнюю форму только один раз, в Чотчарое. В противном случае, как уже было сказано, комнаты в двухкомнатном доме не имели соединительной двери, но двери, ведущие из обеих комнат к крыльцу, лежали рядом друг с другом, чтобы сократить путь от одной комнаты к другой. Поэтому из информации, данной Марковичем, можно сделать вывод, что сами чеченцы без влияния России перешли к упомянутой трехсторонней дивизии дома с коридором посередине. Таким образом, на старый плоский крытый дом была установлена только черепичная скатная крыша, поскольку она была подходящей для дождливого климата. Как мало чеченцев нужно было переучивать, в основном за счет растения стебля, которое происходит точно так же, как и плоский крытый дом. (Фиг.22), d. час через выступающие стержни, которые опираются на луч, который, в свою очередь, поддерживается рядом колонок. Здесь, как и там, стержень органически связан с домом, обе части омрачены одной крышей. Конечно, количество трансов значительно сокращается, потому что им больше не нужно нести бремя земной крыши; Точно так же в плоском крытом доме под перекладинами обычно еще тянутся сильные продольные балки («матиза» русских, чеченцев: «дукаха») отсутствует.

Поэтому в основном мы не можем иметь дело с новой формой дома, но только с новой формой крыши, и этот факт объясняет необычайно быструю запись стропильной кровли. На самом деле другая форма дома вряд ли бы так быстро побеждала.

Камин, о котором рассказывал дом с плоской крышей, но в котором он часто уже отсутствовал, полностью исчезает в доме седла. Но в то время как он заменен в сакле с, маленькой железной печью с длинной листовой металлической трубкой, в доме с двускатной крышей появляется еще одна каменная плитка, как показано на рис. 49. Печь изготовлена из глины, всегда отбелена, стоит на коротких ножках и транспортируется при относительно низком весе. В трехкомнатном доме он обычно крепко прикреплен к стене, отделяющей гостиную от коридора. В этой стене в этом месте встроено около 1 квадратного метра большого железа, которое передает тепло (рис. 49) в маленькую комнату для гостей в зале, как указано выше. Таким образом, комфорт этой небольшой комнаты значительно увеличивается; Гостям не нужно беспокоить нагревание духовки и приготовление пищи. Примечательно, что дымовая труба не разблокирована спереди, а спереди от плиты; Поэтому горшки часто размещаются перед открытым огнем, хотя в верхнем потолке позади дымохода обычно могут использоваться плита или чайник. Уютный открытый огонь и сильное тепло этой маленькой рыбы делают его очень популярным и обеспечивают его широкое распространение. По словам чеченцев, они взяли эту форму у русских; Они также называют его русским словом «peč», которое они произносят «peŝ». Было бы интересно узнать, когда эта печь найдена среди русских. Я никогда не находил, что это изображено или описано где угодно, и когда я смотрю на его форму, я почти думаю, что это копия маленькой железной печи, выполненной на суглинке.

Дымоход не занимает дом; один из них доволен, чтобы направить дым только через потолок на чердак и позволить ему выходить через трещины крыши.

В этом случае упоминается еще одна печь, которая, однако, не имеет никакого отношения к строительству дома, а именно к печи для жарки кукурузы. В отличие от только что упомянутого, чеченцы считают это своим изобретением, к которому, вероятно, придется

относиться с осторожностью. Они называют его «kürk». Он также сделан из глины и отличается от «peŝ» тем, что он выше и тяжелее, не имеет ног и особого дыма. Поскольку он находится в открытом сарае, это не обязательно; дым выходит в переднее отверстие (рис. 50). Дно печи разделено на две неравные части узкой стеной высотой около 10 см. В меньшем, огонь выложен, тем больше кукуруза разложена и, с постоянной перестановкой, скоро подталкивается ближе, а затем к огню. Зерна жареные перед шлифованием. В действии я не видел такую печь, но я описал процесс указанным образом.

В горах дом седла, как правило, свободен, без ограждения во дворе, точно так же, как ссакля; конюшни и другие подсобные помещения расположены либо в подвальном подвале, что необходимо для выравнивания неровного грунта (рис.21) или дополнений. На равнине после сбора урожая кукурузная солома полей была помещена в близко расположенные куклы. Справляли извне прямоугольное расположение построенных хозяйственных зданий. К задней части, поэтому жилое здание напротив, он, как правило, завершается только плетнем, а затем большим замкнутого пространством с последующим, в котором находится кукуруза. Большая часть соломы остается на полях и приносится только по мере необходимости. Вы не знаете соломенные или зерновые сараи. Навесы, предназначенные для хранения хозяйственного устройства, обычно закрываются только снаружи грубой стенкой и после того, как сторона суда в основном открыта. В части здания сарая создается фиксированный гумно, который закрыт к суду на полметровой глинистой стене; Здесь кукурузные хлопья выбиты, а зерна запекаются в «kürk». Существует также «peŝ», который используется для приготовления пищи в жаркое лето, чтобы дом был прохладным. В суде или в открытых помещениях сарая находятся на низких сваях большого кукурузника корзина ½ широких средней 1 м высоты, 3—4 м в длине и ½ м; гораздо более крупные. Они обычно защищены небольшой черепичной крышей или покрыты

соломой кукурузы. Подобная крыша поднимается над воротами (рис. 21).

Хотя дома, как правило, стоит на стороне дороги, поэтому они в основном доступны только со двора, а также фасад домов в целом также не имеет окон, на улицах деревень кажутся довольно скучными и скучными в плоскости. Что касается формы расчета на уровне см. стр. 18.

c) Единичные случаи появления других форм домов и видов жилья. 1. Земляные дома со слегка изогнутой крышей. Один из таких я нашел в великой деревне Старая Атага на левом берегу Аргуна, у подножия горы. Его стены были сделаны из глиняных лап, которые были смешаны соломой или мякиной. Я не мог найти деревянный и плетеный каркас, как в двускатной крыше; Стена была очень грубой и безжизненной кирпичной и имела довольно большие шишки и изгибы. Дом имел прямоугольный план и был разделен на две комнаты, которые были соединены низкой дверью рядом с передней стеной дома. Входная дверь вошла в комнату справа, в задней стене которой была большая дымовая труба, обычная в ссакли, на передней части которой был поднят полумесяц, похожий на луну, с точкой внизу. Кривизна крыши была достигнута по форме двух узких стен дома, верхние края которых поднимались в небольшой дуге всего на ½ м над боковыми стенками. Сама крыша поддерживалась двумя продольными пучками, которые располагались на расстоянии 1 ½ м друг от друга на узких сторонах по обе стороны от их вершин. Крыша была разделена на три части, каждая из которых была покрыта слоем прочных палок соответствующей длины, которые, в свою очередь, обычным способом, все еще покрытым хворостом и соломой, несли земную крышу, ее округлость не были краями трехэтажных крышных лесов показал больше. Конечно, потолка не было; Вы можете видеть прямо над крышными лесами со слоями палочки. Хотя стебель существовал, он, естественно, не был органически связан с домом, но был

добавлен только извне. Ствол и дом были полностью на первом этаже.

Помимо примера из упомянутого выше Атаги, я не нашел таких домов в другом месте, если я воздержусь от некоторых домов в Беной и Ничелои, которые также казались мне кривыми крышами; но я только мог представить его в большом количестве из нескольких в Ичкерии, так как он упоминает Марковича, а также рисует их, что в целом соответствует дому, который я описал. Важно отметить Марковича, что крыши такого рода появляются только недавно; час то есть в последние десятилетия прошлого века, более богатые. Я могу объяснить это явление только тем, что и признал недостатки плоских земляных крыш в Ичкерии и пошел сам по себе на строительство более дождливой климатической подходящей крыши, которую они на описанной конечно очень простой способ. Куфтин (стр. 43) также упоминает очень похожий феномен из Крыма, где иногда слегка изогнутые крыши появляются в районе плоских крытых домов на южном побережье. Однако кривизна крыши достигается за счет увеличения крепления только одной продольной балки, так что крыша состоит из двух частей. Маркович описывает только ичкерские жилищные условия, но можно предположить, что дом с изогнутой крышей земли имел большее распространение и на равнине, как доказывает пример Атаги.

Дома к северу от чеченского района на Кумыкской равнине и на Тереке были описаны мне как сакли из высушенных на воздухе глинобитных кирпичей (русских «саманные») или плетеных изделий с низкими глинистыми тростниковыми крышами. В какой степени это применимо и могут ли эти дома быть связаны с описанной формой дома, я должен оставить ее открытой.

Однако уже не было никакого доминирования этого дома в горах, так как примерно в то же время, если предположить, что заявления Марковича верны, поскольку время появления мягко изогнутой крыши крыши стало известно, что двускатная крыша стала известна, Преимущества присущи.

2. Бревенчатые дома. Единственное место, где я встретил бревенчатые домики, находится к югу от Беноя в самых отдаленных частях Ичкерии около верхней лесной границы незадолго до восхождения на Андскую цепь. Рядом было около 10 хижин, которые, однако, все уже были брошены и хотели служить скотоводами и Пастушескими жилищами горного хозяйства нижних деревень. Так как я присоединился к дагестанской группе, так что я не мог больше находиться в хижинах и знаю только указать, что они имели примерно квадратный план, балки стен были горизонтально сложены друг над другом, окна отсутствовали, и плоская крыша, покрытая землей была доступна. К сожалению, я не обращал внимания на то, каким образом балки в углах были скрещены друг с другом. Весь домик имел форму куба.

Хотя я не встречал никаких бревенчатых домиков в чеченском районе, Иванов (Лит. 17, стр. 53) упоминает на рубеже веков деревянные дома из Мереджоя в верхнем районе Фортанга, недалеко от границы с Ингушетией, несмотря на его высокое положение лесистая. Поэтому нужно учитывать, что в то время, когда пресловутые леса Ичча были еще полностью нетронутыми, в бревенчатых домах были бы плоские крыши, предположение, к которому, вероятно, только неохотно решалось бы. Но это не было бы без помощи пословицы; существуют плоские крытые бревенчатые дома, например, в индуистском куше в кафирах.

Сами по себе бревенчатые домики на северном склоне Кавказа не чужды; они найдены z. Б. с осетинами и карачай, там, однако, с низким седлом.

3. Земляные хижины. Группа земляных хижин, которые я встретил на пастбищах на северном склоне Керкет по дороге без границ. Пути от Сиверхи до Ригахоя в Чабарлой и после озера Эзен-ам. Они также служили только как шалаш пастуха, но все еще были заселены в начале ноября. Тот, в который я вошел, состоял из прямоугольной комнаты длиной около 5 и 8 метров, которая в среднем достигала глубины земли, когда она выступала над ней. Дальше, их крыша была

почти ровной с землей, а у входа она возвышалась около полутора метров выше. Все было покрыто плоской крышей из сильных столбов, поддерживаемой несколькими колоннами. Интерьер был разделен на две неравные комнаты для пастухов и стад. У первого была каменная ниша в стене справа от входа, где вспыхивал открытый огонь, дым ускользнул через просвет. Структурный элемент сам по себе был входом, который был образован примерно 2-метровым, покрытым, беседочным коридором, подошва которого слегка опустилась. Все это было покрыто как сверху, так и боком с землей, а также с уже упомянутым материалом для навоза. Дверь открывала в то же время единственное свечение.

Все это напомнило мне о гробницах татар и армян в северной части Армянского нагорья, с которыми я встречался в 1918 году. Особенно это касается формы входа. Конечно, интерьер этих постоянных домов был намного более комфортным. Из других областей Большого Кавказа, насколько мне известно, до сих пор нет таких хижин.

4. Пещерные жилища. Я нашел пещеру, обитающую в немногих карстовых известняковых горах к югу от Сиверки, на том же пути, который ведет мимо земляных хижин. Пещера была довольно хорошо заполнена навесом, покрытым известью, в котором в дополнение к двери было распилено легкое отверстие. К сожалению, по некоторым причинам, в противном случае очень дружелюбные жители не позволяли им заглянуть за сарай. Глубокая пещера рядом с ней служила овчаркой. Тот факт, что люди жили здесь, по-видимому, должен был иметь какую-то особую причину, потому что в противном случае я ничего не слышал о пещерных жилищах, которые все еще используются сегодня. Однако есть основания полагать, что многочисленные пещеры известняковых гор действительно служили жилищами в прошлом. Некоторые легенды указывают на это. Рядом с Акки, на крутой скале, на значительной высоте над землей, есть пещера, где все еще видны следы небольшого деревянного балкона. Он должен был быть доступен

снизу, а также сверху только системой лестниц. Однажды храбрый чеченец жил в этой пещере со своей молодой женой, у которой было много врагов в стране. Когда их привезли домой, он бросил лестницы в глубины и бросился позади.

Аналогичным образом Иванов (Библиогр. 17, стр. 53) упоминает некоторые пещеры, которые раньше были заселены вблизи Ялхароя (Галанчож); в Ялхарое тоже должно быть.

5. Русские входные арки и оконные вывески. В деревнях равнины под Грозным и в районных центрах Шатой и Ведено административные здания, как правило, строятся в форме дома, известной из русских имений, г. час как прямоугольные одно- или двухэтажные каменные дома с крышами с крышей из оловянной крыши. Особенно новые школы построены в этой форме и выделяются из толпы местных жителей издалека. Но даже у чеченских седловых домов иногда есть чисто русские элементы в этих деревнях (русские в том смысле, что они были приняты русскими). К ним относятся, прежде всего, небольшая лестница. Они, как правило, окаймлены по бокам только небольшими перилами и покоятся спереди на двух колоннах. В основном они довольно стильные; Особенно заметным является шероховатость или обрезка листвы в ее передней половине, что я наблюдал почти точно так же. Подобные беседки встречаются повсюду, хотя и в несколько иной форме, в Польше и Мазурии.

Концы карнизов всегда разрезаются по-своему и зубчатые, так что возникает изображение гортани с зубами. Иногда кусок железной ленты висит от задней части конца трубы, прикрепленной к крыльям, из листового металла; все это должно быть копией дракона.

В городах Петровске, Грозном, Владикавказе и Ростове я нашел эту беседку без отделки. их крыша также на каменных домах. Однако вертикальные опоры там отсутствовали; крыша поддерживалась наклонными ребрами жесткости, закрепленными в стене.

Русское происхождение также может быть своего рода оконными украшениями, которые я заметил в больших деревнях самолета

часто на верхнем деревянном обрамлении снаружи окон. Кажется, их не вытащили из леса, но пригвоздили. Существует много разных форм; Сначала я был склонен считать их домашними брендами или тому подобное, но мне сказали, что это была единственная практика плотников. Хотя это геометрические формы, я заметил в немецкой колонии Михельсдорф, как и во Владикавказе также животное и растительное королевство, заимствованные формы, фигуры птиц (двойные птицы), пальмовые или еловые ветви и тому подобное.

III. Основные черты чеченской домашней обстановки. Обстановка чеченцев одинакова в разных видах домов. Различия в основном вытесняются современными российско-европейскими, до близких к Грозному и в некоторых горных районах гор практически все обнаружены. Поскольку, конечно, здесь описываются только локальные объекты, изображение относится прежде всего к высоким горам, это значит для площади сакли и башен.

Что касается расположения чешской домашней обстановки, то распределение мебели в комнате, как правило, можно считать следующим. Передняя стенка, где передняя дверь расположена от крыльца, взят посередине широкой дымовой трубой, а дверь остается сбоку (рис. 51). Боковая стена, наиболее удаленная от двери, занята по всей длине так называемой «Тахтой», сплошной деревянной платформой шириной около 1 м и высотой почти ½ м, задней стенкой многоэтажной деревянной полкой для хранения посуды, одеял и обивки и другая боковая стенка, ближайшая к двери, обычно через один из больших зерновых или мучных ящиков и, возможно, несколько небольших приборов. Над тахтой повесить ногти на оружие, иногда также одежду и конские ремни. Середина комнаты свободна, низкие стулья и стулья вокруг печи. Ковры в качестве напольных покрытий не распространены в отдаленных горных районах.

Тахта покрыта более белыми с обычными овчарными мехами или обычными шерстяными войлочными одеялами, более богатыми известными восточными коврами, которые, однако, не производятся

самими чеченцами; обычно это продукты Дагестана. Тахта – общее спальное место; что не имеет места на ее спит на полу. Но в течение дня он также служит возможностью для сидения. Если гости приедут, еда будет принята на них, а для этого они сядут на стаю. Один сидит на бесхитростных трехногих стульях с полукруглой пластиной сиденья; В отдаленных высокогорных долинах рядом с ними есть другая форма: с главным орнаментом спереди, треугольным сиденьем и узкой, бледно-образной спиной (рис. 52), которую я также видел в хевсурском Шатиле. Я редко наблюдал обычное производство стула среди востоковедов среди чеченцев, но постоянно с азербайджанскими татарами. Я нигде не нашел скамейки.

Что касается спальных приспособлений, следует упомянуть, что имеются также ящики для кроватей, которые соответствуют по форме примерно к нашим кроватям, поэтому имеют более высокую переднюю и заднюю стенки, верхний край был спроектирован в корпусе способом, показанным на рис. 35, Но я обычно находил их только в гостевой комнате, где их также предлагали мне в качестве депозита, но я отказался, однако, после их небольшой длины. Я почти хочу верить, что они принадлежат к кавказскому культурному наследию, потому что я также нашел их в самых бедных деревнях Дагестана (например, Тад-Инчу в Андском Койсу) и особенно в хевсурском Шатиле, поскольку мы знаем самого дикого и самый примитивный из всех кавказцев, в котором поэтому возможного недавнего европейского будущего. Вряд ли можно говорить о влиянии России. Само собой, эти кровати не слишком распространены.

Высокие ноги с большими прямоугольными плитками встречаются только в деревнях равнины или в транспортных точках гор и должны рассматриваться как российские заимствования, даже если они уже сделаны самими чеченцами. Для первоначального чеченского дома есть ровно ½ м высотой, трехногий круглый стол, типичный, который обычно находится где-то в углу, однако, когда посещение гостей

доставляется в Тахту и служит обеденным столом; он не имеет другой цели (рис. 53). В более редких случаях настольная плита также может иметь приподнятые края в виде чаши; В принципе, нам нужно будет иметь дело с чашей с едой, установленной на ее ногах. час вероятно, оригинальная форма таблицы вообще. Нет сомнений в том, что характерны кормушки воспроизведены на рис. 54, стол, который имеет прямоугольную форму. Он был чрезвычайно прочным и тщательно проработанным и мог легко впитывать жидкости. Наглядно они рококоподобные фигурные ноги; в поперечном сечении они показывали полукруг с гладкой поверхностью, повернутой внутрь, круг повернулся наружу. Я не мог объяснить прокол в виде проушины у основания ног, который имел прямоугольную форму; возможно кожаный ремешок был проложен, и стол повесил на него. Эти столы с чашами, как их можно назвать, также появляются на другом конце центрального Кавказа, а именно в Сванетии; Из этого следует сделать вывод, что они также используются среди народов, проживающих между чеченцами и сванами. Согласно иллюстрации Мерцбахера (том I, стр. 448), у сванов есть продолговатые прямоугольная форма, стоящие на четырех футах, которые устанавливаются парами, раздвоенными друг против друга, и, по-видимому, работают сырыми. Сваны используют стол для миски на похоронах. Аналогичным образом, чеченские и хевсурские столы соответственно служили. (Вышеупомянутая прямоугольная, красиво обработанная фигура с проушинами, найденными мною в кистинском Мелхисти в единственной крепости Икишло или Икильче, по словам владельца, она прибыла из соседнего хевсурского Шатиля).

Параллельные явления можно найти снова на Балканах, как показывает иллюстрация боснийской кухни в Бушане II, стр. 93; на стенах висят низкие круглые обеденные столы. В Албании, согласно Нопча (стр. 102), вместо ног используются нижние гребни, которые поднимают круглую плиту примерно на пол от земли. Аналоговые таблицы распространяются по всей Центральной Азии

в соответствии с информацией, полученной профессором Шульцем. Согласно Хаберланду (Бушан II, II, стр. 485), прямоугольная чаша с останками стопы была обнаружена в латинско-временном кучевом здании в долине Адидже.

Из деревянной посуды особенно интересны большие тяжелые плиты, которые достигают диаметра ½ м, но сделаны из одного куска. Они изготавливаются с помощью специальных небольших водяных мельниц, о которых также говорит Маркович в Ичкерии. Мощная струйка воды выливается из канала, полученного из потока на вертикально стоящем ковшовом колесе, вызывая горизонтальную ось, на которой установлено колесо, вращающееся движение. На другом остроконечном конце оси теперь размещается толстая пластина стержня, которая должна быть обработана в пластину. Вращающийся элемент поднимается с помощью ножа, изогнутого, как крючок на верхнем конце. Конец оси, где работает мастер, сидящий в депрессии, обычно находится под навесом.

Большие пластины особенно интересны тем, что в их среде часто все еще находится небольшая чаша, которая не прибита гвоздями, а пластина из одного куска (рис. 55). На этих тарелках гость обычно подается в пищу; а на поверхности плиты лежат кусочки мяса, плоские пельмени («хингал») и куски хлеба, маленькая чаша поглощает сильно соленый мясной бульон с луком, в который окунают несоленые пельмени, а также куски мяса.

Одна и та же пластинка, которую я когда-то работал в меди, маленькая чаша была естественным образом спаяна. По моим наблюдениям, чеченские мастера не выполняют такую работу, так что это была хотя бы часть Дагестана. В качестве гравированного орнамента он показал так называемый пальметт, чуждый в чеченском районе, но, по словам Бакланова (Лит., I, стр. 52), используется кубанцами-драгоценными металлами Кубатчие и в остальном широко используется на Востоке. Точно так же средние блюда в горшке, вероятно, будут иметь более широкое распространение.

Однако эти большие тяжелые деревянные плиты и, следовательно, природа их производства все больше и больше падают, так как разрушение лесов продолжает нападать, а деревья требуемой силы можно найти только в труднодоступных местах. Однако, прежде всего, все больше и больше европейских промышленных товаров поступают в горы, что намного дешевле, чем деревянные сосуды чеченского мастера, которые были кропотливо произведены примитивными средствами.

Конечно, есть и другие более мелкие тарелки, чаши и чашки из дерева, кроме больших. Точно так же ложки вырезаны, но у них нет широкой, бесцентрообразной формы ложки, которая используется в России и Польше сельским населением, а наша столовая ложка. В каждом доме есть также большая длинная ручка с широкой, плоской и многопроходной оболочкой, которая предназначена для извлечения пельменей из кипящей воды.

Ложки обычно помещают в проколотую рейку, например можно прибить к большим ящикам для хранения гвоздями. Часто эта рейка прикрепляется к специальному, висящему на стенной доске, который обычно проходит в наконечнике и имеет зубчатые края. (Рис. 56).

Цепь очага уже упоминалась орудиями очага (рис. 57). Он обычно имеет длину 1 м и может сильно отличаться. Нижний крюк для крепления котла может, для. В. быть шириной руки. Утюг всегда любопытно повернулся и потянулся. Более легкий крюк в нижних звеньях может, при необходимости, зацепляться дальше и тем самым приводить к сокращению цепи, или вернее поднятие чайника. Когда-то эта цепь была символом не только очага, но и всего дома и считалась священным; поэтому он не был продан. Я знаю только это из литературы; Я даже ничего не заметил об этом; Может быть, так было раньше. Я мог бы легко купить ожерелье. Если в других случаях это противоречить, то только потому, что не хотелось расставаться с красивой, сильной цепью, единственной в своем роде в чеченской экономике.

Из старых кухонных плит я купил тяжелый кованый крюк, и в конце концов три лапы заканчиваются короткими галочками. Точно так же железная, повернутая ручка была длиной ½ м (рис.57). Об использовании этих крючков я не могу дать никакой информации, потому что я никогда не видел их в использовании.

Горшки имеют более или менее луковичную форму, с наибольшим диаметром в верхней половине, никогда не чисто цилиндрическую. Специальная форма имела тип чайника диаметром около 40 см и напоминала пустое полушарие (рис. 58). Вместо ручек его верхний край имел воротник шириной около 10 см, выступающий горизонтально наружу, который был разделен на три части зазорами. Из-за отсутствия плоской верхней поверхности он стоял на трех вокруг пальца, с конической штифтой. Такие чайники находятся в Дагестане, например вылился в Кубачи, откуда он, вероятно, приехал.

На вышеупомянутом котле я нашел орнамент, воспроизведенный на рис. 59, выгравированный; возможно, это также должен быть мастер-штамп.

В деревнях Мелхисти также были обнаружены различные огромные медные котлы высотой почти в 1 м и наибольший диаметр слегка луковичной формы ¾ м (рис. 60). Они были прикованы друг к другу с шириной около 15 см, перекрывающимися, вертикально расположенными длинными пластинами; отдельные заклепки были только на расстоянии 5 см друг от друга. Они служили там для хранения зерна. Первоначально, однако, в них варилось пиво, обычай, который известен многим кавказским племенам гор, в том числе мусульманского происхождения. Мне он, например, раз в казикумухской деревне Хосрек был предварительно ставит; точно так же я пил его у хевсур. Правда, я совершенно не верил, свежий Эрлангер или Мюнхен пить, как Радде пишет в своем путешествии по Хевсуретию; это, наоборот, вкус довольно мягкий и нейтральный. Радде описывает процесс пивоварения Хевсур (ссылка 36, стр. 221), отметив, что такие чайники были прикованы к телу в Кахетии; их

стоимость оценивается (в 1876 году) на уровне 100—200 рублей. Конечно, такие пивоваренные чайники также производятся в Дагестане.

Вина, сделанные из зерна, все еще сжигаются в ящиках; Меня особенно похвалил Маисты. Тем не менее, у меня нет никакого вкуса к этому вареву, который гордостью и ожиданием гордостью гордился, но я хотел бы признаться, что я не слишком разбираюсь в этом вопросе.

Мы знаем из Чуссюрена, Осетина и Суонана, что праздник пива и шнапса играет важную роль в церковных праздниках, а также в семейных торжествах, которые включают погребальные церемонии и, следовательно, имеют культовое значение. С аналогичными условиями нам придется считаться с более ранними временами среди чеченцев, в высокогорных районах, возможно, и с нынешним. Хотя наблюдения по этому поводу мне недоступны, это предположение не должно быть бессмысленным в непосредственной близости от Хевсурии и ввиду того, что не так давно кисты были так же хорошо известны языческому христианству, как и хевсуры.

Особое внимание заслуживают большие деревянные ящики, магазин или сундуки, как их сейчас можно назвать. Они доступны в доме часто до нескольких экземпляров и находятся либо на одной из боковых стен в комнате или под стеблем. Существует меньший тип этого, в основном используемый для содержания муки, называемый «k'ien» (с назальным n), и более крупный для зерен, бобов и тому подобного. а. с именем «sser». Первый обычно растет более 1 м в ширину и 70—80 см в высоту (рис. 61), последний может достигать высоты 1 ½ м и заполнять ширину стенки комнаты. Как правило, они построены очень прочно и надолго сделаны из твердых, прочных досок; Тот факт, что они могут пережить целые поколения, показывает тот факт, что люди часто уже не знают, кто из их предков когда-то сделал сундук. Никакое железо никогда не использовалось при строительстве старых ящиков.

Леса формируются четырьмя угловыми стойками, в которых стеновые плиты складываются и которые также служат в качестве ножек. Аналогично, верхние и нижние края стен представляют собой столбы; Деревянные гвозди держат свои штифты в вертикальных стойках. Настенные доски обычно имеют длину не более 1 м и ширину 20 см; поэтому на боковых поверхностях ящиков, выходящих на стену, вы можете видеть, как часто лежат в квартирах.

Эти ящики являются основным источником изучения чеченского орнамента, о котором уже говорилось в специальной главе. В распределении украшений на поверхности ящика обычно используется определенная схема, поскольку угловые стойки обычно несут квадратные узоры, бриллианты, вложенные углы и т. п., Стеновые доски горизонтально, однако, круглые орнаменты. Техника чередуется между самыми красивыми, аккуратными прочими и грубыми царапинами; без какого-либо орнамента, коробки очень редки. Но это прекрасное народное искусство, кажется, исчезает все больше и больше, поскольку сегодняшний пол не обладает ни способностью, ни желанием сделать это, чеченец рассказал, что в прошлом люди были ужасно глупы, что они столько усилий прилагали к такой бесполезной работе.

Возникновение ящиков, особенно ящиков, особенно больших «sser», ограничено более высокими горами, то есть площадью плоских крытых домов и башен. То, что они не распространены в Ичкерии и на равнине, по-видимому, имеет в основном экономические причины. Зерновые культуры, для которых «sser» наиболее подходит, больше не строятся там, а почти исключительно кукуруза. Но его поршни выбиваются только по мере необходимости, и зерна затем измельчаются немедленно; Как уже упоминалось, поршни хранятся в высоких корзинах во дворе. Но, возможно, сохранение зерна в ящиках – это вообще особенность экономики горных хозяйств. Поскольку скот по самой своей природе является самой важной отраслью промышленности, а его пахотная земля обычно настолько мала и бедна, что не может покрыть ежегодные

потребности в зерне семьи, одна или несколько ящиков могут легко поглотить весь урожай. С другой стороны, крестьянин на равнине, которому доступны более крупные и плодородные земли, больше не может размещать свое зерно в доме и должен инвестировать специальные магазины. То, что альпинист кладет свои ящики с зерном в дом, по возможности даже в гостиную, происходит не только ради комфорта, но и для безопасности. Житель башни, в частности, должен был попытаться в случае нападения вражеского клана или, как это случилось, иметь возможность беспрепятственно приближаться к своим поставкам в случае длительной осады его крепости.

Эти коробки для зерновых, похоже, распространяются по всему Кавказу. Я нашел их еще в Дагестане, и от Сванов, Мерцбахер часто упоминает большие, сильные сундуки снабжения, которые также стоят там в жилых помещениях и имеют «грубые резьбы»; К сожалению, Мерцбахер ничего не говорит о типе украшений.

Несколько месяцев я блуждал по чеченским горам и возвращался в другой дом снова и снова, но никогда не видел других предметов мебели, кроме описанных до сих пор, и особенно в отношении деревянных форм контейнеров, я думал, что «sser» Их наиболее представительным представителем будет то, что принцип кабинета, в частности, будет по-прежнему полностью неизвестным. Однако уникальная находка научила меня немного лучше. В деревне Теретего в Мяльчисти, которая так богата этнологически интересными вещами, я нашел в подвале жилого башни огромный кабинет, воспроизведенный на рис. 62. Он занимал одну сторону комнаты как по ширине, так и по высоте, поэтому это был хороший 2,5 м в высоту, 4 м в ширину и 1 м в глубину. В дополнение к двум угловым столбикам в передней стенке стояли три других одинаковой толщины, разделявшие весь фронт на четыре узких высоких поля; в их складках они держались точно так же, как это уже было описано зерновыми коробками, короткими стеновыми досками. Вся область была полностью покрыта резьбой, мотивы которой обсуждались

в другом контексте. Промежуточные поля между рисунками также систематически заполнялись резьбой; в принципе они были маленькими прямоугольниками, из которых были вырезаны два противоположных угла, а две разделительные диагонали оставались возвышенными. У лошадиных головок, выступающих из трех частей, было практическое назначение переноса полки с различными блюдами (снятых при поступлении). Эти скульптуры лошадиных головок довольно артистично исполнены только с единственными скульптурами, которые я встречал в районе чеченцев. Но новинкой всей мебели было то, что она имела два этажа и была доступна через двери. Отделение пола было выполнено внутри места перекрестными досками. На каждом этаже была своя входная дверь, высота которой была ¾ м и шириной ½ м и повернута в конусах. Дверь, ведущая на верхний этаж, была на другом конце шкафа; для того, чтобы добраться до нее, в шкаф под ней был добавлен нижний сундук с двумя частями, который можно было бы рассматривать как так называемый скамья.

К сожалению, люди, населявшие башню, не могли говорить по-русски. Единственное, что я мог узнать, это то, что «старый народ» построил шкаф, так что предки. Комната, в которой он находился, по-видимому, не была постоянно занята. Сам шкаф был пуст, за исключением нескольких одеял и мехов наверху. Поэтому я могу только догадываться о его назначении. Возможно, мы имеем дело с так называемой кроватью в шкафу. Эта идея приводит меня к картине в этнологии Бушанов, том II, часть II, стр. 580, в которой изображена «двухэтажная складная кровать, богато вырезанная с постельным бельем» из Бретани. Согласно Хаберланду (там же, с. 476), «один спит на севере, в драконьих саксонских домах и до Бретани, а также в Англии на судовых двухэтажных настенных складных кроватях». По словам того же автора (стр. 496), «в северо-альпийском регионе вместо навесных крышек был создан двухэтажный средневековый шкаф с перекрытием двух сундуков с дверными замками на передней стенке». Предположение

об исключительном северо-альпийском происхождении вряд ли будет устойчивым; но мне кажется, что чеченский кабинет развился из ящиков с зерном, так как он построен в той же технике.

Однако я могу только с осторожностью выразить мнение о том, что мы имеем дело с возможностью спать в этом странном кабинете, поскольку, насколько мне известно, это было бы без прецедента в горах Кавказа. Пока эта часть должна рассматриваться как уникальная; дальнейшие расследования должны быть ожидаемы, прежде чем можно будет определить свою позицию в популярной культуре чеченцев.

IV. Одежда. Как и во многих других кавказских народах, чеченский костюм стал обычным явлением среди чеченцев. Их форма известна и ее не нужно описывать подробно. Тем не менее, черкесское платье никоим образом не зародилось повсюду в Чеченской области; они в основном найдены только на равнине и в предгорьях. Окуляра, так называемая Черкесская, обычно носится только за пределами дома, особенно при езде на суше, особенно в Грозный, или в других случаях в праздничные дни. В доме, на дворе и на поле мужчина обычно носит только так называемый Бесчмет, плотно прилегающий, часто доходящий до колен, подтянутого нижним бельем, которое часто изготовлено из шелковой ткани. Он имеет стоячий воротник высотой около 3 см и закрыт посередине сундука близко расположенными крючками. Тем не менее, часто, однако, встречается с Бешметцем блузкообразный халат, также с высоким воротником с стоячим воротником, но свободно падающий и достигающий только бедер.

Брюки огромные и очень широкие, но не преувеличенные формы турецких брюк гарем. Переднее отверстие отсутствует. Они удерживаются при натяжении ленты, которая натянута над бедрами.

В высших горах Черкесска очень редко встречается; только немногие владеют ими и только носят их в праздничные дни. Чаще всего вы все еще можете видеть их в Мелхисти. Также бурка, которая незаменима для изображения верховой чеченской равнины,

но бедные горные гепарды, которые, как правило, не имеют лошади, обычно ходят. Мех овец, который носится прямо над нижним бельем, является доминирующей особенностью лета, как и зимой. Похоже, она не отличается по форме от той, которую везде носит крестьянство в восточно-европейских низинах. Меховая сторона повернута внутрь; он не выстрелил, но, как Черкесска, выставляет участок шеи и сундука. Чтобы сделать мех, вам нужны шкуры около пяти или шести ягнят. Первоначально белая сторона кожи вскоре приобретает цвет гор известняка, особенно в конце лета и осенью, когда пастбища теряют свой зеленый цвет и являются коричневыми и сухими. Великолепная Черкесска с ее мигающими декоративными патронами и серебряной подгонке ремня всегда казалась мне чужеродным предметом. В равнине и зеленом лесу Ичкерии она очень настроена для гепарда, который свободно катается на своей лошади. с другой стороны, для бесплодных гор известняков, с их облачным небом и сильным излучением, одежда овец является естественной одеждой не только ради живописи, но и по соображениям здоровья.

Это особенно верно для Дагестана. В дополнение к обычной форме только что упомянутой шерсти овец, в Дагестане носят две другие очень необычные меховые формы. В одном безрукавном меховом плаще вся верхняя половина снова покрыта бедрами огромным меховым воротником, который Гаазите повернулся наружу. По обеим сторонам свободно висят структуры с лисьего хвоста, которые слегка двигаются (рис. 23). Эти меха чрезвычайно тяжелы, но все еще много носят аварцы и андерн. Объяснено, что холодный камин и железная плита не подходят для поддержания теплой комнаты. Затем Дагестан берет один из этих огромных меха и очень легко пропускает очаг огня. Прежде всего, он нуждается в нем, когда он сидит в чате со своими односельчанами, что составляет большую часть его повседневной работы, особенно зимой. Такие встречи, а также собрания конгрегаций, почти всегда под открытым небом, обычно на плоских крышах. Чеченцы

и дагестанцы, как и остальные кавказцы, еще не стали домовладельцами. Жизнь человека происходит в значительной степени за пределами дома, если мы воздержимся от тех областей, в которых корабль сильно развит, но что снова в восточном и юго-восточном Дагестане имеет место, чем защита от погодных условий, дом вообще еще не прогрессировал дальше.

Этот тяжелый и стройный мех легко придает владельцу силу и достоинство и находится в гармонии с самым серьезным, разумным характером северо-западных дагестанцев.

В дополнение к этому есть еще одна форма меха, которая также служит в качестве плаща и достаточно широка, чтобы владелец мог удобно обернуть его. Однако плечи менее сложны, чем первая форма, и большой воротник отсутствует. Самое поразительное, однако, это рукава. Они настолько глупы, что их нельзя использовать как таковые именно по этой причине; они простираются до нижнего края меха на уровне лодыжек и иногда могут тянуться прямо на землю. После окончания они так омолаживают, что ремни с неизбежным шарфом никогда не надеваются, что всегда можно наблюдать в обычной шерстяной форме чеченской овчины.

Характерно резко выраженная природа и границы народов между чеченским районом и дагестанцем, что на северо-западном побережье за пределами Андского водосбора больше не встречаются мысы. Они также не стали известны мне из других частей Кавказа. Особенно с учетом их небольшой площади распространения было бы очень интересно определить происхождение этих очень оригинальных предметов одежды. Подобные напоминающие длинные рукава я вспоминаю в работе над русским костюмом, чтобы увидеть напыщенный халат русского боярина с 16-го века.

Головной убор чеченцев – это почти исключительно знаменитая тяжелая овца, которая, как правило, после восточного обычая, так же хорошо хранится, так что не в доме и при молитве мыть. Он имеет частично широкую цилиндрическую форму, в результате чего мех

образует только оболочку, верхняя часть, с другой стороны, состоит из ткани, частично – и это кажется оригинальной формой – тупой конический разрез, благодаря чему наружная целиком состоит из меха. С дешевой, плохой шерстью мохнатые клоки, часто свисают с лица владельца. Высоких остроконечных меховых шапок вряд ли можно найти ни с чеченцами, ни с дагестанцами. Поразительно, однако, Горшельт, военный художник кавказских войн, всегда изображает чеченцев и дагестанцев в высоких каблуках остроконечных шапок. Поэтому, учитывая, что рисунки Горшельта верны, нужно было бы изменить форму кепки в течение последних полувеков, что менее вероятно. На самой стороне вы также можете видеть гладкие колпачки с заостренными конусами, чья меховая сторона повернута внутрь, так что волосы видны только как широкий край на его нижнем крае. Они напоминают тибетские шапки в их форме. Наконец, в качестве специального типа головных уборов следует упомянуть войлочную шляпу, но она также относительно немного изношена. Цвет обычно грязный серый или светло-коричневый. Бесхитростная форма круглая с очень широким, вялым висячим краем, передняя часть обычно отталкивается на юго-запад. В Дагестане он, похоже, больше не встречается. Он особенно хорошо известен осетинам. На станицах Кубанской области его иногда видят на головах русских поселенцев.

Черкески часто носит длинные, плотно облегающие, чулок-сапоги с тонкой подошвой и обычно без каблуков, над которыми почти всегда тянутся галоши. Длинные сапоги, но точно так же, как Черкесская, хороши только. В высоких горах известны только сандалоподобные ботинки из необработанной кожи. Они обычно просты на коленях, которые надевают гетры.

Если чеченцы восходят к горам, например, чтобы охотиться или посещать скалистые, труднодоступные высокие пастбища, он надевает свои альпинистские туфли («chuldschis»). Это также сандалоподобные кусочки, единственное, однако, состоит из поясной оплетки. Они достаточно далеки, что даже слой соломы или сена

может быть вставлен так, чтобы неравномерность почвы через промежутки в поясе оплеткой не была неприятной. Эти ботинки на самом деле чрезвычайно полезны для альпинизма. Плечевая оплетка крепко и безопасно прилипает даже на скатах. Я понес их с большим преимуществом и нашел их гораздо более практичными, чем мои собственные гвоздичные сапоги для альпинизма; с другой стороны, мягкость подошвы позволяет согнуть ногу, а также пальцы ног во время лазания. Туземцы с дрожью посмотрели на мои тяжелые горные ботинки и подумали, что невозможно даже подняться на горы вместе с ними. На влажных дорогах, особенно при оттаивании снега, местные скалолазы, конечно же, не полезны, так как влажность проникает; кроме того, ремни растягиваются и ослабляются. По этой причине, даже после марша через снег, никто не берет обувь в комнату, но позволяет им стоять снаружи, так что снег, который проник в сетку ремня, не оттаивает. Цена за пару хороших лазающих обуви обычно рассчитывается как эквивалент молодой баранины, на которую приходится около пяти рублей в отдаленных горных деревнях. При ходьбе по ледяным, наклонным дорожкам, вы привязываетесь под подножием ступни к ледяным пикам. Инструмент состоит из примерно 7—8 см в диаметре с железными кольцами, из которых выкованные в двух противоположных точках два, указывающих вниз, около двух сантиметров длиной, которые прижимаются к льду.

В этом контексте описывается странная форма снегоступов. Как видно из рис. Скользящая поверхность представляет собой бегун, который имеет примерно ту же форму, что и обычные салазки с изогнутым наконечником, это значит, узкая сторона выступает как скользящая поверхность, а не широкая. Длина бегуна составляет около 80 см. В нем, наверху, вставлен мощный лук из гибкой древесины, который служит ручкой. Снежные луки используются только для детей. Зимнее удовольствие, о чем уже свидетельствуют их небольшие размеры. Мальчик шагает от них к лесу внутри, так что ноги наклонены на дно; значит таким образом, направление

движения и шаги немного отличаются. В зависимости от размера тела он держит луки, прижатые к наружной стороне бедер, при этом верхняя часть тела сильно наклоняется вперед. Произвольное рулевое управление вряд ли возможно. Как правило, вся толпа детей спускается на один и тот же протяженный след на склоне.

Я нашел эти снегоступы только в деревнях равнины и низких предгорьях. Было ли случайно, что я не нашел ее нигде в засухе высших гор, я должен оставить этот вопрос открытым. С другой стороны, они активно используются среди российских детей в Грозном. Возможно, мы имеем дело с российским заимствованием. Во всяком случае, чеченское обозначение «салаз», очевидно, русское; русское слово «салазки» означает согласно словарю Павловского «маленькие сани, ручные салазки», которому принадлежит глагол «салазить» «скользить».

Как мужчина, женский черкесский костюм можно найти среди чеченцев, но, по-видимому, реже, чем первый. Самой яркой особенностью в ней является закрытие над сундуком, которое производится двумя рядами серебряных пластин. Концы одного ряда содержат круглые отверстия, через которые может быть вставлена кнопка конца другой строки. Обычный женский костюм, по-видимому, прост и беззаботен. В основном они покупаются хлопчатобумажными тканями. Платье падает без разреза. На лодыжках видны широкие трусы, обычно связанные красным, обычно красного цвета, по-видимому, такого же типа, как и татарские и армянские женщины. Голова покрывает обычную бандану, которая свободно носится в доме. Летом и почти всегда в доме женщины, в отличие от мужчин, обычно ходят босиком и, кстати, носят сырые ботинки, как мужчины.

На ювелирных изделиях снова появятся серьги, браслеты и кольца для пальцев; Металл почти исключительно серебристый. Из меди состоят только простые маленькие серьги в форме полумесяца без гравировки или другого орнамента, которые рекламируются на равнине и в предгорьях. В высших горах появляются серебряные

кольца диаметром 3—4 см, проволока которых имеет плотно расположенные близко друг к другу, как будто она состояла из небольших шариков, спаянных вместе. Кольцо закрыто смазанными нитями или нитями из шерсти; Для этой цели сплющенные концы проволоки снабжены небольшими проушинами. (рисунок 64, 65).

Другие формы больше не носят сегодня. Но их еще можно найти в сокровищнице казны населения в достаточном количестве. Наиболее распространенными являются, вероятно, те, чья вешалка из серебряной пластины образует полумесяц (рис. 66). Диаметр около 5 см; Связывание концов провода также осуществляется потоками. Точка привязки не находится точно в середине провода, соединяющего полумесяцы, так как ухо приходит к ним. Оба кольца соединены под подбородком некоторыми серебряными цепями. В другой форме серьги примерно того же размера, вместо листа в форме полумесяца, серебро шариками диаметром около 1 ½ см нанизаны на проволоку. Обе формы серег также встречаются в Дагестане.

Наконец, несколько замечаний о одежде. Облачения, которые я нашел на скелетах в домах смерти Мелхисти. Особого интереса они заслуживают, что они резко отличаются от сегодняшнего дня и в других местах в Чечне. С другой стороны, они показывают (рисунок 66), поразительно похожий на то, что все еще распространено среди чугуров, чья природа хорошо известна. Они согласны в общем разрезе и сильном, темно-синем грунтовом цвете с ними, прежде всего, они также заметно красочны. Вот точное описание красочной отделки на явно мужском пальто.

Ширина обрезной полосы, которая соприкасается с щелью с обеих сторон, составляла 3—4 см. Внутренняя кромка была обтянута нитью, скрученной синими и желтыми нитями, за которой следовала узкая красная. В середине полоски для заготовки были вытянуты две желтые полосы шириной ½ см, которые были вышиты на синем основании шириной около 3 мм. Через весь чулок лежали теперь

с интервалом около 5 см две широкие красные полосы, состоящие из двойных струн, расположенных рядом друг с другом. Нижние две пары стержней с обеих сторон были соединены концевыми петлями противоположного положения, расположенными вокруг пуговичных утолщенных концов стержней с одной стороны. Под плотно зашитым концом щели груди вертикальные полосы качались из стороны в сторону.

На другом вестаже цвета были противоположными, продольные шнуры были красного цвета, а желтые.

Вырез юбки состоял из ворота, высотой около 3 см, который был подобран подобным образом продольным и поперечным шнурами, поперечные ремни снова находились рядом друг с другом. Цвета больше не могут быть распознаны с уверенностью в результате интенсивного отбеливания; базовый цвет также казался синим, а строки – желтым и красным.

Нижняя подошва юбки была похожа на нижнюю подошву грудной клетки, образованную желто-синим двойным шнуром; Около двух сантиметров над ним появилась пара красных вышитых шнуров, над ними на том же расстоянии пара желтых. Вокруг нижнего края рукавов также была натянута желтая или красная обрезка, в результате чего пространство между двумя струнами было заполнено одноцветным зигзагообразным шнуром.

Юбка была выровнена непрозрачной шерстяной тканью. Остальная одежда состояла из нижнего белья и брюк одного и того же материала и цвета. Брюки не казались такими громоздкими, как те, что характерны для чеченцев сегодня. Кроме того, была еще детская юбка с широкими продольными полосками.

В чем разница между одеждой из домов мертвых и теми, что сегодня носили мистицисты? Можно было бы предположить, что здесь жил хевсур, чья большая деревня Шатиль может быть дойти из Мелхисти через несколько часов. Итак, например, Шатиль непосредственно соседствует с кистинским аулом Джарего, как и Джарего, все из которых принадлежат к большой семье Гела,

из деревни Дишни в Итум-Кале. Оттуда имигрировали предки в 7-й колене, один – в Гойты (на равнине), другой – в Зазхой (к западу от Итум-Кале). Другой, однако, перебрался в Мальчисти и был строителем Башни. Оттуда единственная крепость была основана на Аргуне под некрополем Z'ainpched и населена отсюда только Джарего. То, что Джарего имеет молодое происхождение, также очевидно из того факта, что старые башни, в отличие от остальной части Мелхисти, отсутствуют; Деревня состоит только из низких плоских крытых каменных домов, так называемых сакли.

Другие семьи Мелхисти также сказали мне, что они пришли с Востока. Люди Бонисти, например, от Дай, село на Шаро-Аргун (может быть, следовательно, является Дагестанский) из Зинчмехки и Сахен от Хилдехарой, что из Меши, Басти, Нахорост и Басдет из Туга в Майсты (по данным животного бонусов). Однако на основе этих выводов не может быть сделано никаких конкретных заявлений об истории оккупации Мелхисти, и семейные традиции должны быть рассмотрены более внимательно.

Хотя Джарего доказал свою молодость, остальные деревни уже существуют достаточно долго, так что содержание могильников, несомненно, исходит от них. Особенно это касается могильников погибших в деревне Теретего. Однако там я нашел темно-синий цвет костюма хевсура на одежде. Остается лишь заключить, что жители Теретего сравнительно недавно обменялись своим старым костюмом на настоящий. Судя по состоянию сохранения тканей и скелета, смена костюма никоим образом не может быть более ста лет назад. Если принятие изменений костюма является оправданным, так что мы должны делать это в одеждах мертвых домов не только с бывшим костюмом Мелхисти, но с чеченцами. Даже среди обуви, которая все еще присутствовала на скелетах, я заметил форму, полутоповые овчинные сапоги, чей первоначальный цвет оказался красным. Это было так называемое двухствольное, это значит вал сшит из двух кусков кожи; швы были прикреплены к стороне. У сапога была каблук, что-то совершенно необычное в обуви

кавказцев. Тем не менее, но пятна продаж не были прибиты к подошве, сшиты между ними и верхней кожей, так что поэтому прибивают верхнюю поверхность пяточной части для прохождения через подошву, но сшиты между ними и верхней кожей, так что, следовательно, верхняя поверхностью пяточной части принадлежала к непрерывной подошве. Пятна пятки были направлены на ярко выраженный пик, который также сильно перевернулся; Это привело к поразительному сходству с своеобразными клювами, поскольку они известны из немецкого прошлого. В торговой зоне было три железных наконечника длиной около 1 см, что, возможно, хорошо поработало при спуске на гору. Это устройство довольно чуждо нынешней обуви жителей страны.

V. П**роизводство и использование войлочных материалов**; **Войлочные ковры и их орнамент.**

Самым известным продуктом такого рода является бурка, известная кавказское верховое пальто, которое, однако, в своей бездорожью скорее будет описана как плащ. Ход производства примерно следующий. Чистая промытая шерсть) сортируется после длинной твердой наружной шерсти овец и мягкого короткого подшерстка. Последний образует сырье бурки, соответственно во время производства на земле, соломенный мат распространяется. За этим следует слой длинных твердых наружных волос. Посыпанная водой ткань замешивается, прокатается и откидывается назад и вперед, пока она не будет иметь необходимую прочность. Затем готовый войлок снова промывают несколько раз, сушат и замешивают. Наконец, длинные наружные волосы расчесываются в правильном положении. Таким образом, ткань изготовлена, и теперь она перерабатывает нерегулярный кусок в форму бурки, которую не следует описывать, как известно здесь подробно. Кавказцы, и вместе с ними многие россияне, как правило, очень гордятся этим кавказским изобретением и не любят слышать, что он сомневается в их достоинствах. Я всегда считал это очень непрактичным. Он мало защищает от холода, потому что он не может

быть застегнут, а ветер имеет легкий доступ. Прежде всего, у вас нет возможности использовать оружие. Она хорошо работает в лагере, потому что в ней легко свернуться. Она также защищает от дождя; однако он очень сильно висит на шее и плечах. Поэтому для пешехода она мало привлекательна, бурка для всадника. В обитателей высших гор они редко встречаются. Пастухи часто носят искусственный плащ из грубой шерстяной ткани, которую делают женщины повсюду в деревнях на примитивном ткацком станке, особенно в долине Хочарой. Особенно известен для производства и распределения коров – большая северо-западная дагестанская деревня Анди.

Разумеется, войлок находит широкое применение для обычного, будь то сделать одеяла или покрыть Тахту. Уже были упомянуты войлочные шляпы.

Особого упоминания заслуживают войлочные ковры и из-за их своеобразного орнамента, что одинаково интересно в технике и форме. Нужно два по-разному войлока; цветов используются красный и синий, также черный и желтый. Из обоих теперь точно вырезано одно и то же украшение, ширина полоски обычно составляет 5 см. Обе полосы затем заменяются, это значит раздел с другой стороны. При шитье использованных декоративных полосок они, как правило, по-прежнему украшены белым контуром. Размер этих ковров колеблется от 1—3, в редких случаях до 4 квадратных метров, всегда прямоугольной формы. Кстати, они служат как в качестве напольного покрытия, так и на стене. В конце концов, цена на ковер большего формата в 1928 году составляла около 20—30 рублей. Украшение зависит от формы технологией изготовления, которая требует максимально возможных смежных линий и полос определенной ширины. Поэтому здесь нельзя ожидать разнообразной детализированной работы, которая может быть найдена в известных восточных коврах. Характер украшений нельзя просто назвать вегетативными, как это может показаться на первый взгляд. Индивидуальное выполнение линий кажется таким, особенно

их бесконечное разветвление и ветвление, а также цветочные структуры в углах линий меандра. В строительстве целого, но может быть и эхо простых украшений. Можно распознать геометрические символы, среди которых особенно разные составные спирали, как это ясно показано на рисунке 24. Такие войлочные коврики, вероятно, будут широко использоваться на Востоке. Однако, по моим наблюдениям, они не установлены там, где чеченский фольклор был самым нетронутым, то есть в отдаленных башнях или в Хевсуретии. С другой стороны, они встречаются на равнине, прежде всего, место производства было названо большой деревней Старый Юрт, которая расположена на северном склоне низких так называемых гор Терек-Сунжа, недалеко от терекских и горячеводских горячих источников. Не случайно, что производство войлочного ковра является коренным севернее района, где обитают чеченцы, поскольку он широко распространен среди ногайцев, живущих за пределами Терека. Из ногайцев, теперь могут легко похожи кыргызам, чьи соответствующие продукты я мог бы познакомиться в Московском музее этнографии. Судя по тому, что было сказано там, методика вырезания, по-видимому, менее распространена среди кыргызов; узоры были либо нарисованы, либо зашиты в виде цветных полосок ткани. В результате было легко собрать разноцветные украшения. Их характер был в целом такой же, как у чеченских ковров.

VI. Различная утварь, посуда. Он состоит из выдолбленного ствола длиной около 1 м и шириной 20 см, на одном конце которого фиксируется штифт в полости, и через него вставляются стенки ствола. Увлажненный кусок кожи, волосы которого были удалены осколками стекла, теперь помещается поперек полости и, отталкивая вертлюг, проталкивается во все стороны. Чтобы убедиться, что это сияет как можно интенсивнее, нижняя сторона рельефа часто сильно пересекается во всех направлениях. Для того, чтобы это оказалось как можно более интенсивным, часто нижней части свистка и причина стволовых полость зуб, так что оба вписываются друг в друга.

Он также состоит из общей ветвящей вилки для молотьбы. Он состоит из обычной ветви вилки силы слабой заготовки, один конец которой отрезан примерно до 20 см, а другой – длиной около 1 м. Через две ветви на вершине ветвей пробивается тупое железо шириной 10—15 см и шириной 2—3 см, обычно кусок подковы. В конце длинной руки прикреплена петля из веревки из рафии.

Шкура, над которым нужно работать, подвешена на потолке или иным образом поднимается, внутреннее попадание в редакцию. Теперь мужчина держит его вместе с левой рукой на бусине и нажимает правой рукой железный рельс устройства по левому плану на мех. В то же время он вставляет свою ногу в указанную петлю и снимает инструмент по коже. В результате оставшиеся остатки мяса удаляются.

Я также нашел тот же меховой скребок в Дагестане.

При обычном способе молотьбы, который заключается в распространении пучков на земле и их выкручивании с помощью молотильных салазок и копыт животных, естественно, под землей попадает много земли и мелких камней. Для их удаления используются лотки, подобные прихвостни, форма которых показана на рис. 67. Устройство захватывается двумя боковыми ручками, так что задние стороны рук направлены вверх, вокруг оси, воображаемой двумя ручками, и в то же время слегка качаются вверх. Немного катящиеся зерна падают над краем доски, менее подвижные посторонние вещества остаются.

На рисунке 68 изображена чеченская колыбель. Верхняя соединительная балка между луками служит ручкой для транспортировки подставки; В то же время он должен также допускать погрузка на животных. Выпадение ребенка предотвращает два ремня шириной 10—15 м («kochgo»), которые растянуты над ребенком и кровати с одной боковой стенки на другую. Странным является дренажное устройство. Он состоит из трубки под названием «sipe» и глиняного горшка («tök») на нижней стороне колыбели. Последний имеет форму вазы высотой 10—15 см и основание

диаметром около 8 см; наибольшая ширина имеет его в верхней трети. Украшения, которые были частично вырезаны в разрезах и частично на царапинах, я всегда находил в разных колыбели в точно такой же форме; особенно поразительным является полосатый рисунок полузащиты. Часто вы также можете найти колыбели без какого-либо украшения.

Дополнение. После завершения работы я получил от Ингушского института во Владикавказе первый том известий об этом институте, с которого он начал свои публикации («Известия ингушского научно-исследовательского института образования», Выпуск 1, 1928). В томе содержится ряд интересных статей различных авторов, земли и фольклора Ингушского района. Использовался только рисунок, воспроизведенный на рисунке 4, который показывает архитектуру ингушской оборонной башни (из статьи И. П. Щеблыкина: «Искусство ингушей в памятниках материальной культуры»). Поэтому в Ингушетии мы имеем дело с теми же типами оборонных башен, которые преобладают в юго-западной чеченской области, которая уже была хорошо известна в основном. Чеченские башни, которые я рассматривал, отличались от ингушского, показанного на рисунке, только в той мере, в какой он был самым низким. Еще один интерес к исследованиям заключается в том, что центр этой необычной культуры северо-восточной кавказской башни, вероятно, можно найти в ингушских районах, так что чеченский район, можно рассматривать только как маргинальную зону излучения этой культурной зоны. Во всяком случае, было доказано, что ингуши известны своей башней и что с соседними народами они консультировались как мастера-строители, поэтому чеченцы и в некоторых случаях осетины. Является ли это также применимым к Хевсуретии и особенно Тушетии, которые используют военные башни в соответствии с докладом Мерцбахера того же типа, но чья территория недоступна для ингушей, этот вопрос еще не рассмотрен. Кроме того, богатство различных форм могильников, по-видимому, больше среди ингушей; надземные дома мертвых, например,

по моим наблюдениям, чеченцы, например, не появляются с внешне гладким куполом. Точно так же количество древних святилищ среди ингушей, вероятно, будет больше, чем количество у чеченцев.

LA CIVILISATION CAUCASIENNE

Artur Byhan conservateur au musee ethnographique de Hamburg.

Préface et traduction du dr George Montandon professeur d'ethnologie a l'école d'antropologie. Payot, Paris.

C. – Les Tchétchenn et les Lesg

172 …Le pays des *Tchétchenn* comprend le versant boisé septentrional du dos montagneux qui, à partir du Teboulos et du Diklos, quitte la chaine principale en se dirigeant vers le Nord-Est, séparant la Tchetchnia du Daghestan, ainsi que l'avant-pays qui s'étend en plaine jusqu'au Terek. Leurs voisins sont à l'Est les Kymyk, au Nord les Cosaques, à l'Ouest les Kabardi et les Ossétes, au Sud les Khevsour, les Touch et les Lesg. La tribu occidentale, les Ingouch, sont en partie séparés des autres par une bande de colonisation russe qui s'étend de Vladikavkaz à Grosnyi, et il en est de même, entre Grosnyi et Mosdok, pour les Tchétchenn qui ont été établis en 1866 sur le Térek.

Les Lesg habient le Daghestan nu, presque sans forêts (Daghestan = pays de montagne), qui, au Sud-Est du dos montagneux prêcite, s'étend jusqu'au Baba-dagh au Nord de Schemakha, c'est-à-dire la région des riviéres Samour, Roubas et du haut Soulak. Leurs voisins sont à l'Est, dans la plaine cotiere caspienne, les Tatar de l'Azerbeidjqn et les Kymuk, au Nord-Ouest les Tchetchenn, à l'Ouest les Géorgiens de la Kakhétie, au Sud les Tatar de l'Azerbeidjan et les Tat.

Les auteurs georgiens, persans, ar, eniens et arabes ne nous disent rien sur l'origine de ces deux peuples, séparés, linguistiquement, mais unis culturellement. On sait seulement que, depuis Genghis-Khan, des armées mongoles et tatar ont constamment pesé sur les Tchétchenn et les ont en partie soumis jusqu'à ce que leur puissance eut été brisée par les Russes. Les Tchétchenn indiquent la localité de Nakhaché, sur le haut Argoun, d'ou leur vient leur nom de Nakhtchoui, comme le lieu central de toutes leurs tribus. Des contes populaires parlent d'un homme du haut Caucase, d'un Arabe entre autres, comme de l'ancêtre commun. On peut admettre, à la vérité, que les troupes auxiliaires géorgiennes, koumann, khazar, armeniennes, etc., des khans tatar ont laissé quelques-uns des leurs dans le Caucase oriental et septentrional;

mais ces légendes peuvent aussi être dues à l'arrivée d'Arabes dans le Daghestan et en Itchkérie, ainsi qu'à la présence fréquente du faciés dit sémitique, recpectivement juif (voir pp. 17 et 229). Les Dargva lesg d'Akoucha et les Kasikoumoukh, par exemple, prétendent descendre d'Arméniens, les Dido de Géorgiens, les Avar de Syriens, les Andi de Juifs. Des inscriptions arabes, qui se trouvaient à Khounsakh et Kasikoumoukh, racontent que, vers l'an 800, des Arabes de Chirvan et de Chemakha ont pénétré dans le Daghestan (Djab-harbi), empoisonnérent les guerriers lesg alliés aux Russes (Varégues?) et mirent partout, comme maitres, des Mahométans, ainsi, à Kaïtakh, un Koureïchit (d'ou le nom de Koureïch-Kalé), cependant à Tanus en Avarie un Russe, fait étonnant. Le Daghestan comprenait alors trois parties: Kaïtakh (Sarakh-Karan en arabe), l'Avarie et la plane (sagloun). Les gouverneurs du Kasikoumoukh (chamkhal ou vali) transportérent leur siége, à la fin du XVIe siécle, à Tarkou prés de Pétrovsk dans le paysdes Kymyk; c'est pourquoi, les Kasikoumoukh désignérent, cinquante ans plus tard, des ducs pris parmi eux (khakhlavtchi), lesquels au XVIIIe siécle, combattirent victorieuse, ent même contre les Perses.

En outre des tribus, entionnées aux pages 22 et suivantes, on distingue encore, chez les Tchétchenn, les Karaboulak (émigrés pour la plupart en Turquie) sur le Psédoukh, les Mitchiko sur le Mitchik et le Goums (d'ou le nom de Mitchighych, chez les Kymyk, pour tous les Tchétchenn, et, chez les Dargva, le nom de Mitchikhidj = habitans des pays de millet, pour les Itschker); les Djerakh, Metzkhal, Tsori, Khamkhal, Nasrann, Galach sont des noms de communautés ou de lignées des Ingouch.

Caractéres antropologiques. – Les Tchétchenn sont en général grands, forts, élances; la boite cranienne est courte, le visage large ou ovale, le nez droit et fort, les yeux foncés, les cheveux bruns; cependant, les Mitchiko, on rencontre fréquemment une coupe de visage tatar, à l'Est, chez les Itschker et les Akki, des faces rappelant celles de l'Asie antérieure avec un nez épais, et d'autres araboïdes avec un nez d'aigle étroit. En ce qui concerne les dispositions psychiques, les Tchétchenn et

les Lesg sont éveillés, endurqnts, conscients de leur valeur et susceptibles; les Ingouch sont réputés pour leur cruauté, leur esprit de vengeance et leur soif de pillage.

Les Lesg non plus ne sont pas uniformes racialement; à l'Est les visages de l'Asie antérieure, avec un nez épais recourbé, une mâchoire saillante, une moustache mince et une barbe divisée en deux, prédominent. Les Kurinn d'Akhty ont, commeles Khevsour, delongs nez pointus avec d'épais sourcils, une peau trés claire du visage en-dessous du nez; mais on observe aussi des caractéristique des Kuriniens est une étroitesse remarquable du visage en-dessous du nez; mais on observe aussi des caractéres tatar. En général, les Lesg sont de stature moyenne et solidement batis; la boite cranienne est large, le visage est large ou moyen, le nez grand et épais, les yeux foncés, les cheveux bruns ou noirs (Pl. VIII b).

Habillement. – Le costume des Tchétchenn comporte une chemise de lin, un sous-vetement ouvert de coton ou de soie avec un col, une redingote de drap jaune, gris ou brun, une ceinture, un bonnet de peau de mouton, un pantalon de drap, des guetres de cuir, des souliers (tchefiak) de cuir léger, en voyage des chaussures identiques de cuir épais de buffle ou des souliers de montagne. La tete est tondue; la barbe n'est portée que par les hommes ages.

Les Lesg s'habillent identiquement, mais ils sont en général sales et dépenailes. Aux hautes altitudes, les Lesg portent une longue fourrure de mouton, au col large à longs poils, par-dessus leur « bourka» ou manteau à longs poils, ou bien la portent au lieu de ce dermier, et des bottes ou des souliers de feutre (fig. 40) au lieu des chaussures de cuir souple.

Les hommes n'ont en général avec eux, comme armes, que le poignard, rarement un sabre, une carabine, une poire à poudre, une calebasse, etc. (fig. 38). Il y a cent ans, les Ingouch avaient encore des boucliers de bois, recouverts de cuir et plaqués de liens de fer, ainsi que courtes piques à manche noueux, lequel, retourne, servait à l'appui du fusil.

Les principales piéces du costume feminin sont presque partout les memes que chez les femmes tatar: un large pantalon (autrefois, selon les cas, bleu, rouge ou blanc, comme chez les femmes des Abkhaz: voir p. 140), une chemise, un sarrau, une ceinture. Les femmes des Tchétchenn ornent leur chemise rouge de broderies bigarrées à la poitrine et aux épaules, et le bord d'un pantalon d'un galon ouvré. Le cheveu est coupé court devant; les jeunes filles le tressent derriére en de nombreuses petites tresses, les femmes en deux tresses qu'elles enveloppent d'un ruban. Elles se recouvrent fortement d'un petit bonnet orné de monnaies et de plaquettes métalliques, ou bien d'une piéce de drap; quelques-unes enfoncent leur chevelure dans une sorte de sac. Leurs autres ornements sont de grandes boucles de métal ou de verre qui sont cousues, prés des oreilles, à la piéce de drap ou à un bandeau de tete. Elles vont pieds nus en été; elles chaussent en hiver des bottes de feutre et elles revetent alors aussi une fourrure.

Le sarrau des femmes lesg est généralement bleu, la chemise de diverses couleurs; dans le bas du pays kurinien, la chemise et le sarrau sont courts, le pantalon par contre trés large et bouffant, les souliers munis de hauts talons et de becs, ce qui révéle une influence persane. Chez les Andi, les Dido, les Avar du Nord, les Kasikoumoukh, des ornamentes répandus sont de grands cerceaux d'oreille, avec une boucle au milieu, qui sont ajustés comme chez les femmes tchétchenn. L'uniformite du costume est heureusement coupée par la diversité de l'ornamentation de la tete. Les femmes des Andi portent au-dessus du front un bourrelet de drap en forme de faucille, piqué et bourré de ouate, d'ou une bande d'étoffe pend, par-dessus la tete, dans le dos. Les femmes des Dido se couvrent la tete d'une longue coiffe, rayée de bleu et de rouge, ornée de perles et de piéces de monnaie, au-dessus du front de cordons d'argent et de nombreuses plaquettes en forme de E. Les femmes des Avar, des Kasikoumoukh et des Kurinn d'Arakhkoul portent au-dessus du front, sous une simple piéce de drap, des chapelets de monnaies, et, sur la poitrine, un plastron cousu de monnaies d'or et d'argent, de boutons de métal blanc, etc.; les femmes

avar de Sakatal ont un couvre-chef particulier en forme de seau. Les femmes des Dargva, entre autres, s'entourent le cou d'une étoffe blanche et mettent par-dessus une piéce, tombant bas dans le dos, rouge ou rayée. Les femmes des Artchi s'attachent sur la tete, sous une piéce d'étoffe, un bandeau frontal de velours, brodé d'or et d'argent dont pendent, comme en Macédoine, de petites chainettes; elles laissent couper court leurs cheveux: ce n'est que devant les oreilles et sur le front qu'ils subsistent, chez les jeunes filles. En outre de cette ornementation de tete et des boucles d'oreilles mentionnées, on trouve, comme autres ornements: chez les femmes des Kasikoumoukh un pendentif triangulaire au cou, des bracelets de deux à trois fils tortillés, d'autres bracelets rehaussés de turquoises dans le Koubatchi (Dargva), de grandes bagues serties de pierres épaisses de forme ovoïde, chez les femmes des Kuri de Bortch, et partout des ceintures d'argent au lieu des simples ceintures tissées.

La chaussure habituelle, surtout dans les villages de haute altitude, sont des bottes brodées à semelles épaisses (fig. 39) ou des bottes de feutre (fig. 40); les femmes portent cependant parfois des souliers de cuir pointus.

Habitation. – Dans la Tchetchnia septentrionale, les grands villages (aoul) n'ont été créés qu'à l'instigation des Russes; les Tchétchenn vivaient auparavant en petits hameaux ou dans des fermes isolées. Ici, dans le bas, comme dans la montagne, les maisons sont à un ou deux étages, construites en pierre ou en bois de la façon habituelle (voir p. 101) et blanchies extérieurement. Les petits villages des Ingouch et des Kist sont solidement fortifiés. Chaque ferme est entourée d'une haute muraille, avec de légars saillants; aux quatre angles une tour carée, de 20 à 25 métres de haut, s'éléve dans la cour: elle est semblable à celles des Khevsour, avec un toit en selle ou en pyramide. La piéce qui est au bas de la tour, de 4 à 6 métres de coté, sert d'écurie; le 1er étage sert aux femmes de cuisine et de piéce d'habitation, le 2e étage, muni d'un balcon, de piéce d'habitation pour le pére de famille. Une maison d'un à deux étages, de pierres ou de briques, se trouve à coté de la tour; elle

contient une à deux chambres, avec les meilleures piéces de l'ameublement, et sert à recevoir les hotes (fig. 54).

Dans le Daghestan rude, nu et sauvagement découpe, les villages sont plus tassés, disposés en terrasses et postés en des points dont la défense est facile, comme en Macédoine et en Albanie orientale. Les maisons également sont construites et disposées intérieurement comme dans ces pays.

On se sert de briques d'argile, comme matériel de construction, dans la plaine orientale et dans la région du bas Samour; dans les rares régions de forets, comme par exemple, dans la tribu Antzoukh des Avar, chez les Kouanada des Andi, on utilise le bois, et partout ailleurs la pierre avec un mortier grossier. Les maisons bordent rarement les ruelles étroites et abruptes; elles se trouvent dans la cour entourée d'un mur. En outre du portail qui introduit dans la cour, aucune porte ni fenetre n'ouvre sur le dehors; il n'y a de fenetres que sur la façade interne, en forme de lucarnes, susceptibles d'etre fermées avec des contrevents ou des planches. La façade antérieure de la maison, aussi bien au niveau du sol qu'à l'étage supérieur, est disposée en terrasses couvertes soutenues par des piliers de bois; à l'étage supérieur, une chambre à provisions est fréquemment contiguë à la véranda. Le toit est plat – des toits à pignon ne se trouvent que dans les villages voisins du cercle de Sakataly – fait de couches de poutres, de perches, de roseaux, d'argile et de sable; un rouleau de pierre y est passé de temps en temps et il sert en général d'esplanade pour la maison suivante. Le village de Koubatchi des Kasikoumoukh escalade ainsi un versant par seize terrasses successives.

Le rez-de-chaussée est divisé en écurie à provisions. L'étage au-dessus comprend les chambres pour les hommes, pour les femmes et pour les hotes. Une cheminée ouverte est appliquée contre la paroi surmontée d'un tuyau suspendu au-dessus; on y brule du bois et des briques de fumier. Le plancher, de carrelage, est recouvert de tapis, de meme parfois que les parois; contre cellesci sont accotés les plateaux formant lits, les coffres à habits, des récipients de cuivre, etc., des

chaises triangulaires (fig. 41), des siéges à dossier de forme ronde, des bancs sculptés (dont les analogues se trouvent en divers points de l'Europe) sont rares: d'habitude, on se tient accroupi à terre. Là ou existent des chambres séparées pour les femmes, les fenetres sont ornées de grillages de bois finement ciselés, selon la mode de l'Orient. Des cruches, des plats, des assiettes, des tasses de cuivre, d'argile, de porcelaine, de verre, sont exposés sur des rayons accolés aux parois dans la chambre des hotes, tandis que des armes, des étoffes, des tapis, ornent les parois elles-memes. Des copeaux de bois de pin, de petites lampes de fer à huile, semblables à celles de l'ancienne Babylone et de l'Asie antérieure (fig. 43) servent à l'éclairage. Des cuisines d'été ou de simples foyers, des greniers, etc., sont installés dans les cours qui sont en partie pavées; les greniers se trouvent aussi souvent sur les toits, comme chez les Géorgiens de la Montagne, par exemple dans le village des Andi de Kouanada.

Economie rurale. – Le principial moyen d'existence des Tchétchenn est l'élevage des moutons, des bæufs, des buffles et des chevaux (ils avaient aussi des porcs il y a cent ans); comme le climat est rude, beaucoup d'entre eux ne laissent paitre leurs troupeaux de moutons que pendant trois mois d'été sur les paturages alpestres, et les laissent le reste du temps dans la plaine du Térek. Autrefois, ceux qui possédaient de grands biens avaient l'habitude d'affermer leur bétail contre livraison d'un certain nombre d'agneaux, de veaux et de poulains. Chaque coin de pays utilisable pour l'agriculture est mis en valeur par l'établissement de terrasses, mais les récoltes ne peuvent etre abondantes dans ce pays montagneux et souvent les céréales – orge, avoine, froment – n'y murissent pas completement. Dans le bas pays, les terrains ne manqueraient pas pour l'agriculture; cependant, les Tchétchenn n'abandonnent pas volotiers leur économie préférée qui est l'élevage. Les grains sont moulus au moyen des moulins à eau habituels à roue horizontale (fig. 8); au lieu d'un coffre de décharge, un entonnoir d'écorce est suspendu, par quatre cordes d'osier, au-dessus de la pierre

supérieure et celle-ci pointue, qui tourne dans une autre pierre creusée, sur l'axe, sert de bouchon.

L'elevage domine aussi dans le Daghestan (moutons, chévres, bæufs, chevaux, anes, buffles), et, comme dans la Tschetchnia, les troupeaux ne restent sur les hauts paturages que pendant l'été, tandis que les hommes, souvent accompagnés des femmes et des enfants, passent le reste de l'année dans région cotiére de la Caspienne ou dans les steppes du Sud ou ils vivent dans de simples huttes de roseaux.

Les conditions de terrain, à l'Est et au Sud, chez les Kuri et les Dargva, sont meilleures pour l'agriculture que dans l'Ouest, dans le Daghestan intérieur, ou les champs en terrasses, parfois minuscules, sont soutenus par des murs de pierre, comme dans le Karst d'Autriche, et sont irrigués artificiellement. Le produit ne suffit cependant pas à nourrir les habitants, de sorte que des céréales et de la farine doivent etre importées de la plaine. Les céréales (froment, millet, orge) sont coupées à la faucille et soumises au traineau de battage; les Andi se servent en hiver, comme aire, de surfaces glacées artificiellement par irrigation.

La peche (truites) et la chasse, que les Avar pratiquent encore parfois avec le faucon pour atteindre les liévres, les faisans et les perdrix, ne jouent pas un grand role économiquement et l'élevage des abeilles ne parait etre pratique par les Avar et les Kuri que si les conditions sont favorables.

La nourriture des Tchétchenn est le menu habituel: gallettes de millet, de maïs ou de farine d'orge, lait, fromage, oignons, herbes, rarement du pain de froment, de la viande, des æufs, en été des fruits, qui croissent en abondance. Ils buvaient autrefois beaucoup de biére noire; l'influence russe a largement propagé le thé et l'utilisation du samovar.

Les Lesg vivent tout aussi simplement, c'est-à-dire qu'ils consomment toute la journée du pain noir fait avec de la farine d'orge et de la farine de féves de marais, du fromage, des oignons. Dans les repas en commun, le mets principal est une sorte de nouilles (khinkal) fait d'une

pate non acidifiée de farine d'orge, de millet, de millet, de maïs ou de féves, pate coupée, puis cuite et, aprés égouttement, préparée avec du petit-lait ou du vinaigre, de l'ail et du fromage salé. Le pain est cuit dans la fosse à cuisson, une fosse enduite d'argile, chauffée par des charbons ardents, chargée puis fermée avec un couvercle (c'est le prédécesseur du four géorgien: voir p. 49). En hiver, on mange beaucoup de mouton séchée à l'air, dans les villages dont les tropeaux paissent dans la plaine. Les boissons habituelles sont le lait et l'eau; lors de festivités, ou l'on consomme aussi de fines galettes de froment, du pilav, des viandes, des douceurs, par exemple le pekmez, c'est-à-dire du jus de raisin, mele à de l'argile et séché, on boit alors de l'eau-de-vie, du cidre ou du vin cuit, rarement de la biére.

Economie domestique. – Selon les prescriptions traditionnelles (adat), les travaux sont répartis entre les hommes et les femmes; les premiers ont à effectuer les travaux pénibles: construction des demeures, coupe et découpage du bois, soin du bétail, abatage des animaux, tonte des moutons, labour, coupe de l'herbe, battage du blé, etc. Les femmes ont à tenir le ménage et à prendre soin des enfants, à modeler les galettes de bouse, à chercher la laine, à couper les céréales à la faucille, à chercher l'eau dans des cylindres de bois (de 30 cm. de diametre, 60 cm. de hauteur: Pl. XIV) ou bien dans de belles cruches de cuivre (fig. 7: 9).

Les produits de l'art domestique féminin dans le Daghestan sont: des broderies, avec des fils d'or et d'argent, sur velours, soie, cuir; des sacoches et des sacs à vetements, faits du meme tissu que les tapis (palas); des sacs rigides à grains et à farine de poils de chévre; des bas de laine à semelles épaisses; des cordes et des rubans de laine ou de pois de chévre; des chabraques et des bottes de feutre ou de drap brut; des tapis tissés et noués de laine de mouton et de poils de chévre – à poils particuliérement longs chez les Tsakhour; des manteaux sans manches, de drap brut, chez les Andi; des draps fins et grossiers, dits lesghiens, de laine de chévre, de mouton et de chameau, chez les Andi, les Avar du Nord, les Lak du Nord, les Dargva. Les femmes des

Tchétchenn fabriquent aussi des tapis, des couvertures de feutre et des minces étoffes pour vetements (tsoka).

Il n'y a presque pas d'artisans chez les Tchétchenn; ils sont par contre nombreux et établis à demeure dans le Daghestan comme en Géorgie, comme résultante d'influences perses et tatar. Ils émigrent temporairement, hors des régions incultes, dans les villes caucasiennes et russes, afin d'y travailler; c'est ainsi que le cercle d'Andi fournit des maçons, des tailleurs de pierres, des charpentiers, des serruriers; le cercle de Kasihoumoukh, ou il n'y a pas fruits, pas de raisin, et presque pas d'agriculture, fournit surtout des joailliers, des travailleurs sur cuivre, des armuriers, des étameurs.

On pratique, comme petits métiers manuels: la fabrication de pierres à moudre et de pierres tombales chez les Kuri; de tamis, de sacs, de cordages, d'étoffes de chanvre chez les Dargva; de poteries (fig. 42: 4 et fig. 43) dans quelques villages des Dargva et des Kuri; on fait de la charpenterie, de la menuiserie, on monte des carcasses de selles dans le cercle de Gounib du Nord du pays des Avar. On découpe des cuilléres, des supports de cuilléres, des récipients à farine, à sel et d'autres contenants (fig. 42: 5 et 6) dans quelques localités des Dargva, des Avar, des Andi, des Kuri. Des instruments de musique sont fabriques dans le cercle de Kaitakh (Dargva), des instruments de bois incrustés de fils de laiton et de nickel dans le nord de pays des Avar. La tannerie, la cordonnerie, la pelleterie sont répandues dans le cercle de Gounib (Avar), chez les Dargva, les Lak et les Kuri. Les forgerons en cuivre (fig. 42: 1 à 3) et les ferblantiers se rencontrent surtout chez les Lak, et, clairsemés, dans les cercles de Gounib et d'Andi; les forgerons de gros chez les Dargva, dans le cercle de Gounib, chez les Lak et chez les Kuri orientaux.

Les joailliers se rencontrent en de nombreux endroits; mais le siége principal de ce métier est le cercle de Kaïtago Tabassaran. On y fabrique des ceintures, des fermoirs de ceinture, des bagues, des porte-cigarette, des pommeaux de canne, des garnitures de poignards, sabres, pistolets, des ornements, des incrustations dans la corne, l'ivoire, la

nacre, l'acier, des travaux de fonte, etc., qui ont aussi été introduits en Russie. Les armuriers de Koubatchi jouissaient autrefois d'une grande renommée (en tatar Koubadji, en arabe Sarakhkaran = armurier, leur propre nom étant Augvougan, Ugbouk du no, arménien des anciens Albaniens: Agofan); ils sont déjà mentionnés au XVIe siécle. On fabrique, à la vérite, encore aujourd'hui des lames et des fusils dans cette région ainsi que dans quelques autres villages des Dargva, des Lak et des Avar, mais ce métier est bien tombé depuis la cessation des luttes intestines et des combats contre les Russes. Les lames (fig. 33 et 35) étaient autrefois importées en grandes quantités en Russie et les canons de fusil lesg étaient meilleurs, dit-on, que ceux des fusils russes, quoique lances et canons de fusil fussent préparés avec du vieux fer, ainsi avec des fers à cheval pour les lames de poignard.

La découverte de quelques anciennes la, es européennes de Hongrie, de Solingen, etc. que les anciens artisans obtinrent autrefois d'une façon ou d'une autre – car on brocantait et on modifiait les armes dans tout l'Orient, de l'Indonésie au Maroc, – donna lieu à la légende que les premiers armueriers étaient venus d'Europe (Franghistan: pays des Frangchi, des Français) par la Turquie, quoique les procédés de travail et les motifs d'ornementation soient d'origine persano-tatar; les sculptures qui ornent les ruines d'anciennes constructions et d'anciens objets qui se conservent par tradition, parlent aussi pour cette origine persano-tatar.

Transport. – La transmission de marchandises est trés difficile dans cette partie orientale du Caucase du fait de son état déchiquete et des pentes extrememement abruptes. La plupart des localités de la haute montagne ne peuvent etre atteintes que par des pistes étroites pour betes de bat, pistes qui souvent, comme en Albanie, conduisent le long de cretes rocheuses tombant à pic, lorsque le cours d'eau ne laisse aucune place dans le ravin; là ou la paroi tombe verticalement, on plante des piquets qu'on recouvre de broussaille et de pierres.

En outre de quelques vieux ponts de pierre, d'origine persano-tatar, dans le Daghestan oriental, on trouve deux sortes de ponts de bois: des

passerelles de deux à trois poutres, passerelles horizontales dans le milieu et fortement en pente aux deux extrémités, minues ou non de balustrades de perches légéres, seulement utilisables pour les cavaliers et les piétons; puis des ponts, dont les piliers de soutien sont constitués de perches étagées perpendiculairement les unes aux autres, et dont le tablier consiste en couches de poutres; successivement chacune de ces poutres dépasse l'inférieure, jusqu'à ce que le milieu du cours d'eau soit atteint [disposition en encorbellement] et que l'escape restant puisse etre couvert par une derniére assire.

Ce sont des chevaux qui transportent sur les pistes les charges et les hommes; dans la plaine, des bæufs et des buffles trainent, sur les routes, des chars à deux roues,,unis de parois treillagées et d'un toit; le conducteur se tient sur le talon du timon. Etant donné le manque de ponts, les roues sont construites à trés grand diamétre et à rais nombreux; les jantes des roues se composent de plusieurs piéces (d'une seule en Russie) et sont en général trés larges.

Societe et familie. – Il n'y a de différences de classes ni chez les Tchétchenn, ni chez les Lesg. Ils avaient autrefois des eclaves pris à la guerre, qui cependant pouvaient denevir citoyens en se mariant ou par mise en liberté. Le peuple (nakhtché) des Tchétchenn se divise en tribus ou sociétes (taïpa) et celles-ci en villages (aoul), dont les habitants ont le meme nom de famille, descendent donc de la meme grand'famille. Les anciens ont une influence prédominate dans la commune et dans la famille; ils se réglent d'aprés leur origine (adat) et la loi religieuse (chariat). Ils sont traités avec grand respect par chacun, de meme que, dans la famille, le pére l'est par ses enfants, car la colére du pére peut suffire au suicide du fils.

La conclusion du marige se fait aussi d'aprés les régles de la loi, et cette loi ne parait pas avoir conservé beaucoup d'anciennes coutumes. En général, l'homme ne prend qu'une femme et paie un prix modique d'achat a prés avoir été accepté par la jeune fille et par son pére. Chaque jeune fille, chez les Avar, a le droit de se choisir un mari d'apres

son désir; elle va chez lui dans sa maison, et il doit alors l'épouser. Le rapt de jeunes filles se produit chez les Andi, mais rarement.

Il en reste une coutume singuliére chez les Dido: deux amis du fiancé entrent dans la demeure de la jeune fille, lui jettent une peau de mouton sur la tete et l'entrainent ensuite dans la rue, ou les gens l'éclaboussent de saletés, jusque dans la demeure du fiancé. Une autre coutu, e est encore plus explicite chez les Andi de Tindi: la fiancée chevauche, accompagnée de femmes et d'hommes armés qui portent des flambeaux avec de hautes perches, à la rencontre du fiance; celui-ci vient, suivi d'un cortége identique. Quand les deux convois se rencontrent, il se produit un simulacre de combat; on cherche à faire des prisonniers et s'abattre réciproquement les flambeaux. Entretemps, la fiancée est remise par ses amies aux compagnes du fiancé qui l'emménent dans la maison de ce dernier; celui-ci revient bientot avec deux amis qui jouent le role de gardiens (voir p. 152) et doit livrer une vraie lutte à celle qui lui est confiée.

Les Dido auraient aussi autrefois pris en mariage des femmes parents par le sang et auraient eu la meme coutume suivante que les Grands-Russes, coutume qui subsite encore chez les Kuri de Kourouch: la pére marie son fils mineur à une jeune fille adulte, avec laquelle, lui le pére, vit ensuite; à la majorité du fils, les enfants survenus appartinnent pour motié au fils et pour moitié au pére. Chez les Ingouch, le fils aine heritait, à la mort du pére, de ses femmes, à l'exception de sa propre mére.

La femme ne porte pas de voile; elle est bien traitée et jouit, dans son domaine, d'une pleine liberte; elle dispose de sa dot, peut hériter et donner en héritage. Le divorce est trés facile; le mari le prononce, ou bien la femme se sauve chez ses parents. Les femmes des Avar sont trés susceptibles, de telle sorte qu'il leur arrive, en cas d'infidélité de ce dernier, de le tuer, et, vice-versa, le mari tue de son poignard la femme coupable. La séduction se paie avec le sang (voir p. 90); cependant, il arrive fréquemment que le mari consente un arrangement.

Les enfants sont souvent nourris trés longtemps au sein, jusque dans la cinquié, e et sixiéme année. Les prénoms originaux des Tchétchenn n'ont pas encore été éliminés par des désignations musulmanes; les noms masculins appartiennent principalement au monde animal: loup (bors), ours (tchébours), liévre (pagal), aigle (ersou), faucon (leg), pigeon (khokchi), chien (poé), cochon (khaka); noms feminins: fleur (dziésok), ange (maleika), qui chevauche un veau (asir-fakhara), qui chevauche une chienne (osiali-fakhara).

Mort. – Les ensevelissements se pratiquent aujourd'hui selon la costume musulmane. Les Tchétchenn enterraient autrefois leurs morts habillés et armés de pied en cap et leur donnaient trois pains et de l'eau-devie dans la tombe; on procédait, avec le cheval du décédé, exactement comme chez les Tcherkess (voir p. 159—160), et les femmes se lamentaient pendant une semaine. Le lendemain de l'enterrement avait lieu la « fete de commémoration de l'ensevelissement», au cours de laquelle on régalait tous les parents et les connaissances; la croyance régnait que tout ce dont ils jouissaient était au bénéfice du mort. La « grande fete de commémoration» était célébrée au bout de deux ans, et, aprés quatre ans, le deuil cessait pour la veuve, qui pouvait se remarier. Cependant, comme elle passait encore pour la propriété du disparu, les proches de ce dernier réclamaient le corps de la veuve à sa mort, a fin qu'elle put etre enterrée auprés de son premier mari. On ne célébrait pas de fetes commémoratives pour les femmes et les jeunes filles.

Des pierres funéraires sont dressées au-dessus des tombes revetues de dalles et de planches. Les tombeaux des combattants pour la foi sont sacrés et sont désignés par une lame de bois plantée en terre et qui porte une flamme blanche ou rouge. Une maisonnette ou une construction en coupole est généralement élevée sur la tombe. Les Ingouch et les Lak ont l'habitude, selon l'ancienne coutume, d'amasser sur les tombes des pierres en un tas en forme de caisse et de dresser dessus une pierre de hauteur d'homme. Aux XVIe et XVIIe siécles, on inhumait les morts dans des constructions funéraires en forme de cone

ou de hutte (kacha) de 4 x 4 métres de base et de 8 à 10 métres de haut, avec deux à trois rangées de lucarnes; là, on les plaçait sur des bancs de pierre accolés à la paroi et on leur donnait de la nourriture et tous les instruments possibles. En outre de ces maisons mortuaires de grand'familles, on en trouve, en bien des points de la Tchetchnia, à vestibule et à toit en coupole, paraissant etre de la meme famille que celles des Ossétes occidentaux qui viennent d'etre mentionnées, et, sur les montagnes, d'autres, souterraines, qui pourraient bien etre d'origine plus ancienne.

Croyances. – L'islam avait déjà pris solidement pied dans le Daghestan à la fin du XVIIIe siécle, tandis qu'il avait bien pénétré dans la Tchetchnia – christianisée, dit-on, au IVe siécle à partir de la Géorgie, – mais en avait de nouveau disparu. Ce n'est qu'au XVIIIe siécle que les Tchétchenn le prirent de nouveau aux Kymyk et aux Kabardi, pour devenir au XIXe siécle, comme leurs voisins les Lesg, de zélés défenseurs de la foi, avec Kasi-Moullah et Chamyl, contre les Russes (jusqu'en 1859).

Deux ordres de derviches (tarikat) ont trouvé des sectateurs parmi eux: les Nakchoubendi et la secte kounta, fondée au XVIe siécle par le moullah Kounta-Khadji. Ils portent au cou le phylactére, le rosaire, s'embrassent, prient à haute voix (chikra), forment une chaine lors de leurs priéres, se frappent dans les mains, répétent longuement et toujours plus vite: « la Illahkä il Allakh» (= il n'y a pas de dieu en dehors d'Allah) et tournent en rond, comme les Mélévi, jusqu'a ce qu'ils tombent sans connaissance.

Les mosquées (määbed) du Daghestan ressemblent à celles de Perse; dans la Tchetnia, elles ne se distinguent pas des maisons ordinaires et sont sans minarets; le pretre (boudoun = crieur) appelle à la priére du haut du toit ou devant la mosquée.

Les Lesg et les Tchétchenn remplissent consciencieusement les prescriptions extérieures de l'islam, ils se lavent et se baignent jusqu'à cinq fois par jour, ils font l'aumone, ils pratiquent le pélerinage à

la Mecque afin de revenir « Khadji». Comme les Avar manquent de mosquée, ils récitent leurs priéres sur des amas de pierres (de 2 sur 3 métres et de 1 métre de haut) qu'ils élévent au voisinage d'une source où d'un cours d'eau. On se rend en pélerinage aux tombes des saints (pirkend); les femmes des Kuri et des Oud se rendent, par exemple, sur la tombe de Souleimann dans le Liga, certainement pour y demander d'etre riches en enfants.

Il en est peu qui soient chrétiens, comme les Oud, dont ceux qui habitent Nich sont armeniens-grégoriens, et ceux de Vartach sont orthodoxes. Il n'y a pas de restes de vieilles églises dans le Daghestan; mais elles se rencontrent en grand nombre dans la Tchetchnia. La mieux conservée est celle de Tkhaba-erda (= le saint des 2000), prés de Poui dans la vallée d'Assa; elle a 45 métres de long, un vestibule à colonnes et elle est ornée de sculptures qui ne ressortissent pas à l'art géorgien. Les Ingouch s'y rendaient annuellement en pélerinage, il y a encore cent ans et sacrifiaient des animaux que tuait un vieux pretre (tsaïn sag); aprés le repas de fete, le cerveau et les os étaient apportés dans l'église. Au mois de juin, ils se rendaient à une grotte située en haute montagne, prés du village de Vapila, dans la vallée d'Assa; une croix de fer s'y trouvait; à Pentecote et à Nouvel-An, qui précéde de trois jours la date chrétienne, ils allaient dans la montagne pour sacrifier à Saint-Galaerd, dans une vieille église du pays de Metchal, des fusils, des balles et des bougies. Les Kist aussi ont des sanctuaires, consacrés à saint Georges et à sainte Marie (cf. p. 129). La semaine des Tchétchenn, qui débute par le dimanche (khkyroudé, du grec kyrios = Seigneur), est également d'origine chrétienne; les autres jours sont appelés « premier jour», « deuxiéme jour», etc., et le samedi chaat (= sabbat).

Les Lesg paraissent à peine avoir quelques reliquats de leur religion préislamique, et, chez les Tchétchenn aussi, les traditions sur le monde des dieux et sur leur culte disparaissent avec les viellards. Ils adressent toujours leurs priéres et leurs sacrifices, meme s'ils étaient destinés à l'origine à d'autres dieux et esprits, au Créateur du monde, au Pére des

dieux (Délé, Dala). Le dieu du tonnerre (Séli) jouait un grand role; sa fille (Séli Sata) était la protectrice des vierges; il en était de meme de la déesse du soleil (Déla Molkh), avec sa mére Asa, dont les adorateurs regardaient le point où il se levait et vers lequel étaient aussi dirigés leurs lieux de priére, tandis que la lune etlesétoilesétaient moins considérées; il en était encore de meme de la « Mére des tempetes» (Dardsa-närilk), dont sept fils (Dardsa-Kouanglich) volérent au ciel où ils se trouvent encore maintenant (la Grande Ourse); il en était de meme enfin du maitre des forets et du gibier (Elta), pourvu d'un seul æil, que les Lesg connaissent encore sous le nom arabe d'Abdal (= serviteur de Dieu). D'autres dieux de la nature étaient: la « Mére des eaux» (Khi-nana), le Protecteur des céréales ainsi que de la biére et de l'eau-de-vie qui en étaient tirés (Méler-erda); le dieu de la guerre (Molzy-erda). Il y avait encore quelques autres divinités, jouissant de la vénération commune, auxquelles des sanctuaires (elghyts) ou d'anciennes églises étaient consacreés et des sacrifices en bétail, pain, biére, eau-devie, bougies, or, choses précieuses étaient offerts: Touchol, surtout adoré des femmes, Misr, Amgali-erda sur la montagne Artz-khoï, Tamych-erda sur la « Montagne rouge» (Boudour lam en ingouch) prés du village de Khouli, Mätseli sur le mont Metty, mais la personnalité de ces divinités ne se laisse plus bien reconnaitre. Certaines particularites parlent pour leur qualité de dispensateurs de fécondité, mais leur adoration était vraisemblablement confondue avec celle des ancetres et resta attachée aux églises, érigées au temps de la plus grande extension du royaume géorgien et du christianisme dans la Tchetchnia en lieu et place des lieux de priére païens.

Le culte des *ames des ancetres* est resté vivant jusqu'à derniérement; chaque grand'familie, ainsi que les villages, « pays» et tribus qui en sont issus, avaient leurs esprits protecteurs particuliers (erda, tsou en ingouch). Les Tchétchenn croyaient que l'ame proprement dite de l'homme, son « étre» (taram) continuait à vivre aprés la mort de meme» (taram) continuait à vivre aprés la mort de meme façon qu'auparavant, tandis que la force de vie périssait avec le corps; mais l'ame s'en allait

vers l'Ouest sous la terre, dans l'au-delà (Déli-Aïlli), où elle seréunissait aux ames des parents morts de la grandfamille. Ils admettaient aussi des mariages dans l'audela, où le pére d'un jeune homme mort ne repoussait jamais la demande du pére d'une jeune fille morte, meme s'il devait payer un prix élevé de fiançailles.

Les Tchetchenn ont emprunté au christianisme et à l'islamisme les notions de l'enfer (djodjakhet), du paradis (aghéret), et de la compensation pour les actions bonnes ou mauvaises accomplies en ce bas monde (délimakhli). Il y a dans le ciel, pour chaque ame, un squelette de bois, qui commence à se balancer et se couvrir de chair dés que meurt le corps et que l'ame se met à grimper une échelle pour monter au ciel; ici, elle anime le corps qui lui est destiné, mais qui, selon le comportement sur terre, est beau ou laid. La représentation du bien et du mal, d'esprits (djinn) bien ou mal disposés envers les hommes, die diables (chaïtann) est aussi prise à l'islam, tandis que les diables et femmes (almas) malins de la foret sont d'origine indigéne.

L'ame de l'ancetre était aussi l'esprit tutélaire (Seli) du foyer familial et le mercredi (Ker-Séli) lui était consacré. Le foyer avec la chaudiére, le crochet, la chaine, le feu et la cendre, passaient pour sacrés; en quittant la maison paternelle, la fiancée s'en séparait solennellement et le meurtrier, comme chez les Albanais, obtenait la protection du maitre de la maison dés qu'il avait touché la chaine de la marmite, meme s'il s'agissait de la maison d'une grand'famille ennemie. Le serment sur les ames des ancetres comptait comme le plus sacré; aussi, lorsqu'on procédait à une répartition de terrain et qu'on plantait des bornes, on invoquait leur vengeance contre celui qui romprait ses engagements. Celui qui était lésé par un débiteur négligent ou par un voleur supposé les menaçait d'abattre un chien sur la to, be de leurs ancetres, si le premier ne s'acquittait pas et si le second ne se justifiait pas par un serment.

Des sanctuaires (elghyts) servaient à la vénération des dieux et des ancetres, ainsi que de petites huttes ressemblant aux maisons des morts (kacha), avec une ou deux portes à l'Est et au Nord, dans

lesquelles des cornes, des andouillers et des insignes blancs (rytch) étaient déposés en offrandes. Dans le pays de Khamkhin, on sacrifiait aussi prés des cimetiéres, à cote de colonnes carrées de pierre; des niches étaient taillées sur la face orientale de ces colonnes: celui qui priait y introduisait sa tete et une bougie allumée. La grand'familie, le village, ou une communauté plus étendue, venait prier une fois l'an au sanctuaire, y amenant des moutons, de la biére, de l'eau-de-vie, un mets special de fete (tégoum) et des pains, dont l'un devait etre triangulaire – offrandes qui étaient ensuite mangées en commun.

Les pretres sacrificateurs (tsaïn-sag) étaient nommés à vie chez les Ingouch, ou bien ils appartenaient par tradition à une grand'famille déterminée. Ils se livraient aussi à l'interprétation des reves et de l'avenir et lorsqu'un sujet avait offensé une divinité, ils spécifiaient, en jetant des sorts – trois baguettes jetées avec une cuillére —, l'offrande expiatoire. En outre des sacrificateurs, il y avait des devins (dzyryk), qui, la nuit, dans le sanctuaire, appliquaient leur oreille au sol pour entendre les communications de la divinité. Les devineresses avaient coutume d'employer pour leur art des os de mouton, des miroirs, des pierres et objets analogues.

En guise de *magie défensive*, les Kuri cousent une ammulette dans le dos de leurs vetements, et les Andi cherchent à provoquer la pluie de la meme façon que les peuples balkaniques: une jeune fille, couverte de feuilles et de ramures, est conduite à travers le village tandis que ceux qui l'accompagnent demandent en chantant que vienne la pluie, puis tous se beignent à la riviére et sacrifient un mouton. On fait sortir l'esprit malin qui cause des maux de tete en pratiquant, au couteau, un trou dans le crane du malade (trépanation). Comme les Ossétes, les Abkhaz et les Tcherkess, sacrifiait, lorsqu'un homme avait été frappé de la foudre, un animal à celui qui avait causé la mort, le dieu du tonnerre: généralement une vache, dont on suspendait la peau et la tete à une perche.

On sait peu de chose des coutumes de *droit* plus anciennes que les prescriptions en usage laïques et religieuses (adat et chariat). La

vendetta est encore exercée par les Avar.

Chez les Ingouch, comme il y a été fait allusion plus haut, le chien jouait, il y a cent ans, un role semblable à celui qu'il remplit chez les Ossétes et chez les Khevsour, lorsqu'un homme veut obtenir quelque chose d'un autre. Un débiteur ou un homme accusé de vol devait jurer sur le rocher sacré (ierda), où des os et des excréments de chien avaient été apportes, et reconnaitre que ses ancetres devaient porter les ancetres de l'accsateur sur leurs épaules s'il ne disait pas la vérité.

Si un grand nombre d'indigénes savent lire et écrire, ils le doivent à l'islam. Les garçons et les fillettes apprennent à lire le Coran et surtout à écrire en tatar, car ce parler est la langue intertribale dans le Daghestan oriental, comme l'est la langue avar dans le Daghestan occidental.

Jeux et Danse. – Chez les Ingouch, les hommes dansaient autrefois entre eux, soit solitairement, soit en rangs et en cercles, avec accompagnement de chalumeaux, de cornemuses ou de sifflets; de meme les femmes dansaient entre elles, tandis que jouait un joueur aveugle. La danse des Lesg, qui a été adoptée par tous les peuples du Caucase, symbolise la conquete, par l'homme, de la femme craintive, qui se dérobe; les danseurs meuvent la tete et les bras de façon abéquate, tiennent le corps aussi droit que possible, tandis que les pieds exécutent de coté de petits pas trés rapides. Les danses armées sont aussi pratiquées: un homme seul danse entre des poignards plantés en terre, ou bien il les tient dans ses mains et montre son habileté dans leur maniement. Lors des danses, la musique d'accompagnement est fournie par un tambour et une clarinette, les chants sont accompagnes par la guitare (tara en avar) ou par le violon (tchouandourki en tchétchenn) l'une et l'autre à deux ou trois cordes.

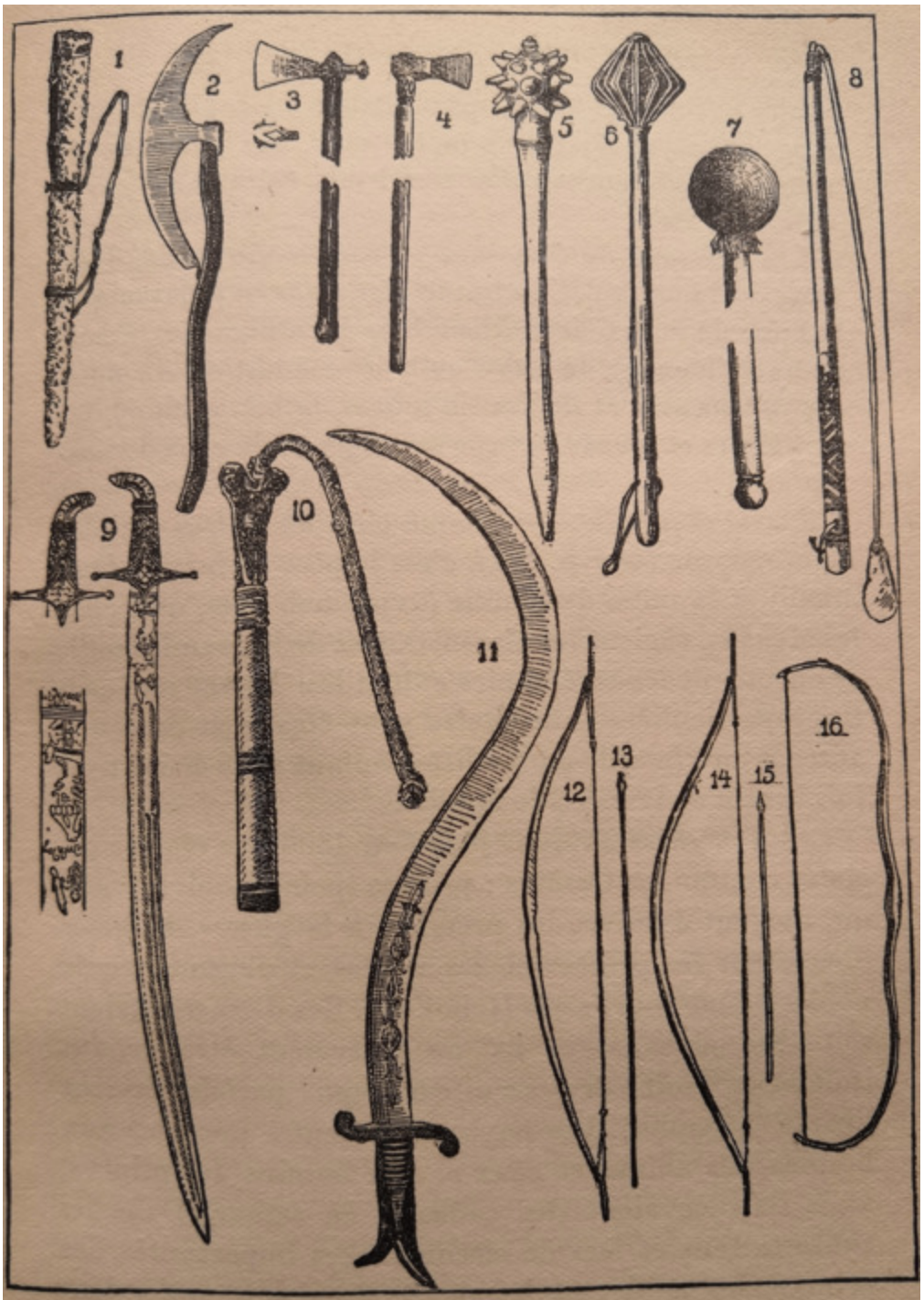

Fig. 35. — Armes du Caucase : 1, gaine de fusil de feutre noir à garniture de cuir; 2, 3, 4 haches de bataille à lames de fer et manches de bois; 5, 6, 7, massues à tête de fer; 8, knout à manche garni d'argent; 9, sabre à inscription géorgienne; 10, knout à lanière tressée de cuir; 11 sabre (prétendu arménien); 12, 14, arcs à corde de chanvre tordu; 13, 15, flèches à pointe de fer; 16, arc de corne et d'os (façon turque). 1 : 1 /22; 2 à 4 : 1 /10; 5 à 10 : 1 /7; 9 : 1 /9; 12, 14, 16 : 1 /16; 13, 15 : 1 /15 de grandeur naturelle.

(D'ap. J. Zichy).

b) Casque des Tchétchenn
(Musée d'ethnographie de Berlin). — Cf. p. 188.

ethnies turco-tatares.
— tchétchenn et lesg
— tcherkess et abkhaz } paléocaucasiennes.
— kartvéliennes

oooooooo ethnie ossète
..... — arménienne } indo-européennes.

CARTE 2. — Les divisions ethniques du Caucase en 1841, d'après Du Bois de Montpéreux (dénomination actuelle du classement ci-dessous).

FIG. 42. — 1 à 3, cruches à eau de cuivre; 4, cruche d'argile; 5, cruche à eau d'une seule pièce de bois, à décorations pyrogravées; 6, tasse de bois pour le lait aigre; 7, chaudière à trois pieds; 1, 2, 4, 5, 7, Lesg; 3, Kasikoumoukh; 6, Tchetchenn.
1, 3 : 1/9; 4 : 1/6; 2, 5 à 7 : 1/7 de grandeur naturelle.
(1, 3, 5, 6 du musée d'ethnographie de Berlin; 2, de Hambourg; 4 et 7 d'ap. J. Zichy).

Fig. 44. — Instruments de l'économie caucasienne : 1, rouet; 2, métier à tisser des rubans; 3, planche à tricoter des bas; 4, sabre de bois pour casser le chanvre; 5, drège à chanvre de bois à pointes de fer; 6, fuseau de bois; 7, bobine à fil; 8, hache; 9, sabre de métier à tisser; 10, fourche à paille; 11, houe; 12, faucille; 13, serpe pour abattre les branches; 14, serpe de brousse; 15, bêche de fer à manche en fourche; 16, char à marchandises, 17, charrue à soc de fer et joug; 18, traîneau de battage dont la surface inférieure est garnie d'éclats de pierre. 1 à 3, Lesg; 8, Avar de Sakataly. 2 : 1 /5; 3 : 1 /3; 4 : 1 /18, 6, 7 et 12 : 1 /6 de grandeur naturelle.

(D'apr. J. Zichy).

КАВКАЗСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

Артур Бихан куратор этнографического музея в Гамбурге.

Предисловие и перевод д-ра Жоржа-Алексиса Монтандона (1879—1944), профессора этнологии в Школе антропологии. С 55 рисунками, 3 карточками и 24 табличками из текста. Пайо, Париж. 106, бульвар Сен-Жермен.

Перевод с французского: **Яхъяева Аза Абдулвахидовна** – к.ф.н., доцент кафедры теории и методики преподавания английского языка, Чеченского государственного педагогического университета.

Подготовка текста: **Мурдалов Джабраил** – студент Грозненского Государственного Нефтяного Университета им. М. Д. Миллионщикова, факультет СПО.

С. – Чеченцы и Лезгины

Стр. 172 …Земля чеченцев включает в себя северный лесистый горный склон, который, начиная с Тебулоса и Диклоса, направляется в северо-восточном направлении, отделяя Чечню от Дагестана, а также край, который простирается на равнине до Терека. Их соседями являются кумыки на востоке, казаки на севере, кабардинцы и осетины на западе, хевсуры, тушинцы и лезгины на юге. Западное племя, ингуши, частично отделено от остальных русскими колониальными поселениями, простирающимися от Владикавказа до Грозного, и то же самое от Грозного и Моздока, для чеченцев, которые обосновались в 1866 году на Тереке.

Лезгины живут в пустынном Дагестане, почти без лесов (Дагестан = горная страна), который на юго-востоке простирается до Баба-Даг к северу от Шемахи, то есть на территории рек Самур, Рубас и Верхний Сулак. Их соседями на востоке, на каспийских равнинах являются татары Азербайджана и кумыки, на северо-западе-чеченцы, на западе – тушинцы, на юго-западе – грузины Кахетии, на юге – татары Азербайджана и таты.

Грузинские, персидские, и арабские авторы ничего не говорят нам о происхождении этих двух народов, разделенных лингвистически, но имеющих единую культуру. Известно лишь, что со времен Чингисхана монгольские и татарские армии постоянно угрожали чеченцам и частично подавляли их, пока их власть не была сломлена русскими. Чеченцы указывают, что их место проживание располагается в Нахачче, в верховьях Аргуна. Отсюда происходит их название Нахчичо, как место проживание всех их племен.

В народных сказаниях говорится о людях, прибывших сюда с высот Кавказа, а также упоминают об арабах в качестве их общего предка. Можно говорить, о том, что восточные куманы, хазары, армяне и татарские ханы оставили свои следы в восточном

и северном Кавказе; но эти легенды также могут быть связаны с прибытием арабов в Дагестан и Ичкерию, а также присутствием семитов – евреев (см. стр. 17 и 229). Даргвы, Лезгинцы Акуши и Казикумухи, например, утверждают, что они произошли от армян, Дидойцы из Грузии, Аварцы из Сирии, Анди от евреев.

Арабские надписи, найденные в Хунсахе и Казикумухе, говорят о том, что около 800 года арабы Ширвана и Шемахи, проникшие в Дагестан (Джаб-Харби), отравили воинов, союзников русских (Варяги?) и насаждали повсюду Магометанство, так же как и Кайтах один из Курейшитов (отсюда и название Куреш-Кале). Дагестан тогда состоял из трех частей: Каитах (Сарах-Каран на арабском), Авария и равнина (Саглун). Правители Касикумухов (шамхал или вали) перенесли свою резиденцию в конце XVI века в Тарку под Петровском на территории кумыков. Вот почему, Касикумухи говорили пятьдесят лет спустя о том, среди них оказались пойманные герцоги (хахлавчи). Кроме племен, упомянутых на страницах 22 и далее, у чеченцев выделяют еще и Карабулаков (эмигрировавших в основном в Турцию) в Пседахе, Мичиков в Мичике и Гумсов (отсюда и название Митчигич, среди кумыков – для всех чеченцев, а среди даргинцев – имя Мичики = жителей государства для Ичкеринцев); Джерахи, Мецхалыы, Цори, Хамхалы, Назраны, Галах – это названия ингушских общин или родов.

Антропологические характеристики. – Чеченцы, в основном, высокого роста, сильные и стройные; их череп маленький, лицо широкое или овальное. У них большой и прямой нос, темные глаза, каштановые волосы, но, однако, часто встречаются глаза голубые и карие. На севере, у Мичиков, часто встречаются татарские черты лица, на востоке, у Ичкеров и Аккинцев, черты лица схожи с чертами жителей Ближней Азии с массивным носом, у других же жителей арабская внешность с горбинистым носом. Что касается физической характеристики, то Чеченцы и Лезгинцы энергичны, выносливы, ответственные и восприимчивые. Ингуши известны своей жестокостью, духом мести и жаждой грабежа.

У Лезгов также нет единой расовой характеристики; на востоке преобладают лица, схожие с жителями Ближней Азии – нос орлиный, вытянутая челюсть, тонкие усы и борода, разделенная на две части, У куринцев из Ахты, как и у Хевсуров, преобладает длинный нос с четко вычерченными ноздрями, с маленьким лицом, с черными волосами, Их глаза с густыми бровями глубоко посажены, кожа лица светлая.

Главная характеристика Киринцев – узкое лицо; у них также заметны татарские черты. В основном Лезги имеют среднее телосложение, лицо широкое или среднее, большой и широкий нос, глаза темные, волосы каштановые или черные.

Одежда. – Костюм Чеченцев состоит из льняной рубашки, открытого нижнего белья из хлопка или шелка, сюртука желтого, серого или коричневого цвета, пояса, шапки из овчины, суконных брюк, кожаных гетров, обуви из тонкой кожи (чефяк), дорожной обуви из толстой кожи буйвола или обуви для походов в горы. Голова побрита; бороду носят только пожилые люди.

Лезги одеваются также, но их одежда, как правило, грязная и изношенная. На высотах Лезги носят длинный овечьи шубы, с широким длинношерстным воротником, сверху надевают «бурку» или длинношерстное пальто, сапоги или боты из фетра (рис.40) вместо мягкой кожаной обуви.

В качестве оружия, мужчины носят лишь кинжал, реже саблю, карабин, грушевидной формы пороховницу, калебасу и др. (рис. 38).

Сто лет назад ингуши носили деревянные щиты, обтянутые кожей и соединенную между собой металлическими звеньями, а также короткие пики с узкой рукояткой, которые, в перевернутом виде служили опорой для ружья.

Основные детали женской одежды почти везде такие же, как у татарских женщин: широкие брюки (в зависимости от случая синие, красные или белые, как у абхазских женщин: см. Стр. 140), рубашка, халат, пояс. Чеченские женщины украшают свои красные рубашки пестрой вышивкой на груди и плечах, а края брюк обработаны

галунами. Волосы коротко подстрижены спереди; молодые девушки заплетают их во множество маленьких косичек, женщины – в две косы, которые они обертывают в маленькую шапочку, украшенную монетами и металлическими пластинами или же куском ткани; некоторые укладывают свои волосы в некоторое подобие шапочки. Другими украшениями были большие металлические или стеклянные пряжки, связанные у ушей тканью или лентой. Летом женщины ходят босиком; зимой же они носят войлочные боты и меховую одежду.

Халат лезгинских женщин в основном синего цвета, рубашка разных цветов; в низовьях у Куринцев халаты короткие, брюки очень широкие и объемные, обувь на высоком каблуке и с острым носом, что свидетельствует о персидском влиянии.

У анди, дидо, у аварцев на севере и казикумухов из украшений широко распространены большие ушные обручи с петлей посередине, которые выровнены, как у чеченских женщин. Однообразность костюма, к счастью, разбавлена разнообразием головных украшений. Женщины Анди носят на лбу бусину из ткани, сшитую и набитую ватой. Женщины Дидо покрывают свои головы длинным головным убором, в полоску сине-красного цвета, украшенного жемчугом и монетами, на лбу носят серебряные цепочки и многочисленные Е-образные пластины. Женщины аваров, касикумухов и куринцев из Арахкуле носят впереди монеты, пришитые на ткань, а на груди – нагрудник, вышитый монетами из золота и серебра, белыми металлическими пуговицами и др. У аварских женщин из Закатала есть специальный головной убор в форме ведра. Женщины Даргвы, среди прочего, обвязывают шею белой тканью и сверху покрывают тканью, красной или в полоску, конец которой спадает на спину. Женщины из Ахты завязывают на головах кусок материи – лобную повязку из бархата, расшитую золотом и серебром, с которой, как в Македонии, свисают маленькие цепочки; они коротко стригут свои волосы – молодые девушки сохраняют их только у ушей и на лбу. Помимо головных украшений

и серег, мы находим, и другие украшения: женщины Казикумуха носят треугольную подвеску на шее, браслеты из двух-трех витых нитей, а также браслеты с бирюзой в Кубатчи (Даргва), большие кольца с массивным, яйцевидной формы камнями у женщин Кури в Борче, и повсюду носят серебряные пояса вместо простых тканых поясов.

Обычная обувь, особенно в высокогорных деревнях, – это вышитые сапоги на толстой подошве (рис. 39) или боты из буйволиной шерсти (рис. 40); однако женщины иногда носят остроносые кожаные туфли.

Жилища. – В Северной Чечне, крупные деревни (аулы) были построены лишь под влиянием русских. До этого чеченцы проживали в маленьких деревушках или же на изолированных фермах. Здесь, в низине, также, как и в горах, одно- или двухэтажные дома строились из камня или дерева, а затем они белились снаружи. Жилье ингушей и кистинцев тщательно укреплялось. Каждое хозяйство окружалось высокой стеной с небольшим выступом. На четырех углах устанавливалась квадратная башня, высотой 20—25 метров, которая возвышалась над двором. Она напоминала башни Хевсуров, с седельной или пирамидовидной крышей.

Подземный этаж башни, площадью 4 на 6 метров, служил конюшней. Первый занимала кухня, которая служила одновременно и жилищем. Второй этаж, имеющий выход на балкон, служил комнатой для отца семейства. Рядом с башней располагался одно- или двухэтажный дом, обычно построенный из камня или кирпичей. В этом доме имелась обычно одна или две комнаты, с самой лучшей мебелью, которая предназначалась для гостей (p.54).

В суровом, пустынном и жестоко опустошаемом Дагестане, деревни строились более компактно, удобные для обороны, как в Македонии или в Восточной Албании. Их жилища были обставлены также, как и в этих странах.

На восточной равнине и в низовьях Самура жилище строили из глиняных кирпичей; в редких лесных территориях для постройки

жилья использовали дерево, как например, племена Антцухи у Аварцев, Куанады у Анди. И повсюду использовался камень с грубым раствором. Дома редко окружались улочками; их можно было обнаружить лишь внутри двора, обнесенного стеной. Кроме того, ни одна дверь или окно не открывались наружу. Окна располагались только лишь на внутреннем фасаде, в качестве светового освещения, которые можно было закрыть при помощи жалюзи и досок. Передний фасад дома, как на уровне земли, а также первого этажа имел открытие террасы, поддерживаемые деревянными опорами; на самом высоком этаже, комната для хранения продуктов, также часто выходила на веранду. Что касается крыши, то она плоская. Двускатную крышу можно было увидеть в соседних деревнях Закатали, изготовленную из слоя реек, сетки, песка и глины; время от времени можно было увидеть круг из камней, который служил площадкой для будущего дома. В деревне Кубачи Казикумуков насчитывалось 16 террас, следовавших одна за другой.

Первый этаж разделен на конюшню и комнату для хранений продовольствия. На следующем этаже располагалась комната для мужчин, для женщин и гостевая комната.

Сверху подвешен открытый дымоход, в котором жгли дерево и навозные кирпичи. Пол, выложенный плиткой, покрыт коврами, также как и стены; у стены располагаются настилы, служащие кроватью, сундуки для одежды, медная посуда и стулья треугольной формы (рис. 41), стулья с круглой спинкой; резные скамейки (аналоги которых встречаются в Европе) редки. Обычно люди сидят, прислонившись к стене. Женские комнаты украшены окнами с тонкой резьбой, в соответствии с модой Востока. Кувшины, тарелки, чаши из меди, глины, фарфора, стекла выставляются на полках, прикрепленных к стенам в гостевой комнате, в то время как оружие, ткани, ковры, украшают все стены. Для освещения используются светильники из сосновой древесины, маленькие масляные лампы, похожие на древние вавилонские и ранние азиатские (светильники

рис. 43). Во дворах, частично вымощенных, установлены летние кухни или просто печи, на крышах домов имелись чердаки как у горных грузин, например, в деревне Анди в Куанаде.

Сельская экономика. – Основным источником существования чеченцев является разведение овец, крупного рогатого скота, буйволов и лошадей (100 лет назад разводили также и свиней); из-за сурового климата стада овец выгоняли лишь на три летних месяца на альпийские пастбища, в остальное время года они паслись на равнине Терека. В старые времена зажиточные люди отдавали скот в аренду вместо обмена. На каждой пригодной для сельхозработ землях создавались террасы, но зерновые культуры – овес, рожь, пшеница – не успевали созревать полностью на этих горных территориях. В низовье земля более пригодна для сельского хозяйства; однако чеченцы продолжают заниматься там животноводством. Зерно молотят на водяных мельницах с горизонтальными колесами (рис. 8); вместо разгрузочного ствола, закрепленного четырьмя верхними камнями делается воронка из коры над верхним камнем. Острый камень вращается при помощи другого камня, который является его осью и служит ему пробкой.

В Дагестане также преобладает животноводство (овцы, козы, волы, лошади, ослы, буйволы), и, как и в Чечне, стада остаются на высоких пастбищах только летом. Мужчины в сопровождении с женщинами и детьми часто проводят остаток года в прибрежной части Каспийского региона или в теплых степях, где они живут в простых тростниковых хижинах.

Полевые условия на востоке и юге Кури и Даргвы лучше для сельского хозяйства, чем на западе, во внутреннем Дагестане, где террасные поля, порой крошечные, поддерживаются каменными стенами, как в Карсте Австрии и искусственно орошаются. Этих продуктов недостаточно, чтобы прокормить все население, поэтому крупы и муку приходится ввозить с равнины. Зерновые культуры (пшеница, просо, ячмень) режутся серпом и обмалываются. Анди

используют зимой замерзшую площадку, для искусственного орошения.

Рыбалка (лов форели) и охота, которую аварцы до сих пор практикуют с ястребом, чтобы поймать зайцев, фазанов и куропаток, не играют большой экономической роли, и разведением пчел занимались лишь при благоприятных условиях.

Традиционную чеченскую еду составляли лепешки из проса, кукурузной или ячменной муки, молока, сыра, лука, трав, реже пшеничного хлеба, мяса, яиц, летом – фрукты, которые растут в изобилии. Они пили много черного пива. Благодаря русскому влиянию широко стал популярен чай и использование самовара.

Лезги живут так же просто, то есть они ежедневно потребляют черный хлеб, приготовленный из ячменной муки и мучных бобов, сыра, лука. В обычное время основным блюдом является разновидность лапши (хинкала), приготовленной из пресного теста из ячменной муки, проса, проса, кукурузы или бобов, которое нарезается, затем варится и подается с чесноком, уксусом или с соленым сыром. Хлеб выпекается в пекарной яме, покрытой глиной, которая нагревается горячими углями, загружается, а затем закрывается крышкой (это предшественник грузинской печи см. Стр. 49). Зимой, в деревнях, где на равнинах пасутся овцы, едят много сушенного овечьего мяса. Обычные напитки – молоко и вода; во время праздников потребляют тонкие пшеничные лепешки, плов, мясо, сладости, например, пекмез, то есть высушенный виноградный сок, затем пьют водку, сидр или домашнее вино, реже пиво.

Домашняя экономика. Согласно предписаниям (адатам) работа делится между мужчинами и женщинами. Мужчинам приходится выполнять тяжелую работу: строить дома, рубить дрова, ухаживать за домашним скотом, резать животных, стричь овец, пахать поля, косить траву, молотить пшеницу и т. д. Женщины должны содержать дом и заботиться о детях, собирать и делать из навоза галеты в качестве горючего материала, чесать шерсть, собирать злаковые

серпом, носить воду в деревянных цилиндрах (диаметром 30 см. и высотой 60 см.) или же в красивых медных кувшинах (рис. 7: 9).

Изделия женского домашнего искусства в Дагестане: вышивка золотыми и серебряными нитями, на бархате, шелке, коже; сумки и чехлы для одежды, сотканные из той же ткани, что и ковры (palas); жесткие мешки для муки и зерна из козьей шерсти; шерстяные чулки на толстой подошве; веревки и ленты из шерсти или козьей шерсти; седла и сапоги из фетра или плотной ткани; плетеные и вязанные ковры из овечьей и козьей шерсти – у Тсахуров они были особенно с длинным ворсом; пальто без рукавов из плотной ткани у анди; тонкие и грубые, так называемые лезгинские, простыни; Андинцы, северные аварцы и Даргвы ткали простыни из шерсти овец, овец и верблюдов. Чеченские женщины также ткут ковры, войлочные одеяла и тонкие ткани для одежды (цока).

Среди чеченцев ремесленников мало; зато в Дагестане, как и в Грузии, очень много, что являлось результатом влияния персов и татар. Время от времени они выезжают на заработки за пределы региона в кавказские и русские города; так андинцы обеспечивают соседей каменщиками, плотниками, слесарями; касикумухи, у которых нет сельского хозяйства, обеспечивают ювелирами, медниками, оружейниками, жестянщиками.

Очень развиты мелкие ручные работы: у куринцев распространено изготовление шлифовальных камней и надгробий; даргвы известны изготовлением сит, мешков, веревок, пеньки; в некоторых деревнях Даргвы и Кури производили гончарные изделия (рис. 42: 4 и рис. 43); В гунибской северной области Аварии изготовляли столярные, плотницкие изделия, производили седла для лошадей. Ложки, подставки для ложек, контейнеры для муки и соли и другие емкости (Рис. 42: 5 и 6) вырезаются в нескольких населенных пунктах Даргва, Авар, Анди и Кури. Музыкальные инструменты изготавливаются в Кайтах (Даргва), деревянные инструменты, инкрустированные латунной и никелевой проволокой – на севере Аварии. Кожевенное производство, производство обуви и меха распространены в области

Гуниб (Авар), Даргва, Лак и Кури. Кузнецы (Рис. 42: 1—3) и жестянщики встречаются в основном среди лаков и реже в Гунибе и Анди.

Ювелиры встречаются во многих местах; но главным центром ювелирного ремесла является округ Кайтаго Табасаран. Там производят ремни, застежки для ремней, кольца, мундштуки, набалдашники для трости, ножны для кинжалов, сабли, пистолеты, украшения, инкрустации в роге, на слоновой кости, перламутре, стали, литейные работы и т. д., которые также были внедрены в России. Оружейники Кубатчи когда-то пользовались большой известностью (на татарском Кубаджи, по-арабски Сарахкаран = оружейник, их собственное имя – Аугвуган, Угбук армянское название древних албанцев: Агофан). Они уже упоминаются в шестнадцатом веке. Даже сегодня лезвия и винтовки производятся в этом регионе, а также в нескольких других деревнях Даргвы, Лака и Авара, но это ремесло пришло в упадок в связи с прекращением войны с русскими. Клинки (Рис. 33 и 35) ввозились в огромном количестве в Россию, а лезгинские ружья, как считалось, были лучше российских, хотя и изготовлялись из старого закаленного металла.

Находки древних европейских клинков в Венгрии, Золингене и др. породили легенду о том, что первые оружейники пришли из Европы (Франция: страна франков, французы), из Турции, хотя способ обработки металла и мотивы орнамента имеют персидско-татарское происхождение; фигуры, украшающие старинные предметы и сооружения, также говорят об их персидско-татарском происхождении.

Транспорт. – Перевозка товаров в этой восточной части Кавказа очень затруднена из-за извилистых дорог и чрезвычайно крутых склонов. До большинства мест в высоких горах можно добраться только по узким тропам для зверей, которые часто, как в Албании, ведут вдоль крутых скалистых хребтов.

Помимо нескольких старых каменных мостов персидско-татарского происхождения в Восточном Дагестане существует два

вида деревянных мостов: мосты из двух-трех балок, горизонтальные мосты посередине и крутыми склонами с обоих концов и балюстрадами из столбов, для наездником и пешеходов. Также возводятся мосты с перпендикулярными столбами, настил для которых изготовляют из брусьев.

В качестве транспорта для перевозки грузов и людей используют лошадей; на равнине используют волов и буйволов, запряженные двухколесными повозками, имеющие решетчатые стены и крышу; извозчик у дышла. Из-за отсутствия мостов колеса имеют очень большой диаметр и множество спиц; колесные диски состоят из нескольких частей (в России они состоят из одного) и, как правило, очень широкие.

Общество и семья. – У чеченцев, так же, как и у лезгов нет классового разделения. В прошлом они брали военнопленных, которые, однако, могли стать полноценными жителями, вступая в брак или получив свободу. Чеченский народ (нахче) делится на племена или общества (тейп), и которые делятся на села (аулы), фамилия которых совпадает и происходят от одной большой семьи. Старейшины имеют огромное влияние в общине и в семье; они управляют соответствии с адатами и религиозным законом (шариат). К ним относятся с большим уважением. Так же и в семье к отцу относятся его дети, потому что гнев отца может быть достаточным для самоубийства сына.

Заключение брака также производится в соответствии с правилами закона. Похоже этот закон не сохранил многих старых обычаев. Обычно, мужчина берет только одну женщину и платит скромную цену за выкуп, будучи принятой девушкой и ее отцом. У аварцев каждая молодая девушка имеет право выбирать мужа по своему желанию; она идет к нему домой, и он должен жениться на ней. Похищение девушек практикуется у андинцев, но это происходит достаточно редко.

У дидойцев существует особый обычай: двое друзей жениха входят в дом девушки, бросают ей овечью шкуру на голову, а затем

тащат ее на улицу, где люди брызгают ее грязью, до самого дома жениха. Еще один обычай продолжает культивироваться у Анди Тинди: невеста едет в сопровождении женщин и вооруженных мужчин, которые несут высокие факелы, навстречу жениху; жених идет им навстречу, сопровождаемый идентичной процессией. Когда два конвоя встречаются, то имитируется бой; они путаются взять друг друга в плен и дерутся при помощи факелов. Тем временем подруги невесты с женихом, везут ее к нему в дом. Затем он возвращается с двумя друзьями, которые играют роль охраны (стр. 152) и должны дать реальный бой доверенному лицу.

Дидо в прошлом также женились на кровных родственниках и имели тот же обычай, что и великие русские, обычай, который все еще существует у куринцев в Куруше: отец женит своего несовершеннолетнего сына со взрослой девушкой, с которой он, отец, сам живет; у большинства сыновей дети, принадлежали на половину сыну, и наполовину отцу. У ингушей, старший сын, после смерти отца должен был получить в наследство всех его жен, за исключением его собственной матери.

Женщина не носит покрывало; к ней хорошо относятся и она обладает полной свободой; она имеет свое приданое, которое она получает в наследство и может сама передать его в наследство. Процедура развода очень проста; муж произносит его, или женщина сама убегает в дом своих родителей. Женщины аварцев очень восприимчивы, поэтому в случае неверности мужа жена может убить его, и наоборот, муж может убить виновную женщину своим кинжалом. Соблазнение оплачивается кровью (см. Стр. 90); однако, часто случается, что муж соглашается на урегулирование сложившейся ситуации.

Детей часто очень долго кормят грудью, до пяти или шести лет. Подлинные чеченские имена еще не носили мусульманский смысл; мужские имена относятся главным образом к животному миру: волк (борс), медведь (чеборс), заяц (пагал), орел (эрсоу), сокол (лег), голубь (хокчи), собака (по), свинья (хака); женские имена: цветок (дзиезок),

ангел (малейка), тот, который ездит на телёнке (асир-фахара), который ездит на собаке (осали-фахара).

Смерть. – Погребения практикуются сегодня по мусульманским обычаям. Раньше же, чеченцы хоронили умерших, одетых и вооруженных с ног до головы, с ними клали три хлеба и водку; умершего несли на лошади также как и у черкесов (стр.159—160), и женщины оплакивали его в течение недели. На следующий день после похорон устраивался «праздник погребения», на который приходили все родственники и знакомые. Люди верили в то, что все это получат мертвые. «Праздник поминовения кровати» отмечался намного позже, когда умерший имел право покинуть свою кровать. Этот праздник сопровождался стрельбой и скачками. Четыре лошади приносились в жертву умершему и его предкам. Этот «праздник поминования» отмечался через два года, а через четыре года траур прекращался для вдовы, которая могла вступить в повторный брак. Однако, поскольку вдова все была еще собственностью умершего, то его родственники требовали тело вдовы после ее смерти, поэтому она могла быть похоронена со своим первым мужем. Никаких памятных торжеств для женщин и девушек не проводилось.

Надгробные камни возводятся над могилами, покрытыми плитами и досками. Могилы борцов за веру являются священными и обозначены высоким шестом из дерева с красной или белой лентой. Над могилой возвышается холм. Ингуши и Лаки по древнему обычаю обычно складывают камни в кучу в форме холма и возводят искусственный камень с человеческий рост. В шестнадцатом и семнадцатом веках мертвых укладывали в погребальных сооружениях в форме конуса или хижине (каш) размером 4 на 4 метра и высотой от 8 до 10 метров с двумя-тремя рядами световых люков; там их размещали на каменных скамьях, прикрепленных к стене, оставляли им еду и всевозможные инструменты. В дополнение, к погребальным домам, принадлежащим покойникам из уважаемых семей, во многих частях Чечни строили прихожую и куполообразную крышу, которую,

строили и западные осетины. Некоторых погребали в горах под землей.

Вероисповедание – Ислам уже прочно укоренился в Дагестане в конце 18-го века, в то время как он только начал проникать в Чечню, христианизированную в IV веке. Предположительно христианство проникло сюда из Грузии. Только в 18 веке чеченцы вернули его к кумыкам и Кабарда, и в девятнадцатом веке они, как и их соседи стали ревностными защитниками веры вместе с Кази-Муллой и Шамилем в войне против России (до 1859 года).

Среди них было два ордена дервишей (тарикат): Нахчубенди и секта кунта, основанная в девятнадцатом веке муллой Кунта-Хаджи. Они носят амулеты, четки, обнимаются, молятся вслух (зикра), образуют цепь во время своих молитв, хлопают в ладоши, повторяют долго, ускоряя ритм: «Illahkä il Allakh» (= нет бога, кроме Аллаха) и вращаются по кругу, входят в транс, до потери сознания.

Мечети (määbed) Дагестана похожи на мечети Персии; в Чечне они не отличаются от обычных домов и не имеют минаретов; мулла (будун = муэдзин) призывает к молитве с крыши или перед мечетью.

Лесгинцы и чеченцы добросовестно выполняют внешние атрибуты ислама, они умываются и моются до пяти раз в день, они отдают милостыню, совершают паломничество в Мекку, чтобы совершить «Хаджи». Поскольку у аварцев нет мечетей, они читают свои молитвы у скопища камней (2 на 3 метра и 1 метр в высоту), которые они возводят возле источника или ручья. Они совершают паломничество к могилам святых (pirkend); Например, женщины из Кури и Уда посещают гробницу Сулеймана в Лиге, чтобы просить о многочисленном потомстве.

Немногие христиане, такие как Оуды, проживающие в Нихе, являются армяно-грегорианами. В Дагестане не осталось старых церквей; но они встречаются в большом количестве в Чечне. Лучше всего сохранился Тхаба-эрда (= святой 2000) около Пуи в долине Асса; Она имеет 15 метров в длину, вестибюль с колоннами и украшен скульптурами относящимися к грузинскому искусству. Еще

сто лет назад ингуши посещали его ежегодно во время паломничества и приносили в жертву животных, убитых старейшим священником (цанисаг); после праздничной трапезы мозг и кости приносились в церковь. В июне они отправились в пещеру в высоких горах, недалеко от деревни Вапила, в долине Ассы, где был возведен железный крест. На День всех святых и Новый год, который предшествовал трехдневной христианской дате, они отправились в старую церковь в селение Мецхал, чтобы принести в качестве жертвоприношения винтовки, пули и свечи. Кистинцы также устраивали жертвоприношения, посвященные святым Георгию и Марии (см. Стр. 129). Чеченская неделя, которая начинается с воскресенья (khyroudé, греческий кириос = Господь), также имеет христианское происхождение; другие дни называются «первый день», «второй день» и т. д., и суббота.

Кажется, что у Лесгов практически не осталось отпечатков от их доисламской религии, и среди чеченцев традиции, связанные с миром богов и религиозным культом исчезают вместе со стариками. Они всегда обращаются в своих молитвах и жертвоприношениях, даже если они изначально предназначались для других богов и духов, Создателю мира, Отцу богов (Деле, Дала). Бог грома (Сели) сыграл большую роль; его дочь (Сели Сата) была покровительницей девственниц; то же самое было и с богиней солнца (Делой Молк), со своей матерью Асой, чьи поклонники следили за местом, откуда она поднимается, и куда также направлялись их молитвы, в то время как луна и звезды были менее почитаемы; то же самое было с «Матерью бурь» (Дарда-нарильк), из которой семь сыновей (Дарда-Куанглих) полетели в небо, где они находятся по сей день (Большой Медведь). Также существовал и хозяин леса и дичи (Эльта), имеющий только один глаз, которого Лесги знают под арабским именем Абдаль (= Слуга Бога). Другими богами природы были: «Мать Воды» (Хи-нана), Защитник зерновых, и пива и водки, которые из них производились (Мелер-Эрда); бог войны (молзи-эрда). Существовали еще и некоторые другие

божества, пользующиеся общим почитанием, и которым приносили жертвоприношения в виде скота, хлеба, пива, воды, свечей, золота, драгоценных вещей: Тачол, особенно почитаемая женщинами, Миср, Амгали-эрда на горе Арц-хои, Тамых-эрда на «Красной горе» (Будур-лам в Ингушетии) возле села Хули, Мятсели на горе Метты, но личности этих божеств больше не могут быть уже узнаны.

Культ душ предков оставался живым до последнего. У каждого крупного рода, а также деревни, племени имелись свои особые защитные духи (эрда, цоу по-ингушски). Чеченцы считали, что сама душа человека, его «существо» (тарам) продолжало жить после его смерти (тарам), до тех пор пока сила жизни погибала вместе с телом; но душа уходила на запад под землю, в запредельное (Дели-Алли), где она встречалась с душами мертвых его семьи. Они также признавали браки после смерти, где отец умершего юноши никогда не откажет в просьбе отцу мертвой девушки, поженить их детей, даже если первый должен был заплатить высокую цену за помолвку.

Чеченцы заимствовали из христианства и исламизма понятия ада (джоджахет), рая (ахерет) и компенсации за добрые или злые дела, совершенные в этом мире (делимахли). На небесах для каждой души есть деревянный скелет, который начинает качаться и покрываться плотью, как только тело умирает, и душа начинает подниматься по лестнице, чтобы подняться на небеса; здесь она оживляет тело, предназначенное для нее, но которое, в соответствии с поведением на земле, прекрасно или безобразно. Представление добра и зла, добрых или злых духов (джинов), направленных к человеку и дьяволы (шайтаны) приняты в Исламе, в то время, как дьяволы и лесные женщины (алмас) имеют местное происхождение.

Душа предков оберегала (Сели) семейный очаг, и каждая среда (Кер-Сели) была посвящена ей. Очаг с котлом, крюком, цепью, огнем и пеплом – все это было священно. Покидая дом своего отца, невеста торжественно рассталась с ним. Убивший кого-либо человек, как и у албанцев, получал защиту хозяина дома, как только тот коснется цепи котла, даже если это было дом крупного вражеского рода.

Клятва на душах предков считается самой священной. Во время раздела земли и установки границ, месть устанавливалась против того, кто нарушил свои обязательства. Человек, который был обижен небрежным должником или подозревал кото-то в воровстве, угрожал застрелить собаку у могилы их предков, если первый не заплатил, и если последний не был оправдан клятвой.

Святилища (**эльгит)** служили для поклонения богам и предкам, также как и небольшие хижины, напоминающие дома мертвых (каша), с одной или двумя дверями на восток и север, в котором рога, рога и белые знаки отличия (богатство) были размещены в качестве подношений. В долине Хамхи жертвы также приносились на кладбищах у квадратных каменных колонн; на восточной сторон этих колонн были вырезаны ниши: тот, кто молился там, склонял свою голову в эту нишу и ставил свечу. Представители крупных родов приходили раз в год молиться к святилищу, принося овец, пиво, воду – особую праздничную еду (тэгум) и хлеб, один из которых должен был быть треугольным, который затем вместе сьедали.

Священники жертвоприносители (цани-саг) назначались пожизненно у ингушей, По традиции они принадлежали к крупному роду. Они также занимались толкованием снов и будущего. Если кто-то оскорбил божество, они определяли при помощи заклинаний – три палочки, брошенные ложкой, – жертву искупления. Помимо священников, там были прорицатели (**дзырык)**, которые ночью в святилище прикладывали ухо к земле, чтобы услышать сообщения божества. Провидцы использовали для своего искусства овечьи кости, зеркала, камни и подобные предметы.

В качестве защиты, куринцы пришивают амулет на спину своей одежды, а Андинцы пытаются вызвать дождь так же, как балканские народы: девочку, покрытую листьями и рогами, проводят по деревне, в то время как сопровождающие ее лица, вымаливают в песне дождь. Затем все омываются в реке и приносят в жертву овцу. Злой дух, вызывающий головные боли, изгоняется при помощи отверстия, сделанного ножом в черепе пациента (трепанация). Подобно

осетинам, абхазам и черкесам, человек пораженный молнией, приносил в жертву животное тому, кто вызвал смерть, богу грома: обычно корову, кожа и голова которой подвешивались к шесту.

Мало что известно о более старых правовых обычаях, чем предписания обрядов и религиозных обрядов (адат и шариат). Месть по-прежнему осуществляется аварцами.

У ингушей, как упоминалось выше, сто лет назад собака играла роль, что и у осетин и хевсуров, когда человек хочет что-то получить от другого. Должник или человек, обвиняемый в краже, клянется на священной скале (Йерде), куда были принесены кости и собачьи фекалии, и признает, что его предки должны были нести до предков-обвиняемых на своих плечах, до тех пор, пока они не признают правду.

Если большое количество коренных жителей умеют читать и писать, то они обязаны этим Исламу. Мальчики и девочки учатся читать Коран и писать на татарском, потому что это язык межплеменной жизни в Восточном Дагестане, как и язык аварцев в Западном Дагестане.

Игры и танцы. – У ингушей мужчины когда-то танцевали друг с другом, либо в одиночку, в рядах и кругах в сопровождении факелов, волынок или свистков; Точно так же женщины танцевали друг с другом, а мелодию исполнял слепой музыкант. Танец Лесгинцев, который был принят всеми народами Кавказа, символизирует завоевание мужчиной испуганной женщины, которая убегает от него; танцоры беспорядочно двигают головами и руками, держат тело как можно прямее, а ноги выполняют маленькие, очень быстрые шаги. Танцы с оружием также практикуются: один человек танцует между кинжалами, посаженными в землю, или он держит их в руках и показывает свое мастерство в обращении с ними. Во время танцев музыка сопровождается барабаном и кларнетом, песни сопровождаются гитарой (тара на аварском языке) или скрипкой (чуандурки на чеченском языке), оба с двумя или тремя струнами.

Составитель
М. М. Мурдалов

Кавказ и Чечня — обозрение европейских ученых

Kaukasus und Tschetschenien. Ein Überblick der europäischen Wissenschaftler

Примечания

1

Eine landeskundliche Studie über den Nordostabhang des Kaukasus ist in Vorbereitung.

Вернуться

2

Näheres darüber enthält mein Aufsatz in der Zeitschrift «Osteuropa» 1928, Heft 10: «Vom kulturellen Leben in den kleinen Autonomen Gebieten des Nordkaukasus».

Вернуться

3

Der in der Literatur gebräuchliche Name «Pirikitelische Kette», ein Wort georgischer Herkunft, ist am Nordhange des Gebirges vollkommen unbekannt. Der tschetschenische Name, der in dieser den Tschetschenen gewidmeten Arbeit allein verwendet werden soll, lautet «Basch-lam» (lam = Berg, Gebirge).

Вернуться

4

Russische Bezeichnung für das Gebiet der Tschetschenen.

Вернуться

5

Russ.: «Ingušija». Dies ist die vom Inguschen-Institut in Wladikawkas neueingeführte Bezeichnung. Bis dahin bediente man sich gewöhnlich des georgischen Wortes «ingušeti», d. i. Ingeschenland, russ.: «ingušetija», Inguschetien.

Вернуться

6

Einheimischer zweirädriger Karren.

Вернуться

7

Die Batser wohnen in den Gemeinden Sagirta und Indurta in Tuschetien. Ferner gibt es tschetschenische Niederlassungen am kachetischen Alasan nahe der Alwanischen Ebene; es sind die Gemeinden Oberß und UnterßPankis. (Merzbacher, Lit. Verz, 28, I, S. 209).

Вернуться

8

Auf Grund einiger Linguistischer und ethnologischer Erscheinungen z. B. Spuren früheren Matriarchates, glaubt Jakowlew die Tschetschenen mit den Gargaräern, Jasamaten und Sauromaten der alten Schrifsteller in Verbindung bringen zu können. (Lit. Verz. 19).

Вернуться

9

Nach Jakowlew ist die Sage aus dem Daghestan übernommen und entspricht genau der Familienüberlieferung der Schamchale von Tarki.

Вернуться

10

Eine andere Karte stand mir leider nicht zur Verfügung.
Вернуться

11

Unter Kindern bemerkte ich dort einige auffallend jüdische Gesichter, Abb. 10.
Вернуться

12

Ähnlich deformierte Schädel aus dem Gräberfeld von Samthawro (bei Mzchet, nordwestlich Tiflis) veröffentlicht Chantre Bd. II. (Lit. Verz. 7)
Вернуться

13

Dieselbe Anordnung erwähnt Merzbacher von den Wohntürmen der Swanen (Lit. Verz. 28; Bd. I, 444).
Вернуться

14

Nähere Beschreibung s. S. 108.
Вернуться

15

Den Namen Waserkel für die Totenhäuserkolonie in Maisti erfuhr ich von einem tschetschenischen Polizeibeamten in Scharoi, d. h. also nicht am Orte selbst.

Вернуться

16

Die letzteren wurden mir von dem deutschen Architekten Herrn Plinatus, Petrowsk, freundlichst zur Verfügung gestellt, der sie an Ort und Stelle gesammelt hat.

Вернуться

17

Manche Pagoden gleichen in ihrer Dachkonstruktion vollkommen kaukasischen Totenhäusern oder Wehrtürmen, so z. B. die Fünf-Turm-Pagode und die Marmorpagode in Peking (vgl. Ernst Boerschmann: «Baukunst und Landschaft in China». E. Wasmuth, Berlin, 1926, S. 7, 19 u. 64).

Вернуться

18

Die Höhe der Türme dürfte Merzbacher wohl etwas überschätzt haben.

Вернуться

19

Nach einem Gemälde von Ernst Platz, veröffentlicht bei Gerbing: «Das Erdbild der Gegenwart» Bd. II.

Вернуться

20

Eine andere Reproduktion aus dieser Sammlung, ebenfalls Siedlungen italienischer Missionare betreffend, veröffentlicht Baumhauer (Lit. Verz. 2, S. 55). Auch darauf sind hohe Holztürme zu erkennen.

Вернуться

21

Oder Kerasund, zwischen Trapezunt und Samsun. (Anm. des Verf.).

Вернуться

22

Trägt doch auch im Altertum das östliche Transkaukasien den Namen Albanien.

Вернуться

23

Abb. 39—44 bei Nopcsa.

Вернуться

24

Im südlichen Taygetos (Peloponnes). Anm. des Verf.

Вернуться

25

Nach Ansicht von Herrn Aschajew, Grosny.
Вернуться

26

Wenn möglich, benutzt man zum Waschen die häufig vorkommenden alkalischen Quellen.
Вернуться

27

Dabei muß allerdings die ungewöhnliche, in Sowjetrußland allgemein herrschende Teuerung für Industriewaren berücksichtigt werden, der sich auch die Preise für hausgewerbliche Erzeugnisse angepaßt haben.
Вернуться

28

Талайоты – мегалиты бронзового века на островах Менорка и Мальорка. Относятся к концу 2 тысячелетия – началу 1 тысячелетия до новой эры. На островах найдено не менее 270 подобных мегалитов. Хронологически предшествуют таулам, которые обычно находятся поблизости.
Вернуться